

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

122

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 122

TRIMESTRIEL

III-1977

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: В. Аллой (зам. ред.), К. А. Ельчанинов, прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов.Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шеман, прот. Иоанн
Мейендорф, прот. Кирилл Фотиев, М. Гизетти, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условн		5,— \$
с целью		10,— \$
цена о	666	7,50 \$
чеки в		
Под		кный

РУССК

ЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

122

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

838

Пр. 2004г.

ОТ РЕДАКЦИИ

К 60-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

...Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.

Максимилиан Волошин.

Еще один юбилей октябрьской революции! Но между 50-летием и 60-летием произошли значительные перемены. 10 лет назад, несмотря на разоблачения периода десталинизации, СССР пользовался еще значительным престижем... С тех пор подавление танками пражской попытки «коммунизма с человеческим лицом», слово А. Солженицына и мужественное свидетельство А. Сахарова и всего освободительного движения окончательно разрушили миф «советского рая» или, проще, годности советской системы. Когда французское население опрашивается, какая политическая система наиболее желательна, лишь 1% высказывается в пользу Советской России при наличии больше 20% голосующих за французскую компартию.

Через 60 лет после революции, наконец, стало ясно почти всем, что советский опыт — катастрофическая неудача. И это выкристаллизовавшееся мнение позволяет надеяться, что 70-летие или 75-летие революции (история медленна!) будет в России уже не праздноваться, а отмечаться траурным поминанием «миллионов, убитых задешево»... Ныне уже рутинное, казенное, подневольное празднество становится поминовением того лучшего, чем была когда-то жива Россия, что было растоптано и выкорчевано

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАЛИЦЕВСКАЯ Д. 2
кв. 666

© Copyright Le Messenger. Paris 1977.

и что придется воссоздавать кропотливыми усилиями многих поколений...

Советский опыт развенчан, но парадоксальным образом марксизм, его породивший и узаконивший, пользуется в мире небывалым, рационально необъяснимым успехом. Несмотря на провал всех марксистских систем (в Китае, на Кубе, в Камбодже и т. д.), в которых, как правило, умерщвляется всё живое, социализм остается земной утопией, земной религией многих... И тут выступает та «западная историческая школа», о которой говорит в своем письме читателя А. Солженицын, — модное в наши дни мнение, приписывающее провал коммунизма в России (об остальных опытах еще не успели задуматься, начинают) не изначально порочным основам учения Маркса, а русской «отсталости» и русскому «варварству». Эту интеллигентски левую попытку спасти социализм за счёт русского характера или русской истории редакция «Вестника» считает в корне порочной и несостоятельной. Однако, она сохраняет за собой право, ради широты и свободы, необходимых как воздух для всякого печатного органа, давать место и суждениям, отклоняющимся от четко обозначенной линии журнала.

Вопрос «кто виноват» следует для большей ясности расчленить на два различных вопроса. Один — исторический: кто виноват в том, что первая из цепи социалистических революций произошла именно в России? Второй — общий, социально-философский: почему социалистические революции оборачиваются всюду, не только в России, звериным ликом?

На первый вопрос не может быть однозначного ответа. Размышляя над победой Александровской крепостнической России, одолевшей Наполеона, Пушкин вопрошал:

«кто помог?...
Зима, Барклай иль русский Бог?»

Такой же ряд вопросительных ответов мы можем обратиться и к русской революции. Что ей содействовало? Непосильная и чуждая народу война? Запоздалость политических реформ? Закоснелость государственного аппарата? Разрушительная деятельность интеллигенции, десятилетиями подтачивавшей основы, на которых зиждется самостояние человека? Презрение и безразличие Запада? Наличие гения зла — Ленина? и т. д. и т. д.

Второй же вопрос не имеет непосредственного отношения к русской проблематике, и ответ на него — один. Социалистическая революция обернулась зверем, как провидел Достоевский, не в силу русского характера, не более жестокого, чем другие, не как итог русской истории, не более кровава, чем истории других европейских народов, а по внутренней логике собственных чисто западных и чуждых России ядов.

Наиболее проницательные умы на Западе начинают это прозревать. В этом основная заслуга движения т. н. «новых философов». Недавно один из них, Андрей Глюксман, без обиняков объявил по французскому телевидению:

«Сейчас во Франции идет спор: откуда ГУЛаг? Г-н Элленштейн, заведующий идеологией во французской компартии, заявляет, что ГУЛаг — проявление отсталости русских, мол, русские не были достаточно западным народом. Социалист Агтали, помощник Миттерана, ему вторит: ГУЛаг это — азиатчина. А вопрос вот в чем: русские ли крестьяне придумали ГУЛаг или русских крестьян заперали в ГУЛаг во имя западных идей, во имя идей, которые пришли от нас? В моей книге я показываю, что Германия и была тем унавоженным полем, где проросли эти идеи...»

Такого рода высказывания предвещают, что модная школа, играющая на антирусских настроениях, чтобы спасти от крушения социалистическую идею, постепенно выявит свою несостоятельность и сойдет на нет.

Никита Струве

Многоуважаемый Никита Алексеевич!

Постоянный и последовательный читатель «Вестника», я не нахожу ныне другого чтения на русском языке, которое давало бы нам такую высокую духовную вертикаль, такую глубину при рассмотрении вопросов. Но тем более я не могу не выразить огорчения, что в трактовке России и её истории журнал иногда пассивно поддается чужим опасным промахам, не заботясь оттенить и отделить свою точку зрения.

Повсюду набивает нам уши та проворная *школа* западной мысли о России, которую основал, пожалуй, беспечный турист маркиз де-Кюстин и горячо укрепляла пристрастная революционная эмиграция. Убогая схема: представить русскую историю беспросветной тиранией на трёх китах Грозный-Пётр-Сталин, обронив и все области свобод (иногда вековых, иногда на территории больше пол-Европы) и все религиозные, духовные и общественные движения. Кажется, нигде при изучении новейшей истории к рассмотрению не привлекаются Людовик XI, Генрих VIII, Медичи или Борджиа — по отношению же к России такой метод чрезвычайно популярен. Прямолинейность трактовки сманивает немало западных учёных, приступающих к изучению русской темы. Такая теория очень модна сейчас и среди части 3-й эмиграции — у тех, кто ищет, кого бы крепче обвинить в своём отъезде, и так повторяет эмиграцию пред-революционную, с которой как раз куда как тесно, и лично и причинно, смыкаются Ленин-Троцкий-Сталин. Казалось бы: не плодотворнее ли выяснить, каким образом в них перетекло целое столетие так называемого «Освободительного Движения», от декабристов до февральской революции, нежели плести из XVI века? Увы, мне приходилось убеждаться в распристранённом невежестве московской интеллигенции в области истории 90-х — 900-х — 10-х годов, этот период или вовсе провалился из всеобщего рассмотрения или отдан на откуп пар-

тийным пропагандистам. Так только и могла у нас произрасти целая плеяда нетерпеливых молодых людей, которые поспешны в громких выводах о русских революциях, никогда не изучав их фактической основы.

Но мне больно видеть, что и Ваш журнал в неожиданных формах, безучастностью публикаций, платит дань этому направлению. Не ошибусь, что начиная с густого № 97 не было почти ни одного номера, в котором бы не прорывались голословные, уничтожительные, бранные, часто ненавистные замечания о России и русской истории, никогда не оговоренные, не уравновешенные, не опровергнутые редакцией.

Не листая уже сейчас всех номеров, приведу примеры из четырёх последних.

№ 118, трактат Безансона, со стр. 191. Подозрение, что русский народ в целом упивается имперским состоянием (особенно, в крепостном колхозном, надо ж его вообразить!) «Россия была старшей дочерью ленинской идеологии» (первой и самой крупной жертвой её), «её главным инструментом» (при отборных красных войсках из интернациональных бригад). «Политика интенсивной русификации» (акад. Шафаревич показал, что это — «советификация на русском языке», убившая русскую культуру в первую очередь). «Русские составляют привилегированные общины» — стыдно даже произносить. «Русские — стареющий, охваченный демографическим застоём народ». (Если так — то уж черты жертвы.) Откуда-то фантастическая цифра — 50 тысяч политических в *тюрьмах* 1913 г. (Редко в какой губернии февральская революция обнаружила 10 человек, а губерний было 50.)

№ 119, у него же, стр. 177. «У России традиционные дарования: Россия обманывает и лжёт» — это из Мишле, не большего знатока России (отвечал и ему П. Б. Струве), а затем и от автора: «традиционная русская ложь» (183). И — ни слова от редакции.

В № 120 журнал приводит, для юбилейного почтения Волошина, его статью о Крыме в советском сборнике 1925 г. Прежде всего: советские издания современников как правило не аутентичны — или сам автор правит себя для цензуры, для господствующего направления, или редактор. 1925 год — разгар русо-ненавистничества и разрушения русской культуры, и отсюда журнал некритически черпает нынешнюю публикацию! Да кни-

ги тех лет кишат облыганием России и русской истории, следует тому и статья Волошина (вообще очень интересная). Что Крым систематически сжигал и разорял Москву — обойдено как мелочь, но вот: русские в Крыму оказались хуже сарматов, готов, гуннов, печенегов, они, оказывается, разрушили Крым и даже выморили его население туберкулёзом! В советском сборнике можно всё написать, но «Вестник»-то знает, что Крым с его мечетями и аулами цвёл и благоденствовал к моменту революции, его беды начались в конце 20-х, а расправился с ним Сталин, так отчего ж бы и не оговориться, памятуя множество ваших бесправных дальних читателей? Даже комичные обвинения Волошина — что новые русские постройки не сравнимы с античными (будто сегодня в Италии и Греции строят дачные комплексы иначе) — тоже навешивается на русскую бездарность.

В № 121 — письмо Леонтьева, помнится — первое и единственное на страницах «Вестника» за много лет. И в нём читаем (344): «А способна ли к творчеству русская и вообще славянская кровь!», «из этого подлого славянского места» (России), «всё лучше этой скверной славянской отрицательной крови, умеренной и средней во всём, кроме пьянства и малодушия», «Россию как племя решительно начинаю ненавидеть». Конечно, это — Леонтьев. Но хотя бы и пере-Леонтьев, — вот такое место, будь оно о какой-нибудь другой «крови» — осмелился бы журнал напечатать, не огорожаясь никаким примечанием? А на Россию — давно и всем разрешено плевать неограниченно, никто никогда не заступится, не опасно, и ветер попутный, да эвон какая громадина, не пропадёт.

Так как эта струя протекает и во многих Ваших номерах, я хочу обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: высказать определённо и Ваше мнение по этой веренице противорусских обвинений, а в будущем — рядом с любым заблуждением, недостаточным знанием, недобросовестностью или пристрастностью — указывать и свою же грань. Я потому не удержался написать это письмо, что представляю себе обиду сотен безвестных молчаливых читателей на родине, не имеющих возможности публично возразить.

Пользуясь оказией, несколько слов и по другому поводу. Я не предполагал никак отзывать на ответ мне о. Александра Шмемана. Но поскольку «Вестник» из номера в номер печатает односторонние отклики, — вынужден сказать несколько

слов, чтоб не создать ложного впечатления своим молчанием. Ответ о. Александра не удовлетворил меня и очень огорчил. Не удовлетворил потому, что вопрос об установлении автокефалии Американской Церкви, по которому он как раз мог бы дать нам несравненно авторитетные и убедительные объяснения, в письме вовсе обойден. Огорчил же потому, что письмо оказалось не ответом мне — а новым укором старообрядчеству. Как будто мало было разъедающей соли на этой трёхсотлетней ране, чтобы теперь, когда появились первые надежды примирения, сыпать новую соль. А ведь никакого выхода, кроме покаяния и примирения нет, и старая церковная вражда заслоняет нам вход в церковное будущее.

Александр Солженицын

Сентябрь 1977

Богословие

О. А. ИЛЬИН (†)

МЫСЛИ О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ*

О ПОКАЯНИИ.

Основа Евангелия — покаяние, т. е. изменение себя, оставление греха и истребление его.

Наш ум, как паутиной, омрачен ложью, а всякая примесь лжи запрещает нам соединение с Господом.

Наш ум должен стать умом Христовым, сердце должно очиститься и исполниться любовью. Тогда оно будет живым храмом Господним.

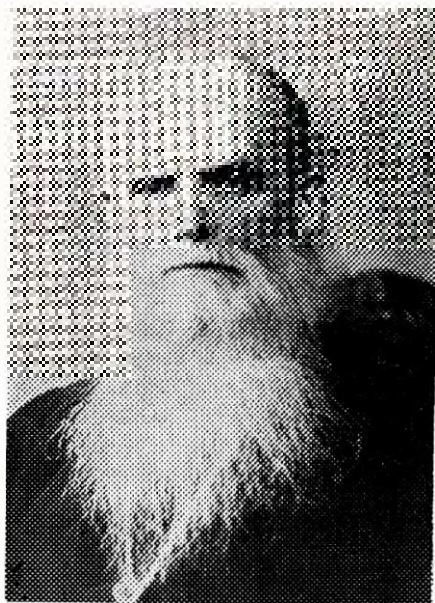
Воля тоже переродится, т. е. наша воля должна согласоваться с волей Божией в доступной нам мере.

Покаяться — это повернуть свою жизнь, очистить ее и соединиться с Господом в причастии.

Покаяться — значит **исправиться** — это дело Божией благодати.

Путь к покаянию — желание исправить свою жизнь.

Цель покаяния — смирить гордость, поставить все на свои места.

Свящ. Ильин

* Из самиздатской рукописи.

ОБ ИСПОВЕДИ.

Исповедь слагается из трех моментов:

1) **Познание греха:** для этого необходимо зеркало, зеркалом являются заповеди. Новозаветные заповеди являются дополнением к ветхозаветным.

2) **Исповедание греха:** прежде всего надо найти главную страсть или бороться с той, которой в данный момент нас борет враг. Страсти между собой связаны как кольца цепи, поэтому в какой мере будет ослабевать основная страсть, будут ослабевать и остальные страсти.

3) **Скорбь и желание исправить свою жизнь.** Главная сила в исправлении — благодать, но она действует через человека. Силы кающемуся для борьбы с дьяволом даются через духовника. Поэтому, если человек не раскрывает духовнику своего греха, его борьба бесполезна, т. к. безблагодатна.

Грехи наши очищаются кровью Христа.

Исповедь — только часть, а главное — это путь исправления.

О ПОЗНАНИИ БОГА.

Бог открыл Себя в творении Мира. В творении, как в зеркале, отражается сила Божия.

Бога видеть мы не можем, но мы можем видеть Его в Его проявлении — в Мире.

Истинным состоянием человека должно быть состояние поверженности, тогда Господь вселяется в сердце человека (смиренное сердце).

Люди, которые не отрешились от разума падшего, пропитанного ложью и мраком, не в состоянии познать Бога.

Мир — это капля воды, в которой отражается Солнце — Господь, неизмеримое Его величие.

Люди же земными мерками меряют дела Божественные и потому так страдают.

Все наши попытки познать дела Божии — это только стремление приблизиться к Богу.

Когда они встанут на точку смирения, то эта тягота станет легкой, она станет искрой, зажигающей любовь.

Человеческим помраченным разумом хотим мы познать существо Божие и дела Его, а не всем своим существом — ЛЮБОВЬЮ, СЕРДЦЕМ и ОЧИЩЕННЫМ РАЗУМОМ.

Три ступени служения Господу:

- 1) всякое земное служение ближним (труд, милостыня, помощь); (подавать милостыню и не надеяться на свои деньги; мера нашей милостыни — хлеб с воза брошенный в нищего — история Петра Мытаря).
- 2) духовное служение ближним (молитва о них, слово Божие);
- 3) терпение в скорбях, искушениях, болезнях.

О ВЕРЕ.

Вера — это внутренний глаз. И этот способ познания приводит человека в состояние равновесия, т. к. он видит этим глазом руку Божию, которой Господь управляет всем миром и каждым человеком. Состояние равновесия, это когда человек не сильно радуется и не сильно печалится, а во всем видит руку Божию.

Вера — это непостижимый способ познания и получения мира и того, что лежит за пределами времени.

Вера — не только благодать, но способность, вложенная Творцом в каждого человека.

Вера основана на опыте чужом и своем. Она дана для того, чтобы познать мир, лежащий за пределами наших чувств.

Вера раскрывается в терпении и смирении. Это внутренняя сущность человека.

Вера — сила творческая.

Вера бывает: 1) от слышания,
2) от опыта,
3) плод Духа.

Веру нужно хранить, беречь и питать.

Вера погашается грехами, питается словом Божиим.

Если мы будем на все смотреть глазами веры, то скорби уменьшатся и жить станет легко. Увеличится только печаль о своей греховности.

О МОЛИТВЕ.

I. Четыре основания молитвы:

- 1) Чистота жизни.
- 2) Добрые дела.
- 3) Самоукорение.
- 4) Смирение.

Главная задача — читать молитвы со вниманием, влагая ум в слова молитвы. Со временем сердце начнет откликаться.

Обязательно молиться на ночь, хотя бы десять минут, но со вниманием.

Днем молитва Иисусова, пользоваться всяким случаем, когда предоставится к тому возможность.

За все благодарить Господа, получаем ли мы что, лишаемся ли чего, и за болезнь и за здоровье.

За все доброе, что у нас есть, благодари Бога и приписывай его только Богу. А сам человек способен только к доброму, исходящему от Бога, примешивать грех. И за это надо укорять себя, а не только за явные грехи.

В домашней молитве нужно вспоминать грехи, но без подробностей. (На исповеди подробности также вспоминать не надо и возвращаться к ним не надо).

Если какая-то неприятность — помнить, что Господь всегда с нами, все видит и знает все обстоятельства. Обратиться к Нему мысленно — все пройдет.

Кто молится с верою, тот никогда не пользуется способами самосохранения и не прибегает к ним.

II. Смысл молитвы.

Если мы хотим охранить себя от вражеского вторжения, надо заботиться, чтобы наше сердце было занято молитвой.

Если во время чтения Евангелия, псалтири, молитвы, коснулось Слово сердца, остановись — в это время Господь коснулся твоего сердца — это смысл молитвы.

III. Непрерывное общение с Господом.

Высшее — причастие (не реже раза в месяц).

Вкушать Господа духом — Иисусова молитва.

Иисусова молитва.

Четыре основания молитвы:

1) Чистота жизни:

Частое покаяние, охранение ума и всех чувств (не смотреть, не слушать, что не следует, не говорить, когда не спрашивают).

2) Дела милосердия:

Сострадание, молитва за ближних, поддержать скорбящего.

3) Смирение во всех его видах:

Это одеяние Божества, в которое Оно укрылось, чтобы стать доступным грешному человеку.

4) Самоукорение:

Все свои дела считать несовершенными.

IV. Созерцание.

Грех разбил все существо человека, все его силы враждуют между собой: ум ссорится с сердцем, и это есть источник мучений. Восстановление павшего естества состоит в восстановлении гармонии в человеке. Когда человек до какой-то степени достигнет гармонии, он сможет соблюсти заповеди, наступит для него единение в любви — тогда и вселяется в него Бог.

При созерцании молитвы (прошение, благодарение, славословие) прекращаются; ум, воля безмолствуют; душа находится в восхищении. Это уже иная жизнь.

О ПОСТЕ.

Пост в строгом смысле — добродетель монашеская, в широком смысле — христианская.

В широком смысле пост есть воздержание во всем и всегда.

Всегда быть собранным в себе и воздержанным во всем, это возможно и в миру.

Удаляться от пустых разговоров.

Отсечь любопытство. Если не отсечь любопытства, человек никогда не исправится, т. к. он больше набирает, чем очищается.

Сердце должно охраняться от впечатлений мирских. Душа, которая изощряется в мирских делах, благодать Божию не может принять. Любовь к миру есть вражда против Бога.

Пост — это начальная добродетель, но эта добродетель условная — каждому дается своя мера.

Суть его не в убийстве тела, а в том, чтобы держать его в рамках, в мере.

Пост обнимает всю жизнь человека, это хранение языка, хранение чувств, состояние бодрствования, трезвение.

А пост в пище требует осторожности.

Выше поста стоят дела любви.

Болезнь стоит выше поста.

Пост сам придет со временем в меру усиления нашей духовной жизни.

Пост: 1) Качество пищи (постное).

2) Количество пищи (умеренное).

3) Время принятия пищи.

4) Воздержание во всем.

Соблюдение тайны поста.

Все недостатки восполнять самоукорением.

Пост — добродетель великая, но и в нем надо знать меру.

Если поможешь одному человеку, которого Господь привел к тебе, на пути спасения, покажешь ему свое сочувствие, сострадание — это будет выше любого поста, на который ты способен.

ПО ПОВОДУ СОЗЫВА
«ВЕЛИКОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ»¹

Недавно в Шамбези около Женевы состоялась «Первая Предсоборная Конференция» (21-28 ноября 1976 года). Прочитав и изучив протоколы и решения этой Конференции, изданные Секретариатом по подготовке Святого и Великого Собора Православной Церкви в Женеве, ощущаю насущную евангельскую необходимость, по своей совести, как член Святой и Соборной Православной Церкви, хотя и только скромный ее служитель, обратиться с данным прошением к Вашему Преосвященству и, через Вас, к Святому Архиерейскому Собору Сербской Церкви, чтобы изложить свои грустные соображения, печальные констатации и беспокойство относительно подготовки будущего Собора. Прошу Ваше Преосвященство и Преосвященных Архиереев выслушать меня с евангельской ревностью и рассмотреть этот крик православной совести, которая, слава Богу, в наши дни не одинока и не изолирована в православном мире, когда речь идет о Соборе.

1. Из протоколов и решений так называемой «Первой Предсоборной православной конференции», которая, неизвестно почему, состоялась в Женеве, где с трудом наберется несколько сот православных верующих, видно, что она подготовила и определила новый каталог тем для будущего «Великого Собора» Православной Церкви. Это уже не была одна из так называемых «Все православных Конференций», как на Родосе и следующие за ней; это также не был «П р о с и н о д», о котором до сих пор всё шла речь, а «Первая предсоборная конференция», открывающая стадию непосредственной подготовки к созыву Вселенского Собора. Кроме того, эта Конференция не стала работать, исходя из «Каталога тем», определенного на I Все православной конференции 1961 г. на Родосе и разрабатывавшегося до 1971 года, но произвела «ревизию» его и выдвинула свой новый «каталог тем» для Собора. Но, повидимому, этот каталог не закон-

¹ Архимандрит Др. Иустин Попович, духовник монастыря Челие-Вальево (Югославия), отправил 7-го мая 1977 года это письмо: Святому Архиерейскому Синоду Святого Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви.

чен, а будет еще изменен и дополнен. Конференция также пересмотрела принятую до сих пор «методологию» разработки и окончательной подготовки тем для Собора; она сократила весь этот «процесс» из-за спешки некоторых, желающих созвать Собор как можно скорее. Ибо, по словам председательствовавшего на этой Конференции митрополита Мелитона, Константинопольская Патриархия и некоторые другие «спешат созвать» и провести будущий Собор: Собор должен быть «кратковременным» и заняться «ограниченным количеством тем»; кроме того, по словам Мелитона, «Собор должен углубить жгучие вопросы, которые препятствуют действию целого ряда систем поместных Церквей как одной единственной Православной Церкви...» (Прот., стр. 55). — Это вызывает у нас вопрос: что все это значит; к чему эта спешка и куда она приведет?

2. Вопрос подготовки и созыва нового «Вселенского Собора» Православной Церкви не нов и не из последних в нашей истории Церкви. Этот вопрос был уже поставлен при жизни несчастного патриарха Константинопольского Мелетия Метаксакиса, известного модерниста и реформатора, создателя раскола в Православии на его так называемом «Все православном Конгрессе» в Константинополе в 1923 году.² (В то время было предложено, чтобы Собор состоялся в городе Ниш в 1925 году; но так как Ниш «не находится на территории вселенской патриархии», Собор не был созван, может быть, как раз поэтому. Вообще, повидимому, Константинополь присвоил себе монополию всего «все православного»: «конгрессов», «конференций», «просинодов» и «соборов»). — Позже, в 1930 году, в монастыре Ватопеде состоялась так называемая «Подготовительная комиссия Православных Церквей». Она определила «каталог тем будущего православного Просинода», который в дальнейшем должен был привести к созыву Вселенского Собора.³

После Второй мировой войны пришел черед константинопольского патриарха Афинагора с его Родосскими «Все православными Конференциями» (опять исключительно на территории Константинопольской патриархии). Первая из них, в 1961 году,

² Протоколы этого конгресса были изданы по-гречески: **Протоколы и решения Все православного Конгресса в Константинополе (10 мая — 8 июня 1923 г.)**, Константинополь 1923.

³ Также отпечатано по-гречески: **Протоколы Подготовительной комиссии Святых Православных Церквей**, состоявшейся в св. великом монастыре Ватопед на Афоне (8-23 июня 1930 г.), Константинополь 1930.

вызвала подготовку «Всеpravославного Собора» с тем, чтобы сначала был созван «Просинод», и подтвердила заранее подготовленный Константинопольским патриархом «каталог тем» для Просинода: восемь крупных глав, около сорока главных тем и вдвое больше параграфов и подпараграфов.⁴ После II и III Родосских Конференций (1963 и 1964 г.), в 1966 году состоялась «Белградская Конференция». Сначала она была названа «Четвертой Всеpravославной Конференцией» («Гласник» Сербской Православной Церкви» № 10, 1966 г. и документы на греческом языке, опубликованные под этим названием)⁵, а затем понижена Константинопольской патриархией до степени «Межправославной комиссии», в то время как следующая конференция, состоявшаяся на константинопольской «территории» (в «Православном Центре Вселенской Патриархии» в Шамбези-Женева) в 1968 г., была провозглашена «Четвертой Всеpravославной Конференцией». На этой IV Конференции, очевидно, нетерпеливые ее организаторы спешили сократить путь до Собора, так как из огромного родосского каталога (который однако был их, а не чужим произведением) они взяли только «шесть первых тем» и определили новую «процедуру» работы. Одновременно было создано новое учреждение: «Межправославная подготовительная комиссия». Она необходима для «координационных» работ над темами. Кроме того, был создан «Секретариат по подготовке Собора», т. е. на самом деле назначен для этого константинопольский епископ с пребыванием в вышеназванном центре в Женеве, в то время как предложения о принятии других православных членов в «Секретариат» были отвергнуты. Эта «Подготовительная комиссия» и «Секретариат» по желанию Константинополя заседали в этом женевском центре в июне 1971 года. На заседании были пересмотрены и «согласованы» рефераты, предложенные по выбранным шести темам, которые затем были отпечатаны на нескольких языках и подверглись, как и все предыдущие работы по подготовке Собора, беспощадной критике православных богословов. Эти критики православных богословов (среди которых имеется и мое **Предложение**, отправленное в свое время через

⁴ Этот каталог предварительно подготовила комиссия константинопольских богословов и подтвердил Константинопольский Синод, как видно из Протокола I Родосской конференции, изданного Вселенской Патриархией на греческом языке в 1967 году.

⁵ Об этом говорит проф. И. Кармирис во II томе своих «Догматических и символических записок», 2-ое издание, Грац, 1966.

Ваше Преосвященство и с Вашей поддержкой Святому Архиерейскому Собору, а затем получившее поддержку от многих православных богословов, опубликованное во многих местах и на многих языках в православном мире)⁶, повидимому, были причиной того, что решение «Подготовительной комиссии» в Женеве относительно созыва «Первой Предсоборной Конференции 1972 года» для «ревизии» родосского каталога не было принято в том же году, а с большим опозданием.

И вот «Первая Предсоборная конференция» состоялась только в ноябре 1976 года, опять, конечно, на константинопольской «территории», в вышеуказанном центре Шамбези около Женевы. Как видно из опубликованных **протоколов** и **решений**, которые я изучил, эта Конференция «пересмотрела» родосский каталог так, что участвующие делегации посредством своих комиссий выбрали только 10 тем для Собора (куда вошли только три темы из первоначальных шести!), в то время как около 30 тем, не выбранных единогласно, были предоставлены «на дополнительное изучение некоторым Церквам» как «проблематика Православной Церкви» (а в сущности, совсем чуждая Православию), с тем чтобы в будущем эти темы могли стать предметом «православного испытания» и, быть может, быть принятыми в каталог. Как мы уже сказали, эта Конференция изменила и «процесс» и «методологию» обработки тем и подготовки Собора, который, повторяю, по константинопольским и остальным организаторам, должен состояться и закончиться «как можно скорее». Из всего приведенного ясно, что эта «Первая Предсоборная конференция» не дала ничего нового по существу и не выработала ничего толком, а только завела православные души и совести многих в новые лабиринты чьих-то амбиций, из-за которых предлагался и подготовлялся Вселенский Собор уже с 1923 года, да и сегодня спешно готовится.

3. Вся сегодняшняя «проблематика» вокруг тем будущего Собора, неуверенность и изменения в их подготовке, определении, искусственной «каталогизации», все новые изменения и «редакции» истинной православной совести доказывают только одно: что в данный момент не существует ни одной серьезной и неот-

⁶ Греческий перевод этого Предложения от 1971 г. издан в журналах в Афинах и отдельной книжкой; русский перевод в журнале «Вестник РСХД» в Париже, № 100; французский перевод в журнале «Contacts» в Париже, № 76, 1971.

ложной темы для созыва и проведения нового Вселенского Собора Православной Церкви. Даже если и существует тема, заслуживающая быть предметом для созыва и проведения Вселенского Собора, она неизвестна сегодняшним инициаторам, организаторам и редакторам всех вышеупомянутых «Конференций» с их прежними и нынешними «каталогами». Ибо если бы это не было именно так, то как объяснить, что со времени Константинопольского собрания 1923 года через Родосское 1961 г. до Женевского 1976 года все изменялась «тематика» и «проблематика» будущего Собора: изменялось количество, порядок, содержание и сами критерии «каталога тем», который должен был быть предметом работ такого великого и уникального церковного дела, каким были и каким должен быть всякий Святой Вселенский Собор Православной Церкви? На самом деле, все это выявляет и подчеркивает не только самую обыкновенную непоследовательность, но и явную неспособность и непонимание Православия со стороны тех, кто сейчас (в данной ситуации и таким образом) навязывает Православным Церквям свой «Собор», незнание и неспособность почувствовать и осознать, что значил и что значит настоящий Вселенский Собор для Православной Церкви и для полноты ее верных во Христе. Ибо если бы они это почувствовали и осознали, то они, во-первых, узнали бы, что в истории и жизни Православной Церкви никогда ни один Собор, а тем более столь исключительно благодатное и духоносное начинание, каким является **Вселенский Собор**, не вызывались искусственно, с придумыванием тем для его работы и заседаний; что никогда так нарочито не созывались «конференции», «конгрессы», «просиноды» и разные искусственные собрания, неизвестные и чуждые православной **соборной** традиции, перенятые на самом деле от западных организаций, чуждых Церкви Христовой.

Историческая реальность очевидна: святые и Богом созданные Соборы святых Отцов всегда имели перед собой один или, самое большее, два-три вопроса, остро поставленных перед ними великими ересями и расколами, извращавшими православную веру, раздиравшими Церковь и серьезно грозившими опасностью для спасения человеческих душ, спасения православного народа Божьего и всего творения Божьего. Поэтому Вселенские Соборы всегда имели христологический, сотериологический, экклезиологический характер, т. е. их центральной темой — единственной темой и главным благовестием всегда был Богочеловек Иисус Христос и наше спасение в Нем, наше обоженье в Нем. Да, да, да: Он — Единородный и Единосущный Сын Божий воплотившийся, Он —

весь в теле Церкви, Он — Вечный Глава Тела Церкви **ради спасения и обоженья человека**, Он — весь в Церкви благодатью Святого Духа и правой верой в Него, православной верой.

Это истинно православная, апостольски-святоотеческая тематика, бессмертная тематика Церкви Богочеловека во все времена, прошедшие, сегодняшние и будущие. Она одна только может быть предметом и возможного будущего Вселенского Собора Православной Церкви, а не схоластически-протестантского «каталога тем», который не имеет никакой существенной связи с духовным опытом и духовной жизнью векового апостольского Православия, а является рядом сухих гуманистических теорем. Вечная соборность Православной Церкви и всех ее Вселенских Соборов состоит во всеохватывающей Личности Богочеловека Господа Христа. С этой центральной, всеохватывающей, православно-соборной темой и реальностью, с этой единственной Богочеловеческой тайной и реальностью, на которой строится и держится Православная Церковь Христова, и все ее Вселенские Соборы, и вся ее историческая реальность, следует и сегодня выступать перед небом и землей, а не со схоластически-протестантскими гуманистическими темами, с которыми выступают константинопольские или московские церковные «делегаты» и «делегации», которые в этот горький и критический исторический момент держат себя, как «вожди и представители» Православной Церкви во всем мире.

4. В протоколах и последней женеvской «Предсоборной конференции», как и в подобных случаях до того, ясно видно, что константинопольская и московская «церковные делегации» мало отличаются друг от друга в отношении проблематики и тем, предложенных как предмет работ будущего Собора. У них те же темы, почти тот же язык, тот же дух, похожие амбиции. И это неудивительно. Ибо кого они действительно «представляют» в данный момент, какую Церковь и какой народ Божий? Константинопольская иерархия почти на всех всеправославных собраниях состоит главным образом из титулярных митрополитов и епископов: из пастырей без паствы и без конкретной пастырской ответственности перед Богом и своей живой паствой; кого она представляет и будет представлять на будущем Соборе? Среди официальных представителей Константинопольской Вселенской Патриархии нет ни одного иерарха с греческих островов, где постоянно живет православная паства, нет епархиальных греческих иерархов из Европы и Америки, уже не говоря об остальных православных епископах: русских, американцах, японцах, черных,

которые возглавляют многочисленную православную паству, и об известных православных богословах. С другой стороны, действительно ли сегодняшняя делегация Московской патриархии является представительницей святой и мученической великой Русской Церкви и ее одному Богу известных миллионов мучеников и исповедников? Судя по тому, что эти «делегации» заявляют и что они защищают, когда выезжают из Советского Союза, они не являются носительницами и выражением истинного духа и взгляда Русской Православной Церкви и ее верной православной паствы, ибо чаще всего эти «делегации» кесарево ставят выше Божьего. Однако существует слово Писания и заповедь: Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам. (Деян. V, 29).

Впрочем, правильно ли, православно ли такое «представительство» и «репрезентация» Православных Церквей на разных родосских и женевских Всеправославных собраниях? Константинопольские инициаторы такого принципа «представительства» Православных Церквей на Соборах и те, кто принимают этот принцип «представительства», — принцип, который по их теории соответствует «системе Автокефальных и Автономных» Поместных Церквей, — забыли, что такой принцип на самом деле противоречит **соборному** преданию Православия. К сожалению, этот принцип «представительства» вскоре был принят и всеми другими православными: иногда молча, а иногда с голословными возражениями, но забывая, что Православная Церковь по своей природе и по своему догматически неизменному составу **епископальна** и **епископоцентрична**. Ибо епископ и собрание верных вокруг него являются выражением и проявлением Церкви как **Тела Христова**, особенно на святой Литургии; Церковь — Апостольская и Соборная только через епископов как глав реальных церковных единиц — епископий. В то же время остальные, исторически более поздние и непостоянные формы церковной организации Православной Церкви: митрополия, архиепископия, патриархия, пентархия, автокефалия, автономия и другие, сколько бы их ни было или будет, не могут иметь и не имеют значения и решающего голоса в **соборной** системе Православной Церкви. Более того, они могут быть помехой для правильного функционирования **соборности**, если они маскируют собой и ущемляют епископальный характер и структуру Церкви и Церквей. В этом, несомненно, главная разница между православной и католической (папской) экклезиологией.

Если это так, то как может быть «представлена» по «делегационному» принципу, т. е. тем же числом «делегатов», например,

Чешская и Румынская Церковь? А тем более, Русская и Константинопольская Церковь? Или какую паству представляет первый епископ, и какую второй? В последнее время Константинопольская патриархия произвела множество епископов и митрополитов, главным образом все титулярных и фиктивных. Это, вероятно, подготовка к тому, чтобы на будущем «Вселенском Соборе» множеством титулов обеспечить большинство голосов для нео-папистских амбиций Константинопольской патриархии. А с другой стороны, апостольски ревностные в миссионерстве Церкви, как Американская Митрополия, Русская Заграничная Церковь, Японская Церковь и другие не могут иметь ни одного представителя!

Где тут соборность Православия и какой это будет **Вселенский** Собор Православной Церкви Христовой? Ведь уже на этой Женевской конференции митрополит Лаодикийский Игнатий, представитель Антиохийской патриархии, с болью констатировал: «Я чувствую некоторое беспокойство, ибо наносится вред **соборному опыту**, который составляет основание Православной Церкви».

5. Все же Константинополю и еще некоторым не терпится созвать такой Собор и, главным образом, по их желанию и настоянию, «Первая Предсоборная конференция» в Женеве решила что «Собор следует созвать как можно скорее», что этот Собор будет «кратковременным» и что он «возьмет на рассмотрение небольшое количество тем». И приводятся десять выбранных тем. Первые четыре темы: **Диаспора**, вопрос церковной **Автокефалии** и условия ее провозглашения, **Автономия** и ее провозглашение и **Диптихи**, т. е. порядок в Православных Церквях.

Ради евангельского единства следует заметить, что поведение председательствовавшего на этой «Предсоборной конференции» митрополита Мелитона было деспотичным и несоборным. Это видно из каждой страницы опубликованных протоколов конференции. Там ясно и прямо сказано: «Этот подготавливаемый Святой и Великий Собор Православной Церкви не следует рассматривать как единственный, исключая дальнейший созыв других Святых и Великих Соборов» (Протоколы, стр. 18, 20, 50, 55, 60).

Из-за всего этого евангельски чуткая совесть не может не ставить себе жгучего вопроса: чего хотят добиться таким скоропелым и так «преподнесенным» Собором?

Преосвященные Отцы Архиереи, не могут избавиться от впечатления и убеждения, что все это указывает на тайное желание

известных лиц Константинопольской патриархии: чтобы первая по чести Патриархия в Православии могла навязать свои концепции и свое поведение всем Православным Автокефальным Церквам и вообще православному миру и православной Диаспоре и санкционировать такое нео-папистское намерение единым «Вселенским Собором». Поэтому первые четыре темы из 10 выбранных для Собора раскрывают именно стремление Константинополя подчинить себе всю Православную Диаспору — а значит и весь свет! — и оставить за собой исключительно право давать **автокефалию** и **автономию** вообще всем Православным Церквам на свете, как нынешним, так и будущим, и одновременно порядок и **ранг** по своему усмотрению (в этом как раз и состоит вопрос **Диптихов**, что не значит только «порядок поминания на литургиях», но порядок Церквей на Соборах и т. д.).

Я преклоняюсь перед вековыми заслугами этой Патриархии, т. е. Великой Христовой Константинопольской Церкви, и перед нынешним ее **крестом**, который немал и нелегок, и который по природе вещей есть крест всей Церкви, по словам Апостола: «Когда страдает один член, страдает все тело». Точно так же я признаю канонический порядок и первое место по чести Константинополя между равночестными и равноправными поместными Православными Церквами. Но было бы не по-евангельски, если бы Константинополю позволили из-за трудностей, в которых он находится сегодня, чтобы он привел все Православие к краю пропасти, как это уже раз случилось на Флорентийском псевдо-соборе, или чтобы он узаконил канонически и догматически определенные исторические формы, которые в какой-то момент, вместо того, чтобы быть для Церкви крыльями, могут превратиться в оковы для нее и для ее преображающего присутствия в мире. Нужно быть искренним: поведение представителей Константинопольской патриархии в течение последних десятилетий выявляет такое же нездоровое беспокорство и болезненное духовное настроение, какое в XV веке привело Церковь к флорентийской измене и позору. (И было ли поведение во времена турецкого рабства примером для всех времен? Как флорентийское, так и турецкое рабство было опасно для Православия). Сегодня положение еще более опасно: в те времена Константинополь был живым организмом с миллионами верных, которые быстро преодолели кризис, навязанный извне и искушение пожертвовать верой и Царством Божиим для земного царства. А сегодня у него имеются митрополиты без народа, епископы, которым нечем **руководить** (т. е. нет епископии) и которые, как таковые, хотели бы держать в своих руках судьбы

всей Церкви! Но сегодня не должно и не может быть никакой Флоренции. И положение нельзя сравнивать с тяжестью турецкого рабства. Подобно же положение Московской патриархии. Разве можно позволить, чтобы ее трудности и трудности других Поместных Церквей, находящихся под безбожным коммунизмом, определяли будущность Православия?

Судьба Церкви не находится больше и не может находиться в руках византийского императора или патриарха, точно так же как и в руках кого-нибудь из сильных мира сего, даже не в руках «Пентархий» или «Автокефалий» в узком смысле. Силой Божией Церковь разрослась на множество Поместных Божьих Церквей с многомиллионной паствой, многие из которых в наши дни кровью запечатлели свое апостольское преемство и свою верность Агнцу. На горизонте вырисовывается возникновение новых «**Поместных Церквей**», как например: Японской, Африканской, Американской, которых никакая «сверхцерковь» папского типа не может лишить их **свободы** в Господе (ср. 8 канон св. III Вселенского Собора), ибо это было бы поражением самой сущности Церкви. Без них всех немыслимо решение какого бы то ни было церковного вопроса вселенского значения, а тем более вопросов, касающихся их самих, т. е. вопросов Диаспоры. Вековая борьба Православия против римского абсолютизма была борьбой за свободу Поместных Церквей, как Церквей католических, соборных, полных, целых. Пойдем ли мы сегодня путем падшего Рима, или какого-нибудь «второго» или «третьего» ему подобного? Неужели Константинополь, так смело сопротивлявшийся в течение прошлых веков в лице своих святых и великих Иерархов, клира и народа римскому папскому покровительству и абсолютизму, собирается сегодня игнорировать **соборные** традиции Православия и заменить нео-папистским суррогатом «второго», «третьего» или еще какого-нибудь Рима?

6. Преосвященные Отцы, все мы, православные, ощущаем и видим, насколько сегодня важен и значителен вопрос Православной Диаспоры для Православной Церкви вообще и всех Православных Церквей в отдельности. Но может ли он быть решен таким образом, как этого хочет Константинополь или Москва, без опроса и участия православного верующего народа, иерархии, пастырей и богословов той самой Диаспоры, которая возрастает с каждым днем? Вопрос о Диаспоре, несомненно, исключительно важный церковный вопрос, вопрос, который впервые в истории Церкви выступает с такой силой и значительностью, что из-за

него действительно следовало бы созвать **истинно Вселенский Собор** всех и именно всех православных епископов всех Православных Церквей. Другой вопрос, который по нашему чувству и мнению мог бы обсуждаться сейчас на истинно Вселенском Соборе Православной Церкви, это вопрос «**экуменизма**». Это, собственно, эклезиологический вопрос, т. е. вопрос относительно Церкви как Богочеловеческого, единого и единственного организма, который современный экуменический синкретизм ставит под сомнение. Это связано также с вопросом о **человеке**, которому нигилизм современных, особенно безбожных идеологий роет могилу, не оставляя надежд на воскресение. Оба вопроса могут быть правильно и православно решены, только исходя из богочеловеческой тематики древних Вселенских Соборов. Пока я оставляю в стороне этот вопрос, чтобы не перегружать мое данное обращение новой проблемой и не расширить его еще больше.

Однако, хотя вопрос Диаспоры и весьма важен и болезнен для сегодняшнего Православия, имеются ли сейчас налицо условия, обеспечивающие его правильное, православное, святоотеческое решение на Соборе?⁷ Действительно свободное и реальное присутствие всех Православных Церквей на Вселенском Соборе без постороннего влияния на них? И могут ли представители многих из них, и в особенности Церквей, находящихся под боготорческими режимами, действительно свободно излагать и защищать православные установки? Может ли Церковь, отрекающаяся от своих мучеников быть верной исповедницей Голгофского **Креста** и носительницей духа и соборного сознания Церкви Христовой? Прежде чем состоится Собор, следует спросить себя: сможет ли на нем заговорить совесть миллионов новомучеников, убитых кровью Агнца? Историческая практика показала: каждый раз, когда Церковь была на кресте, каждый ее член был призван отстаивать Истину, а не обсуждать вымышленные проблемы или искать ложных решений реальных вопросов, «ловя рыбу в мутной воде» для осуществления каких-то амбиций. Не следует ли поразмыслить и над следующим: пока бывали гонения на Церковь,

⁷ Как мы видим из состава бывших «делегаций» и «представительств» некоторых Православных Церквей на предыдущих конференциях, очень часто они не являются их настоящими представителями, а обычно политиками, дипломатами и не богословами. Кроме того, следует констатировать и такой факт: если Православные Церкви, посылающие такие делегации и принимают молча принятые на этих Конференциях решения, это еще не значит, что в целом они с ними согласны и молчат из-за этого; главное то, что молчит их клир и народ.

Вселенских Соборов не было, что не значит, что Церковь Божия в такие времена не действовала и не жила соборно. Наоборот, это был ее самый богатый и плодотворный период. А когда потом состоялся Первый Вселенский Собор, на него собрались также и епископы-мученики с ранами и рубцами, испытанные в огне страданий, которые смогли на нем свободно свидетельствовать о Христе как Боге и Господе. Будет ли и сейчас веять их дух, т. е. смогут ли подобные епископы нашего времени выступить на подготавливаемом Соборе, чтобы Собор мыслит по Духу Святому и по Богу говорил и решал, и чтобы на нем не вели речь главным образом те, кто не свободны от влияния сил мира и века сего? Возьмем, например, группу русских заграничных епископов, которые, несмотря на все свои человеческие слабости, носят на себе раны Господа своего и раны Русской Церкви, бежавшей «в пустыню» от гонений, не уступающих диоклетиановским, которые заранее исключены Москвой и Константинополем из участия на Соборе и, таким образом, осуждены на молчание. Или тех епископов из России или других заведомо атеистических стран, которые также не только не смогут свободно участвовать на Соборе и на нем свободно говорить и решать, но которых и не пустят на Собор. И не будем даже говорить о возможности того, чтобы они или их Церкви подготовились как следует к столь великому и важному событию. Не есть ли это достаточное указание на то, что на этом Соборе не сможет говорить мученическая совесть Церкви и совесть церковной клирики, а что ей туда вход будет запрещен, как он был запрещен одному из ее членов и свидетелей на Ассамблее в Найроби (я подразумеваю Солженицына).

Оставим вообще в стороне вопрос, насколько нормально и морально то, что в то время как Господь Иисус Христос и вера в Него распинаются страшнее, чем когда бы то ни было, его последователи решают вопрос о том, кому быть первым между ними; что в то время, когда Сатана подстерегает не только тело, но и душу человека и мира, когда человеку грозит самоуничтожение, ученики Христовы занимаются теми же вопросами и таким же образом, как и современные анти-христианские идеологии: идеологии, продающие Хлеб Жизни за чечевичную похлебку!

7. Учитывая все вышеизложенное и болезненно сознавая положение в современной Церкви Православной и мира вообще, которое несколько не изменилось с моего последнего обращения к Святому Архиерейскому Собору (в мае 1971 года), совесть

моя заставляет меня вновь обратиться с мольбой и сыновним воплем к Святому Архиерейскому Собору мученической Сербской Церкви: да воздержится наша Сербская Церковь от участия в подготовке к так называемому «Вселенскому» Собору и от участия в нем самом. Ибо если такой Собор, не дай Бог, состоится, от него можно ожидать только одного: расколов, ересей и гибели многих душ. А исходя из апостольско-святоотеческого исторического опыта Церкви, такой Собор, вместо лечения, откроет новые раны на теле Церкви и создаст для нее новые проблемы и страдания.

Препоручаю себя святым апостольским молитвам Отцов Св. Архиерейского Собора Сербской Православной Церкви

недостойный Архимандрит Иустин,
духовник монастыря Челие

Канун Юрьева дня 1977 года
Монастырь Челие
Вальево, Югославия.

(Перевод Марианны Дробот)

Прот. Александр ШМЕМАН

ТАИНСТВО ЕДИНСТВА*

3. Единство веры

«...доколе все приидем в единство веры и познание Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова...»

Ефес. 4:12.

1.

Чтение, а позднее — пение Символа веры введены были в чин Литургии сравнительно поздно — в начале шестого века. До тех пор нарочитым местом его в христианском богослужении было таинство крещения. «Возвращением символа» (*redditio symboli*), т. е. торжественным исповеданием веры завершалось приготовление оглашенного к крещальному вступлению в Церковь. Символ веры и возник в связи с крещением, и только позднее, в эпоху великих догматических споров, его все чаще стали употреблять в качестве мерила православия, как *βρος* — «предел», ограждающий Церковь от ереси. Что же касается Евхаристии, то, будучи, как мы уже знаем, закрытым собранием *в е р н ы х*, т. е. уверовавших, возрожденных «водою и Духом», получивших помазание свыше, она в сознании ранней Церкви предполагала как нечто самоочевидное, единство в вере всех участников собрания. Поэтому включение Символа веры в чин литургии, ставшее довольно скоро повсеместным, было всего лишь подтверждением изначала очевидной, органической и неразрывной связи между **единством веры** с одной стороны, Церковью и ее самоисполнением в Евхаристии с другой, связи, составляющей сердцевину опыта и жизни ранней Церкви.

Нам, однако, на связи этой остановиться необходимо, ибо в том, пожалуй, и состоит главное отличие нашего теперешнего опыта от опыта ранней Церкви, что в наше время связь эта не

* Глава из книги о Литургии. Предшествующие главы см. в «Вестнике» №№ 107, 108-110, 111, 112-113, 114, 116, 119. Главы эти печатаются здесь без ссылок и примечаний, которые войдут в издание этого труда отдельной книгой.

ощущается как самоочевидная, а то единство, о котором так много говорят и спорят в наши дни, как в ней укорененное и из нее вытекающее.

Оговорю сразу же, что формально все как будто остается на месте и связь эта пребывает для православных непреложным законом, огражденным канонами и церковной дисциплиной. Так, согласно этой дисциплине, инославный не допускается к причастию за православной литургией, потому что по православному учению, «общение в таинствах» предполагает единство веры, на котором, в свою очередь, основано и которое выражает единство Церкви. Так, в силу той же дисциплины, православному запрещено участие в таинствах, совершаемых инославными. Закон этот, однако, все очевиднее воспринимается как именно формальный, ибо и в нашем официальном, школьном богословии и в сознании верующих он давно оторван от той реальности, из которой вырос, о которой свидетельствует и вне которой, в сущности, непонятен.

Реальность же эта — изначальный, основоположный опыт Евхаристии, как **таинства единства**, и это значит — таинства Церкви, которую св. Игнатий Антиохийский определяет как «единство веры и любви». «Нас всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу во единого Духа причастие» — именно этот в этих словах евхаристической молитвы св. Василия Великого запечатленный опыт, именно это понимание и восприятие Евхаристии предельно ослаблены в современном церковном сознании. Но тогда что может означать — реально, жизненно, «положительно» — запрет общения в таинствах с инославными, если самими православными Евхаристия давно уже не воспринимается как общение и «соединение друг ко другу», если не только для простых верующих, но и в богословских определениях она стала сугубо индивидуальным «средством личного освящения», к которому каждый прибегает или от которого каждый воздерживается в меру своих личных и по-своему понимаемых «духовных нужд», настроенности, подготовки или неподготовки и т. д.? Очевидно, что если прежде смысл такого запрета состоял в том, что он ограждал реальный опыт Церкви как единства веры и, т. о., самим своим отрицанием на деле утверждал это единство и о нем свидетельствовал, то при низведении Евхаристии, как впрочем и всех таинств, в категории одного из «средств освящения», он стал только запретом, лишенным, увы, для все большего числа верующих внутренней самоочевидности и духовной убедительности.

2.

Это ослабление, это, можно даже сказать, перерождение изначального евхаристического опыта, повторяю, фактически санкционировано, как нашим казенным богословием, так и тем предельно индивидуализированным благочестием, что почти безраздельно царит в церкви и потому выдает себя за истинное и традиционное. В богословии санкция эта уже заложена в самом его методе. Заимствованный с запада и потому казавшийся нашим ученым богословам верхом научности, метод этот состоит в выделении каждого элемента веры и церковного предания в самостоятельный объект, если не в отдельную «дисциплину», как если бы степень постижения каждого из них зависела от умения не соотносить его с другими, а, напротив, выделять и «изолировать». Так, те три реальности, о которых идет здесь речь, т. е. вера, Церковь, Евхаристия, оказываются каждая предметом отдельного изучения в отдельных «разделах», вне связи с двумя другими. А это, в свою очередь, приводит к действительно парадоксальному результату: из поля богословского зрения выпадает то как раз, что соединяет эти три реальности, являет их как реальность триединую: выпадает **единство**, которое в опыте Церкви составляет подлинное содержание и веры и Церкви и таинств, ибо оно есть содержание той новой жизни, которую мы принимаем верой, которой мы живем в Церкви и которая подается, как «единого Духа причастие», в Евхаристии.

Убедиться в этом парадоксе нетрудно. Так, например, справедливо толкуя о вере, как о «главном условии спасения», один из наших лучших, а не худших догматистов обходит полным молчанием в самом опыте христианской веры заложенный опыт единства, опыт самой веры как единства. Почему? Да потому что, скованный своим методом выделения и расчленения, в данном случае редукцией веры к «подчиненному и воспринимательному началу в человеке», он оказывается неспособным опознать в единстве одновременно и плод и содержание веры, ее жизнь, ее исполнение в человеке... Так же и в отношении Церкви: «выделив», определив Церковь как «посредницу в освящении человека», школьное богословие неизбежно сводит учение о Церкви — к учению об ее Богоустановленном строе, об ее иерархической структуре, как об условии и форме этого посредничества, но оставляет вне поля своего зрения ни больше ни меньше, как саму Церковь, Церковь как новую жизнь в «единстве веры и любви», как постоянное исполнение этого единства. И, наконец, выделив, в силу все

того же безнадежно одностороннего, а потому и порочного метода, таинства вообще и Евхаристию в частности в некий самостоятельный раздел: «о существующих в Церкви средствах к освящению человека», богословие это попросту игнорирует Евхаристию как, прежде всего, таинство Церкви, как дар и исполнение того «единства веры и любви», «единого Духа причастия», в котором раскрывается сущность Церкви.

3.

Если в богословии «выпадение» единства объясняется, таким образом, самым методом этого богословия, оторвавшим его от живого опыта Церкви, то в современном благочестии причину этому нужно искать в постепенном растворении веры в том, что лучше всего определить как «религиозное чувство». Многим утверждение это покажется странным, даже бессмысленным, настолько в наши дни понятия эти стали равнозначными, тождественными. Для христианства, однако, в христианском опыте и понимании веры разница между ними поистине огромная. Вера есть всегда и прежде всего **встреча** с Другим, обращение к Другому, принятие Его как «пути, истины и жизни», любовь к Нему и желание всецелого единства с Ним — так что «уж не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). И потому, что вера всегда обращена на Другого, она есть выход человека за пределы своего «Я», коренное изменение взаимоотношений его, прежде всего, с самим собой. Между тем как «религиозное чувство», в наши дни снова доминирующее в религии, тем-то и отлично от веры, что живет и питается оно **самим собою**, т. е. тем удовлетворением, которое оно дает и которое, в конечном итоге, подчинено личным вкусам и переживаниям, субъективным и индивидуальным «духовным нуждам».

Вера, в ту меру, в какую она подлинная вера, не может не быть внутренней борьбой: «Верую Господи, помоги моему неверию...». Религиозное чувство, напротив, потому и «удовлетворяет», что оно пассивно и если на что и направлено, то больше всего на помощь и утешение в житейских невзгодах. Вера, хотя субъектом её всегда является личность, никогда не индивидуалистична, ибо обращена к тому, что раскрывается ей как абсолютная Истина, по самой природе своей не могущая быть «индивидуальной». Поэтому вера неизменно требует исповедания, выражения, привлечения и обращения к себе других. Религиозное чувство, напротив, предельно индивидуалистично, ощущает себя как невыразимое и ёжится от всякой попытки выражения и осмысления, как от не-

нужного и вредного «умствования», рискующего разрушить «простую веру». Вера непременно жаждет целостности просвещения собою, подчинения себе и разума, и воли, и всей жизни. Религиозное чувство, напротив, легко принимает разрыв между религией и жизнью и благополучно уживается с идеями, убеждениями, иногда целым мировоззрением, не только чуждыми христианству, но зачастую открыто ему противоречащими.

Так вот, именно «религиозное чувство», а не вера в изначальном христианском восприятии этого слова, доминирует, если не безраздельно царит в современной православной «церковности». Этой постепенно совершившейся подмены им веры обычно не замечают, потому что извне, на поверхности церковной жизни оно чаще всего выявляет себя как самый что ни на есть стопроцентный оплот подлинной «церковности» и «истинного православия». В православном его варианте оно и впрямь выражается преимущественно в утробной привязанности к обрядам, обычаям, традициям, ко всем внешним формам церковной жизни. И вот, благодаря этой внешней «церковности» религиозного чувства, столь многие не понимают, что консерватизм, действительно присущий ему, есть на деле псевдо-консерватизм, глубоко чуждый, можно даже сказать враждебный изначальному христианскому преданию. Это — консерватизм формы, но не только без отнесения её к её содержанию, т. е. к вере, в ней воплощенной, ею раскрываемой и даруемой, но и фактически отрицающий само наличие такого содержания. Если религиозное чувство столь «консервативно», столь привержено к форме, что любое, даже самое незначительное изменение этой последней тревожит и раздражает, то это потому, что именно формой, «формой в себе», ее неизменностью, священностью, красотой оно и заморожено, и «питается», в ней находит то удовлетворение, в искании которого сама его сущность. И потому еще больше тревожит и раздражает его всякая попытка осмысления формы, искания в ней воплощенной, ею являемой истины — тут, и вполне справедливо, чует религиозное чувство смертельную для себя опасность, нависший над собою суд веры.

Действительно, новизна, абсолютная и вечная новизна христианства **только в вере**, только в Истине, которая верою удостоверяется и претворяется в спасение и жизнь. Поэтому без отнесения своего к вере, без постоянного «опознания» самих себя как воплощения и исполнения веры, никакие «формы» в христианстве не действительны, больше того, сами становятся идолами и идолопоклонством, ибо делаются нарушением того поклонения Богу

«в Духе и Истине», что заповедано и даровано нам Христом. Христианство, это не трудно показать, не создало никаких новых форм, оно восприняло и унаследовало «старые» формы, извечно присущие человеческой религии и жизни. В том, однако, вся вечная новизна его, что древние формы оно не только наполнило новым содержанием, новым смыслом, но поистине претворило и вечно претворяет в само явление, в сам дар Истины, в причастие ей как новой жизни. Но претворение это, повторяю, совершается **только** верою. «Дух животворит, плоть не пользует нимало». Только вере, потому что она от Духа и знает Истину, дана сила животворить плоть формы, претворять ее «во единого Духа причастие».

Но этого претворения как раз и не знает, ибо, прежде всего, **не хочет**, религиозное чувство. Не знает, не хочет потому, что в самой сущности своей оно **агностично**, обращено не к Истине, питается и живет не верой как знанием и обладанием Истиной, как жизнью жизни, а самим собою, своим самоуслаждением и самодовлеемостью. Об этом лучше всего свидетельствует поразительное равнодушие к содержанию веры, полное отсутствие интереса к тому, во что **верит вера**, у подавляющего большинства людей, называющих себя верующими и вполне искренне приверженных Церкви. Лучезарное откровение Троичного Бога, триединства Божественной Жизни, тайны Богочеловечества Христова, соединения в Нем — «непреложного, неизменного, неслиянного, неразлучного» — Бога и человека, снисхождение в мир Духа Святого и в Нем — «иною жития, вечного начала», — все то, чем буквально жила ранняя Церковь, чему радовалась как «победе, победившей мир», и что было в ней предметом напряженного осмысливания и страстных споров, — все это современному «религиозному» человеку неинтересно. И это не от греховной ленности, не от слабости. Содержание веры, Истина, на которую она направлена, не интересны ему потому, что они не нужны самой его «религиозности», тому религиозному чувству, которое постепенно заменило собою, растворило в себе веру.

Но тогда о каком **единстве веры** может идти речь, что может само это понятие, столь важное, столь центральное в ранней Церкви и в ее восприятии предания, означать, какому опыту соответствовать? Если ни богословие в его казенной, рационализмом и юридизмом пропитанной форме, ни благочестие в его редукции к до конца «индивидуализированному» религиозному чувству единством «не заняты», ибо оно выпало из поля их внимания и интереса, то каково же содержание этого понятия, больше чем когда бы то

ни было остающегося одним из главных полюсов, главных двигателей христианства?

Действительно, о христианском единстве, о единстве Церкви, в наши дни говорят не меньше, а, по всей вероятности, неизмеримо больше, чем прежде. Но вот в том-то и все дело, в том, я не побоюсь сказать, **еретический** соблазн наших дней, что единство это **другое**, не то, что составляло сердцевину и главную радость, само содержание христианской веры и христианской жизни с первого дня существования Церкви, что почти незаметно для религиозного сознания в нем совершалась подмена единства, которая в наши дни все очевиднее раскрывается и как измена.

Суть же этой подмены в том, что вместо того, чтобы Церковь принимать, осознавать и переживать как одновременно и источник и дар нового, всегда нового, ибо из мира не выводимого и к нему не сводимого единства, ее саму стали воспринимать как выражение, форму и «санкцию» уже существующего — земного, «природного» единства. Или по-другому: Церковь, как **единство свыше** подменили Церковью, как **единством снизу**. Когда же в служении этому единству снизу, единству плоти и крови, в его выражении и охранении стали полагать главное, если не единственное призвание и назначение Церкви, подмена стала изменой.

Я убежден, что именно в наши дни и именно потому, что наша эпоха, как никакая другая, буквально одержима культом и пафосом «единства», подмена эта особенно опасна, грозит стать изменой, ересью в полном смысле этих слов, хотя этого-то как раз и не видит большинство верующих «церковных» людей. Не видит же потому, что никакого опыта единства не имеет, и не знает, и, следовательно, не хочет, ибо хотеть можно только того, что, хотя бы отчасти — «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» — ощутила, познала, полюбила душа и уже не может забыть... Но вот не зная, не помня, хочет и ищет «единства снизу», на него переносит неутолимую в человеке жажду единства. И не понимает, что вне дарованного нам Христом единства «свыше» и всякое единство «снизу» в конечном итоге не только внутренне обесмысливается и обесценивается, но и неизбежно становится идолом и, как это не звучит страшно, саму религию, само христианство тянет назад — в идолопоклонство...

Поэтому нет сейчас у Церкви и, в первую очередь, у православного богословия задачи более насущной и спешной, чем прояснение опыта и знания единства «свыше», т. е. самой сущности Церкви, отличающей ее от всего в «мире сем», но потому и являющей ее как спасение мира и человека.

4.

Чем **выше** слово, тем оно двусмысленнее, тем настоятельнее требует от христиан, употребляющих его, не просто наиболее точного себе определения, но и **освобождения**, экзорцизма, очищения от изнутри извратившей его лжи. То различие духов, к которому призывает апостол Иоанн Богослов, есть, прежде всего, различие слов, ибо не только слово пало, как пал весь мир, все творение, но именно с падения слова, с его извращения и началось падение мира, словом вошла в него та ложь, отец которой дьявол. Яд же этой лжи в том, что слово осталось **тем же**, так что, говоря «Бог», «единство», «вера», «благочестие», «любовь», человек убежден, что он знает то, о чем говорит, тогда как в том и падение слова, что изнутри оно стало «другим», стало ложью о своем собственном смысле и содержании. Дьявол не создал новых — «злых» — слов, как не создал и не мог создать он другого мира, как не создал и не может создать ничего. Вся ложь и вся сила его лжи в том, что он **те же** слова сделал словами о **другом**, узурпировал их и превратил в орудие зла, и в том, следовательно, что и он и слуги его в «мире сем» всегда говорят на языке буквально украденном у Бога.

Но потому и тщетны все попытки вопрос о словах, об их содержании и смысле свести к вопросу об их определении. Ибо определение совершается опять-таки при помощи слов, словами, и это значит — не выходит и вывести не может из порочного круга, заключившего в себе, поработившего себе все падшее творение. Поэтому не в определении, а в **спасении** нуждается падшее слово, как и весь падший мир, и спасения этого чаёт не от самого себя и не от других слов, а от очищающей и возрождающей силы и благодати Божьей.

Таким спасением слов силой Божьей и призвано быть богословие, сущность которого в искании «богоприличных слов» (θεοπρεπεῖς λόγοι). Но исполняет оно свое призвание не при помощи определений, не «словами о словах», а **отнесением** слова к той реальности и к тому опыту ее, которые первичнее слова и по отношению к которым слово есть **символ**: явление, дар, причастие, обладание... Ибо именно символом, т. е. не определением реальности, которая на последней глубине своей неопределима, а ее явлением и даром, причастием к ней и обладанием ею слово было создано, им оно перестало быть в своем падении, им снова становится, становясь самим собою в той встрече с Реальностью, в том принятии ее, которые мы называем верой.

Изъян современного, в том числе, увы, и православного богословия, а потому и столь очевидное бессилие его в том, что оно так часто перестает быть этой **отнесенностью**, становится «словами о словах» и определением определений. Оно либо, как на современном Западе, пытается **перевести** христианство на «язык современности», на котором, потому что это не только «падший» язык, но и поистине язык отречения от христианства, богословию нечего сказать, и усваивая который, оно само становится отречением. Либо же, как это мы часто видим у православных, оно пытается навязать «современному человеку» свой отвлеченный и во многом действительно «архаический» язык, который, в ту меру, в какую он для этого «современного» человека не **отнесен** ни к какой реальности, ни к какому опыту, остается чуждым и непонятным и над которым ученые богословы производят при помощи все тех же определений и интерпретаций опыты искусственного дыхания.

Но в христианстве вера, как опыт встречи и дара, в этой встрече полученного, первичнее слов, ибо только от этого опыта обретают они не просто свой смысл, но и силу. «От избытка сердца глаголют уста» (Мф. 12,24). И потому слова, к этому опыту не отнесенные, или же от него оторвавшиеся, неизбежно становятся **только** словами — двусмысленными, удобопревратными и лукавыми.

5.

Все сказанное относится, в первую очередь, к действительно ключевому для христианства, слову **единство**. Нет, я убежден, на человеческом языке слова более Божественного, но потому — в падении своём, в «украденности» своей у Бога — и более дьявольского. И это так потому, что тут как первичный смысл, так и подмена, кража касаются не чего-то только связанного с жизнью, а **самой жизни**, подлинной жизни в её первосущности.

Слово единство потому Божественно, что в опыте христианской веры **отнесено** оно, прежде всего, к Самому Богу, к открытию Божественной Жизни как Единства и Единства как содержания и полноты Божественной Жизни. Бог открывает Себя в своём Триединстве и Триединство как Свою Жизнь, и это значит — как источник и начало всей жизни, как поистине Жизнь жизни... И, может быть, нигде лучше и полнее не выражено, не воплощено **знание** Церковью этого, всякое разумение, всякое определение превосходящего Единства, чем в иконе всех икон, в Рублёвской

Троице, чудо которой в том, что, будучи изображением Трёх, она есть, в глубочайшем смысле этого слова, **икона**, т. е. откровение, явление и видение Единства как Самой Божественной Жизни, как Сущего.

И потому что на последней глубине своей вся христианская вера обращена к Троиственному Богу, есть знание Бога в Его Троиестве, этим же знанием знает она и созданную Им тварную жизнь, знает её в её **первозданности**, знает в **падении**, знает в **спасении**. Это, во-первых, знание и опыт творения, т. е. Богом созданной и дарованной жизни, как единства с Богом и в Нём, только в Нём, со всем творением, всей жизнью. Это, во-вторых, знание и опыт падения, т. е. самой сущности зла и греха, как разделения — отделения от Бога и потому распада и разложения самой жизни, торжества в ней смерти. И это, наконец, знание и опыт спасения, как восстановленного единства с Богом и в Нём — со всем творением, в единстве же этом — сущности новой и вечной жизни, грядущего в силе, но уже дарованного, уже предвосхищаемого Царства Божия: «да будут все едино якоже и Мы» (Ин. 17,22).

А это значит, что единство по отношению к христианской вере не есть нечто, хотя бы и важное и желанное, но всё же «добавочное», от самой веры отличное, так что может быть вера без «единства» и может быть единство, не верою содержимое, являемое и живущее. В единстве — сама сущность, само содержание веры, которая и есть вхождение в единство, принятие единства, утраченного миром в его падении, и опыт этого единства как спасения и новой жизни. Поэтому про веру сказано, что «праведный верою жить будет» (Рим. 1,17), что «верующий в Сына имеет жизнь вечную» (Ин. 3,36) и «не умрёт во век» (Ин. 11:26). Вера есть причастие **единству свыше** и в нём — «иног жития, вечного, начало»... Даром же, присутствием, исполнением этого **единства свыше**, и потому — веры, в «мире сем» является Церковь. По отношению к вере она не «другое», хотя бы с верой и связанное, но именно исполнение самой веры, то единство, принятие которого, вхождение в которое, причастие к которому, есть вера. В христианском предании и опыте вера — это то, что приводит к Церкви и вводит в неё, что саму Церковь **знает** как исполнение веры, как новую тварь и новую жизнь. Человек, говорящий — а таких очень много в наши дни — «я глубоко верующий, но вера моя не нуждается в Церкви», возможно верит и даже глубоко, но вера его **другая**, не та, что с первого дня христиан-

ства была жадной крещального вступления в Церковь и постоянным утолением этой жажды в «единстве веры и любви», за Трапезой Христовой, в Его Царстве. Вся жизнь Церкви «светлеется Троическим единством священнотайне» и — обратно — только в том и только то — жизнь Церкви, что этим Божественным единством светится и ему приобщает. Этим светом и, следовательно, в Церкви и Церковью, может поэтому жить отшельник, внешне, как преп. Серафим Саровский в своей «дальней пустыньке», отдалённый от церковной «видимости», и им может не жить человек в эту видимость, в эту внешнюю церковную деятельность с головой погруженный. Ибо весь строй Церкви, все «структуры», вся «видимость» её только в ту меру и живы, и действительны, и животворяют, в какую **отнесены** к этому Божественному **единству свыше**, и отнесены не только как «средства» к последней цели — когда «будет Бог все во всем» (1 Кор. 15:28), но как **уже и сейчас** — образ, дар, свет и сила Царства Божия, как поистине — видимость невидимого и осуществление ожидаемого...

И вот, **только** этим единством свыше, в котором подлинная жизнь её, и благодать, и новизна этой жизни, отделена Церковь от «мира сего», только знанием и опытом этого единства познает его как «мир падший», образ которого проходит (1 Кор. 7:31) и который обречен смерти. Ибо, если в «видимости» своей, в своих членах и во всей своей «внешней» жизни Церковь — плоть от плоти и кровь от крови «мира сего», то в своей подлинной жизни, миру невидимой, ибо «скрытой со Христом в Боге» (Кол. 3:3) и только верой узнаваемой, она всецело **иноприродна** по отношению к нему, потому что в том и падение его, тем он и «мир сей», что грехом оторвана жизнь его от единства свыше и в отрыве этом сама стала распадом, тлением, безнадежной порабощённостью смерти и времени, царящим на земле.

Но потому именно тут, именно в постижении иноприродности Церкви по отношению к «миру сему», сущности её как единства свыше раскрывается нам подлинный смысл той подмены, о которой мы сказали выше, что в ней главный и самый страшный соблазн, отравляющий современное церковное сознание, подмены единства свыше — **единством снизу**.

6.

Чтобы понять всю глубину этого соблазна и подлинно ужаснуться ему, нужно, прежде всего, почувствовать сущность того, что мы называем «единством снизу», противопоставляя его единству

свыше. Это то единство, которым, сколь бы ни был он падшим, смертным и «во зле лежащим», живет — в ту меру, в какую он жив, — «мир сей» и которое, сколь бы оно не затемнялось и не извращалось, заложено в нем Богом. Дьявол мог оторвать человека, и в нём — мир, от Бога, мог отравить и обессилить жизнь грехом, пронизать её умиранием и смертью. Одного он не мог и не может: изменить самой сущности жизни как единства. Не мог и не может, потому что только Бог есть Творец и Податель жизни, только от Него жизнь, законом которой поэтому, сколь бы она ни извращалась грехом, остаётся закон единства. Всё живущее в каждом биении жизни живет единством, его чаёт и к нему стремится.

В том, однако, подмена, в том победа «князя мира сего», что единство это он оторвал от Бога, как своего и источника, и содержания, и цели, оторвал тем, что сделал единство — самоцелью, и это значит на языке веры — **идолом**. Единство, которое от Бога, перестало быть единством к Богу и в Боге, который один исполняет его как подлинное единство и подлинную жизнь, оно само себя сделало своим собственным содержанием, своим собственным «богом».

И вот, с одной стороны, потому что оно от Бога, единство продолжает светить и в падшем «мире сём» и животворить его: в семье и в дружбе, в чувстве принадлежности к родному народу и ответственности за его судьбу, в любви, сострадании и милосердии, в искусстве, его взлётах и порывах к вечному, небесному и прекрасному, в высоких исканиях ума, в божественной красоте добра и смирения, во всем, иными словами, что в человеке и мире от образа и подобия Божия, затемненного, но неразрушимого. А с другой стороны, в ту меру, в какую перестало оно быть единством к Богу и в Боге и превратилось в самоцель и в идола, стало оно не только «удобопревратным», непрочным, легко распадающимся, но и самоисточником все новых разделений, зла, насилия и ненависти. Само себя обратившее **вниз** — к земному и природному, внизу — в плоти и крови — полагающее свое начало и свой источник, это единство снизу в ту же меру стало разделять, в какую соединять. Любовь к своему, единство в своем, оборачивается враждой к «чужому», не своему и отделением от него, так что само единство оказывается прежде всего отъединением, самоутверждением и самозащитой **против...** Все в мире живет единством, и все в мире этим же единством разделено и все время разделяется столкновением и борьбой «единств», ставших идола-

ми. И нигде столь очевидно не проявляется подлинно дьявольская сущность этой подмены, как в тех **утопиях единства**, что составляют содержание и внутренний двигатель всех без исключения современных **идеологий**, как «левых», так и «правых», идеологий, в которых дьявольская ложь договаривает себя, ибо окончательное, «идеальное» единство являет себя как столь же окончательное расчеловечение человека, принесение человека в жертву ставшему до конца идолом «единству»...

Вот почему так страшно все более очевидное проникновение соблазна этим «единством снизу» в саму Церковь, отравление им исподволь церковного сознания. Речь идет не о внешних переменных, не о каком-либо пересмотре догматов или канонов, не о «переоценке» предания. Напротив, в отличие от западных христиан, стихийно «капитулирующих» духу «нашего времени», православие остается глубоко консервативным, приверженным ко всему овеванному ореолом древности. Больше того, в наши дни глубочайшего духовного кризиса, вызванного торжеством секуляризма, безличной и бесчеловечной технологии, идеологического утопизма и т. д., это ностальгическое притяжение «древности» усиливается в православном «религиозном чувстве», само становится своего рода утопизмом прошлого.

Речь идет о внутренней направленности церковного сознания, о том **сокровище**, про которое сказано в Евангелии, что там, где находится оно, там будет и сердце человека (Мф. 6:21), и которое составляет внутренний двигатель, внутреннее вдохновение церковной жизни. Для Церкви Христовой таким сокровищем всегда было и всегда будет, и не может не быть, Царство Божие, т. е. единство свыше, единство с Богом во Христе Духом Святым. Только для того, чтобы являть его в «мире сем», и тем спасать мир, оставлена и «странствует» на земле Церковь. Только о нем ее свидетельство и благовестие, только в нем ее жизнь. Можно сказать больше: пришествие в мир Христа и в Нем — единства свыше, заповедь Его апостолам, и это значит — Церкви, проповедывать Евангелие всей твари, крестя «во Имя Отца и Сына и Св. Духа», и это значит — вводить в Церковь и созидать ее, внесли в «мир сей» последнее и окончательное **разделение** «не мир, но меч» (Мф. 10:34). «Ибо Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку домашние его...» (Мф. 10:35-36). Но весь смысл этого поистине спасительного разделения, все абсолютное, коренное отличие его от губительного разделения, внесенного в мир

дьяволом и составляющего саму сущность греха и падения, что оно есть **обличение**, т. е. в буквальном смысле этого слова — явление, раскрытие, выведение «на чистую воду» — дьявольской подмены, лжи, превратившей «единство снизу» в идола, а служение ему в идолопоклонство, в отделение от Бога, в разделение жизни, в гибель и смерть. Только потому, что вошло в мир, явлено и даровано и пребывает в нем Божественное единство свыше, может, наконец, человек **уверовать** в него, т. е. увидеть, принять всем существом своим, полюбить, осознать его как сокровище сердца и единое на потребу. Но тем самым, увидеть и осознать всю глубину, весь ужас, всю безысходность падения, скрытого от него доселе дьяволом под лукавым и соблазнительным гримом «единства снизу». То **обращение**, что неизменно лежит в основе христианской веры, есть, прежде всего, обращение от «единства снизу» к «единству свыше», отречение от одного для принятия другого, ибо без отречения невозможно принятие, без «отрицания диавола его и всех ангелов его и служения его» невозможно крещальное сочетание Христу. «И враги человеку домашние его». О чем эти слова, как не об «единстве снизу», о всяком «единстве снизу», т. е. об единстве, ставшем идолом и идолопоклонством, самостью, самоцелью и, следовательно, разделением жизни? «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего» (1 Ин. 2, 15-17). О чем эта заповедь Апостола любви, как не об отречении от «единства снизу» во имя «единства свыше», от «мира сего», ставшего идолом, во имя мира как причастия Божественному единству свыше, как жизни в Боге?

Вот почему единство свыше, в котором спасение мира, входит в мир Крестом и нам даруется как Крест, которым, по слову Апостола Павла, «для нас мир распят и мы для мира» (Гал. 6:14), как постоянная борьба с соблазном «единства снизу», пронизывающим всю жизнь, и самую потаенную, самую «личную», и самую «внешнюю». Но как смерть, которой Бог не сотворил и про которую сказано Апостолом, что она — «п о с л е д н и й в р а г» (1 Кор. 15:26), в вольной, только любовью, только самоотдачей наполненной смерти Христовой, разрушается в самой «смертности» своей и гроб делает живоносным, так и разделение, внесенное в мир Христом, будучи обличителем Диавола — Лжеца и Разделителя, разрушает дело его, ибо им, этим разделением, входит в мир, и в каждом принимающем и живущим им, воцаряется то одно подлинное, ибо Божественное, Единство, которым

преодолевается и будет до конца побеждено всякое разделение, так что будет Бог — все во всем...

Но вот, не выдерживают христиане этого дара, не выдерживают своего высокого и спасительного в «мире сем» призвания. Только в единстве свыше нуждается, сам того не зная, мир, только его жаждет и алчет от Церкви. А они саму Церковь все хотят — веками! — заставить служить всевозможным «единствам снизу», благословлять, освящать, «религиозно» санкционировать их, быть их выражением и оправданием. Именно эти «единства снизу» — природные, национальные, идеологические, политические — стали сокровищем сердца, хотя подмена и скрыта часто от самих тех, кто совершает ее, ибо облечено это сокровище в церковные ризы и говорит так часто на сугубо традиционном, сугубо «православном» языке. Но вот, пусть и зачарованное церковностью, древностью и всем их благолепием, не скажет сердце, этому сокровищу отдавшее себя, слов, которые такой радостью и, главное, такой самоочевидностью звучат, например, в раннехристианском Послании к Диогнету: «Всякое отечество нам чужбина, и всякая чужбина — отечество...», не назовет христиан «родом третьим», странниками и пришельцами на землю, ибо уже познавшими, уже узревшими всю радость вожделенного отечества, не вздохнет этой свободой во Христе, что одна несет в себе преображение мира, возвращение к Богу всех «единств», всех «ценностей», оторванных от Него дьяволом...

7.

Только теперь, только сказавши это, мы можем вернуться к тому **исповеданию веры**, которое с первого же дня Церкви было и остается условием крещального вступления в церковную жизнь и которое в теперешнем чине литургии как бы предначинает евхаристический канон, само таинство благодарения и возношения.

«Сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10:10). Мы говорили уже о решающем — в христианской вере — значении **слова**. Само христианство есть, прежде всего, **благовестие**, возвешение Слова Божия, а потому — спасение и возрождение слова, претворение его в то, чем оно создано было Богом: в слово не только о реальности, а в слово-реальность, слово-жизнь, слово как явление, дар и «силу многую». Исповедание веры в слове и словом потому так основоположно в христианстве, что **единство свыше**, составляющее сущность самой Церкви, как «единство веры и любви», осуществляется, даруется

и принимается, прежде всего, его **именованием**, подлинным явлением и воплощением его в слове. Если вся жизнь Церкви и вся жизнь каждого члена ее призваны быть исповеданием, то начало, источник этого исповедания всегда в слове, ибо в нем и им опознается, именуется и исполняется и дар Божий нам, и принятие нами этого дара, то общение, то единство, что и составляет сущность и жизнь веры. Как евангельское слово о Христе являет и дарует нам Самого Христа, воплощенное Слово Божие, так исповедание веры в слове, именование той Божественной Истины, к которой вера обращена, знанием о которой является, есть, тем самым, дар Истины и причастие ей. Поэтому никогда не перестает, никогда не устает Церковь снова и снова, и каждый раз как будто впервые, «единными устами и единым сердцем», произносить это самое удивительное, самое неисчерпаемое из всех человеческих слов: «Верую!» и именовать, называть ту Божественную Истину, знанием и светом которой она живет. Поэтому, будучи само осуществлением «единства веры», исповедание веры в самом себе несет и дарует радость об этом единстве, есть радостное священнодействие Церкви. И потому, наконец, именно оно, именуя единство свыше, вводит нас в Таинство этого единства, начинает собою евхаристическое восхождение к трапезе Христовой в Его Царствии...

Но исповедание веры есть также и суд Церкви, как и суд каждого из нас, членов Церкви, над собою. «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Мф. 12:37). В нем мерило и в нем обличение всех наших подмен и измен, в нем неподкупная проверка того, где и в чем сокровище нашего сердца, проверка самой нашей веры.

Все в Церкви, все ее формы и структуры, и даже богослужение и благочестие, можно «перетолковать», ибо нет предела хитрости и лукавству «князя мира сего», все в этом мире, — даже религия, даже «духовность», даже видимое благолепие, — могут стать идолом и идолопоклонством. Но пока повторяет Церковь, и каждый из нас с нею и в ней, **исповедание веры** и им судит себя и снова и снова просвещает Истиной, не одолеют ее «врата адовы» и не иссякнет вечно возрождающая, вечно исцеляющая сила ее жизни, «светлеющейся Троическим единством священнотайне».

Прот. Иоанн МЕЙЕНДОРФ

РУССКИЙ ЕПИСКОПАТ И ЦЕРКОВНАЯ РЕФОРМА (1905 г.)*

Согласно принципам и «букве» петровских реформ, русское православие как официальная религия государства стало частью централизованного управления империи, как если бы и не было «Церкви» — ибо Церковь предполагает некую ступень самостоятельной организации — но только вероучение, разделяемое подданными императора, и требующее поддерживаемых государством общественных и образовательных «ведомств». Церковь в юридическом отношении стала «Ведомством православного вероисповедания». Несоответствие этой системы традиционному православному понятию о Церкви очевидно.

Византийский средневековый образец, бережно сохраненный в православных канонических собраниях, предполагал «симфонию» между империей и священством, а не поглощение последнего государством.¹ Что бы ни говорилось о практическом применении этого византийского образца на Московской Руси (когда власть царя была в действительности более произвольной, чем власть византийского василевса), идея симфонии предполагала богословское различие между основными функциями Церкви и государства: только отличные друг от друга реальности могут взаимодействовать в «симфонии», тогда как ведомство — лишь часть государственной машины.

По стереотипному представлению о русском Православии при старом режиме, считается само собою разумеющимся, что духовенство, в большинстве своем, не осознавало недостатков системы, было довольно своим мнимо привилегированным положением и не было склонно поддерживать какую бы то ни было реформу *status quo*. Цель этой статьи — разрушить такое представление, не делая, правда, значительного нового открытия в области русской

* Русский перевод доклада, прочитанного на английском языке 28 апреля 1971 г. в Миннеаполисском Университете, США.

¹ Ср. F. Dvornik. *Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background*, Dumbarton Oaks Studies IX (Washington, D.C., 1966), vols. I-II; см. также нашу статью: «Justinian, the Empire and the Church»: *Dumbarton Oaks Papers* 22, 1968, pp. 45-60; см. об этом же (более сжато) в нашей книге: *Byzantine Theology. Historical Trends and Doctrinal Themes*, New York, Fordham University Press, 1974, pp. 213-216.

истории, а лишь указав на одно весьма важное издание: три, *in folio*, тома официальных ответов русских епископов на циркулярный указ от 27 июля 1905 г., разосланный им Святейшим Синодом и требующий описания тех сторон жизни русской Церкви, которые, по их мнению, нуждались в изменениях или реформе.² Ответы с мест поступили в канцелярию Синода к декабрю 1905 г. Они представляют собою довольно непосредственную, а иногда и импровизированную реакцию на неожиданную возможность свободной дискуссии о церковной реформе. Эта возможность представлялась архиереям, т. е. лицам с оправданно консервативной репутацией. В общем-то никто не ожидал бы, что революционная — или хотя реформистская — мысль может исходить от епископов! Тем не менее, в этом случае проявилось почти единодушие русских святителей в расположении к реформам, и, что даже более важно, — широкий богословский и идеологический консенсус относительно принципов большей независимости Церкви в ее служении обществу.

Этот консенсус показал, что внутренняя, духовная свобода осталась жива в жестких рамках послепетровского русского церковного строя. Более внимательный взгляд на «Отзывы» позволяет определить образовательный и интеллектуальный фон авторов, их духовную родословную в предшествующих столетиях и десятилетиях, их замечательную способность распознавания не только богословских и канонических вопросов дня, но и жизненных проблем, стоящих перед рядовым духовенством и церковным народом.

1. Официальные шаги в направлении церковной реформы в 1904-1905 г.г.

Наиболее дальновидная и образованная часть русских духовных деятелей, включая и мирян, профессоров духовных школ, осознавала ненормальный характер петровского режима. Мнения, выраженные по этому поводу такой выдающейся фигурой девятнадцатого столетия, как митрополит Московский Филарет (Дроздов), разделялись многими. В первые годы двадцатого века, оптимистически-реформистское настроение интеллигенции и широкое принятие среди богословов идеи соборности, выраженной А. С. Хомяковым, как необходимого основания всех возможных ре-

² См. *Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе*, СПб., 1906, 3 тома и *Прибавления*.

форм, создали общую атмосферу, к которой, как свидетельствуют «Отзывы», была причастна и большая часть епископата и которой объясняются некоторые официальные шаги в направлении церковной реформы, предпринятые в 1904-1905 г.г. Эти шаги не были следствием каких-либо захватывающих революционных событий. Они объяснялись скорее совпадением точек зрения епископата, интеллигенции и ведущих элементов духовенства. Расхождения во мнениях, конечно, проявилось очень скоро, но первоначальный порыв к реформе показал замечательное единодушие всех слоев церковного общества.

Факты довольно общеизвестны.³ Под давлением общественного мнения, в особенности Земского съезда (ноябрь 1904 г.), изданный 12 декабря 1904 г. указ о веротерпимости отменил многие ограничения, препятствовавшие деятельности неправославных религиозных групп в пределах Империи.

В результате обнаружилось, что «привилегированная» и официальная Русская Православная Церковь была на самом деле под более строгим контролем государства и в большей зависимости от него, чем неправославные религиозные общины. В первые недели 1905 г. это открытие привело к опубликованию трех текстов, положивших начало процессу, который после долгой отсрочки объяснявшейся политическими причинами, завершился Собором 1917-1918 г.г. Это были:

а) «Памятная записка» Антония (Вадковского), митрополита С.-Петербургского и Ладожского, обращенная к Царю и Комитету Министров и содержащая просьбу о специальном совещании представителей церковной иерархии, с участием компетентных лиц из клириков и мирян (но без каких бы то ни было официальных представителей от государства) для выработки предложений об:

- автономии Церкви и ее «праве на инициативу»;
- гарантиях свободы Церкви от возложения на нее какой бы то ни было прямой государственной или политической миссии;
- гарантиях свободы в управлении «внутренними делами» Церкви;
- предоставлении приходу статуса «юридического лица» с правом владения собственностью;

³ См. общий обзор событий в работе: А. Bogolepov, *Church Reforms in Russia, 1905-1918*, Bridgeport, Conn., 1966; J. S. Curtiss, *Church and State in Russia: The last Years of the Empire, 1900-1917*, New York, Columbia University Press, 1940.

— допущении духовенства к участию в земской деятельности;
— предоставлении епископу (или епископам) одного (или нескольких) мест в Государственном Совете и прямого доступа в Совет Министров.⁴

Умеренная по своему тону и требованиям, «Записка» ведущего члена Святейшего Синода отражала не только желание большей независимости Церкви от государства, но и недовольство иерархии в связи с необходимостью обращаться к высшим властям только через посредство обер-прокурора Святейшего Синода; подлинная независимость Церкви предполагала бы возможность прямого доступа к Царю и правительству.

б) «Памятная записка», подписанная самим С. Ю. Витте, председателем Комитета Министров, и представленная на специальном Совещании по церковным делам при Комитете Министров; набросок текста был сделан либеральными профессорами духовных академий, пользовавшихся сочувствием Витте, и был гораздо более радикальным, чем «Записка» митр. Антония. В ней существующий церковный режим был назван «незаконным», поскольку он держал Церковь «в состоянии паралича». В ней также отстаивался принцип соборности, включая требование полного участия мирян в предполагавшемся Соборе и даже избрания кандидатов от духовенства общинами мирян.⁵

с) Либеральный манифест, подписанный тридцатью двумя священниками столицы и отражавший мнение ведущих представителей белого духовенства. В нем высказывалось требование созыва Собора с широкой повесткой дня, включавшей и такие вопросы, как избрание епископов их епархиями.⁶

Осмелевший под влиянием общественного мнения, сам Святейший Синод, возглавленный митрополитом Антонием, также обратился к царю с просьбой о разрешении созвать Поместный архиерейский Собор, который, по православному каноническому праву (ср. Первый Вселенский Собор, правила 4 и 5),

⁴ «Записка» митрополита Антония была опубликована в «Слове» (от 28 марта 1905 г.) и перепечатана в книге: *Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросам о реформе*, изданной И. В. Преображенским (СПб., 1905, сс. 133-136).

⁵ См. текст в «Слове» от 28 марта 1905 г.

⁶ См. текст в «Церковном вестнике», 1905, № 11; перепечатан в сборнике: *Церковная реформа...*, сс. 1-6.

должен был созываться дважды в год, но в действительности не созывался в России в течение двухсот лет!

По совету К. П. Победоносцева, Николай II отказался удовлетворить просьбу Синода. Однако обер-прокурор, стремясь как-то замедлить ход событий и ожидая, что со стороны епископата проявятся желательные для него реакционные тенденции, решил, вместо собора, на письменный опрос мнений архиереев по обсуждавшимся вопросам. Таково происхождение «Отзывов». Дошли они до Петербурга уже после громовых событий, происшедших осенью 1905 г.: «Октябрьского манифеста» и отставки Победоносцева. В январе 1906 г., Предсоборная комиссия, само создание которой означало восстановление соборности в русской Церкви, начала работу по подготовке Поместного Собора. Некоторые епископы — из самых влиятельных — ожидали, что Собор состоится после Пасхи 1906 г. (Ш, 276).⁷

Следующие основные стороны церковной жизни затрагивались в «Отзывах»:

1) Состав будущего Собора, т. е. в основном вопрос о том, будут ли допущены к голосованию клирики и миряне, а не только епископы. Идеи, высказанные архиереями в этом вопросе, были отражением дебатов, проходивших в печати.

2) Децентрализация церковного управления.

3) Реформа центрального управления и последующее восстановление патриаршества.

4) Церковные суды и расширение их компетенции (особенно в бракоразводных делах).

5) Желательность проведения регулярных епархиальных съездов клира и мирян.

6) Вопрос об участии духовенства в общественной деятельности.

7) Роль прихода как ядра церковной жизни и его каноническое и юридическое положение.

8) Проблемы церковной собственности: приобретение, отчуждение и т. д.

9) Богословское образование.

⁷ Здесь и ниже ссылки даются на том и страницы издания: *Отзывы епархиальных архиереев...*, СПб., 1906. Упомянутый здесь «Отзыв» принадлежит архиепископу Финляндскому Сергию (Страгородскому).

10) Сферы литургической практики и церковной дисциплины: широкое большинство выражало неудовлетворенность по поводу недоступности большей части литургических обрядов для массы верующих, а меньшинство предлагало перевести литургические тексты с церковно-славянского на современный русский язык; практически, все епископы требовали принятия мер, направленных на то, чтобы молящиеся могли более полно участвовать в богослужении.⁸

Проблема церковно-государственных отношений не обсуждается епископами прямо, но она явно предполагается, особенно во втором, третьем и шестом разделах. Поскольку полный анализ «Отзывов» представлял бы собою более обширный замысел, требующий гораздо больше времени и места, мы ограничимся здесь лишь несколькими краткими замечаниями по этим трем разделам. Даже и при таком ограничении, наш анализ будет далеко не исчерпывающим. Надеемся, что он подвигнет других на более полное использование массы материалов, имеющих в «Отзывах».

2) Проекты децентрализации.

Только три архиерея выразили мнение, что существующая система церковного управления не должна подвергаться изменениям. По-видимому, их мнение было чисто консервативной реакцией, отражавшей страх перед любой переменой в связи с революционной атмосферой, существовавшей в 1905-1906 г.г. Страх этот заметно проявляется в отзыве одного из этих трех архиереев — епископа Тульского Лаврентия: «Разделение Церкви, как и государства, — пишет он, — не может быть одобрено, особенно в настоящее смутное время» (III, 387).

Все другие члены русского епископата единодушно выступают за создание церковных округов, или областей, управляемых местными митрополитами, с областными синодами епископов, наделенными некоторой автономией. Причиной такого замечательного консенсуса, несомненно, была непопулярность централизованной синодальной бюрократии, возглавлявшейся обер-прокурором — мирянином, но также и заинтересованность в восстанов-

⁸ Литургическим и дисциплинарным реформам, предлагавшимся архиереями, уделено специальное внимание в единственном (и очень кратком) существующем обзоре «Отзывов», сделанном Н. М. Зерновым: см. «Реформа русской церкви и дореволюционный русский епископат», «Путь», 45, Париж, 1934, стр. 3-15.

лении системы, более соответствующей каноническим правилам и церковной традиции. В связи с обсуждением церковной реформы, русская богословская наука тех лет обогатилась несколькими ценными исследованиями в области истории древнего церковного строя, и епископы (или же комиссии, созданные для подготовки «Отзывов») основательно их использовали.⁹

Два лейтмотива проходят через «Отзывы»: с одной стороны, создание «митрополичьих округов» должно дать Церкви большую независимость и, с другой, позволить ввести в практику регулярную соборность, неосуществимую на всероссийском уровне (ср. «Отзыв» Никанора Пермского, II, 389-390).

Наиболее важная функция областного Собора, как это выражено в канонических текстах, цитируемых в «Отзывах», состоит в избрании епископов и суде над ними. Понятно в связи с этим, что самой основной в вопросе о децентрализации была проблема зависимости Церкви от государства: со времен Петра, все епископы назначались указом Святейшего Синода, который в действительности был органом государства. В этом контексте некоторые из епископов (например, Константин Самарский, — I, 431) цитируют апостольское правило 30-е, по которому считается недействительным «всякое избрание во епископа», сделанное «мирскими начальниками». Буквальное толкование этого правила фактически означало бы, что все назначения епископов со времен Петра — недействительны. Одно это положение исключало возможность искусственно восстановить строй древней церкви, который действовал в иных исторических условиях. Поэтому несколько наиболее влиятельных членов русской иерархии настаивают на том, что цель реформы заключается в необходимости ответить на конкретные потребности русской Церкви в двадцатом столетии. Задача предстоящего Собора в том, чтобы восстановить канонические нормы, а не копировать структуру древней церкви во всех деталях (см. мнение профессора А. Бриллиантова, включенное в «Отзыв» Антония С.-Петербургского, — III, 117-118; и Сергия Финляндского — III, 277). Митрополит Флавиан Киевский, один из старейших и почтеннейших членов русского епископата,

⁹ Наиболее часто цитируются книги: А. П. Лебедев, *Духовенство древней вселенской церкви*, М., 1905 и П. Гидульянов, *Митрополиты в первые три века христианства*, М., 1905. Второе из этих исследований гораздо основательнее первого. Многие Богословские периодические издания также посвящали этому вопросу многочисленные статьи в период 1904-1917 г.г.

резюмирует задачи проектируемой реформы в следующих четырех положениях:

- 1) Епархии, связанные между собою только через центральное управление в С.-Петербурге, фактически отделены одна от другой и не способны разрешать местные пастырские вопросы.
- 2) Соборность должна быть восстановлена прежде всего в церковных округах.
- 3) Существующая централизованная бюрократия присвоила себе власть, которая по каноническим основаниям принадлежит епископам округа, встречающимся соборно.
- 4) Реформа даст возможность создать более мелкие и многочисленнее епархии (в каждом уезде) и потому позволит епископам быть настоящими пастырями их паствы, а не недоступными высшими администраторами (II, 103).

По этому последнему пункту архиепископ Антоний Волынский, тоже сторонник более многочисленных и мелких епархий, высказывается и за упразднение викарных епископов — установление, недавно заимствованное из Западного христианства (I, 122.)

В значительном числе «Отзывов» предлагается, чтобы поместные соборы, наряду с епископами и председательствующим на них митрополитом (или патриархом), включали также представителей клира и мирян, чье участие на соборе, однако, определяется в некоторых «Отзывах» лишь как совещательное (Стефан Могилевский — I, 99-100; Симеон Екатеринославский — I, 78; Флавиан Киевский — II, 75). Довольно язвительные возражения архиеп. Антония Волынского против какого бы то ни было «демократического» участия на соборах клириков и мирян (I, 112-120) являются исключением. Дебаты по этому поводу возникнут также в связи с вопросом о составе Всероссийского Поместного Собора.

«Отзывы» включают конкретные схемы будущих церковных округов. Число возможных митрополий варьируется от 7 до 22. Схемы, в которых предлагается меньшее число (ср. «Отзывы» из Курска, Перми, Волыни, Гродно, Олонца, Томска, Рязани и Америки) явно построены на географическом, этническом и историческом принципах: в них рекомендуются митрополии на Северо-Западе (С.-Петербург), в центральной России (Москва), на Юге (Киев), на Кавказе (Тифлис), в Белоруссии, на Востоке (Казань) и в Сибири. Другие епископы предлагают различные возмож-

ности дальнейшего, более дробного подразделения крупных округов.

Принятие церковного регионализма в управлении русской Церковью не могло не поставить вопроса о многонациональности Российской Империи. К 1905 г. проблема эта еще не достигла той остроты, какую она приобрела в более поздние времена, но она уже ставится в некоторых «Отзывах». Так, в Отзыве еписк. Стефана Могилевского упоминается опасность грузинского сепаратизма как одна из невыгодных сторон регионализма (который он в остальном поддерживает); еписк. Стефан предлагает, чтобы будущий митрополит Кавказский, управляющий частями Кавказа не входящими в Грузинский Католикосат, всегда был русским (I, 97). О необходимости сохранения единства России упоминается также — довольно периферически — епископами Белоруссии и Украины. Однако и противоположная тенденция выражается свободно: в «Отзыве» экзарха Грузии открыто выражена желательность восстановления традиционной автокефалии грузинской Церкви, что, по мнению Экзарха, не поведет к политическому сепаратизму (III, 510). Епископ Алеутский и Северо-Американский Тихон, будущий патриарх, предлагает создание отдельной, автономной, а может быть, и автокефальной, церкви в Америке, где русский епископ находится в совершенно иных политических условиях, как глава многонациональной массы верующих, включающей не только русских и карпато-русских эмигрантов, но и алеутов, индейцев, эскимосов, а также сербов, сирийцев, греков и др. (I, 531) Проект еп. Тихона, свидетельствующий о замечательном понимании им американской ситуации, послужит авторитетным образцом при создании автокефальной Церкви в Америке в 1970 г.

3) Реформа центрального церковного управления.

За исключением лишь четырех архиереев, весь русский епископат требует восстановления патриаршества, упраздненного Петром I. Три из несогласных с общим мнением голосов (Парфений Подольский, Дмитрий Балтский, викарный епископ Подольской епархии — II, 490-497 и Лаврентий Тульский — III, 381-382) боятся каких бы то ни было значительных изменений в церковном управлении, ссылаясь на невозможность реформ в условиях революционной атмосферы. Они выступают и против самой идеи Собора. Четвертый (Паисий Туркестанский) выражает крайне противоположное настроение: он боится, что государству было бы

легче осуществлять контроль над патриархом, чем над коллективным управлением Церковью, и выступает за коллегиальное и выборное руководство на всех уровнях церковной администрации (I, 50-52).

Большинство епископов, защищавших идею восстановления патриаршества, практически единодушны в критике существующего синодального режима, который они считают неканоническим и противоречащим началам соборности. Избрание патриарха рассматривается ими как необходимое условие независимости Церкви — под руководством первосвященника, ответственного за соборную форму правления, — от централизованной государственной бюрократии (см., в особенности, «Отзывы» из Уфы: II, 54-55; Пскова: II, 224; Киева: II, 103; Москвы: III, 253-256; Варшавы: II, 273-275; Рязани: III, 579; Волыни: III, 186-194; Оренбурга: II, 146-147; Холма: II, 466 и Америки: I, 530).

Наряду с этими основными аргументами, — в которых консерваторы и либералы соглашались, хотя и по несколько различным мотивам, — в некоторых «Отзывах» приводятся дополнительные доводы, особенно тот, что, согласно православной традиции, каждая поместная церковь должна быть руководима лично епископом главного города: среди православных Церквей — сестер, русская, со времен Петра, единственная из всех, была лишена этого личного руководства.

Широкое единодушие авторов «Отзывов» в вопросе о восстановлении патриаршества не распространялось, однако, на определение роли и ответственности патриарха. Историк И. Соколов, специалист по истории Константинопольского патриархата, которого митрополит С.-Петербургский попросил высказаться о каноническом аспекте намечавшихся реформ, изложил обоснованное мнение, защищающее монархическую власть патриарха в Церкви, распространяющуюся и на собор (III, 128-130). Широкое большинство епископов, однако, характеризует патриарха лишь как «первого среди равных», так что собор всех епископов является в действительности высшей властью, и суду его может подлежать и сам патриарх (ср., например, «Отзывы» из С.-Петербурга: III, 86; Москвы: III, 256; Калуги: I, 29; Вятки: II, 509-510; Холма: II, 466; Ставрополя: II, 261; Финляндии: III, 269-270; Орла: I, 520-521; Оренбурга: II, 146-148; Иркутска: II, 227).

Много внимания уделяется в «Отзывах» вопросу о составе будущего Собора: будет ли он чисто епископским собранием или будет включать и клир и мирян? Этот же вопрос будет обсуж-

даться в работе Предвыборной комиссии, а также в богословских и церковных журналах в период между 1905-1917 годами. Решение, которое будет в итоге принято на Соборе 1917-1918 г.г., явственно подтвердит принцип соборности: патриарх ответствен перед собором, а собор включает епископов, клириков и мирян. Но статут 1917 г. защитит также и особую роль епископов, предоставит им коллективное право *veto* на все соборные решения. Интересно, что именно эта система соборной работы и избрания патриарха предлагается в «Отзыве» будущего патриарха Сергия (Страгородского): три кандидата на патриаршество выделяются путем повторных голосований «палаты» епископов, «нижней палаты» клириков и мирян, и решением царя. Затем патриарх избирается по жребию (III, 269-270). Именно так, по жребию, будет в октябре 1917 г. избран патриарх Тихон, после выдвижения кандидатов всем Собором — епископами, клириками и мирянами (но уже не царем!).

Разумеется, никто из епископов не предвидит в 1905 г. ни конца монархии в России, ни отделения Церкви от государства. Во многих отзывах выражается уверенность, что будущая Россия станет либеральным государством, в котором восстановленный патриархат будет играть самостоятельную и социально влиятельную роль. Почти для всех архиереев естественной резиденцией патриарха представляется С.-Петербург. Только два епископа (Тамбовский — III, 318 и Финляндский — III, 269) считают, что Москва — исторический престол предшествующих русских митрополитов и патриархов — должна вновь стать религиозной столицей России.

4. Участие духовенства в общественной и политической жизни.

Неизбежным следствием Петровской системы, при которой духовенство замыкалось законом в особое сословие, явилось то, что роль клира в русском обществе была почти исключительно ограничена богослужением. Официальные административные обязанности духовенства по регистрации рождений и браков и скромное участие в государственной образовательной системе не могли, конечно, обеспечить настоящую возможность влиять на русское общество, а наоборот, подчеркивали его отчужденность. Приходится, увы, признать некоторую преемственную связь между современным советским законодательством о религии, ограничивающим деятельность священнослужителей лишь «культом», и

требованиями петровской системы, ограничивающей деятельность духовенства рамками «духовного сословия». Глубокая неудовлетворенность, вызванная положением социальных «отверженцев», была довольно сильной среди русского духовенства предреволюционных лет, и, конечно, влияние ее сказалось — прямо или косвенно — на некоторых требованиях и предложениях, выдвинутых в «Отзывах». Вопрос о роли Церкви и духовенства в обществе будет также центральным на Соборе 1917-1918 г.г., особенно в связи с защитой большинством членов недавно развившейся системы приходских школ, которая рассматривалась духовенством как один из путей к более гармоническому единению Церкви и общества, тогда как Дума и Временное правительство считали систему приходских школ устаревшей и финансово обременительной. Уже после революции «обновленческая», или «живая» церковь будет, в некоторой степени, отражать те же чаяния белого духовенства и части социально настроенной интеллигенции, но, увы, раскольнический и продажный характер «обновленческой» организации скомпрометирует и те положительные течения, которые вошли в первоначальный состав обновленческого движения.

Резкие выпады архиепископа Антония Волинского (Храповицкого) против «прогрессивных», «республиканских» и «демократических» священников являются отражением не только его консервативного мировоззрения (в котором архиеп. Антоний, на самом деле, не очень последователен), но и его презрения к духовенству как сословию (I, 112-120). В «Отзывах» они стоят совершенно особняком. В целом епископы успешно избегают крайних позиций и руководствуются в своих мнениях лишь богословскими и пастырскими соображениями. Большинство архиереев требует, чтобы духовенству была дана возможность иметь свой голос политической и общественной жизни России — не как выразителю своих сословных интересов, а как свидетелю благовестия Христова. Как гражданам, священнослужителям следует предоставить право участия в выборах в земство, Городскую и Государственную Думу (Чернигов — I, 111), а также право быть избранными в эти законодательные органы, — в особенности для того, чтобы голос Церкви был бы в них услышан ответственно и внятно (Полоцк: I, 173-174; Харьков: I, 20; Калуга: I, 33; Америка: I, 536-537). Эти требования уже высказывались ранее в «Записке» митр. Антония С.-Петербургского (см. выше, с. 51), который выражал также мнение, что

патриарх и некоторые из епископов должны быть *ex officio* членами Государственного Совета.

Выражая положительный взгляд на участие духовенства в общественной жизни, некоторые из епископов предостерегают против опасности вовлечения Церкви в «политику», цитируя древние каноны, запрещающие принятие на себя духовенством прямой политической власти или каких-либо юридических или финансовых обязанностей. По мнению большинства архиереев, лица духовного звания, избранные в законодательные органы, должны вносить свой вклад в обсуждение вопросов церковного строительства, образования, общественного благосостояния и морали, но не участвовать в политике как таковой (Воронеж — I, 145; Новгород — II, 203; Холм — II, 489; Казань — III, 436). Интересно, что, в числе других, такие предостережения высказывает епископ Холмский Евлогий, который сам станет выдающимся и очень активным членом Государственной Думы. Фактически, епископы явно сознают трудности определения того, что такое «политика», непозволительная для духовенства, и что такое «общественные обязанности», составляющие необходимую часть церковной деятельности. По понятным причинам, они, конечно, не могли обладать практическим опытом в этой области.

Заключение.

Содержание «Отзывов» возможно анализировать и критиковать с разных точек зрения. Так, с богословской точки зрения, вопрос о соответствующей роли на Соборе епископов, клириков и мирян, обсуждаемый в «Отзывах», не может быть по-настоящему разрешен без предварительного установления основных эклизиологических предпосылок: о природе поместных Церквей (или епархий), о способе избрания епископов и о сущности епископского служения. Общее понятие «соборности» слишком неопределенно и явно недостаточно для того, чтобы дать ответ на все конкретные эклизиологические вопросы. Эклизиологические идеи, легшие в основу «Отзывов», потребовали бы, таким образом, специального изучения. Подобно этому, и отразившееся в «Отзывах» влияние господствующих направлений общественной мысли — склонность к либеральной демократии, романтическому народничеству, консервативной реакции — нуждается в серьезном анализе. Наконец, чисто историческое и просопографическое значение собрания «Отзывов» чрезвычайно велико, поскольку все выдающиеся личности русской церковной истории революцион-

ной и послереволюционной эпохи представлены в числе составителей: будущие патриархи — Тихон (Беллавин) и Сергей (Страгородский); Евлогий (Георгиевский), позднее митрополит Западно-Европейский (1922-1946); Антоний (Храповицкий), позднее митрополит Киевский, а затем глава «Русской зарубежной церкви» в Сремских Карловцах, и многие другие. Следует также отметить, что большинство «Отзывов» отражает работу комиссий, созданных в епархиях. Некоторые из этих комиссий, — особенно в С.-Петербурге, Москве, Киеве и Казани, — где местный епископ мог использовать персонал духовных академий, составили доклады, имеющие подлинно научный интерес. Работа комиссий в других местах отражает настроения провинциального духовенства и его руководства. Все это способствовало тому, что собрание «Отзывов» является наиболее значительным и обширным документом о состоянии русской Церкви в последние годы старого режима и о ее чаяниях на будущее.

Прот. Николай АФАНАСЬЕВ (1891-1966)

ВСТУПЛЕНИЕ В ЦЕРКОВЬ*)

Глава III.

Порядок совершения таинства приема в Церковь.

1. «Христос послал меня не крестить, а благовествовать» (I Кор. 1,17). На основании этих слов было бы неправильно считать, что ап. Павел недостаточно высоко ценил крещение. Учение ап. Павла о крещении находится в противоречии с такого рода выводом. Павел призван был к апостольству, которое состояло в «созидании» местных церквей через «благовестие».

Эти слова Павла важны в том отношении, что дают некоторые указания, как совершался прием в Церковь в апостольское время. Павел, а также, вероятно, другие апостолы крестили начатки верующих, которые составляли ядро местной церкви. Дальнейший прием в Церковь совершался, как общее правило, не апостолами, а самой местной церковью. Этот порядок вступления в Церковь вполне отвечает природе самого таинства «крещения водою и Духом». Как всякое таинство, так и таинство приема совершается Церковью и в Церкви. Казалось бы, что около этого основного положения меньше всего может быть разногласий. Современное школьное богословие решительно отрицает возможность приема в Церковь помимо Церкви, понимая под этим совершение таинства крещения лицом, уполномоченным на это церковной властью. С точки зрения школьного богословия совершение крещения и миропомазания священником служит полной гарантией того, что прием в Церковь совершается в Церкви. В действительности эта точка зрения свидетельствует о глубоких переменах, происшед-

* Настоящий этюд является 3-ей главой «Вступления в Церковь» (Ротаторное издание 1952 г.). Глава XII, не вошедшая в ротаторное издание появилась отдельно в Вестнике РСХД № 114 и 115 под названием «Врата Церкви». В ней говорится уже не «о таинстве приёма в Церковь», а о выходе из Церкви (отлучении) и возвращении в Церковь (происхождении таинства покаяния). Главы I и II появились в Вестнике РХД № 120.

Ср. также «Таинства и Тайнодействия». Православная Мысль № VIII, 1951 и «Le Mariage dans le Christ», Contacts 1973. В этих статьях о. Николай излагает свое понимание таинств в свете «евхаристической экклезиологии».

ших в церковном сознании, и о значительной утере правильного понимания церковности.

Первоначальная и древняя церковь не знала абсолютной принадлежности к Церкви, а только конкретную принадлежность к ней через одну какую-нибудь местную церковь. Состояние в местной церкви не является принадлежностью только к ней, т. к. в каждой местной церкви пребывает Церковь Божия. Без конкретного состояния в местной церкви невозможно участие в Евхаристическом собрании, а без участия в Евхаристическом собрании невозможна принадлежность к Церкви. Участие в определенном Евхаристическом собрании открывает возможность участия в Евхаристических собраниях всех остальных местных церквей, находящихся между собой в братском общении. В эмпирической жизни полнота и единство «Церкви Божией во Христе» проявляется во множественности местных церквей, т. к. нет разных Евхаристических собраний, а во всех них совершается одна и та же Евхаристия. Поэтому нельзя состоять в Церкви без определенной принадлежности к одной определенной местной церкви и участия в одном определенном Евхаристическом собрании. Эта конкретная принадлежность есть подлинная принадлежность к единой Церкви Божией.

Если принадлежность к Церкви имеет конкретный характер, то и прием в Церковь должен иметь тот же характер, т. е. он должен совершаться в местной церкви и в местную церковь. Прием в Церковь не является индивидуальным актом, совершаемым лицом, имеющим способность совершить таинство крещения. Вступление в Церковь имеет отношение не только к лицу, которое принимается в Церковь, а ко всей Церкви Божией. Это есть один из самых знаменательных моментов в жизни самой местной церкви, т. к. в ней и через нее рождается новый член Церкви Божией. Начиная с апостольского времени, в древней церкви церковный характер приема в Церковь выражался в том, что таинство крещения водою и Духом совершалось в церковном собрании местной церкви, которое объединяло всех ее членов, под возглавлением ее предстоятеля. Это было общим правилом, соблюдающимся во всех местных церквах Востока и Запада. Исключением из этого правила была миссионерская проповедь, как апостольская, так и последующая за ней.

2. Совершение приема в Церковь в церковном собрании местной церкви под председательством ее епископа засвидетельствовано почти всеми ранними памятниками христианской письмен-

ности. Первое описание приема в Церковь мы находим в Апологии Иустина Мученика. Он пишет: «Кто убедится и поверит, что это учение и слова наши истинны, и обещается, что может жить подобно с ним, тех учат, чтобы они с молитвой и постом просили у Бога отпущение грехов, и мы молимся и постимся с ними. Потом мы приводим их туда, где есть вода, и они возрождаются таким образом, как мы сами возродились, т. е. омываются так же водою во имя Бога Отца и Владыки всего и Спасителя нашего Иисуса Христа и Духа Святого... После того, как омоется таким образом уверовавший и давший свое согласие, мы ведем его к так называемым братьям в общее собрание для того, чтобы со всем усердием совершить общие молитвы как о себе, так и о просвещенном, и о всех других, дабы удостоиться нам, познавшим истину, явиться и по делам добрыми гражданами и исполнителями заповедей, для получения вечного спасения. По окончании молитвы мы приветствуем друг друга лобзанием. Потом к предстоятелю братий приносится хлеб и чаша воды и вина...»¹. Из этого описания Иустина выступает достаточно ясно та сторона приема в Церковь, которая нас интересует. Само собою разумеется, что «мы» у Иустина не означает его самого. Оно также не означает и тогдашних римских пресвитеров, т. к. Иустин, насколько нам известно, не был в их числе. «Мы» — это церковный народ, который участвует в совершении священнодействий приема в Церковь. По совершении крещения он приводит новокрещенного в церковное собрание, в котором заканчивается таинство приема в Церковь. «Собрание братьев», о котором говорит Иустин, отличается от «мы» — церковного народа. «Собрание братьев» — Евхаристическое собрание римской церкви, что ясно из непосредственно идущего описания Евхаристии, в которой впервые вступившие в Церковь принимают участие. Таинство крещения совершается вне того помещения, где собираются верные на Евхаристическое собрание, т. к. оно могло по техническим соображениям совершаться только там, где имеется вода, — баптистерия в это время римская церковь не знала. Второй акт приема в Церковь, что мы сейчас называем миропомазанием, совершается в церковном собрании. Он заканчивается «поцелуем мира», который является не только выражением радости членов Церкви о новом ее члене, но и свидетельством Церкви о состоявшемся принятии в нее нового члена.

¹ Иустин Мученик. Апология, гл. 61 и 65. Русский перевод П. Преображенского, Москва, 1864, стр. 101 и 106.

В описании Иустина мы не находим прямых указаний, кто фактически совершает таинство приема в Церковь, но это умолчание только относительное. Когда Иустин говорит «мы», то оно у него означает церковный народ, который включает в себя предстоятеля церкви, т. к. без последнего не могло быть самого церковного народа. Это было основное положение древней экклезиологии. В таинствах священнодействует вся Церковь во всей ее полноте, в которой каждый ее член служит в своем царственно-священническом звании. Церковное собрание, где проявляется это общее служение народа, не может быть без предстоятеля. Эти соображения общего порядка подтверждаются самим Иустином. В описании Евхаристии он упоминает о предстоятеле. Было бы совершенно невероятно предположить, что он появляется только при совершении Евхаристии, а все остальное происходит без него. Предстоятельствующий на Евхаристии, представлял и на собрании. Он же представлял и при совершении таинства крещения, хотя, может быть, лично его не совершал. По Иустину, прием в Церковь совершается предстоятелем на церковном собрании, т. е. он совершался Церковью и в Церкви.

Показание «Учения 12-ти апостолов» нисколько не подрывает свидетельства Иустина. Когда в этом памятнике предписывается: «вы крестите»², то составитель его не мог думать, что его предписание может быть понято, как указание на то, что каждый верующий может сам по себе крестить. Предписание относится ко всему народу, который включает в себя епископа. Это ясно еще из того, что после предписаний относительно крещения в «Учении» следует описание Евхаристии или «трапезы любви», но ни одно, ни другое не могло совершаться без предстоятеля. Совершение приема в Церковь епископом подтверждается посланиями Игнатия, которые являются более древними, чем писания Иустина и «Учение 12-ти апостолов». «Без епископа не позволено ни крестить, ни совершать агапы»³. Без епископа невозможно крещение, что несомненно означало не одно крещение, а все таинство приема в Церковь. Если даже оно означало одно крещение, то это не меняет дело, т. к. совершение Евхаристии не могло быть без епископа. «Только та Евхаристия тверда (βεβαία), которая совершается епископом или тем, кому он поручит»⁴. Нет никаких оснований рассматривать эти предписания Игнатия как

² «Учение 12-ти апостолов», VII.

³ Ad Smyrn. VIII, 2.

⁴ Ibid. VIII, 1.

некое новшество им вводимое. Это было древней практикой церкви, восходящей к апостолам, согласно которой, всё, имеющее отношение к церкви, совершается на церковном собрании.

«Без епископа не должно крестить» — этим еще не говорится, что епископ обязательно должен лично крестить. Возможно, что не только при Иустине, но уже в эпоху Игнатия само крещение совершали другие лица, а епископ возлагал руки на новокрещенного. Если этот порядок не существовал ни при Игнатии, ни при Иустине, то он постепенно входит в практику после них. Тертуллиан говорил, что пресвитеры и диаконы могут совершать крещение, но «non sine episcopi auctoritate»⁵, что должно понимать в том смысле, что епископ представлял при совершении приема в Церковь, когда пресвитеры совершают крещение. С полной определенностью впервые это засвидетельствовано Ипполитом Римским.

«Апостольское предание» Ипполита указывает, что в начале III века порядок приема в Церковь оставался тем же, что у Иустина. В Великую субботу епископ собирает всех, имеющих быть крещенными, в одно место и проводит с ними целую ночь, подготавливая их непосредственно к крещению. Где происходит это ночное собрание, не указано точно. Наиболее вероятно предположить, что оно происходит там, где имеется вода. После крещения все входят в главное церковное помещение, где епископ возлагает на них руки, помазывает освященным маслом и дает им поцелуй мира. После общих молитв, в которых впервые участвуют новокрещенные, все остальные верные также дают им поцелуй мира⁶. Из описания Ипполита следует, что всё таинство приема в Церковь совершается епископом или пресвитером, а диаконы погружаются в воду вместе с крещаемыми. Если мы примем во внимание, какое широкое распространение имело «Апостольское Предание» Ипполита и что оно породило целый ряд аналогичных памятников, то нам станет ясно, что порядок приема в Церковь, описанный Ипполитом, не был исключительной практикой Римской церкви, но был практикой как Западной, так и Восточной церкви. Не имея в виду излагать историю таинства приема в Церковь, мы ограничимся еще одним свидетельством из гораздо более позднего времени, когда практика приема в Церковь подвергалась уже значительным изменениям. Это — описание порядка

⁵ De baptismo, с. XVII.

⁶ «Апостольское Предание», XX.

совершения таинства приема в Церковь, имеющееся в «*de ecclesiastica hierarchia*». «Потом (иерарх), созвав в священное собрание весь священный чин для содействия себе и для сопразднования спасению человека, а вместе и для возблагодарения божественной благодати, он сначала священнословит вместе со всем церковным собранием какую-нибудь песнь, находящуюся в слове (Божьем), а потом, облобызав священную трапезу, идет к пришедшему мужу и спрашивает у него, — чего желая, пришел он... Потом... повелевает иереям записать имя этого мужа и его восприемника. Когда их запишут, он совершает священную молитву и, по заключению ее от всей церкви, через священнослужителей разрешает (просвещаемого) и снимает с него верхние одежды... Когда один из иереев возгласит по записи имя крещаемого и восприемника (его), то крещаемый вводится иереями в воду... Возложив на него приличную одежду, опять приводят к иерарху, который, запечатлев его богодейственнейшим миром, объявляет наконец достойным причащения священносовершительной Евхаристии»⁷. В V веке в Сирии, или по крайней мере в одной ее части, прием в Церковь совершался так же, как он совершался в Риме при Ипполите. Епископ продолжает председательствовать при приеме в Церковь, поручая пресвитерам совершение таинства крещения. О том же говорится и в «Апостольских Постановлениях»: «мы не даем власти крестить другим клирикам, как чтецам, певцам и привратникам, но только епископам и пресвитерам с помощью диаконов»⁸. В конце IV-го века на Востоке, вероятно в Сирии, диаконы были отстранены от совершения таинств крещения. Оно усваивается только епископам и пресвитерам. Само по себе запрещение, которое мы находим в Ап. Постановлениях, доказывает, что на Востоке диаконы и даже другие клирики допускались к совершению таинства крещения, но, конечно, при председательстве епископа. В Египте, повидимому, был обычай, чтобы пресвитер крестил детей, а епископ взрослых⁹.

Таким образом, в течение всего доникейского периода прием в Церковь повсюду совершался в местных церквях на их церковных собраниях под председательством епископа. Пресвитеры и

⁷ «Дионисий Ареопагит». «О церковной иерархии», гл. II. P.G. t. III, col. 393-396. Русский перевод «Писания св. Отцев и учителей Церкви», СПб., стр. 34-36.

⁸ «Апостольские Постановления», III, II. Русский перевод, стр. 112.

⁹ Holz. Die Taufgebete Hippolyts und andere Taufgebete der alten Kirche, in: «Zeitschrift für Kirchengeschichte», 1906.

диаконы могли совершать первый момент приема в Церковь — таинство крещения, но не сами по себе, а в присутствии епископа. Мы закончим вопрос о порядке приема в Церковь в доникейский период словами Киприана: «У нас соблюдается обычай, чтобы крещаемые представлялись предстоятелями церкви и через нашу молитву и возложение рук получали Духа Святого и восполнялись Господним знамением»¹⁰. Это была древняя норма, соблюдаемая всей древней церковью. Это не было некоторой случайностью, которая могла возникнуть или не возникнуть. Эта норма проистекала из учения о Церкви. В эмпирической действительности Церковь Божия проявлялась в каждой местной церкви, а потому прием в Церковь мог совершаться только местной церковью, т. е. в ее собрании под председательством епископа.

3. Начиная со II века, прием в Церковь приурочивается к наиболее торжественным временам в жизни Церкви, лучше отвечающим самому акту приема. С одной стороны, это проистекало из желания отметить особым образом один из знаменательнейших актов жизни самой Церкви, а с другой стороны, это диктовалось устанавливающейся в церкви дисциплиной оглашения. Церковная власть стремилась закончить подготовку оглашенных к определенному сроку, чтобы наиболее торжественно обставить прием в Церковь тех, кто оказался достойным просвещения. Таким наиболее отвечающим моменту приема в Церковь временем была Пасха, точнее пасхальная ночь. Первое упоминание об этом находится у папы Виктора (185-197)¹¹. Очень скоро к Пасхе была присоединена Пятидесятница. Тертуллиан указывал эти два срока. «Торжественный день для крещения есть день Пасхи, когда страсти Господни, в которые мы крестились, уже совершены. Можно считать как бы преобразованием крещения данное Иисусом Христом ученикам Своим повеление касательно приготовления к Пасхе: срящет вас, говорит Он, человек, в скудельнице воду нося. Он указал им на воду для обозначения места, где праздновать Пасху. Другой торжественный день для крещения есть Пятидесятница, когда протекло довольно долгое время для расположения и научения должествующих креститься»¹². «Впрочем», указывал он, «каждый день есть день Господень: всякое время, всякий час удобны для крещения. Какое бы ни имели мы уважение к праздни-

¹⁰ Ep. LXXIII, 9. Ср. Тертуллиан. «De baptismo», VII.

¹¹ P. L. t. IV, col. 1445.

¹² «De baptismo», с. XIX. Русский перевод. СПб. 1847, ч. II, стр. 27.

ствам, благодать таинства в них не нуждается»¹³. Не следует рассматривать эти последние слова Тертуллиана как свидетельство начинающегося процесса индивидуализации приема в Церковь. Тертуллиан помнил о первоначальной практике приема в Церковь, когда еще не существовало никаких заранее установленных дат совершения крещения. Повидимому, об этих датах ничего не знал Иустин Мученик. Вероятно, прием в Церковь в его время совершался в один из воскресных дней, когда верующие собирались на Евхаристическое собрание. Надо отметить, что у Иустина Мученика речь идет не об отдельных лицах, а о некоторой группе лиц, которые предварительно подготовились к приему в Церковь. Это указывает, что и в его время прием в Церковь имел характер церковного торжества.

Указание Тертуллиана, что крещение совершается в страсти Господни, повидимому, содержит намек на то, что прием в Церковь в некоторых местах совершался в Страстную Пятницу. Действительно, мы имеем сведения, что в Александрийской церкви первоначально прием в Церковь совершался один раз в год, в Великую Пятницу¹⁴. Трудно предположить, что практика крещения в Великую Пятницу была связана с вопросом о праздновании Пасхи. Нам известно, что в эпоху пасхальных споров Александрийская церковь придерживалась уже воскресной практики. Однако, несомненно, что там, где праздновали Страстную Пасху, как это было в Малой Азии, прием в Церковь совершался в Великую Пятницу.

У Ипполита Римского упоминается только пасхальная ночь как время для приема в Церковь¹⁵. Это указывает, что Римская церковь еще в начале III века придерживалась практики, установленной во II веке. Затем она приняла Пятидесятницу как дополнительное время для совершения приема в Церковь и долгое время в силу своего консерватизма придерживалась этих сроков. Начиная с IV века, количество дат для приема в Церковь увеличивается в связи с сильным возрастанием числа вступающих в Церковь. Как велико было количество принимаемых в Церковь в установленные для приема сроки, свидетельствует Иоанн Златоуст, который рассказывает, что в момент своего ареста он успел еще крестить всех допущенных к приему в Церковь, хотя уже

¹³ Ibid.

¹⁴ См. J.M. Vansleb. Histoire de l'Eglise d'Alexandrie. Paris, 1677, p. 83.

¹⁵ "Апостольское Предание", гл. XX.

окрестил больше 3000 человек. К Пасхе и Пятидесятнице стало присоединяться Богоявление, затем, когда устанавливается празднование Рождества, праздник Рождества, наконец, праздники в честь апостолов и мучеников¹⁶. На Востоке к концу XI века, а на Западе в XIII веке установленные даты для совершения приема в Церковь исчезают из церковной практики, которая, таким образом, возвращается к практике первоначальной церкви, когда «каждый день есть день Господень». Постепенное уничтожение установленного времени для совершения приема в Церковь вызвано было падением дисциплины оглашения ввиду того, что главным и почти исключительным контингентом крещаемых были младенцы. Литургическая практика до сих пор сохранила память о совершении приема в Церковь в праздники. На Рождество, Богоявление, Страстную Субботу, Пасхальную седмицу, Пятидесятницу и в праздники Креста Господня вместо Трисвятого на литургии поется «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь». Сейчас это утерало первоначальный смысл того торжества, в котором Церковь напоминала впервые присутствующим на Евхаристии, что они соделались членами Церкви.

4. Возможен ли был в древней церкви прием в Церковь помимо церковного собрания? Если исходить из современной практики, то ответ на этот вопрос должен был бы быть утвердительным, но в действительности ответ на него не так прост, как это представляется в настоящее время, когда почти каждый прием в Церковь совершается вне церковного собрания. Мы точно знаем, что в древней церкви бывали случаи крещения тяжело больных, которые получили уже в эпоху Киприана специальное наименование «клиников».

Относительно них в церкви ставился вопрос о действительности их крещения. Отчасти эти сомнения были вызваны как тем, что такое крещение совершалось не через погружение, а через обливание, так и тем, что оно совершалось в частном порядке. Киприан решительно отклонил сомнение относительно действительности крещения клиников¹⁷, но тем не менее крещение «на одре болезни» продолжало рассматриваться, как дефективное. 12-ое правило Неокесарийского собора запрещает производить клиников в пресвитеры на том основании, что их вера «не по произволению, а от нужды». Если Церковь признала возможным

¹⁶ Григорий Нисский. P. G. t. 46, col. 577.

¹⁷ Epist. LXIX, 12 sq.

совершение крещения на «одре болезни», то она рассматривала такого рода крещение, вызванное исключительными обстоятельствами, как отклонение от общего порядка приема в Церковь.

Термин крещение, как в настоящее время, так и в древней церкви, употреблялся часто для обозначения не только таинства крещения, но и всего акта приема в Церковь. Что собственно совершалось над тяжело больными, т. е. совершался ли над ними весь акт приема в Церковь или только одно крещение? Киприан в своем письме XIX, в котором он говорит о крещении клиников, не разрешает нам этого вопроса. Скорее всего можно думать, что над ними совершалось одно крещение, которое затем, если больной оставался в живых, дополнялось остальными таинствами, входящими в состав акта приема в Церковь. Подтверждение этому мы находим в письме папы Корнилия к Фабию антиохийскому относительно Новациана: «Получив помощь от заклинателей, пишет папа, он (Новациан) впал в тяжкую болезнь и, признаваемый едва ли не мертвым, на той же кровати, где лежал, принял крещение посредством окропления, если только можно сказать, что такой человек принял его. Потом, выздоровевши, он не сподобился прочего, чего по уставу Церкви сподобиться должен был, т. е. не запечатлен епископом. Не получив же этого, мог ли получить Святого Духа?»¹⁸. Если можно основываться на показании папы Корнилия, данного в порядке полемики, клиники получали только одно крещение, которое потом восполнялось епископом. Рассматривая крещение на «одре болезни» как отклонение от нормы, Церковь преподавала клиникам только самое необходимое, исходя из того, что без крещения не может быть спасения. Правда, в показании Корнилия заключается неразрешимый для нас вопрос, каким образом Новациан, не будучи «запечатлен епископом», мог по выздоровлении принимать участие в Евхаристическом собрании и даже — правильно или неправильно — это другой вопрос — быть рукоположенным в пресвитеры. Единственное предположение, которое мы можем сделать, заключается в том, что наряду с наиболее общепринятой практикой преподавания клиникам одного крещения существовала другая практика совершения над ними всего таинства приема в Церковь. Вероятно, на основании письма Корнилия, возникло мнение, которое мы находим у некоторых отцов церкви, что новациане у себя вообще не совершали таинства миропомазания.

¹⁸ Евсевий, Церк. Ист., VI, 43. Русский перевод, т. I, стр. 357-358.

Участвовала ли церковь в совершении крещения над клиниками или мы должны считать, что это крещение совершалось лично епископом или пресвитером без участия церковного народа? Вероятно, такого вопроса в древней церкви не существовало. При интенсивности тогдашней церковной жизни почти недопустимо, чтобы церковь не знала о крещении клиников. Это крещение или прием в Церковь совершались с ведома церковного народа за исключением случаев крайней срочности. Во всяком случае она ставилась в известность о совершенном крещении. Древняя церковь твердо и точно держалась правила совершения крещения в церковном собрании и отступала от него только в случаях необходимости. Крещение клиников было исключением, которое только подтверждало норму.

5. В V веке начинается процесс изменения порядка совершения приема в Церковь. Это было связано с изменениями церковного устройства, которые, в свою очередь, были вызваны изменениями самого учения о Церкви. С увеличением количества членов местных церквей, особенно в больших городах, единство Евхаристического собрания было крайне трудно удержать. Наряду с главным епископским собранием постепенно образуются вспомогательные центры, в которых пресвитерами совершается Евхаристия. Раньше всего, по-видимому, это происходит в Риме, где мы можем констатировать существование отдельных церквей в начале IV века, возглавляемых пресвитерами титулов. Когда эти центры возникли, то епископская церковь продолжала оставаться «крещальной церковью», т. е. церковью, в которой совершался прием в Церковь, а следовательно, совершителем приема по-прежнему оставался епископ. Так было не только в Риме, но и на Востоке. Выше было приведено свидетельство автора «О церковной иерархии» о том, что совершителем приема в Церковь является епископ. Из актов IV-го Вселенского собора мы знаем, что в Едессе в середине V века совершителем приема в Церковь считался епископ. Едесские клирики обратились к собору с просьбой об освобождении Ивы едесского, т. к. ввиду близости Пасхи необходимо было совершить прием в Церковь. Появление вспомогательных богослужебных центров в епископской церкви было началом очень крупных изменений в учении о Церкви: пресвитер получает возможность, не будучи самостоятельным предстоятелем местной церкви, совершать литургию. Естественно, что в порядке этих идей пресвитеру могло быть поручено совершение приема в Церковь или, по крайней мере, одного таинства крещения,

тем более, что фактически крещение совершалось пресвитерами при предстоятельстве епископа. При пространственном увеличении епископской церкви за счет сельской местности, зависящей от города, совершение приема в Церковь епископом создавало практические неудобства. Григорий Назианзин указывал, что многие оглашенные откладывали крещение, т. к. им приходилось отправляться в епископскую церковь¹⁹. Передача пресвитерам, возглавляющим отдельные богослужебные центры, совершения крещения произошла в течение V и VI века. На Западе это случилось раньше. В Риме пресвитеры титулов, а также пресвитеры базилик получили возможность в V веке совершать в своих церквях крещение, но совершение миропомзания было задержано епископом за собою. Эта практика удержалась в католической церкви до настоящего времени, хотя ее смысл почти утерян. На Востоке эта перемена в порядке приема в Церковь произошла позднее, но она была более радикальной: пресвитерам передано было совершение всего акта приема в Церковь. Мы можем считать, что в эпоху Трулльского собора это было уже совершившимся фактом церковной жизни.

Мы должны поставить вопрос, что означает эта перемена в порядке приема в Церковь? Прежде всего, мы должны более точно определить, в чем состоит эта перемена. Прием в Церковь перестал в точном смысле совершаться Церковью, т. к. пресвитер, его совершающий, не является предстоятелем местной церкви. Он возглавляет отдельные церковные собрания некоторой группы лиц, принадлежащих епископской церкви. Местная церковь в целом не участвует в приеме ее новых членов, а только ее одна часть. От этого церковный характер таинства приема в Церковь оказался значительно ослабленным, и само таинство начинает приобретать характер частного акта крещаемого и крещающего. Пресвитер совершает его не как предстоятель церкви, а в силу своего священства, а потому участие церковного народа становится необязательным. Участие группы членов этого народа, которое продолжает некоторое время сохраняться, не может создать участия народа Божьего, т. к. народ в Церкви участвует в священнодействиях как целое совместно со своим предстоятелем. Прием в Церковь совершается не Церковью, а пресвитером — таков парадокс устанавливающейся практики приема в Церковь. Это указывает на то, что претерпело изменение само понятие акта приема в Церковь. Из него выпала под влиянием происшед-

¹⁹ Orat. XL. P. G. t. XXXVI, col. 360.

шего к этому времени изменения учения о Церкви идея поставления вновь вступающих в звание laikов. Епископу не было необходимости на Востоке лично совершать прием в Церковь, т. к. ему некого было поставлять. Все внимание сосредотачивается на таинстве крещения, которое не требует при таком понимании непосредственного участия епископа. Поэтому нельзя свести перемене приема в Церковь только к практическим удобствам. Церковь могла преодолеть неудобства совершения приема в Церковь епископом в ином порядке, если бы в церковном сознании ясно сохранилась идея поставления laikов. Католическая церковь отчасти сохранила старый порядок, хотя те же самые практические неудобства существовали в ней. Правда это не доказывает, что она сохранила идею поставления laikов. Во многих случаях католическая церковь была более консервативной, чем православная.

6. Предоставление возможности пресвитерам самостоятельно совершать прием в Церковь открывало путь к дальнейшим изменениям в порядке этого приема. Эти изменения шли в направлении еще большей утери характера церковности. В церковной жизни начинают появляться тенденции к совершению приема в Церковь в так наз. домовых церквях, если к этому представлялась возможность. Церковная власть пыталась некоторое время бороться с этим явлением, но безуспешно, т. к. это явление косвенно было создано ею же самой через обесценение значения laikов в церковной жизни. Первое каноническое постановление относительно совершения крещения в домовых церквях принадлежит Трулльскому собору. «Крещение да не совершается в молитвеннице (ἐν εὐχτηρίῳ οἴκῳ) внутри дома обретающейся: но хотящие удостоиться пречистого просвещения кафолическим церквам да приходят и тамо сего дара да сподобятся»²⁰. Надо думать, что практика совершения крещения в домовых церквях появилась незадолго до Трулльского собора, т. к. об этом мы не находим никаких упоминаний из более раннего времени. Отцы собора запрещают совершение просвещения в домовых церквях и обязывают всех обращаться в кафолические церкви, под которыми следует понимать не только епископские церкви, но и филиальные, существующие в пределах епископской области. Содержание этого правила не вызывало бы никаких сомнений, если бы от того же собора не имелось другого постановления, затрагивающего тот же

²⁰ 59-ое правило Трулльского собора.

предмет. «Определяем, чтобы священнослужители, священнодействующие или крещающие в молитвенных храминах, находящихся внутри домов, творили сие не иначе, как по соизволению местного епископа»²¹. Поэтому мы в праве спросить себя, запретил или разрешил собор совершение крещения в домовых церквах, или он постановил и то и другое? Обычно принято считать, что Трулльский собор разрешил совершение крещения в домовых церквах при условии разрешения от местного епископа. Это толкование основано на тексте 31-го правила и не принимает во внимание 59-го правила. Если бы отцы собора имели в виду в 31-ом правиле разрешить совершение крещения в молитвенных домах, то издание 59-го правила было бы совершенно излишне. Зачем в самом деле после 31-го правила понадобилось отцам собора в специальном правиле в категорической форме, не допускающей исключений, предписать, что никоим образом крещение не может совершаться в домовых церквах? Если бы дело шло только о разрешении епископа, то отцы собора сделали бы эту оговорку и в 31-ом правиле. Поэтому вряд ли можно признать удовлетворительным толкование, которое центр тяжести переносит на разрешение епископа. Вероятно, дело на соборе обстояло следующим образом. В 31-ом правиле отцы собора не имели в виду заниматься вопросом о крещении в домовых церквах. Предметом законодательства в 31-ом правиле было не крещение, а клирики, священнодействующие в домовых церквах. Большое количество домовых церквей, особенно в Константинополе, где почти каждый знатный и богатый человек желал иметь у себя домовую церковь, вызывало ослабление церковной дисциплины. Владельцы поместий не считались с правящим епископом и приглашали к себе священников помимо епископов. С другой стороны, сами клирики считали себя, будучи фактически зависимы от владельцев домов, свободными от контроля епископа. Так именно понимал это правило Двукратный собор 861 года, который дал следующее объяснение этому правилу: «Ибо тогда как святая Церковь право правит слово истины, и оно защищает, и соблюдает честность жития, и поучает оной, преступно и неприлично было бы допустить живущим в безначалии и ненаказанности понырять в дома, и разрушати благочиние Церкви, и исполняти оную многим смущением и соблазнами»²². Отцы Трулльского собора исходили из фактов современной им церковной жизни: клирики в домовых церквах

²¹ 31-ое правило Трулльского собора.

²² 12-ое правило Двукратного собора.

совершали священнодействия и, в частности, крещение. Не имея возможности запретить существование домовых церквей, отцы собора ограничились тем, что подчинили клириков, состоящих при домовых церквах, местному епископу. Когда отцы собора занялись вопросом о крещении в домовых церквах, то они категорически его запретили. Цитированное выше 12-ое правило Двукратного собора, подтверждая 31-ое правило Трулльского собора, не упоминает о крещении: «Того ради настоящий священный и богодействуемый собор, согласно с святым вселенским шестым собором, определили: да будут назначаемы литургисующие в молитвенных храминах, в доме находящихся, явно же есть, яко сие назначение дается им от епископа того места». Тем не менее, 59-ое правило Трулльского собора должно было остаться мертвой буквой. Все усиливающаяся тенденция к совершению крещения в домовых церквах получила опору в 31-ом правиле по вине самого же Трулльского собора, недостаточно ясно формулировавшего это правило. Кроме того, Трулльский собор косвенно способствовал этому в ином направлении. 58-ое правило Лаодикийского собора запретило «епископам и пресвитерам совершать приношения (προσφοράς γένεσθαι) в домах»²³.

Первоначально в домовых церквах не совершалось таинство Евхаристии. Совершение Евхаристии в них было бы признаком либо отделения, либо раскола, т. к. Евхаристическое собрание по своей природе должно быть собранием «ἐπί το αὐτό» всех членов местной церкви. Однако, постепенно под влиянием общего направления церковной жизни владельцы домовых церквей начали стремиться к совершению Евхаристии в своих домах. Трулльский собор сделал уступку этим требованиям церковной жизни. Он признал за клириками право «λειτούργεῖν» в домовых церквах. Если даже отцы собора не включали в термин «λειτούργεῖν» совершение Евхаристии, что мало вероятно, то общее церковное

²³ Возможно, что 58-ое правило Лаодикийского собора не имело в виду совершения Евхаристии в домовых церквах, которые в его время вряд ли существовали. Вероятно, в некоторых местах, особенно удаленных от больших центров, верные не имели еще специальных зданий для церковных собраний, а продолжали собираться в частных домах. Лаодикийский собор нашел это недопустимым и, запрещая совершение Евхаристии в домах, тем самым требовал устройства отдельных храмов. Если даже смысл этого правила таков, то последующее церковное сознание, которое совершенно забыло о первоначальной христианской практике, восприняло его как запрещение совершения Евхаристии в домовых церквах.

сознание понимало этот термин, как совершение Евхаристии. Признание возможности, прямое или косвенное, совершения Евхаристии в домовых церквях было знаком разрушения подлинного характера церковной жизни и утери истинного смысла Евхаристии: она становилась частным делом некоторой группы верующих, а не выражением служения (λειτουργία) всей Церкви. Не все вместе, как члены единого Тела Христова, а отдельные группы для себя совершают Евхаристию. Признание возможности совершения Евхаристии в домовых церквях рано или поздно должно было привести к признанию возможности совершения в них и приема в Церковь. Аналогичный процесс, как мы знаем уже, привел к признанию возможности совершения приема в Церковь пресвитерами во вспомогательных служебных центрах. Таинство приема в Церковь включает как завершительный момент Евхаристию, а поэтому, где совершается Евхаристия, там возможно при известных обстоятельствах и совершение приема в Церковь. Церковная власть, разрешив совершение Евхаристии в домовых церквях, желала в дисциплинарном порядке запретить совершение в них крещения, но логика церковной жизни обрекала на неудачу эту попытку. Пока церковная власть колебалась, государственная власть самостоятельно разрешила совершение крещения в домовых церквях. В XII веке практика крещения в домовых церквях настолько упрочилась, что больше не вызвала никаких сомнений. «Это правило (59-ое Трулльского собора), говорил Зонара, кажется, решительно запрещает быть крещению в молитвеннице, находящейся внутри дома, а дерзнувшего это сделать посвященного извергает, а мирянина отлучает. А 12-ое правило Двукратного собора требует, чтобы литургисующие в молитвеннице были избраны, т. е. определены, особо назначены епископом. Итак, из обоих сих правил выводится то заключение, что и не совершенно запрещено совершать священнодействия и крестить, и не всякому дозволено. Отцы хотели, чтобы имеющие священнодействовать в молитвеннице были определены и известны и чтобы кроме них другому не дозволено было это сделать»²⁴. Вальсамон просто объявляет, что это правило отменено Львом Мудрым. «Заметь написанное в настоящем правиле, но следуй более новелле Философа, а не настоящему правилу о крещениях, совершаемых в молитвенных домах»²⁵. «Ты прочти VI-ую новеллу императора Льва Мудрого, в которой после вступления содержится следующее:

²⁴ Зонара. Толкование 59-го правила Трулльского собора.

²⁵ Вальсамон. Толкование того же правила.

«Итак, определяем, что не только священники каждой соборной церкви, но и священники каждого дома имеют право священнодействовать и тайнодействовать, если их захочет позвать господин каждого дома». Прочти и XV-ую новеллу, содержащую между прочим следующее: «Итак, определяем, как относительно жертв, так и относительно спасительного крещения, что дозволяется совершать оные для желающих во всяком молитвенном доме благочестивых». Верно, и при дозволениях, если кому местным архиереем запрещено крестить в молитвенном доме, а он совершает что-нибудь таковое, то должен быть извержен, не имея защиты от новеллы. А кому прямо не запрещено, тот, кажется, совершает сие по согласию епископскому, выраженному молчанием. Ибо для того, вероятно, придуманы и антимины и уготовляются от местных архиереев в то время, когда они совершают освящение церквей, чтобы полагать оные на святые трапезы молитвенных храмин, и дабы они вполне заменяли принадлежности святого жертвенника и доски святой трапезы, т. е. совершение освящения, и вместе с тем дабы свидетельствовать, что с епископского дозволения в молитвенном доме совершаются священнодействия»²⁶. Из этих толкований следует, что во время Зонары и Вальсамона ни 31-ое, ни 59-ое правило Трулльского собора не соблюдались на практике. Византийский император отменил постановления «святого, великого и вселенского собора» и «δρισμεν» императора оказался выше «ορισμεν» собора. Надо отметить, что домовые Церкви, о которых была речь выше, были отдельными зданиями, находящимися внутри городских или сельских поместий.

Следующим шагом было разрешение совершения крещения в моленных комнатах, а затем вообще в частных квартирах. Современная практика крещения является антиподом древней практики. Когда церковная власть отказалась от требования совершения приема в Церковь в церковном собрании, прием в Церковь стал частным делом, церковной требой. В современной церковной жизни прием в Церковь проходит совершенно незаметно. Если он совершается в храме, то он может совершаться в присутствии одних восприемников, т. е. современный обычай запрещает родителям присутствовать при крещении их детей. Церковь, особенно в больших городах, обычно ничего не знает о принятии ее новых членов. Если некоторым членам церкви известно о совершающемся крещении, то это им известно в бытовом, а не в церковном отношении.

²⁶ Вальсамон. Толкование 31-го правила Трулльского собора.

7. «Тайно же да не бывает рукоположения»²⁷. Это предписание относительно таинства священства в полной мере должно быть прилагаемо к таинству приема в Церковь, т. к. через него верные поставляются в священное звание членов народа Божьего — лаиков. Из обычного сознания это поставление настолько выпало, что таинство миропомазания остается мало заметным и догматически неясным. Допустимо задать недопустимый вопрос: много ли в настоящее время мирян знает, что над ними совершено таинство миропомазания? Принятие новых членов совершается не в церковном собрании, без предстоятеля церкви и без участия церковного народа. Это относится не только к крещению младенцев, но и к крещению взрослых. Если даже последнее совершается в церкви — на этом продолжают настаивать церковные правила — то обычно в такое время, когда в ней народ не присутствует. Даже в обычном человеческом обществе о приеме его новых членов оповещается общество, а о вступлении в Церковь ее новых членов народ Божий не знает. Это знамение времени, знамение того крайнего индивидуализма, которым проникнута современная жизнь, особенно жизнь больших городов. В скоплениях огромных человеческих масс человек чувствует себя совершенно одиноким. Это одиночество перешло и в церковную жизнь. Современный человек и в Церкви остается одиноким. Этот крайний индивидуализм пришел в Церковь извне, но встретился в ней с течениями, направленными к ослаблению церковной природы. Поэтому внешний индивидуализм современной жизни в Церкви не преодолевается. Христианин стоит одиноко перед Богом со священником как посредником между ним и Богом и совершителем таинств над ним.

Требование совершения приема в Церковь в церковном собрании и совершения его предстоятелем церкви взаимно связаны друг с другом. Нарушение одного рано или поздно должно привести к нарушению другого. Если прием в Церковь может быть совершен не предстоятелем церкви, а его клириками, имеющими право совершать таинства, то он может быть совершен помимо церковного собрания. Возможность совершения приема в Церковь вне церковного собрания открывает возможность его совершения не предстоятелем церкви. Когда прием в Церковь совершается пресвитером, который не является предстоятелем местной церкви, то в этом кроется глубокое противоречие с самим существом таинства приема в Церковь. В Церкви и через Церковь рожда-

ется ее новый член, а потому вся Церковь во всей полноте своего единства принимает участие в приеме ее новых членов. В древней церкви эта основная сущность таинства приема в Церковь находила полное конкретное выражение. Каждая местная церковь обладала всей полнотой кафолической природы. Поэтому каждый прием в Церковь носил вполне конкретный характер. Эмпирически это был прием в определенную местную церковь. Когда при современном церковном устройстве епископ, а тем более пресвитер совершает таинство крещения, то прием в Церковь может иметь только абстрактный характер. Прием, как и раньше, совершается в кафолическую Церковь, но это не находит своего эмпирического выражения. В приеме новых членов Церкви участвует — фактически даже и этого не бывает — не вся кафолическая Церковь, а только ее часть, которая вверена управлению епископа. Это нашло свое выражение в обычном словоупотреблении относительно приема в Церковь. В древнее время о приеме говорилось, что он совершается в Римскую, Антиохийскую или Коринфскую, или Александрийскую церковь и т. д. Это было вполне оправдано, т. к. в каждой из них пребывала в полноте кафолическая Церковь. Принятый в Антиохийскую церковь принимался в кафолическую Церковь. Сейчас мы не можем этого сказать. В самом деле, нельзя сказать, что прием совершается в Киевскую или Тамбовскую епархию, тем более в какой-нибудь приход епархий. Ни епархия, ни приход не могут представлять кафолическую Церковь. Мы обычно говорим о приеме в православную церковь, или в русскую, греческую и т. д. В первом случае это выражает идею о приеме в кафолическую Церковь, но в абстрактной форме. В остальных случаях это не имеет ни абстрактного, ни конкретного характера. Национальная церковь, как и епархия, не представляет кафолической Церкви, а только ее часть. Конкретно не существует национальных церквей, а только епархии, из которых складываются национальные церкви, точнее даже только приходы, на которые разделяются епархии, т. к. только в последних Евхаристическое собрание является «ἐπί τῷ ἁγίῳ» всех ее членов. Когда мы поэтому говорим о приеме в русскую церковь, то в сущности это ничего не означает. Абстрактный характер приема в Церковь в современной церковной жизни превалирует над конкретным. В самой начальной точке, откуда начинается церковная жизнь, она сразу же получает абстрактный характер. Неудивительно, что вся церковная жизнь носит этот абстрактный характер, а конкретно не находит большей частью своего выражения. Понимание абстрактной принадлежности к Церкви вообще

²⁷ 7-ое правило Феофила Александрийского.

есть неправильное понятие. Оно есть результат разрыва исторического развития церковного устройства и основных догматических положений учения о Церкви.

Древняя норма остается нормою: прием в Церковь есть церковный, а не частный акт. Он должен совершаться в церковном собрании предстоятелем церкви. Это хранится в церковных глубинах, и сама Церковь восполняет то, что недостает современному церковному акту приема в Церковь. Мы должны вспомнить здесь известное слово Киприана Карфогенского, что «обычай без истины есть только старое заблуждение». Таким заблуждением является современная практика приема в Церковь. Она — без истины, т. к. находится в явном противоречии с природой самого таинства приема в Церковь и с многовековой практикой Церкви. Возрождение подлинной церковной жизни должно начинаться с той исходной точки, с которой начинается для верного церковная жизнь — с момента вступления в Церковь. Трудно говорить об активной церковной жизни, если современный порядок вступления в Церковь свидетельствует о полном отсутствии активности у мирян.

А. Краснов-Левитин. *Лихие годы*. 460 стр.

Изд. Умса-Press 1977.

Книга Краснова-Левитина «Лихие годы» потрясает, и трудно от нее оторваться, начав ее читать. И это по двум причинам: во-первых, она касается самого больного места для нас, православных, а именно испытаний нашей Церкви, и, во-вторых, она захватывает читателя необыкновенной искренностью автора. Он умеет подняться над самим собой, описывает себя с юмором. Такое отношение к самому себе наделяет автора возможностью хорошо видеть других людей и чрезвычайно ярко их описывать.

К острой боли, вызванной описанием страдающей Церкви, не может не примешаться боль о самом Левитине. Как мог он, столь ярко описавший деятелей обновленческой Церкви, с ними связаться? В начале тридцатых годов нашего столетия на Сергиевском Подворье в Париже состоялся доклад Гуровича, защитника священномученика митрополита Вениамина Петербургского. Из его слов явственно выступало предательство о. А. Введенского. Не сообщая об этом, Левитин описывает А. Введенского как человека, от которого можно было всего ожидать. И вопреки этому, автор книги «Лихие годы» примкнул к «обновленцам». Покаялся ли он в этом? Об этом он не говорит.

«Обновленчество» нанесло прямой вред Русской Православной Церкви, как предательскими действиями многих ее членов, расколом, так и теми опасными последствиями, что могут иметь еще силу и в будущем. Так, совершенно необдуманные новшества, которые пытались внести в Церковь «обновленцы», настраивают многих и сегодня против возможности всяких церковных реформ, усиливая излишнюю косность. Собор 1917 г. не смог закончить своих работ, а между тем, на нем предполагалось, например, рассмотрение и установление, по примеру Греческой Церкви, нового богослужебного устава для приходских церквей, при сохранении древнего устава для монастырей. На практике уже давно на приходах богослужение почти повсеместно сокращалось, иногда мало образованными иереями, а иногда и полуграмотными псаломщиками. Всероссийский Собор предполагал все это упорядочить, но «обновленчество» может вызвать и в будущем оппозицию даже самым законным изменениям церковной жизни. Примером предательских или жестоких действий «обновленцев» может служить хотя бы то,

что Н. Платонов, став обновленцем, изгнал настоятеля Андреевского собора (на Васильевском острове) протоиерея Андрея Нумерова. Последний, переселившись в Галерную гавань, стал служить в какой-то хибарке, и Господь вознаградил его смертью праведника. Он скончался, совершив литургию и еще в полном облачении, склонясь ко святому престолу.

Кроме невыясненного отношения к «обновленчеству», смущает наивная вера автора в некий «христианский социализм». Об этом хорошо написал в газете «Русская Мысль» игумен Геннадий Эйкалович (21 июля 1977 г.). К этому трудно не прибавить, что после появления одновременно с книгой Левитина книги И. Шафаревича о социализме, стало еще труднее говорить о совместности последнего с христианством. Все сказанное конечно не значит, что с христианской точки зрения могут быть оправданы все формы капитализма. Вопросы экономического и социального устройства человеческого общества сложны и не могут быть сведены к простому противопоставлению капитализма и социализма. Многие мыслители стали задумываться над этими вопросами, и, конечно, лишь постепенно, ощупью, можно найти правильное направление для решения подобных проблем. В настоящей статье можно только мимоходом указать на то, что лишь признание полноценности и цельности человеческой личности, возможной только в христианстве, может дать надежду на улучшение настоящего положения человечества. Покуда же за человека принимают только какую-либо его часть: *homo economicus* Маркса, или *homo sexualis* Фрейда, ему лишь вредят.

Нельзя не сочувствовать сказанному Левитиным о Льве Толстом. Левитин тонко и верно усмотрел в чисто художественных произведениях Толстого те места, где тот выходит из мира только душевно-телесного (три измерения) и входит в область духовную (четвертое измерение). Может быть, самой яркой вершиной в этой области являются сцены прощения Карениным болящей Анны, или повесть «Хозяин и работник», и Левитин чутко усмотрел нечто подобное и в романе «Война и Мир». Нельзя только согласиться с Левитиным, когда, следуя Л. Толстому, он готов отрицать государство и, следовательно, правовую жизнь вообще. Право и нравственность, конечно, должны быть различимы, но право необходимо. В свое время много верного внес в понимание соотношения права и нравственности глубокий мыслитель Л. Петражицкий, хотя с христианской точки зрения его учение требует поправки.

В заключение необходимо отметить, что книга «Лихие годы», несмотря на сделанные оговорки о слабых её сторонах и предупреждения о некоторых опасностях, в ней таящихся, очень ценна не только как вклад в историческую литературу, но и в религиозную. Что касается вопроса о соотношении права и нравственности с православной точки зрения, то надо признаться, что христианская философия и тем более богословие права еще не были по-настоящему разработаны. Серьезный подход к этому только намечался. Даже в святоотеческой литературе, исключая св. Иоанна Златоуста, трудно найти вполне определившиеся взгляды. Тем не менее, Священное Писание содержит в себе достаточно данных для определения по крайней мере пути, по которому может двигаться углубленное рассмотрение вопроса.

Епископ Александр Зилонский
(Семенов Тян Шанский)

Зинаида ГИППИУС

ДВА ЗАВЕТА*

Русский писатель В. В. Розанов менее известен, чем того достоин. А в смысле **знаемости** — знают его совсем немногие. Впрочем, и трудно это в наши времена. Розанов умер в России, книг его нет нигде.

Но из истории русской мысли Розанова не выкинешь, как не выкинешь Вл. Соловьева или Толстого. Есть и другие, совсем неизвестные, — о них вспомнят после. Собственно о Розанове я не собираюсь говорить; слишком он сложен, махров, о нем десяти книг мало. Существо гениальное, с умом и душой прозорливыми до крылатости, и — человек из слабых, слабый тоже почти гениально. Какой-то сноп противоречий. Его почти нельзя и судить человеческим судом. Осудишь — и чувствуешь: нет, неправ. Восхвалишь — опять не то. Пусть уже его судят не здесь, не на земле... Если он и там не попросится, чтобы «без суда пропустили»...

Нам важно, однако, указать на некоторую особенность Розанова в подходе к вопросам, к которым подходили все мыслители мира. Мыслитель! Как нейдет к Розанову это слово! И вообще-то оно узкое, а уж Розанов — он скорее пытатель, исследователь, одержимый, гениальный догадчик, то видящий на три аршина под землю, то вдруг ничего не видящий... Но сделал он для своего времени то же, что делает каждый «мыслитель» — для своего. Он наново поставил, по-новому осветил вопросы, лежащие в круге трех вопросов, — главных, которыми держится мир. Они главные потому что касаются решительно всех и решительно всегда. Это, конечно, **Бог, Любовь, Смерть**. Ведь если кто-нибудь скажет, что Бог его никак не касается и что он Бога ни в каком виде и образе не касался, — мы не поверим. Если скажет, что любви не касался и не коснется — мы удивимся и тоже не поверим. Относительно же смерти, что она его не касается, этого уж даже никто и не скажет.

Всякий значительный человек (так называемый «мыслитель»), открывая новое в области этих трех главных вопросов, освещая

* Напечатано в газете «Возрождение», № 1044, 11.IV.1928 г.

по-новому и ставя новые, свои вопросы, — редко их сам разрешает. Что разрешил Ницше? Или Ибсен? Или Вейнинггер? Или Вл. Соловьев? А вопросы они поставили громадной важности и яркости. Индивидуальным творчеством можно лишь подвести к какой-то черте, к новой ступеньке вверх — куда вступают уже другие, — следующие. Случается, когда вопрос поставлен коротко и несложно, что творец его находит, как будто, и решение. Но это решение **только для себя**. Если нашедший о том не подозревает — он становится **учителем**. Такое решение нашел Толстой и так сделался (или его сделали) учителем.

Был или не был «учитель» в Соловьеве, Ибсене и других — одно с уверенностью можно сказать: в Розанове его не было **ни капли**. Даже вообразить Розанова «учителем» нельзя, даже представить себе каких-нибудь «розановцев» — нелепость. Дело в том, что Розанов не только совсем не решил страшных, им самим же поставленных вопросов, но даже слишком явно — для себя и для всех — **раздирался ими сам**; не раздиранью же этому было у него учиться?

Коренной вопрос, приковавший к себе Розанова на всю жизнь, это — **Христос-христианство и Мир-космос** (с населяющей его жизнью). Надо сказать: такого длинного, такого остро пронзающего луча, какой бросает Розанов с земли, из «космоса», на «Христа-христианство», мы другого не знаем. И в этом луче (не холодный же он, не мыслитель же Розанов!) сам Розанов оказывается стенающей, взбунтовавшейся тварью.

Великой любовью любит он теплую землю, с ее злаками и травами, с племенами людскими, с Богом ее, Творцом всякого дыхания, давшим людям **вечный завет** плодиться и множиться. Но вот пришел Кто-то... и принес завет новый: «Вам сказано так... а я вам говорю»... И завяли травы, иссохло чрево материнское, поникли головы, всплакало и возрыдало сердце человеческое... Кто же Он, сотворивший такое с миром? Кто этот «обаятельный, обольстительный и лукавый»? — да, лукавый, ибо он, соблазняя, похищает мир и Творца, разрушает завет, навеки людям **положенный**. Неужели Он — Бог? Не Денница ли, «спавший на землю как молния»?

Решить бы, да, Денница; и было бы просто. Но — Розанов **не может** решить. Он — плоть стенающая, бунтующая, ревнующая, но и... **воздыхающая**. И воздыхание — к Нему же, к Неизвестному. Розанов **любит Христа**; и ни сам он, ни мы не скажем,

какая любовь в нем пронзительнее, огромнее: к плоти ли земли рождающей и к Богу ее, древнему, вечному, — или ко Христу. Но любви две, не одна; которая-нибудь должна быть принесена в жертву. В конце концов жертвой стал сам Розанов. Как Иаков боролся с Богом и не поборол, так и Розанов боролся со Христом и тоже не поборол. Но боролся не одну ночь, а всю жизнь, и не вышел из борьбы хромым, как Иаков, а просто вышел из жизни.

Мы хорошо знаем, что его мука, его раздиранье, его **нерешенье** продолжались до самого конца: об этом он нам говорит своими последними словами, напечатанными уже после его смерти (тотчас после) и озаглавленными «Последние листья». Вот эти листья: «Не может, не может, не может быть двух заветов. Если два завета — два Бога, дву-Божие. Две воли, дву-мыслие, два созерцания. Как же жить? Боже, научи!» О, и этого нельзя сказать: нельзя даже произнести «научи» и только можно другое:

Который же из вас...

Да, который? Христос или Иегова, Бог Авраама, Исаака, Иакова?

Становится понятно, чем было для Розанова, при такой его внутренней трагедии, — еврейство. Понятно, почему с особенной остротой выдвинул он вопрос **иудаизма** и вопрос **пола**. Но если бы мы даже и не знали ничего вот об этом, специфически розановском, отношении к христианству, о ненавистнической любви ко Христу, а только знали бы, что он всю жизнь, пристально, со страстью, занимался **христианством** — мы и тогда угадали бы, что вопросы о еврействе и о поле не останутся ему чужды.

Вспомним, что их не обошел и Вл. Соловьев, — тоже по-новому, по-своему, поставил их, соответственно тому новому, что открывалось ему в христианстве. Как близок им Вейнинггер — всякий знает, хотя отношение его к христианству было не только иное, чем у Розанова, но противоположное до мелочей. Известно, что этот гениальный еврейский юноша, по влечению к личности Христа, перешел в христианство. Но после своей на шумевшей книги «Пол и характер», и другой, еще более замечательной, — трагичной, — застрелился, 23 лет от роду.

Все эти вопросы, — христианство и иудаизм особенно, — неразрывно связаны между собой. У Розанова и Соловьева, при двух разных отношениях к христианству, можно найти общее в

их отношении к еврейству. В отчаянии расширяя сам вековечную пропасть между заветом Ветхим и Новым, Розанов всем стесняющим существом прижимался к евреям. Но пропасть видел и Соловьев, заглядывал в нее, знал что-то о ней; и ставил разрыв в вину **не** евреям (в вину-то ставил!), а христианам. Есть еще один человек, в третьем положении относительно христианства, не розановском и не совсем соловьевском, взгляд которого на еврейство достоин того, чтобы о нем сказать подробнее. Этот человек, никому не известный, носил в себе черты гениальности не меньшей, пожалуй, чем Розанов. Зовут его Валентин Александрович Тернавцев. Книг он не писал, если и писал — не печатал. При всей «учености» своей он не был и «ученым». Даже оратором, в сущности, не был: все знавшие его, слышавшие огненные речи, чувствовали в них пафос не ораторский, — иной. Человека со столь высокими языками настоящего **пророческого** пламени — нам никогда больше встречать не приходилось.

Некоторые его речи, застывшие в стенограмме, обеззвученные печатной бумагой, все-таки поражают, — до сих пор. Но сейчас не в них и не в нем, Тернавцеве, дело, а в отношении его к христианству и в вытекающем отсюда отношении к еврейству. Он был ученый богослов и самый православный церковник. Но при этом относился он к христианству с поядоющей ревностью библейского пророка. Он требовал, именно требовал, от христианства **движения**, раскрытия его во времени, — и по времени. Он спрашивал богословов, «державших ключи разуме-ния», — «все ли для них уже открыто в Христианстве?» И больше, — он спрашивал: «Все ли открыто и для святых? Их писания перед нами»... «Не о посягательстве на прежние откровения я говорю, — прибавил он, — но об **исполнении** их. Противоречие между данными христианству обетованиями и действительностью — страшно»... Он призывал «успокоенный» или самодовольный христианский мир, не понимающий, что «христианство стоит на **краю истории**», — вспомнить о еврействе и о поразительной его судьбе. Как Розанов и Вл. Соловьев, заглядывает и Тернавцев в пропасть, разверзшуюся между Ветхим и Новым Заветом. Никакие отдельные перебежчики из еврейства в христианство, хотя бы их были тысячи, ничего не изменят. Нет, «языко-христианству» (как он говорил) нужен глубокий перелом; нужно открытие в нем глубин Ветхого Завета: видения пророков, тайны жертв и повелений Божиих, данных навеки. Христианству нужно принять на себя Израиля, «что послужит откровению в откровениях христианских. Но может ли быть это, пока двадцативековому разры-

ву и всей судьбе еврейства не будет дано действительного оправдания? Какой силы должен быть огонь с неба, который все это переплавит и даст новое сердце?»

Откровение, которого ждал и требовал от христианства Тернавцев, он называл раскрытием тайны «о праведной земле».

Вот как раз то, чего не ждал от христианства Розанов, не верил, что тайна эта в нем заключена. К «праведной земле» он и бежал, когда хотел бежать к еврейству.

Но все они — и Розанов, и Тернавцев, и Вл. Соловьев — сходятся в этом: у евреев **есть** великая правда, и это **правда о земле**. Можно и еще продолжить согласие: все они признают **несчастьем** двадцативековой разрыв меж двумя заветами, но не виной или ошибкой евреев.

Далее начинаются разногласия — все лежащие в разном отношении к христианству.

Приходится сделать такой вывод: вопрос еврейский может быть рассматриваем **только** в связи с вопросом христианским — и обратно. Нечего и говорить, что если мы берем Розанова — мы берем еврейство и евреев прямо висящими на христианской нитке. Но если отвлечься и от Розанова, от всех и от всего, от чего только можно отвлечься, поставить вопрос прямо, просто: «Иудаизм в истории» — результат будет тот же: нам придется говорить и о «христианстве в истории».

Что за странная спайка! Розанов кричит: христианство и иудейство, завет Новый и Ветхий, — да, они разные, они «разделены, как небо и земля!» И прав; какое же еще большее разделение, ведь и в поговорку вошло: отличается, как небо от земли. Розанов еще прибавляет: «а небо... где оно, там рабство». Но я сильно сомневаюсь, что если бы Розанову предложили во владение всю его «свободную» землю, только **без неба над ней**, — он бы ее взял, согласился бы взять такую землю. Равно и верующие пламенно в царство небесное — не спешат туда переселяться. Может быть, эту спайку между метафорическими, обыкновенными небом и землей следует назвать «жизнью»? Явно разделенные, небо и земля так соединены в **человеке**, что без них он не представляет ни себя, ни жизни...

Свою аналогию Розанов повторяет беспрестанно. Мысль невольно увлекается ею: да, и тут, между Новым и Ветхим заветом именно такое же разделение, совершенно явное; и такая же таинственная — спайка. Розанов как бы сам попал в разделяющую пропасть, как бы оттуда, из глубины, взывает: на какой край

подняться? Какой выбрать? «Который из Вас»... Бог? Христос или Иегова, Бог Авраама, Исаака, Иакова?

Розанов так и не решил этого вопроса. А что, если не верен сам вопрос? Что, если выбор иначе стоит, так стоит: **обоих**, и оба Завета, отвергнуть — или **обоих**, оба, вместе — **принять**? Вдруг они оба — **одно**?

Но тут я останавливаюсь. Довольно вопросов: лучше кончу ответом на возражения, которые, может быть, и не будут высказаны, но, наверное, роятся у многих. Это — удивление: какой смысл, в наше время, говорить о еврейском вопросе так, как мы говорим, помещать его в розановскую плоскость, указывать на его связь или разделение с вопросом христианства? Это может быть интересно, как историческое исследование, но не более. Ныне же христианство почти совсем сошло с арены общественной, стало делом частным, личным, а еврейство, в лице последних поколений, еще определеннее вливается в русло общечеловеческой жизни. В нормальной культурной среде между французом, поляком, русским и евреем по происхождению — отличий нет. Можем ли мы представить себе серьезный, горячий спор о Ветхом и Новом Завете между... ну, хотя бы между М. Слонимом и Керенским, между Авксентьевым и Вишняком, между Пуанкарэ и Леоном Блюмом, Талиным и Буниным? Конечно, нет; современный еврей так же мало заботится о защите Авраама, как современный русский о нагорной проповеди. В России, правда, еще случается, что рабочий поспорит (кулаками) с «жидом», но их спор вряд ли занял бы и Розанова, так как русский рабочий вполне может при этом состоять в ячейке «безбожников», а «жид» — не слыхивать от роду ни о Моисее и ни о каких «заветах». Есть ли смысл рассматривать в наши дни вопрос о еврействе под чисто теологическим углом зрения?

Да, я это понимаю. То есть, вполне понимаю «угол зрения», под которым можно так возражать. Но уж надо быть последовательным и притти к тому, что еврейский вопрос вообще не стоит поднимать, никак, — ибо его в настоящее время **больше не существует**.

Если не существует, — тогда, конечно, о чем же говорить? Ни под каким «углом зрения» не стоит. Если же он есть, тогда рассматривать его, ставить его, говорить о нем можно в **единственной** плоскости — религиозной. Только так брали его все, кто к нему приближался, и это на всем протяжении истории. И так будет впредь, пока еврейство не исчезнет в ассимиляторском

потоке. Я-то думаю, — и не только я, кажется, — что этот момент еще не наступил, а может быть, и вовсе не наступит.

Кроме того, возвращаясь к началу, повторяю: три главные вопроса, в непосредственной близости к которым лежит вопрос иудаизма, — т. е. вопросы о **Боге, Любви и Смерти**, — касаются решительно всех, и нельзя даже вообразить момента, когда они перестали бы касаться человечества.

Если Розанов ничего не **решил** ни о христианстве, ни о еврействе, ни о поле, — он, страстной внимательностью своей, углублениями расширил и облегчил нам пути к дальнейшим, новым пониманиям этих вопросов. От наследства Розанова отказаться нельзя, как бы мы к нему самому, к человеку — Розанову, ни относились. Надо, конечно, этим наследством пользоваться умеючи... Но сумеем мы или не сумеем — это уже зависит от нас.

ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА НА ИНТЕРВЬЮ

(Ответ И. Шафаревичу)

Глубокоуважаемый Игорь Ростиславович!

Мне было передано, что у Вас вызвали недоумения некоторые мои высказывания. Это вполне естественно: беседа была краткой и не претендовала даже в малой степени исчерпать проблему. Суть Ваших возражений, как мне сказали, сводится к трем пунктам.

- 1) Почему я считаю в принципе возможным какое-либо изменение в богослужебных текстах?
- 2) Почему я упоминаю о деканонизации как о чем-то допустимом для православного сознания?
- 3) Имею ли я моральное право критически высказываться о взглядах, если некоторые лица, их разделяющие, находятся сейчас в тяжелых обстоятельствах?

Считаю своим долгом дать пояснения, которые, как мне кажется, в данном случае необходимы.

1) Я лишь высказал надежду, что некоторые выражения в богослужении Великой Пятницы будут изменены в евангельском духе. Имею ли я право на эту надежду? Я не являюсь специалистом по литургике. В этой обширной области куда более компетентную консультацию мог бы дать Вам такой общепризнанный авторитет, как проф. Ленинградской Духовной Академии Н. Д. Успенский или его московские коллеги. Однако и те источники, которые мне приходилось в свое время изучать, достаточно ясно показывают, что на протяжении веков богослужение постоянно претерпевает изменения. В древней Церкви даже Литургия, даже евхаристический канон в поместных общинах были различны. Тем более это касается второстепенных текстов (тропарей, стихир, акафистов и пр.) и молитв. Многие средневековые епископы, монахи, священники и миряне слагали новые богослужебные песнопения, и они включались в чинопоследование, а кое-что полностью исчезало (например, евхаристические молитвы Дидахе или Ипполитова Предания). То, что сегодня называем Литургией св. Иоанна Златоуста или св. Василия Великого, сложилось окончательно куда позднее их времени. (Отсылаю Вас к соответству-

ющим работам Н. Д. Успенского и к более ранним — А. П. Голубцова). В Русской Церкви пересмотр богослужебных книг осуществлялся не один раз. В начале текущего столетия производился последний по времени пересмотр Миней. Эту работу проводил архиеп. Сергей Страгородский, будущий патриарх. Есть изменения и в службе других православных Церквей. Так, греки в наши дни опускают ектении об оглашенных. (В нашем же богослужении устранены все тексты, связанные с монархией).

Причины всех подобных перемен ясны. Богослужение отражает жизнь церковной общины, а поскольку она не может оставаться неизменной, это сказывается и на текстах. Перед самым Всероссийским Собором 1917-1918 г.г. среди епископата и клира собирали письменные пожелания относительно литургических реформ, и Синод не видел в этом ничего противоцерковного. Позднее мысль о преобразованиях была дискредитирована порочной практикой «обновленцев». Но никакие злоупотребления не могут быть аргументом самого принципа. О конкретных сторонах дела я не говорю, поскольку в настоящее время вопрос об очередном пересмотре не ставится (впрочем, реформы фигурировали в качестве тем Всеправославного Соединения 1961 г. и позднее). Подробнее Вас может ввести в курс дела о. С. Желудков, который давно занимается проблемой реформы текстов и чинопоследований.

2) О деканонизации. Что такое канонизация, причисление к лику святых? Это церковное признание общиной святости того или иного подвижника. Однако есть редкие исключения, когда взгляды Церкви могут меняться. Так было, например, с княгиней Анной Кашинской, канонизация которой была признана недействительной. То, что впоследствии это решение было вновь пересмотрено, не меняет дела в принципе. Даже решения поместных Соборов могут аннулировать другими Соборами. (В частности в XVII в. Собором были наложены «клятвы» на старообрядческое богослужение, а последний Собор отменил их.) В истории канонизация иногда производилась на спорных основаниях (в частности — политических). Достаточно просмотреть «Историю канонизации» Е. Голубинского. Итак, суждение Церкви как народа Божия не есть нечто застывшее и может претерпевать перемены.

3) Что касается третьего вопроса, то боюсь, что Вы невнимательно прочли мои слова. Я не упоминал и не имел в виду конкретные периодические органы или отдельных лиц, а — лишь определенную тенденцию (именно — крайний национализм). И

если она выражена у людей, которые сейчас находятся «в скорбных обстоятельствах», то сама суть ее от этого не становится иной. Критикуемые мной взгляды исповедует немало из тех, кто вполне процветает и числится в различных художественных, писательских и научных организациях.

Я еще и еще раз должен подчеркнуть, что отвергаю не патриотизм, а шовинизм. Я не только ценю и люблю Церковь, культуру и страну, в которых вырос и сформировался, но и думаю, что слово Родина-мать — не только фигуральное выражение. Каждый из нас в какой-то мере дитя своей среды, общества, природы, культурного наследия. Это всегда остро чувствуют эмигранты. Тем не менее в этом вопросе христиане должны помнить об опасности идолопоклонства. Ничто не должно превращаться в культ, даже отеческое наследие. Борьба с шовинистическим инстинктом — долг христианина. Он особенно важен, если учесть, что шовинизм отравляет здоровую любовь к отечеству ненавистью и презрением к другим народам. Такие чувства, увы, легко укореняются, что, как известно, ведет к трагическим последствиям.

Подлинный патриотизм силен своей широтой и открытостью. От того, что Пушкин был воспитан под сильным французским влиянием и что в его жилах текла кровь эфиопа, он не перестал быть великим русским поэтом. Принадлежность к Израилю не помешала св. Павлу стать «апостолом народов».

Открытость к другим культурам была одной из черт России: мы находим ее у Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского, у Чаадаева и Вл. Соловьева, у Тургенева и Толстого. Шовинист же запирается на замок, прячет свое достояние и в результате создает лубочно-искусственный образ Родины, которая наполовину существует в его воображении. Этот недуг прекрасно показал Р. Тагор в своем известном романе «Гора». Упрощенная схема: раз наше — значит хорошее, — есть не патриотизм, а ослепление. Не тому учит нас Библия (кстати, пришедшая с Востока, но ставшая неотъемлемой частью европейской культуры). Пророки, будучи горячими патриотами, не льстили соотечественникам, не замалчивали грехов народа. И так они поступали именно потому, что его судьба была для них безразлична.

С уважением

прот. А. Мень

Морис КЛАВЕЛЬ

Морис Клавель «новым философом» себя не признает, хотя бы потому, что никогда не соблазнялся ни марксизмом, ни коммунизмом. Пережив тяжелый душевный кризис, Клавель преодолел его через обращение в христианство. В 1968 году он увлёкся спонтанными формами неожиданных социальных отношений и до сих пор остаётся ими завороженным. Это объясняет его близость к новым философам, которые видят в нем «старшего». Но в своей вере во Христа он среди них одинок. Прим. Ред.

ВЕЛИЧИЕ МАРКСА

Мне приснился сон, вернее, я смастерил себе сон. Я дал волю фантазии и наспех соорудил построение мысли, в котором самая строгая, самая мощная метафизика человечества — его последняя — гегельянство, завершалась, актуализировалась, упразднялась в марксизме — без Маркса. Т. е. без марксова разрыва, вне этой наивной, интеллектуально нищей, докритической грубости, при которой «диалектика поставлена на ноги», и где этот чисто логический и духовный двигатель — действенный именно в этом качестве — пересаживается непосредственно в Материю, не теряя своей силы, к вящему соблазну последовательных материалистов, в том числе и Фрейда...

Между нами говоря, кто из серьёзных умов не увлекался таким построением? Оно вполне закономерно и получается довольно складно. Известно, что для Гегеля природный человек — замутнённое сознание, в котором Дух, диалектически упразднённый в Материи, постепенно восстанавливается, закладывается, теряется и вновь себя обретает в общественных опосредствованиях (медиациях). Они, эти медиации, т. е. собственность, право, искусство, религия, являются ступенями в осуществлении его Разума, его Свободы, его абсолютного Знания. Современное Государство, в котором осуществляется свобода и сознание человека, будет последним. История дальше развиваться не может, разве чтобы распространить это государство по всему миру.

Но гражданское общество у Гегеля оставляет вне себя, на полях, довольно значительный остаток без свободы и сознания, «народ, ту часть его, которая не знает, чего она хочет». Гегель славен тем, что возвестил о пролетариате, в котором, Маркс это

понял, все гегелевские приобретения человечества себя как бы отрицают. Отсюда, в духе гегелевского метода, под занавес, отрицание еще раз себя отрицает, но уже с обратным смыслом: выходит так, что этот новый класс, мнимо остаточный, распространяется (всемирная пролетаризация), и что, тем самым, все человечество себя осуществляет через упразднение собственности, права, религии, государства: нигилизм мировой конечной революции возвращает ему его абсолютную, завершённую полноту.

Таково построение, и оно получается складно. Но собственно почему это и не есть Маркс? А потому, что, как мне представляется, Маркс любой ценой желал не диалектического отрицания Бога: отказа личного, абсолютного, страстного, я сказал бы, почти мистического. Но тут мне нужно обратиться к его жизни.

Начнем с прекрасного религиозного текста: «Любовью, которой мы любим Христа, мы направляем одновременно наши сердца к нашим братьям, тесно с нами связанным, и ради которых Он сам себя принес в жертву». Кто это написал? Маркс, когда ему было пятнадцать лет! Отметим любовь к ближнему, он ей останется верен. И еще один текст тех же лет: «Сама религия учит нас, что идеал принес себя в жертву за человечество. Значит, мы уже больше никогда не будем задавлены бременем». Это уже припахивает Гегелем. Но все же облегчает и освобождает нас Христос!

Что же произошло потом? Наверняка, какое-то колоссальное событие, о котором мы ничего не знаем, но признаки которого мы должны отыскивать. Диссертация, написанная Марксом в 20 летнем возрасте, выражает полную приверженность к материализму, а эпиграф ее гласит о «ненависти ко всем богам». Так что мы не в праве говорить о медленном и спокойном отходе от веры, как это было у столь многих... Открылись ли Марксу злоупотребления и злодеяния религий? Возможно, но есть нечто большее. Его стихи свидетельствуют об **обратном обращении**, полнейшем и трагическом, где вызов и объявление войны Богу, с которым Маркс обращается как с равным, беконечно превосходят отрицания атеизма. «Я хочу поставить себе престол в вышних». А в другом месте: «Адский смрад ударяет мне в голову и наполняет ее до того, что я схожу с ума, а сердце мое совершенно обновляется».

*
**

Пусть смеются некоторые, видя в этих словах общие места, распространенные среди десятка тысяч студентов-романтиков. Но вот еще одно высказывание:

«Я брошу перчатку всему миру и увижу, как рухнет этот исполин-пигмей. Затем я буду шагать по его развалинам и, давая силу действия моим словам, я буду чувствовать себя равным Создателю».

Тут уже следует не смеяться, а восхищаться и изумляться. Почему? Потому что историко-всемирный и космический план, который здесь выдается — а он видимо и является «жизненной задачей» и основным выбором Маркса — в наши дни почти целиком осуществлен на земле... Отметим, что выражение «давая силу действия моим словам» не только передразнивает творческое действие Божественного Слова, но также предвосхищает столь распространенный мотив «теории, проникающей в массы». Тут есть перед чем преклониться. Боюсь, что современные марксисты, озабоченные больше успехами на выборах, скрывают от нас, насколько Маркс велик и высок: ведь ему удалось за неполный век осуществить план не только прометеевский, но люциферовский. А Люцифер, как показывает само имя, последний носитель Света...

Был ли это изначальный план? Да. Мы увидим, что из него исходит все учение Маркса, стройно и ясно, без какой-либо другой «внешней примеси», кроме гегелевского метода, в те времена повсеместно распространенного, и от которого Маркс никогда не откажется.

**

Упразднить надо не только религию, но и Бога. В первую очередь гегельянство лишается всей своей духовной головки, великой логики. Начиная с материи. Затем и, соответственно, человек, появляющийся в природе, не будет как у Гегеля человеком зачинающимся, который осуществится посредством общественных институтов, а существом целостным, счастливым, свободным, спонтанно общественным, которого общественные «медиации» погубят, деградируют, **отчуждают** и который естественно или скорее диалектически, в конце концов, обретет себя разом через Революцию.

Но для этого нужно, поскольку мы близки к концу, чтобы наличествовала общественная сила, потенциально революцион-

ная, уже заметно действующая в Истории: Маркс не более волюнтарист и не более интеллектуалист, чем Гегель. Но вот, как раз пролетариат — самое что есть ничтожное в человечестве, верх отчуждения, сила чисто отрицательная — сам себя возведет через отрицание в полноту человечества, вновь обретенную.

Как это произойдет? Раз всё его существование или вернее отсутствие существования протекает в экономике, где, все делая, он остается — ничто, то это произойдет через экономику: приобретением средств производства. Отсюда необходимость для Маркса стать экономистом и придумать, в виде теории прибавочной стоимости, противоречие, несущее неминуемую и скорую смерть капиталистической экономике. Маркс ждал эту смерть в 1853, в 1857, в 1862 г.г. и т. д.

И тогда, если иметь в виду, что в гегельянстве собственность одновременно начало и основа всех общественных «медиаций», т. е. по Марксу «отчуждений», то все остальные «медиации» рухнут вместе с ней. Фейербах подоспеет во-время: для него Бог тоже фантазм, проектирование себя во вне, изнуряющее человека. Но тщетно с этим бороться идеологически, тщетно ждать, чтобы человек вобрал проектирование в себя и одолел фантазм. Упразднение собственности развеет одним махом и религию. Она «спадет как чешуя».

Это написано черным по белому, это грандиозно, это почти осуществилось. «Упразднение Бога» и есть конечная причина этой поразительной системы: она ее освещает изнутри. Коммунизм — отдадим должное Марксу — не только предлог или приманка для масс: он средство, направление, необходимая извилина его изначального плана. Я сожалею, что по тактическим соображениям приверженцы Маркса замазывают и сглаживают его величественный образ.

Не слишком ли он в моем изложении прекрасен, не слишком ли упрощен? Разумеется, в пределах статьи я был вынужден упрощать. Но ничто недостаточно, чтобы воздать должное этому величайшему человеку. К тому же, толкование, в котором он является с наибольшей цельностью, не есть ли наиболее цельное его объяснение? Блаженны, говорят, те, кто осуществляет в жизни и за пределами её мечту своей юности. Тем более, когда эта мечта — космическая, теургическая.

**

Достаточно ли известен портрет Маркса, когда ему было 23 года? «Темный человек города Трев. Замечательное чудовище. Он не ходит, не бегаёт. Он вертится на каблуках, рассекая воздух руками, вытягивая их как можно выше, обуюанный злобой, как бы желая схватить небесную скинию и низвергнуть её на землю». Захватывающий образ... Портрет начертил Энгельс при первой их встрече...

Заключение пусть выводит каждый. Я лишь хотел дать христианам материал, чтобы осветить их отношение, которое остаётся двойственным. Маркс, конечно, абсолютный враг. Но как, по-христиански, относиться к абсолютному врагу? Я желал бы, чтобы любовь отвела их от проклятия и экзорцизма. Но ещё больше желал бы я, чтобы они перестали наполнять чаши своих мозгов тошнотворными коктейлями ложных синкретизмов, подобных гародийским* бредням.

Маркс слишком суров и велик для этого. Но и Бог тоже.

* Роже Гароди французский философ, исключённый из компартии и ныне старающийся соединить христианство с марксизмом.
Прим. Ред.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Новые условия подписки на журнал **ВЕСТНИК РХД**
на 1978 год

объявлены в конце этого номера. Там же находится бланк подписки, который мы просим заполнить и отправить в редакцию или нашему представителю до 31 января 1978 г.

В 1978 г., как и в текущем году, выйдет 4 номера «Вестника».

Литература и жизнь

Иосиф БРОДСКИЙ

НОВЫЙ ЖЮЛЬ ВЕРН

Л. и Н. Лифшиц

I

Безупречная линия горизонта, без какого-либо изъяна.
Корвет разрезает волны профилем Франца Листа.
Поскрипывают канаты. Голая обезьяна
с криком выскакивает из кабины натуралиста.

Рядом плывут дельфины. Как однажды заметил кто-то,
только бутылки в баре хорошо переносят качку.
Ветер относит в сторону окончание анекдота,
и капитан бросается с кулаками на мачту.

Порой из кают-кампании раздаются аккорды
последней вещицы Брамса.
Штурман играет циркулем, задумавшись над прямою
линией курса. И синее пространство
смешивается в подзорной трубе с оставшимся за кормою.

II

Пассажир отличается от матроса
шорохом шелкового белья,
условиями питания и жилья,
повтореньем какого-нибудь бессмысленного вопроса.

Матрос отличается от лейтенанта
отсутствием эполет,
количеством лет,
нервами перекрученными на манер каната.

Лейтенант отличается от капитана
нашивками, выраженьем глаз,
фотокарточкой Бланш или Франсуаз,
чтением «Критики Чистого Разума», Мопассана
и «Капитала».

Капитан отличается от Адмиралтейства
одинокими мыслями о себе,
отвращением к синеве,
воспоминая о длинном уик-энде, проведенном
в имение тестя.

И только корабль не отличается от корабля.
Переваливаясь на волнах, корабль
выглядит одновременно как дерево и журавль,
из-под ног у которых ушла земля.

III

Разговоры в Кают-Компании

«Конечно Эрц-герцог монстр! но как следует разобраться —
нельзя не признать за ним некоторых заслуг...»
«Рабы обсуждают господ, господа обсуждают рабство...
Какой-то порочный круг.» «Нет: спасательный круг!»

«Восхитительный херес!» «Я всю ночь не могла уснуть.
это жуткое солнце: я сожгла себе плечи.»
«...а если открылась течь? я читал, что бывают течи.
Представьте себе, что открылась течь, и мы стали тонуть!»

Вам случалось тонуть, лейтенант?» «Никогда. Но акула
меня кусала.»
«Да? любопытно... Но представьте, что — течь...»

И представьте себе...»
«Что ж, может это заставит подняться на палубу
даму в 12-б.»
«Кто она?» «Это дочь генерал-губернатора, плывущая
в Кюрасао.»

IV

Разговоры на палубе

«Я, профессор, тоже в молодости мечтал
открыть какой-нибудь остров, зверушку или бациллу.»
«И что же вам помешало?» «Наука мне не под силу.
И потом — тити-мити.» «Простите?» «Э-э... презренный
металл.»

«Человек, он есть кто? Он вообще — комар.»
«А скажите, месье, в России у вас, что — тоже есть резина?»
«Вольдемар, перестаньте! Вы кусаетесь, Вольдемар!
Не забывайте, что я...» «Простите меня, кузина.»

«Слышишь, кореш?» «Чего?» «Чего это там вдали?»
«Где?» «Да справа по борту.» «Не вижу.» «Вон там.»
«Ах, это...»
«Вроде бы кит. Завернуть не найдётся?» «Не-а, одна газета...
Но Оно увеличивается! Смотри!.. Оно увели...»

V

Море гораздо разнообразней суши.
Интереснее, чем что-либо.
Изнутри, как и снаружи. Рыба
интереснее груши.

На земле существуют четыре стены и крыша.
Мы боимся волка или медведя.
Медведя, однако, меньше и зовём его «Миша».
А если хватает воображенья — «Федя».

Ничего подобного не происходит в море.
Кита в его первозданном, диком
виде не трогает имя Бори.
Лучше звать его Диком.

Море полно сюрпризов, некоторые неприятны.
Многим из них не отыскать причины;
ни свалить на Луну, перечисляя пятна,
ни на злую волю женщины или мужчины.

Кровь у жителей моря холодней, чем у нас; их жуткий
вид леденит нашу кровь даже в рыбной лавке.
Если б Дарвин туда нырнул, мы б не знали «закона
джунглей»
или внесли бы в оный свои поправки.

VI

«Капитан, в этих местах затонул «Черный Принц»
при невыясненных обстоятельствах.» «Штурман Бенц!
Ступайте в свою каюту и хорошенько проспите.»
«В этих местах затонул также русский «Витязь».
«Штурман Бенц! Вы думаете, что я
шучу?» «При невыясненных обстоя...»

Неукоснительно двигается корвет.
За кормою — Европа, Азия, Африка; Старый и Новый Свет.
Каждый парус выглядит в профиль, как знак вопроса.
И пространство хранит ответ.

VII

«Ирина!» «Я слушаю.» «Взгляни-ка сюда, Ирина.»
«Я же сплю.» «Всё равно. Посмотри-ка, что это там?»
«Да где?»
«В иллюминаторе.» «Это... это, по-моему, субмарина.»
«Но оно извивается!» «Ну и что из того. В воде
всё извивается.» «Ирина!» «Куда ты тащишь меня?!
Я раздета!»
«Да ты только взгляни!» «О Боже, не напирай!
Ну, гляжу. Извивается... но ведь это... это...
Это гигантский спрут!.. И он лезет к нам! Николай!..»

VIII

Море внешне безжизненно, но оно
полно чудовищной жизни, которую не дано
постичь, пока не пойдёшь на дно.

Что порой подтверждается сетью, тралом.
Либо пляской волн, отражающих как бы в вялом
зеркале творящееся под одеялом.

Находясь на поверхности, человек может быстро плыть.
Под водою, однако, он умеряет прыть.
Внезапно он хочет пить.

Там, под водой, с пересохшей глоткой,
жизнь представляется вдруг короткой.
Под водой человек может быть лишь подводной лодкой.

Изо рта вырываются пузыри.
В глазах возникает эквивалент зари.
В ушах раздаётся некий бесстрастный голос,
считающий: раз, два, три...

IX

«Дорогая Бланш, пишу тебе, сидя внутри гигантского
осьминога.
Чудо, но письменные принадлежности и твоя
фотокарточка уцелели.
Сыро и душно. Тем не менее, не одиноко.
Рядом два дикаря, и оба играют на укалеле.
Главное, что темно. Когда напрягаю зренье,
различаю какие-то арки и своды. Сильно звенит в ушах.
Постараюсь исследовать систему пищеваренья.
Это — единственный путь к свободе. Целую. Твой
верный Жак.»

«Вероятно, так было в утробе... Но спасибо и за осьминога.
Ибо мог бы просто пойти на дно, либо — попасть к акуле.

Всё еще в поисках. Дикари, увы, не подмога:
о чем я их ни спрошу, слышу странное «хули-хули».
Вокруг бесконечные, скользкие, вьющиеся туннели.
Какая-то загадочная, переплетающаяся система.
Вероятно, я брежу. Но вчера на панели
мне попался некто назвавшийся капитаном Немо.»

«Снова Немо. Пригласил меня в гости. Я
пошел. Говорит, что он вырастил этого осьминога.
Как протест против общества. Раньше была семья,
но жена и т. д. И ему ничего иного
не осталось. Говорит, что мир потонул во зле.
Осьминог (сокращенно — Ося) карает жестокосердые
и гордыню, воцарившиеся на земле.
Обещал, что если останусь, то обрету бессмертье.»

«Вторник. Ужинали у Немо. Были вино, икра
(с «Принца» и с «Витязя»). Дикари подавали, скаля
зубы. Обсуждали начатую вчера
тему бессмертья, «Мысли» Паскаля, последнюю вещь
в «Ля Скала».

Представь себе вечер, свечи. Со всех сторон — осьминог.
Немо с его бородой и с глазами — голубыми как у младенца.
Сердце сжимается, как подумаешь, как он тут одинок...»

Здесь обрываются письма к Бланш Деларю от лейтенанта
Бенца.

Х

Когда корабль не приходит в определённый порт
ни в назначенный срок, ни позже,
Директор Компании произносит: «Чёрт!»
Адмиралтейство: «Боже!»

Оба неправы. Но откуда им знать о том,
что приключилось. Ведь не допросишь чайку,
ни акулу с её набитым ртом,
не направишь овчарку

по следу. И какие вообще следы
в океане? Всё это сущий
бред. Еще одно торжество воды
в состязании с сущей.

В океане всё происходит вдруг.
Но потом еще долго волна тербит скитальцев:
доски, обломки мачты и спасательный круг
Все без отпечатков пальцев.

И потом наступает осень, за ней — зима.
Сильно дует сирокко. Лучшего адвоката
молчаливые волны могут свести с ума
красотою заката.

И становится ясно, что нечего вопрошать
ни посредством горла, ни с помощью радиозонда
синюю рябь, продолжающую улучшать
линию горизонта.

Что-то мелькает в газетах, толкующих так и сяк
факты, которых, собственно, кот наплакал.
Женщина в чём-то коричневом хватается за косяк
и оседает на пол.

Горизонт улучшается. В воздухе соль и йод.
Вдалеке на волне покачивается какой-то
безымянный предмет. И колокол глухо бьёт
в помещении Ллойда.

ИЗ ЗАПИСОК ЗЫБИНА*

Два человека, две встречи из моего не столь уж далекого прошлого стоят у меня перед глазами, и я собираюсь о них рассказать. Я встретился с этими людьми при обстоятельствах, о которых мне придется еще много говорить. Поэтому сейчас я скажу только, что выслушал эти рассказы в конце сороковых годов на севере, в месте, не указанном на карте ни кружком, ни крестиком. А здесь нужно было не крестик ставить, а водрузить крест — огромный, гранитный, такой, который можно было бы видеть за пятьдесят верст — столько в этом месте было положено жизней! Да и положено-то как! Глупо, походя, без всякой пользы и нужды.

Лагерь, в котором я очутился, был крошечный, степной, жалкий, не лагерь, а так, лагеришко, затерянный где-то на грани Сибири и Дальнего Востока. И было-то в нем всего-навсего четыре отделения. Смехота и только! А тот лагерь, из которого я прибыл, имел добрую сотню отделений и занимал пространство, равное Западной Европе. И звали его — «Золотая Колыма». Там была тайга, глухая темень, болота, лесные речки, медведи, глухомань. Отойдешь десять шагов от дороги и подавай голос, не то потеряешься. Здесь же мерзлая равнина, ветер гонит по насту мелкую колючую пыль и она звенит и поет. И заледенелый курай тоже под ветром звенит, как стеклянный. Ветры гуляли по этому пространству беспрепятственно. Всю ночь около ограды что-то пело, жужжало, завывало, говорило человеческим голосом, а на утро ворота приходилось откапывать. Сугробы вырастали в трехэтажный дом. Посмотришь со степи и не поверишь, что за ними живут люди.

Лагерь был сельхозом. Летом и осенью мы работали в поле, сажали и убирали картошку, сеяли сою, фасоль, горох. Что же мы делали зимой, я сейчас положительно не могу припомнить. Но что-то делали всегда; немного, но день был занят полностью.

* Этот отрывок может служить эпилогом к новому роману Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», только что вышедшему в издательстве ИМКА-ПРЕСС.

Печатается без ведома автора.

В это время лагерь стоял ободранный, голый, страшный. Летом он походил на станционный поселок средней руки; стояли какие-то скамеечки, щиты ударников, доска для газет, крытые уборные, еще что-то. У землянок были тамбуры, лесенки (мы жили на три метра под землей), у клуба плакаты. К зиме же ничего не оставалось, растаскивали все. Разжигали костры и варили картошку, бобы, сою, немолотую рожь. Конечно, надо было иметь желудок цапли, чтобы переварить это. Но наши все переваривали. Прекратились все катарры, язвы, запоры. Не до них наверно было. Летом мы еще что-то воровали, что-то комбинировали. К середине зимы сжирали и сжигали все! Вот тогда жили уж только на пайке. Все свободное время лежали — лагерь-то был инвалидный, освобожденных-то хватало. Лежали молча. Во-первых, все уже переговорили, а во-вторых, попросту было холодно. Надо было укутаться с головой во все тряпье, что имелось, и лежать не двигаясь, так, чтобы не растратить тепло. Топили кураем. Он горел красивым белым высоким огнем, трещал, стрелял, пускал фейерверки, но толку-то от него было чуть. Даже печка и та нагревалась еле-еле. Ну, а около печки, конечно, лежали блатные, и всех желающих погреться гнали дрыном прочь. Связываться с ними в ту пору еще не решался никто. И воды не хватало тоже. Сколько ее ни качали из единственного колодца, а все было мало. Так что и кипятком согреться было можно только раз в сутки. Холод в бараке стоял какой-то странный, не сильный, но пронизывающий, гнилой. Каждое утро после развода на работу мыли полы. Выплескивалось на пол несколько ведер воды, а потом жидкую грязь сгоняли резиновой шваброй в щели пола. С мороза ведра дымились, и доски дымились тоже. Крошечная желтая лампочка, похожая на сохнувший лимон, едва-едва пробивалась через туман. Около нее всегда висели мутные, перламутровые падуи. Другого края барака не было видно вообще. Пахло мокрыми, размочаленными досками. Укройся с головой и лежи так, и слушай: вот булькает вода, смешки, переговоры — это дневальные с обеих сторон сошлись посредине барака, — стукнулись швабрами, встали и закурили. Значит, через пять минут можно будет подняться; еще через полчаса выйти (а попробуй-ка спрыгни на мокрый пол раньше! Если так уж тебя приспичило — скачи через головы); еще через час оставшихся вызовут в санчасть. Но идти туда бесполезно — больница полна.

Барак, как свайная постройка, стоит над озером многолетней грязи. Грязь подступает под самые доски, и когда спрыгиваешь с лестницы на пол землянки — навстречу тебе бьют грязевые

ключи. Оживает барак только тогда, когда приходит дальний этап. Тогда все окружают новеньких: свежие люди, новые знакомства, сногсшибательные известия о новом кодексе, о пересмотрах, о том, что прокурор, посещая такую-то тюрьму, сказал улыбаясь: «Подождем еще этот год, а потом...» Мы слушали, иронически улыбаясь, отмахиваясь, посылая их всех к черту... («Что? Опять новый кодекс — самый высший срок пять лет? Знаешь что, а пошли бы они... С 38-го года слышим.») И верили! Боже мой, как же верили! Как твердо каким-то уголком ничем не замутненного сознания знали, что будет что-то, что непременно должно быть что-то — справедливость обязательно восторжествует! Нельзя же так — 10, 15, 25 лет! Кто же это выдержит? Да и за что выдерживать-то? Но в амнистию не верили тоже, да и не хотели ее. Лет пять тому назад, когда я впервые прибыл на Колыму и был еще «оленем с неотрубленными рогами»* со мной заговорил сосед по нарам, бухгалтер вещевого каптерки, желтый, прокуренный старик. Я ему рассказал об огромной всенародной амнистии, проект которой лежит на столе вождя, он посмотрел на меня с усмешечкой и сказал, подчеркивая каждое слово: «Так что вы, молодой человек, тоже из «желающих освободиться по амнистии»? Так знаете, кто вы такой? — Прочтите-ка первые буквы — и вы поймете кто».

Нет, в амнистию здесь никто не верил и, повторяю, мало бы кто и принял ее (за что нас прощать-то?!), но во все остальное — в новый кодекс, в разгрузку, в пересмотр дел — и просто в то, что возьмут да и выгонят — в это тайно верили все. Но тайно! Тайно! Хорошим тоном считалось ровно ни во что не верить и махать рукой на все. И только один раз я услышал нечто совершенно противоположное. Вот об этом случае я и хочу рассказать.

Однажды из госпиталя привезли несколько человек. Этап пришел ночью, новеньких наскоро рассовали по баракам, и в тот день их никто не видел, а на другой как-то уж и интерес прошел — не с воли же они! И вот однажды, сразу же после развода, в бараке хлопнула дверь, кто-то остановился на пороге и назвал мою фамилию. «Дверь, гад! — отчаянно рывкнул дневальный, — лето тебе?!» Стояла дождливая, грязная, промозглая осень, и барак был полон туманом. Я приподнялся с нар и крикнул: «Сюда, сюда!» Он подошел ко мне. Это был высокий, жилистый человек

* Так в лагере воры зовут новеньков. «Ты давно с воли? Год? Так тебе еще десять лет упираться и упираться рогами (работать). Ты сначала сдай рога в каптерку на холодное, а потом и говори со мной».

лет пятидесяти пяти. Длинное сухое лицо, впалые щеки, какая-то ржавчина на щеках. А вообще его лицо напоминало мне чем-то старый зазубренный косарь. Такие есть в каждом бараке. Во время генералки ими скребут полы и столы. Мы поздоровались. Он сел. Я спросил, не хочет ли он закурить. Он поблагодарил («у меня есть, есть»), достал жестяную коробку из-под зубного порошка, слепил папироску и закурил.

— Вам привет, — сказал он.

— От кого? — спросил я.

— От вашего бывшего начальника, — и он назвал фамилию директора.

— Как?! — схватил я его за руку. — Разве он?.. — и в ту же минуту узнал его — зам. наркома просвещения Мирошников.

Я начал было его расспрашивать, но сразу понял, что он ничего не знает: с воли давно, и в последнее время директора видел мало. Знает его больше по армии.

— Он сумел доказать, что он советский человек, а я нет. Меня тогда, правда, тоже не взяли. Но вот видите, через несколько лет все равно вспомнили. — Он улыбнулся. — А начальник ваш вообще открутился, и выговора не дали, — он глубоко затынулся, подумал и печально, но твердо отрезал: — Сумел!

Говорил он ровно, спокойно, так, как будто это его совершенно не касалось. И было в его тоне что-то очень странное, такое, какое я ни от кого еще не слышал. Я давно не знал, что же именно, но не так, не так вот говорят лагерники о своем деле!

— Вы что же, признали себя в чем-либо виноватым? — спросил я.

— А во всем, — ответил он охотно. — Что мне предъявили, то я и признал. — И опять-таки сказал он это очень спокойно и ровно, бесстрастно, так, будто говорил не о себе, а о другом.

— У них, сволочей, все признаешь, — усмехнулся кто-то рядом на нарах. — Что родную мать убил, и то признаешь. Это тут некоторые пыль пускают, а там они... — Это прямо относилось ко мне, это я, якобы, ничего не признал и ничего не подписал. Никто мне в этом не верил, а кое-кто так считал мои слова даже личной обидой. — Все подписали, черт знает что, а ты вон какой храбрый, лучше нас всех, что ли? Знаешь? Вот выйдешь из лагеря, женишься, так жене своей будешь рассказывать, а нам погодишь, не глупее тебя.

— Да нет, меня пальцем не тронули, — ответил мой гость.
— Когда мне только сказали: «Вы обвиняетесь в измене родине, согласны ли давать показания», — там ведь сначала деликатно, — я ответил: «Дайте бумагу и чернила, я что вам надо, то и напишу».

— И правильно, что зря тянуть? — похвалил кто-то сбоку.
— Все равно ведь заставят.

— И написали? — спросил я.

Он махнул рукой и пренебрежительно усмехнулся.

— Написал, конечно!

— Что же?

— Шпионил в пользу Германии.

Я подумал: «Значит, из вояк» и спросил:

— Вы окруженец?

Он засмеялся: — Нет, куда! Я инвалид. Меня из дому взяли.

Я посмотрел на него во все глаза. Неужели я-таки наконец встретил настоящего шпиона?

— А начальник мой что же? — спросил я невпопад.

— А что он? Его и тогда не взяли, и сейчас не тронули, значит, сумел доказать, что он человек нужный. А вот брат-то его туда пошел, — он ткнул пальцем в пол. — Вы что, не знали? Как же, как же, расстреляли у него брата! Вот тогда его и перебросили к вам в музей.

— Да за что же брата?! — спросил я.

— Ну как за что? — ответил он удивленно. — Прочесывали армию, а он не прошел проверку, не показался внушающим доверие, а чин большой, девать его некуда, вот и расстреляли.

— Пойдите, пойдите, — сказал я. — Какая проческа армии? От кого ее прочесывать-то?

Он посмотрел на меня.

— От хлама, от старого мусора! От всего, что вредит ее боеспособности, от тех, кто еще до сих пор не пережил в душе партизанщину, гражданскую войну. Вот этих и выкидывали раньше всех. А потом принялись за нас. Значит, мы тоже не внушали доверия. — Он подумал. — Ну, конечно, и ошибки были! Дело-то огромное. Но в общем-то правильно! (На нарах молчали, слушали).

— Все-таки я чего-то не пойму, — сказал я. — Ну, человек устал, отяжелел, весь в прошлом, в общем, не внушает доверия, так увольте его из армии, дайте ему пенсию, пусть отдыхает! Сажать-то его зачем?

Он засмеялся.

— Эх, какой вы быстрый! — сказал он хитро. — Как же это так? Дать пенсию, уволить. А ведь он герой, про него в песне поется, у него вся грудь в орденах, его именем города названы. А вы так просто — взять и выкинуть. А он будет служить наглядным примером и агитировать. И посеет колебания, понизит боеспособность армии. Нет, так не выходит. Вождь все это очень здорово учел, он десять раз отмерил, а потом уж резанул.

— Слушайте! — воскликнул я. — Вы что все это, серьезно? Он усмехнулся.

— А вы думаете, шучу? — сказал он невесело. — Разве этим шутят? Нет, мы все должны погибнуть. Все до одного. На наших костях и возникнет коммунизм. Всем нам единым памятником будет построенный в боях социализм... Вот так.

— Ну, нет, — ответил я, — нет, к чертовой матери. Не принимаю я этого долга! И никому я свою голову не задолжал! И долгов таких не делал! Нет, нет! Вы как хотите, а я буду жить! Пусть тот, кто должен, так и сдыхает, а я... Нет, нет и нет!

Он натянуто улыбнулся и встал.

— Буду рад, буду рад, — сказал он. — Дай Бог, чтоб вам удалось. Вы посильнее нас, стариков. Вот вашему начальнику удалось же! Погиб брат, а он... Ну, желаю, желаю. — И он быстро пошел от меня, стуча палкой по полу.

А я стал думать. Было что-то очень нехорошее в том, как он говорил о моем начальнике и его погибшем брате. Что-тостораживающее, туманное, намек какой-то, что ли? Мысль, невысказанная до конца? Но так ничего додумать не успел. Позвали завтракать.

Целый месяц я его не видел, а потом мы встретились в бане.

Баня! Об ней надо говорить особо. Баня была одним из самых больших несчастий, которое только может свалиться на голову лагерника. И, вероятно, не начальство было в этом виновато. Война-то ведь только-только кончилась, одежды не было, белья не было, мыла не было, и дров не было; словом, ничего не было. Вошебойка работала только в лазарете, а лазарет переполнен. Ну, что делать-то? А делать было что-то надо. И начальство делало, оно проводило и отражало мероприятия. Баня была крохотной, темной, с побитыми окнами, с провалившимся полом (тесу-то нет).

А самое главное — топить было нечем, вместо дров — курай. Приходилось изворачиваться. Поднимали, положим, какую-нибудь одну бригаду, человек пятьдесят-семьдесят, и гнали в профилактический пункт — в пустой недостроенный барак. Набивали этот барак доверху, и партию за партией пропускали через баню. Чтобы вымыть и обработать бригаду в пятьдесят человек, надо было не меньше трех часов. Значит, 50 моются, а остальные — сидите, ждите, пока не кликнут. Но пятьдесят человек — это тоже случай оптимальный. Но вот два раза в месяц идет мыться весь лагерь — 1 100 человек. Баня работает 12 часов в сутки, заход — 50 человек. Ну-ка, сосчитайте, что это составит? И по двое суток иногда приходилось ждать очереди. В свой барак немытых не пускали, сиди и жди. Все бы еще ничего — но сам барак-то походил на решето. Мы растаскали с него все: и крышу, и наружные двери, и пол, и нары — остался один настил да стены с оконными проемами. Когда их затыкали телегрейками, становилось совсем темно. Значит, вот — холод, темнота, теснота и духота. К стене не прислонишься, как горный мох, нарост иней, из бачка не напьешься — лед! Так вот сидишь 20, 30 часов. И вот кто-то около меня в темноте произнес: «Боже мой, до чего это ужасно!» Чего в лагере не любят — это таких вот выкриков. Сиди и молчи! Не у тещи ты в гостях, и всем тошно. Но слово «ужасно» было сказано как-то совершенно по-иному, не как выкрик, а как оценка, как — слово, исходящее от того, кто созерцает это все со стороны. Поэтому я лениво ответил:

— Это еще, батя, не ужас. Ужас, батя, там, в бане будет.

Он повернулся. Я его не видел, но почувствовал, как коротко и резко стукнула его палка.

— Плевал я на вашу баню, — сказал он мне резко, но опять как-то совершенно не по-лагерному. — Не в ней дело.

— А в чем? — спросил я лениво.

Он смолчал. Он как-то очень зло смолчал, не смолчал даже, а просто прервал разговор.

— Слюней, милый, у тебя не хватит плевать, — сказал сверху добродушный старческий голос.

— Средства ужасны, — объяснил тот же голос после небольшой паузы. — Те средства, которые приходится применять. Никогда и никто из учителей не думал, что социализм будет построен таким путем. Но они не могли пойти на это, а мы можем, и правильно делаем.

И он вздохнул скорбно и мудро, я все еще не понимал, кто это, и поэтому спросил.

— Мы? То есть, кто это «мы»? Вы да я, что ли?

— Ну, конечно, — ответил он. — Вы да я — власть-то народная! — и он даже усмехнулся (и тут я узнал его).

— Что городит, падло, что городит! — крикнул кто-то около моего лица, — сажал, сажал, да и сам в мешок попал! — Это уже встрял кто-то здорово понимающий дело: почти в каждом лагпункте бродило по парочке таких вот всепонимающих непробиваемых болванов. На воле они занимали большие посты, и когда их выкинули из кресел, они себя почувствовали неуютно и зябко, как черепахи, с которых содрали панцирь. Но они не сдавались. Они ходили по лагерю и учили — никакой паники! — учили они. — Все правильно! Все правильнее правильного! Вождь очищает тыл от врагов, нытиков и старого хлама. Останутся молодые проверенные кадры, и с ними он будет строить социализм.

— А можем ли мы? — спрашивали они далее, уже хитро прищурясь, — сказать, что здесь все невиновны? А если есть хоть один настоящий враг — то я сам...

— А вы не знаете, — загадывали они, — еще сколько нужно человек, чтоб построить мост через Волгу? Тысячи! А чтоб сбросить на него бомбу? И одного, пожалуй, хватит, а?

В лагерях этих людей ненавидели до дрожи, жигали ногами, как собак, гнали ночевать к параше, нарядчики и бригадиры посылали их на самые тяжелые работы. И все равно они гордо несли свой нестигаемый героический идиотизм, пока не сбрасывали его в могилу. И нельзя было понять, что же это такое — маска, приросшая к коже? Трусость? Ухищрения нечистой совести? Аполитичность? Полная политическая неграмотность? (Но ведь зубрили же они, ослы, хотя бы политграмоту?) Та непробиваемая твердокаменная человеческая глупость, которая сильнее всего потому, что она и в самом деле героична? И сейчас, когда я вспоминаю прошлое и стараюсь разобраться в нем, найти всему какое-то психологическое обоснование, то все-таки не все понимаю до конца. Тогда же мне было просто не до этого, я обходил этих людей. Но сейчас что-то толкнуло меня заговорить, и я заговорил. Я его спросил, а не думает ли он, что средства, которые потребны для строительства социалистического общества, враждебны и противоположны тому, что здесь происходит, что даже с хозяйственной точки зрения нет большего преступления, чем в эпоху развернуто-

го строительства затоварить такую огромную рабочую силу, превратить специалистов в землекопов и разнорабочих. Такими средствами, — сказал я, — разрушить можно что угодно, а построить возможно только вот этакий барак, да и то он завалится через два года. — Он усмехнулся и спросил: не говорит ли с ним такой-то, и назвал меня по фамилии. Я сказал, что да, это я. Тогда он меня спросил: — а не слыхал ли я, что существует революционная целесообразность и что она превыше всех законов. Я ответил, что да, слышал, знаю.

Он спросил меня, как же я тогда понимаю, что это такое? Я ответил, что это основной закон прифронтной полосы, той поры, когда фронтом становится все государство, а короче, это сама революция.

Нары вверху надо мной заскрипели, кто-то резко сел или лег, и сказал с возмущением: «Вот ведь Сидоры Поликарповичи, и нашли, где баланду разводить!» — Так, значит, вы признаете, — спросил мой собеседник, — что существуют и законы революции? — Да, безусловно.

— Так что же тогда порете ерунду? — закричал он. — Видите ли, почему его осудили без суда. Вреден был, вот и осудили. А вы в революционное время юриспруденции захотели, обоснований, адвоката! А людям некогда вам адвоката искать, они делают революцию, и плевать на ваши претензии. Вот сиди ты здесь и жди!

— Но постойте, — сказал я, сбитый с толку, — революция-то кончилась в 22-м году вместе с гражданской войной.

— Ах, вот как? — спросил он ласково, со злой иронией, — по-вашему, она окончилась, а что ж у нас такое сейчас? Контрреволюция, что ли?

Я ответил: — Республика.

— Ах, республика! — фыркнул он. — А это не одно и то же?

— Нет, не одно и то же, — ответил я. — Революция не строит, она ломает старое, а потом приходит государство и создает свои законы. Революционные меры после окончания революции превращаются в контрреволюционные, потому что их сейчас же присваивают политические авантюристы. То же самое и с революционной целесообразностью. Она несовместима с законами. — И вдруг я услышал, как он выругался — скверно, длинно, и соскочил с нар и стукнул своей деревяшкой.

— Тише ты, чума! — крикнул кто-то около него, — ногу отдавил!

— Вот! — крикнул он торжествуя. — Вот для кого нужны эти лагеря! Для таких, как вы! И правильно, что вас сюда сажают! А я бы и сажать не стал, я сразу бы к стенке ставил!

— Тю, чокнутый! — беззлобно сказал около меня кто-то из стариков. — Орет!

А он уже стоял на полу, надо мной и размахивал палкой:

— И нас правильно сажают! — кричал он. — Так нам и нужно, старым дуракам! Сопли перед вами распустили! Мальчики-несмышлениши, пожалеть надо! Еще «исправятся». Пошлем в Алма-Ату. А там сейчас ему место учителя или врача: пожалуйста, живи, агитируй, вражина! Стрелять вас надо было, как в 18-м году! Пачками! Против кого ты, сволочь, язык высунул, против кого пошел? Против меня ты, что ли? Ты против революции пошел! Ее ты отпеваешь!

— Да тише ты, падло, — страдальчески крикнул кто-то снизу.

А он кричал.

— Говорил мне о вас ваш директор, болтает, мол, что не надо, горячий парень. Горячий! А я, дурак, еще говорю: «Скажи ему, пусть поосторожнее». Какой там дьявол поосторожнее, он знает, что делает! Сразу надо бы мне в органы бежать. А мы дураки да слюнтая...

И как только он сказал про органы, весь барак зашевелился, заскрипел, загудел, задрожал. Вверху зажглась спичка, и я увидел его. Он стоял, опираясь на трость, и весь трясся мелкой злобой дрожью. Еще одно мое слово и он бы, конечно, бросился на меня. И сейчас же около моего лица послышался мягкий скачок — это соскочил с нар Чиграш, самый старый и уважаемый вор лагпункта (ему было, пожалуй, лет под тридцать). Мы с ним дружили. Я редко видел даже и не в лагере человека более вежливого, мягкого и обходительного; никогда он не повышал голоса, не ругался, никогда ни во что не мешался: лежал на нарах и читал книги. Он из барака вылезал только по нужде. В столовую же не ходил вовсе. Санитары приносили ему котелки рисовой каши и особой больничной баланды. Он всегда состоял на диетпитании. А сейчас я не узнал его голоса. Это было что-то очень мягкое, округлое, мяукающее, каждое слово кончалось мягким знаком. Так говорят блатные, когда не бьют, а убивают.

— Ты чего же, падло, — сказал он, — фитиль, палкой в лицо мне лезешь?! Не научили тебя еще свободу любить?

И сразу в темноте что-то произошло: пронесся какой-то вихрь, стукнула палка, что-то тяжело стукнуло о пол. И опять около меня послышался мягкий кошачий прыжок. Это Чиграш прыгнул на нары. Стало совсем тихо. Потом кто-то жульнически воскликнул: «Упал кто-то, кажется. Эй, кто там упал?» — «Зацепился за нары», — ответил ему простуженный бас. И барак сразу ожил.

«Так нужно вставать, что же лежать-то? Эй, душа милая, вставай, докторов-то нету». — «Это новенький, новенький», — зашумели около меня. Я встал с нар и подошел к Чиграшу. — Спичку! — сказал я. (Только у него одного и были спички). Он сунул мне в руку коробок и выругался: «Падла, а, сука». Слов крепче, как и всякий хороший вор, он не произносил. Я чиркнул спичкой и при ее свете вдруг как-то по-новому увидел наш барак: нары, уходящие в непроглядную тьму, высунувшиеся из них, как из глубоких нор, головы — стриженные, обритые, желтокожие, глаза-стые. Все они жадно смотрели вниз. А там в позе мирно почивающего человека лежал новенький. Все это вырвалось на миг из темноты, каким-то высоким, рваным желтым лоскутком метнулось вверх к потолку и пропало там. Барак опять зашумел. «Да пусть лежит, пусть!» — крикнул кто-то. «А сдохнет — стащут в столярку (гробы у нас стояли в столярке)». «Белкин придет, он его пожалует». (Белкин — наш опер — здоровая, добродушная, всегда пьяная орясина, о нем мне сейчас придется рассказывать). Я опустился в темноте на колени, нащупал голову упавшего и приказал: «Вставайте». Он молчал, потом вдруг оттолкнул мою руку и сел. Просидел так с минуту неподвижно. (Кто-то сверху пыхнул трубкой и осветил нас), оперся на мое плечо и встал. «Упал» — сказал он мне негромко. «Ничего, три к носу, заживет» — весело крикнул кто-то, и его перебил чей-то степенный голос: «Здесь, мужик, надо под ноги смотреть, а плевательницу ~~ты~~ выразился, конечно, иначе) на замок запереть. Вредная она у тебя. А не то другой раз так зацепишься, что и голова отлетит. Понял?» — Он хотел что-то ответить, но я стиснул ему плечо. В это время дверь отворилась, и на голубом, очень светлом квадрате во всю разблеставшегося солнца и снега появилась фигура заведующего баней.

— Шестая бригада, — сказал он, — пошли.

Баня! Мне и сейчас становится холодно, когда я ее вспоминаю! Единственная мысль, с которой мы в нее входили — это скорее, скорее! Через все галопом! Первое помещение — раздевалка — скидывай, вешай все на кольца и иди в мочную. Там холодно и дует. С подоконника свисает кряжистая, похожая на корневище чернобурая сосулька. У входа раздают дубовые шайки и зеленое мыло. Его намазывают лопаточкой на ладонь. Около огромного деревянного бака стоит водолей — одноглазый сизолицый циклоп и командует парадом. Вода тепленькая, желтенькая, литр на человека: мой руки, лицо, обливайся, чтоб не вернули санитары, и лети дальше. Третье помещение — парикмахерская. Она всех больше. Здесь бреют и обрабатывают, и комиссуют, и выдают прожаренную одежду. Три лавки разделяют это помещение на три отсека.

Первый — санобработка, — лежит на лавке дохлый доходяга, и санитар выскребает его бритвой. Лезвие у бритвы черное и тупое. Санитар бреет с плеча, только клочья летят. Доходяга орет. «Не дергайся, падла!» — кричит санитар. — «Сейчас вот отмахну все...» — и, сделав еще несколько взмахов, обтирает бритву о бедро клиента. «Следующий!» Обработанный встает и весь в бурых и белых клочьях идет к парикмахеру. Парикмахер — мелкий, чахоточный татарин с машинкой в руках. Он сажает клиента на табуретку и начинает стричь. Одной рукой он сжимает ему голову, другой гонит по ней машинку. Стрижет полосками: одна полоса, другая, третья! — Все! Катись! Машинка старая, чиненная-перечиненная, ее все время заедает и забивает. Татарин, по-собачьи скалясь, выдирает ее из головы вместе с волосами. Доходяга орет. Тогда парикмахер, оскалив мелкие зубы, пристукивает его машинкой по черепу и стряхивает с табуретки. В следующем отсеке перед окошечком, где раздают одежду, творится что-то уж совершенно невообразимое, свалка на футбольном поле. Здоровенные молодцы из той страшной породы, которую выращивают лагерные кухни, баня и санчасть, хватают вещи и кольца за кольцами швыряют в толпу. Кольца раскаленные, не дотронешься. Голые отскакивают, визжат, пищат, сбивают друг друга, ползают по полу, отыскивают свои ~~места~~. А над ними ухаает вторая, четвертая, восьмая связка, и уж когда ~~то~~ придавили к земле, и он орет благим матом, кто-то влез в чужое, кто-то кому-то ~~дал в лоб~~ и пошло, и пошло! На полу двое стариков налетели друг на друга, брызгаются и душат. — «Я тебя, гад, убью!» — шепелявит один. — «Да я сам тебя убью, паразитина!» — мирно отвечает другой. И оба не могут подняться.

А связки летят и летят. Шестая, седьмая, восьмая, четырнадцатая! Все! Окошко захлопывается. Я тоже стоял и ждал своих вещей. Но у меня поверх всего висела узкая заметная красная майка, поэтому я смотрел на эту кучу-малу, а в нее не лез. И вдруг через вой и ор я опять услышал то же слово — «Ужас». Я обернулся. Это был, конечно, он.

— Вы смотрите, — сказал он мне, — нет, не на этих, а туда, туда! В тот угол.

Я поглядел.

Это был уже четвертый отсек — дверь в тамбур. Около двери стояла лавка, на лавке сидели двое — полная, крупная, круглолицая, сероглазая красавица и в дымину пьяный опер Белкин в мокрой прокислой шинели и ужасных сапогах. На красавице была шубка с седоватым иглистым воротником — бобр, серая шляпка и боты с каракулевой опушкой. У нее были тонкие руки в черных тугих перчатках, и держала она их поверх колен. А опер был грозно пьян, пьян в дымину, в горбовину, в свет и воздух, он шатался даже сидя, его несло по лавке, он смотрел на красавицу невидящими глазами и рубил резко и решительно: «Марья Григорьевна! Я вас люблю! Чтоб вы там не... не... не... (пауза, он думает). Люблю! (глубокомысленно, масштабно). Понимаете, вся моя жизнь, Марья Григорьевна... (думает, и ничего не придумывает)... Люблю!»

— Нет, Владимир, — говорит она печально и проникновенно. — Нет, у вас все от одиночества.

Крик, мат (лагерный мат, т. е. что-то совершенно особое), летят раскаленные кольца, пышет сухим жаром. Клубок голых доходяг подкатывается под самые ноги Марьи Григорьевны, к ее серым каракулевым ботам. И тогда опер привстает и сам не замечая того, деловито пинком отбрасывает клубок. Все откатываются назад. — Тише вы, огни! — орет парикмахер и потрясает машинкой. — Эх, заеду сейчас кому-нибудь в лоб! — А на лавке серые глаза, полуспушенные ресницы, длинные льдистые иглы воротника, душистые перчатки и тот же голос, отдаленный от нас на тысячи-тысячи верст, на целые десятилетия — ленинградский, петербургский, санкт-петербургский — грудной глубокий голосок с голубой набережной Невы, из самой глубины белых ночей. — Нет, Владимир, это я все приписываю вашему одиночеству, у вас нежная душа...

Отворилось окошечко, потянуло пережаренными семечками, замелькали руки, тюки одежды, головы. И больше я уже ничего не видел.

Как ничего не видели и те двое в своем прекрасном далеке.

Когда я вышел на улицу, около двери стоял он, тяжело опираясь на трость и, очевидно, специально поджидал меня.

— Что же это такое? — спросил он с таким глубоким удивлением, что я усмехнулся.

— Наш опер, — ответил я, — опер и новая начальница спецчасти.

Не отрываясь, он смотрел на меня.

— Так слушайте, что же они делают, в любви объяснялись, что ли? — спросил он.

— А, чепуха!.. — сказал я. — Он уже на ногах не держится, но смотрите: она человек новый, начнет нас гонять в пустой барак...

И тут к нам подошел Чиграш. Он видел и слышал все. В эту минуту я вспомнил, что он стоял в стороне у окна и молчал.

— Ну что, Сидор Поликарпович, — спросил он громко и злорадно. — Насмотрелись? Понравилось? Такие бабы у вас были? «Ужас». — обратился он ко мне. — А, фифан?! Теперь «ужас»! А там что гыркал? — «Бдительность, бдительность, бдительность! Будьте бдительны, товарищи! Враг не дремлет!»

— Ну ладно, брось, — сказал я тихо. — Что тебе он?

— Да мне-то ничего, — вдруг сразу успокоился Чиграш. — Пусть сдыхает — сташат в инструменталку. А только чует, что он там творил, пока сам не попал. Эх, счастье твое, что лагерь тут не тот, ты бы у меня... — и он быстро отошел в сторону.

Пока он говорил, старик стоял опустив голову и молчал. Лицо его было совершенно неподвижно, как будто он прислушивался к чему-то очень важному и отдаленному, получал какое-то разъяснение, инструкцию, директиву.

— Пойдемте, — сказал я. — Вы с ним поменьше говорите. Знаете, какой это народ.

Он вскинул голову.

— Да разве я боюсь чего-нибудь, — сказал он пренебрежительно. — Пускай, что хотят делают, черт с ним! Что, нож у него?

Да черт с ним, с ножом, но вот это, это... Они же советские люди... Начальники... Им поручено... а они...

— А тебе что было поручено, гад? — спросил Чиграш останавливаясь. — А ты что?... А ты что, гад?

Он посмотрел на него, хотел что-то сказать, но вдруг повернулся и пошел тяжело опираясь на палку.

«Да, — подумал я тяжело. — Это называется понял. А ведь был же начальником. Политику делал, людей воспитывал, эх!»

На другой день рабочие принесли из овощехранилища богатую поживу. Что-то там случилось на вахте, их обыскали с пятого на десятый, и они сумели приволочь целое богатство — картошки, свеклы, бобов, моркови. А мой напарник — одноглазый калмык из Астрахани, притащил самой лучшей, рассыпчатой крупной картошки. Мы отломали доску от обшивки барака, разожгли печку и сварили целый котелок, а потом заварили кипяток пережженной коркой и сели чаевничать. В это время, когда мы добродушно, распаренные, переполненные всем хорошим, сидели на нарах, он и подошел ко мне. Я предложил ему сесть, он сел. Я спросил его, где он был. Он ничего не ответил, и потом сказал: «Вы знаете, я вспоминаю про один разговор с вашим директором. Однажды я пришел к нему, а он лежит на диване, подходяще выпивший — на тумбочке бутылка. А с ним давно такого не случалось, с тех пор, как он на Валентине Сергеевне женился, того не было. — «А, проходи, проходи, садись». Ну, сел. — «Ну, с чего это ты?» — «А вот, лежу и думаю: как, правильно все у нас идет? Нет, как ты думаешь?» — «А ты как?» — «А я вот думаю, что не везде правильно. Вот на моего говорят и то, и се, и линии партии он противодействует, и на власть, как пес бешеный, бросается. И толкуй, не толкуй ему — ничего он, дурак, не понимает. И все равно верю». — Очень мне, знаете, тогда обидно показалось — ведь Степана по гражданской знаю, он человек крепкий, его не собьешь, а тут вдруг такое... «Дурак, — говорю, — ты пьяный. Верить-то в церкви можно попу, а тут другое дело — ты у него в думках был? Отвечать за него согласен?» А он мне: «Вот я про это и толкую, надо отвечать нам за людей или нет? Как ты мне на это скажешь? Стой, стой. Вот ты мой старый боевой друг, а тебя, скажем, забирают. Спросят за тебя с меня или нет?» — отвечаю: нет.

— Ну, как же нет-то? Вот как я с тобой, как с братом жил, пили вместе, по бабам таскались, толковали и ничего такого за тобой не замечал, спросят за это или нет? — Ну, тогда спросят. — Ага, спросят! Значит, выходит, должен я перед партией за друга отвечать! Это правильно! Ну, а перед своей совестью за партию, как? Перед ней не должен, что ли? Видишь, что выходит». — «Нет, — говорю, — не особо. Что-то ты мудришь уж больно сильно. Ты толком говори».

— Я толком и говорю, тебя знаю, и я не в счет — они тебя в первый раз видят — они в счет. Своим глазам я не верю, а их совести — вот как! Перед ними и обязан вот как перед тем попом лбом бить. Нет, не выходит так что-то. — «Да перед кем ими? Дурак, кто они-то? Советская власть, они». «Советская власть, вот она! — ткнул в портреты. — А они, надо еще посмотреть, кто они. А то каждая свинья орет: Я! Я! Я власть! Я все понимаю!»

Вон Харкин в органах работает, а как был орясина да подлец, так таким и остается. Что же я перед Харкиным, что ли, должен преклоняться? Перед этой клизмой Гуляевым, что у них за главного. — «Дурак, — говорю, — что ты с пьяных глаз бормочешь — его Советская власть поставила, ее и уважай». А он мне: «Это вот батюшку или отца дьякона архиерей рукополагает, так на того с неба благодать вместе с саном сходит. А у нас так, грешных, не выходит. Дурак так дурак, прохвост так прохвост, и все! Нет, ты мне мозги не засоряй, пожалуйста, не с попами мы имеем дело, а с безбожниками — так на них я и смотрю. И как не был служителем культа, так и не буду!»

Обматерил я его тут и ушел. И вас обматерил тоже: вот, мол, чему, оказывается, он тебя учит. Вот так дело было.

Мы помолчали.

— А рассказали вы кому-нибудь об этом разговоре?

Он показал головой.

— А почему? — Он сделал какой-то неясный жест. — «Разве можно было?» — А, может, сами с ним в чем-то были согласны? — Он развел руками. — Ладно, сказал я, — теперь во всем этом уже не разберешься. Но вот скажите, что сейчас-то натолкнуло вас на эти воспоминания? Эти двое на скамеечке? Баня?

Он опять долго молчал, а потом ответил:

— Да.

— Но какое же баня имела ко всему этому отношение?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Какое? Да ведь... — и вдруг запнулся и замолчал.

Он работал в Центральном Совете Осовиахима, но что катализаторы бывают не только в химии, этого он не знал.

Чтоб довести эту историю уже до самого конца, мне придется перенестись еще лет на десять вперед, значит, в наше время. В 1956 или 57-м году я снова побывал в Алма-Ате и встретился с друзьями. Оказалось, что иных уже нет, а те далече. Но кое-кто остался. Уцелел и мой директор. Он постарел, поседел, осунулся. В военные годы ему пришлось очень, очень туго, он был секретарем обкома в одной из самых хлебородных областей Сибири и постоянно перевыполнял планы. Можно же представить, сколько часов в сутки работал этот неумный человек. Во всяком случае, когда я его встретил, он уже совсем поседел и даже слегка волочил левую ногу. Но характер остался прежний: ясный, насмешливый, с лукавинкой. Да и вкусы не переменялись. Так же как и раньше, он считал Ротатора крупным талантом, а меня ругал за то, что у меня мало картин и я не зажигаю. — А ты посмотри, какую мне Ротатор дал прекрасную статью о партийности в искусстве, — сказал он.

— Как, — спросил я, — разве он теперь и об этом пишет? Директор задорно посмотрел на меня.

— А как же? Все, что ему поручаю, то он и пишет! И так хорошо пишет! Образно, неожиданно, пылко. Как это у него там о социалистическом реализме... Стой, стой: «Социалистический реализм — это тот драгоценный сплав, из которого руки мастера вольны взять...» и так далее. Ты в слова-то вслушайся: «вольны взять». Разве не красота? Плохо, а?

— Очень плохо, — ответил я, — никуда, то есть, не годится. Соцреализм — сплав? Какой дурак ему это поручает?

Директор посмотрел на меня, засмеялся и махнул рукой.

— Вот сколько я тебя знаю, всегда ты такой! Все плохо пишут, один ты хорошо. Ну, прямо Мирошников. **Все ему** плохо. Эх, брат...

— Это какой же Мирошников — вспоминая что-то очень смутно, спросил я.

— А что, не помнишь разве? — прищурился директор. — Твой друг, там же, где ты был. Да! Ведь он говорит, что вы встре-

чались. Что-то вы там наговорили лишнего, вас блатные за это лупить собирались, он тебя, вроде, отстоял. Что, было такое?

— Господи Боже мой, — сказал я. — Так он жив?

Директор посмотрел на меня.

— Ах, значит, помнишь. Жив, жив. — Он чему-то засмеялся, — жив курилка! А знаешь что, зайдем к нему сейчас, он тут за парком. И квартиру ему как раз дали в бывшем архиерейском подворье. Жена у него умерла, дочка замуж вышла, живет теперь холостяком. Давай, зайдем! Там у него... Как раз он сейчас не спит. — Он взял шляпу. — Ну, пошли, что ли? К обеду как раз вернемся.

И мы пошли.

Мы прошли узкий коридор и остановились перед большой белой слепой дверью, на ней была дощечка. Директор стукнул и ткнул ногой, дверь распахнулась, мы вошли в комнату. На окнах висели занавески, и с улицы они мне показались очень темными. Пахло каким-то сладким лекарством. На узком диване под клетчатым пледом лежал длинный человек, около него на стуле стояла баночка с серой мазью. Когда мы вошли, человек медленно поднялся и сел. Одна нога голая до колена. — «Степан!» — сказал он радостно. Они обнялись. Произошел быстрый, односложный разговор, короткий, как обмен паролями («Ну как?» «Да все так». «А она?» «Да видишь, тут она». «Ну и все!») — А потом директор сказал:

— Вот, Михаил Дмитриевич, привел к тебе дружка. Узнаешь каторжника?

— Садитесь, — предложил хозяин твердо, суховато, неприветливо. — Вот снимите это притиранье и садитесь.

Я посмотрел на хозяина дома: у него было белое лицо, ясные, медлительные, пристальные глаза с темными подглазьями. Но в общем-то преобладало в нем что-то округленное, спокойное.

— Ну, узнали друг друга? — спросил нас директор.

Я бы, конечно, не узнал его, тот был совсем другой: затаенный, взрывчатый, взметанный. Вообще, в том преобладал острый угол, в этом же все образовали мягкие закругленные линии, овалы.

— А я вот сразу узнал, — сказал хозяин. — Вы молодец, хорошо выглядите.

Не выглядел я хорошо. Попросту очень скверно выглядел. Я тогда переживал очень нервное болезненное время. Сразу сказывалось все: долгая ~~отсутствие~~ от общества, никудышные нервы, непо-

нимание многого такого, что другим уже было совершенно ясно. В жизнь я вращался трудно, медленно, делал глупости, досаждал себе и другим. Началась тяжелая, бесплодная, бесконечная история, где все было обречено с самого начала, а я все не мог ничего придумать. В общем, за год свободы а потерял килограмма четыре.

— Молодцом, молодцом вы выглядите, — похвалил меня хозяин. — Посвежел, порозовел, помолодел, успокоился! Что, давно оттуда? — подмигнул он мне. Я ответил, что давно, да не оттуда, в последнее время меня забросило совсем к черту на кулички — к самым берегам Америки.

— А-а! — кивнул он головой, — понимаю, понимаю! (во время этого разговора вдруг в дверях появилась женщина, и между ней и хозяином произошел почти молниеносный немой разговор, обмен какими-то мелкими жестами, кивками. Женщина убежала и зазвенела посудой в соседней комнате). — Да, да... много, значит, вам пришлось пережить, — продолжал хозяин, — много! А я уж пятый год как здесь. Вот видите, комнату получил, пенсия хорошая идет — вот он помог! Спасибо! — он кивнул на директора. — В общем, живу по-стариковски.

— Мемуары пишет, — подмигнул директор.

— А как же? — строго улыбнулся хозяин. — Должен же я сказать слово молодому пополнению. А вы как, все по-прежнему? — Я сказал, что нет, не выходит по-прежнему, и сейчас же осекся. Но он смотрел на меня такими ясными, пристальными глазами, так улыбался, что я неожиданно окончил: — В жизнь вот не войду.

— Ага! — кивнул он серьезно. — Душа чего-то не понимает и не принимает, правда? Оторвалась она у вас, вот и мечется по телу.

— Да, — сказал я. — Пожалуй, так. Не оторвалась, а...

— Ну что ж, — развел он руками, — это хорошо, душа по своей природе христианка, сказал Тертуллиан.

От неожиданности я чуть не поперхнулся. А он посмотрел на меня и сказал без улыбки:

— Но вы до этого еще не дошли, кажется?

— До чего, до этого? — пробормотал я.

— А вот до познания истин. — Он встал. — До познания того, что раз ни одна наука, и ни одна философская система никогда не может ни решить, ни помирить нас с вопросом вопросов, то есть со смертью, то все они пустое сопряжение слов, декламация и агитация. И стоит человек таким же голым и несчастным,

как и был полмиллиона лет тому назад. Только вместо дубины у него в руках атом.

— Здорово! — сказал я. — Очень здорово!

— Да нет, поговори, поговори с ним, — засмеялся директор. — Он тебе все расскажет. Наука не разрешила, а у него и смерть, и жизнь, все вот тут в ладошке.

— Вот видите: он смеется, — кивнул головой Мирошников. — А потому он смеется, что сказать-то ему нечего. Ну объясни мне, пожалуйста, ты, слепой, упрямый человек, как твоя наука решила вопрос о смысле существования. Вопрос о смерти. Только без трескучих слов, так, по-человечески.

Директор пожал плечами.

— А что же тут решать? Поживем, поживем — и в ящик!

— А зачем так?

— Да другим надо место освобождать. Ничего умнее не придумаешь. Ну, а религия как твоя решает?

— А религии решать нечего, она всегда знала, что смерть фикция, это чисто человеческое трехмерное представление. Вверху-то ее нет, как нет и времени и, значит, всего проходящего. И для тех, кто умеет смотреть на верх — ее тоже нет. Понимаешь? Но это хоть и просто, а не всем дано. Не посмотреть свинье на небо, — говорит твой дед.

Я поглядел на директора. Он смотрел на меня откровенно и широко улыбаясь, его забавляло мое недоумение.

— А что вы на него глядите? — сказал хозяин. — На него глядеть нечего, он не был ни в моей, ни в вашей шкуре. Ему не понять.

— Нет, не пойму, — сказал директор, — и в худшей шкуре, пожалуй, был, а не пойму, потому что никогда никаким богам не молился, и даже когда верил в кое-какого бога, то и то лоб перед ним расшибал не больно. Знал меру.

— Вот, — сказал хозяин, — вот и в этом дело. Ты не расшибал! Знал меру! Душа у тебя не воспринимающая, как вот это стекло. Все солнце проходит через него, а оно холодное. Нечем его стеклу задержать, оставить хоть частицу от солнца себе. Стекланная душа у тебя, Степан.

— Послушание на себя какое-то принял, — сказал мне директор, кивая на хозяина. — Борода к нему бегаёт, не поп, а шут его знает, кто такой. Но шустрый, дьявол! Что ж тут поделаешь. Верь! Не агитирую. Бил ты без памяти поклоны одному богу зем-

ному, а он тебя обманул, а ты человек расчетливый, себе на уме. Раз обманул, другой раз не поверишь. Что ж? Иди дальше, в звезды. Надо ж тебе на кого-то опереться. — Он вдруг улыбнулся. — Смерти боишься, ты, товарищ Мирошников, вот в чем все дело. Перед ней хвост поджал. Боишься ведь?

Хозяин с вызовом посмотрел на него и почти грубо ответил: «Брось!»

— Ну вот то-то и оно-то, — усмехнулся директор, — и не говори лишнего.

— Дурак, почему же я боюсь, — заговорил хозяин. — Почему, подумай? Что ж мне жалеть-то? Вот эти волосы седые, морду в пятнах да морщинах, язву в желудке, одышку, ногу больную? Чего? Потому я ее боюсь, что не все во мне земное выгорело и выболело. Если Бог меня сейчас позовет с этого дивана, значит, не к себе он меня позвал, не нужен я ему, раз не допустил он меня до полного понимания. Значит, я обреченный.

— Ну и придумает же, — сказал директор, — ну и придумает же ей-Богу! И в голову-то не придет, что они с этой бородой надумают.

Хозяин вдруг поднялся с места. Глаза его злобно и остро сверкнули.

— Сейчас он мне задаст, — сказал директор. — Ну, ну! Давай, давай!

— Прошу к столу, дорогие гости, — раздался из другой комнаты ласковый, очень гибкий, воркующий голос. — Вам, Степан Митрофанович, и ваша любимая, пузатенькая на смородиновом листу есть.

— Уж ты, моя любимая. У ней всегда все готово, — засмеялся директор. — А ты говоришь? Золото у тебя Аграфена Семеновна. Куда ты от нее вне время пойдешь? Где время нет, там и Аграфены Семеновны нет, правда, Грушенька? А липовый мед мне будет?

— Будет, — сказал хозяин, хмуро улыбаясь, — еще и маковые рогульчики будут. Вчера Аграфена Семеновна пекла и говорила: что-то нашего ругателя давно нет, он их любит. Она тебя ведь ругателем зовет.

— Чувствуешь? — толкнул меня локтем директор. — Самое поповское угощение — медок, рогульчики, пузатенькая.

— Пойдемте, — коротко сказал хозяин и встал. — Пойдем! Ни к каким попам я не хожу, — обратился он ко мне. — Это он

так от злости и непонимания. В церковь и попов я не верю, это все человеческие учреждения. Я сам до всего дохожу. Сижучи читаю. Когда я служил людям, читать-то было некогда.

И тут директор вдруг круто остановился в дверях.

— Да, когда ты служил людям? — сказал он зло, — Богом ты служил, а не людям. Не думал, не размышлял, а только лбом кололся. Себя и других бил до смерти. Лоб-то у тебя, как у быка хорошего. «Где же мне?», «Как же мне?», «Я букашка, а он вождь». А сейчас наоборот, да?

Показалось улыбающееся лицо Аграфены Семеновны. Оно было тоже совершенно ясным и спокойным. Очевидно, ей пришлось все это видеть и слышать не впервые.

— Вот, — сказал директор, тяжело показывая на нее, — вот видишь, кому ты только нужен. Вот ее и держись...

— Пойдем, Степан, — сказал Мирошников вдруг нежно, пересиливая себя. — Пойдем! Ну тебя, ведь опять будет припадок.

— Ну, пожалуйста, — сказала Аграфена Семеновна нежно и умоляюще, — пожалуйста, Степан Митрофанович.

Чай мы пили долго, много стаканов. Осушили пузатенькую. И больше ни о Боге, ни о душе не говорили.

Как ангел небесный, вездесущий и шестикрылый, Аграфена Семеновна радела над нами. И был мир. И всем было хорошо.

ПАМЯТИ В. НАБОКОВА*

(1899—1977)

«Все это удручало Графа, но еще подлее и ужаснее была мысль, что будущего века нет, что человеческая жизнь лопается так же непоправимо, как пузыри».

В. Набоков «Занятой человек».

В. Набоков

Как и все, которые могли прочесть в подлинниках все, или почти все произведения Владимира Набокова, я сожалела, что давно заслуженный успех пришел к писателю благодаря скандалу «Лолиты». Вырванная, из-за скабрзности ее сюжета, из всего того, что он написал до нее, книга эта, жадно пожираемая публикой, принесла ее автору всемирную славу и деньги, но для многих исказила его подлинный и драматический облик. Множество читателей «Лолиты» и не слышали о «Защите Лужина», одной из самых замечательных книг, Набоковым написанных, а «Приглаше-

* Из готовящейся к печати книги о В. Набокове.

ние на Казнь» было (до «Лолиты») предложено разным иностранным издателям и ими отклонено. Кажется и во Франции оно вышло уже после «Лолиты».

Литературная удача «бестселлера» была как бы недоразумением, иронию которого нельзя не заметить. А Набоков конечно заслужил и славу и удачу в совсем другом плане. Пожалуй, никто с такой силой, как Набоков, не выразил, как бы даже помимо себя, внутреннее беспокойство, томление, тоску писателя, выкорчеванного из своей почвы, из своего окружения, и человека,двигающегося в земном пространстве без руля и без ветрил. Сравнительно редко обращаясь к этой теме прямо, ~~и даже в своих стихах~~, чем в прозе, самой атмосферой своих произведений, он вводит читателя в призрачный мир, в какую-то м е р т в у ю свободу, присущую галлюцинациям.

История литературы знает не такие уж редкие — и все учащающиеся в наше время — примеры писателей пишущих на двух языках, но только один Набоков стал мастером новатором и создателем стиля в двух разных литературах. Более двадцати лет Набоков писал только по-русски. Он достиг ~~на своем~~ языке удивительной речевой пластичности, нашел ритм, у нас еще не использованный, свойственный, может быть, западной литературе начала 20-го века. Мастером русского слова вошел он, сорокалетний, в англо-саксонскую литературу, обогатив ее не меньше, чем русскую.

Но и в США он долго — больше шестнадцати лет — был писателем для немногих. Его печатал изощренный «Нью Йоркер», его хвалили такие критики, как Эдмун Вильсон, а в Англии Грэхем Грин, но книги его выходили малым тиражом — и к сожалению, повторяю, только одна «Лолита» дала ему всемирную известность, принесла деньги — когда ему было 60 лет.

Тема — нарочно пишу в единственном числе, веря, что всякий писатель в сущности пишет одну и ту же книгу, которую он никогда не успевает закончить — у Набокова, если проследить, одна и та же, и связана с его личной судьбой. Фабулы разные, но — хотя Набоков призывал «будем прежде всего сочинителями», хотя вот этот сочинительский дар, дар выдумщика, у него огромен — корни его питаются его биографией и острой наблюдательностью реальности.

Трагедия Набокова в том, что он малолетним Адамом был изгнан из своего земного рая. После этого начинается мир недоразумения, бессмыслицы, трагедия несуществования. Персонажи

Набокова — марионетки, дергающиеся на подмостках, пародии людей. Автор к ним в большинстве случаев не привязан, их не любит и, как бы скучая от бездушия своих созданий, Набоков очеловечивает неодушевленные предметы. Шкап у него похож на беременную женщину, разрезной нож вонзается в белое и толстое тело книги, лежит «наповал убитый чулок».

В сущности, биография Набокова не более трагична, чем биографии его современников. Но ранние годы были слишком прекрасны. Все было в переизбытке, включая нежное, словно почтительное внимание к нему его родителей. Русская деревня, питавшая творчество почти всех великих русских писателей, была ему родной, имперский Петербург успел поставить на него свою печать. Сияющий этот мир был сметен, разрушен революцией, и со множеством других людей, все потерявших, семья Набокова причалила к другим берегам. Только драма в Берлине — случайное убийство отца, заслонившего собою П. Н. Милюкова — отличала в те годы участь Набокова от участи тысяч русских молодых эмигрантов, но в некоторых отношениях она была и легче, чем у них. Он не был травмирован участием в гражданской войне, ему, благодаря связям и знанию английского языка, посчастливилось с братом окончить Кембридж...

Но что были Набокову эти скромные привилегии? На испытания каждый отвечает по-своему. Одни склоняются перед неизбежным и сдаются, другие борются и (иногда) побеждают. Есть и такие, которые по духовной силе, их наполняющей, и не замечают угнетенья. Набоков родился писателем и поэтом, т. е. существом особенно впечатлительным и эгоцентричным. Отметим, что не то, во что обратилась Россия, его мучило, не то, что случилось с русским народом, а то, что его Россия стала мифом, а он продолжал существовать. Единственное достояние, у него не отнятое, был русский язык.

И вот это-то достояние стало обесцененным в эмигрантском вакууме.

Но тут надо отметить, во избежание будущих искажений, неопровержимый факт: эмигрантские критики, да и читатели, сразу заметили «явление» Набокова и приветствовали его талант. Была враждебность (м. б., внелитературная) Г. Адамовича и Г. Иванова (Адамович впоследствии в этом раскаялся), но все остальные критики писали о нем очень лестно. И. А. Бунин, мягкосердечием к собратьям не страдавший, сказал о Сирине «чудовище, но какой писатель!» и так определил его виртуозность: «Он как

акробат, так и ждешь — сорвется или нет». Высоко ставил его и взыскательный Ходасевич, видя в нем художника формы и литературного приема. Глеб Струве признавал его за самого оригинального писателя эмиграции. Петр Бицилли считал, что «Приглашение на Казнь» по значению своему равно «Мертвым Душам», В. Вейдле его хвалил. Все безоговорочно знали, какое место займет Набоков в русской литературе.

Но признание признанием — а народа, который бы его «нес», у писателя-эмигранта нет. К тому же, при ограниченном числе читателей, не может быть у него материального успеха. В ту пору русская эмиграция была нищей, да и книг в тесноте квартир поставить было некуда. Была все же поддержка общественных организаций и помощь более состоятельных соотечественников, которая распространялась и на Набокова. Несмотря на это, нелегко жилось ему в ущелье эмигрантского гетто...

Трудно сказать, почему иностранные издатели не интересовались Набоковым. Переводили его мало, редкие его книги в переводах расходились плохо, хотя в то время и Кафка, и Джойс, и Вирджиния Вульф пользовались на Западе большим успехом. Может быть, смущало иностранных издателей, что ничего специфически русского, ни тени Достоевского, ни призрака Толстого, т. е. для них привычного, в Набокове не было. Запад преломился в его искусстве некоторой нарядностью. Толстой, для большей естественности речи, переделывал пассаж, который казался ему слишком красивым, безупречным. Набоков, наоборот, любил ослеплять словесным блеском и прекрасно знал свои особенности — они не случайны. Кончеев в «Даре» говорит автору книги о Чернышевском, что ему не нравятся в нем его «петербургский стиль, галльская закваска, нео-вольтерьянство». Любил Набоков и провокационные высказывания: Бальзак — глыба из гипса, Достоевский — автор детективных романов. Упрек детективности будет пущен и в адрес самого Набокова после «Отчаянья».

В Германии, где он женился, где родился у него сын, Набоков дает уроки шахмат, тенниса и, кажется, бокса. У него громадная трудоспособность. Он говорил мне, что иногда пишет по 15-20 страниц в день. Но с каждой книгой герои его становятся все более абстрактными, они вне эпохи и вне политической современности. Сам же писатель живет в сугубо политическое время. Из Германии семья переезжает в Париж и затем, меняя страны «как фальшивые деньги», при первом раскате грома, в 1939 году, Набоковы в Америке. В Европе ему было так тяжело, что он как-то

сразу обрывает связь с нею и даже с друзьями, в ней оставшимися.

Зарождается американский писатель:

«А случалось еще, ты пописывал
Не без блеска на вовсе чужом языке».

Впрочем, американские книги Набокова мало чем отличаются от его русского творчества. Это сиамские близнецы, двуглавая птица, по-разному кричащая об одном и том же. И даже виртуозность остается на той же высоте. Книги продолжают быть аллегориями, ребусами, оттеняя ирреальность положений и событий тщательным описанием бытовых подробностей. Уже в «Машеньке», когда Ганин смотрит фильм, где он и его знакомые фигурировали, он видит: «Теперь внутренность того холодного сарая превратилась на экране в уютный театр, рогожа стала бархатом, нищая толпа — театральной публикой». Ганин имеет своего двойника на экране, люди же вокруг — «тени его изгнаннического сна».

Двойники, зеркала, обман, пародии, есть даже (в стихах) «пародия совести»... В мире фальшивок, где всякая вещь (всякий человек) может представлять собою другую (есть и фальшивая собака), герои Набокова зачарованы зеркалами. В «Приглашении на Казнь» мы находим игру негативных зеркал, «неток». Они меняют, декомпозируют, стирают реальные формы, но из бесформенности могут создать человеческое подобие.

В этой же книге появляется первый облик Лолиты, Эмочки, «дитя, но с мраморными икрами маленьких танцовщиц», «этот мускулистый ребенок валял Цинцината, как щенка». Эмочка манила узника обещанием свободы, но привела его, как и Лолита, в камеру смертника.

«Лолиту» я восприняла как аллегорию. Эта книга — только одно звено из цепи, созданной Набоковым. Цепь эта — страшный мир, где под сверканием фантазии, стиля быстрого и сухого, как стрекот пулемета, доброта не существует, где все кошмар и обман под блеском иронии и жестокого юмора. Попутно «Лолита» — не беззлобная сатира о быте «средней Америки». Так остро описывает Набоков пошлость слов и пошлость человеческих типов, бессмысленность их действий, что кажется будто весь континент, который пересекает Гумберт и его жертва — она же и его мучитель — Лолита в своем безнадежном беге «не что иное, как действующая без всякого смысла механика». Английский текст

подчеркивает еще то, что в русском переводе не может быть замечено. Только иностранец Гумберт изъясняется на чистом «королевском» английском языке, незнакомом американцам.

Аллегория же раскрывается так: Гумберт, т. е. художник, писатель, артист, старается освоить, овладеть какой-то тайной, о которой он догадывается, но которая от него все время ускользает. Изуродованная словами, преданная ими, тайна показывает только уродливое свое отображение

«лишась мгновенно волшебства
бессильно друг за друга прячутся
отяжелевшие слова...»

Можно сравнить «Лолиту» с повестью Хемингуэя «Старик и море». Лолита не девочка, не женщина, она произведение искусства, которое художник, напрягая все силы, старается вытащить на берег как добычу. Но берега это чудо морское не достигает. На песке только клочья мяса на острове. Оно было истерзано, изуродовано другими рыбами — читателями, критиками, беспомощностью самого автора. Жалкий, унижительный трофей!

«Слово, извлеченное на воздух, лопается, как лопаются в сетях те шарообразные рыбы, которые дышат и блистают только на темной, сдавленной глубине».

(«Приглашение на Казнь»)

И не только слово, но и замысел автора.

Владимир Набоков нередко подчеркивает, что он агностик, иногда даже с некоторой аффектацией. Блок в «Исповеди Язычника» пишет: «но я русский, а русские всегда ведь думают о церкви; мало кто совершенно равнодушен к ней; одни ее очень ненавидят, а другие любят; те и другие с болью». О церкви Набоков никогда не упоминает, но иногда, как бы без боли, подчеркивает свое неверие

«не доверяясь соблазнам дороги большой
или снам, освященным веками,
остаюсь я безбожником с вольной душой
в этом мире, кишашем богами...»

Правда, поскольку тут боги во множественном числе, имеется и некоторая двусмысленность.

Все же элементы метафизики очень легко найти в творчестве Набокова — природа зла метафизична. Мир обмана — мир

бесовский, дьявола, отца лжи, и немало бесов-соблазнительей мы найдем в набоковских произведениях. Кто такой Валентинов, ведущий к смерти Лужина? Что-то гоголевское в этом голосе, разговаривающем по телефону с женой Лужина: «Я старый друг Вашего мужа... Я жду его ровно в двенадцать. Шепните ему одно: Валентинов тебя ждет... засмеялся голос... провалился в щелкнувший люк».

Фокусник Шок в «Картофельном Эльфе» — «ходячий обман всех пяти чувств». Палач Пьер, бес пошлости, соблазняет смертника самыми пошлыми радостями жизни, наслаждениями любовными или гастрономическими, и даже вещами, вроде фотоаппарата или трубки. В переводе имя Горна, в «Камере Обскуре», означает рог. Всепоглощающая страсть. Лужина к шахматам или Гумберта к Лолите — наваждение, обсессия...

Кроме этого, все же есть и полупризнанья самого Набокова. Он часто намекает о какой-то тайне — «и со мной моя тайна всечасно» — ему открывшейся в «зашифрованной ночи». Что означает мотив ковра, все повторяющийся и в стихах и в прозе: будто жизнь здесь только изнанка, спутанные нити ковра, лицевая сторона которого в другом пространстве, «завернулся краешек этой ужасной жизни и сверкнула на миг его подкладка» («Приглашение на Казнь») и хочется жизнь «богатую узорами»

«Так сложить ее дивный ковер,
чтоб пришелся узор настоящего
на былое, на прежний узор».

Нет мыслящего, да впрочем, нет вообще человека, который бы никогда не думал о смерти. Цинцинат в своей камере, понятно, особенно ею занят. «Всегда часть моих мыслей теснится около невидимой пуповины, соединяющей мир с чем-то — о чем я еще не скажу». В «Ужасе» читаем: «Так бывало, душа моя задохнется на миг... стараясь изо всех сил побороть страх, осмыслить смерть, понять ее по-житейски, без помощи религий и философий».

Но все это относится к персонажам Набокова. Стихи же — уже открыто личное

«Смерть еще далека (послезавтра я
всё продумаю), но иногда
сердцу хочется «автора! автора!»

и признанье

«В зале автора нет, господ».

Как же без автора «и в вечное пройти украдкой насквозь»? Без

вечности — часы в коридоре — «пустой циферблат». Много страшных и глубоких страниц в «Приглашении на Казнь», и не могли они быть написаны без внутреннего соучастия автора. Смертник Цинцинат читает книгу, он «одолевает страницу с тоской», думая «на что мне это далекое, ложное, мертвое — мне, готовящемуся умереть», и представляя себе автора этой книги, как он «еще молодой, сам будет умирать — и это было как-то смешно»... «...А смешно было потому, что единственным тут настоящим, реально несомненным, была всего лишь смерть — неизбежность физической смерти автора».

Автор «Лужина» и «Машеньки», «Приглашения на Казнь», «Камеры Обскуры», «Весны в Фиальте», «Ады», «Бледного Огня», «Пнина», «Озера, Облака, Башни» и многих других книг и рассказов умер — и это совсем не смешно. Не смешно и то, что в многогранной своей особенности оказался Владимир Набоков единственным из русских писателей, крещенных в православии, отдавшем свое тело не земле, а огню.

Тайна последнего человеческого вздоха и последнего движения души нам неизвестна, но в рассказе «Музыка» есть такая фраза: «Я тебе все прошу, ведь когда-нибудь мы умрем, и все будем знать, и все будет прощено».

ИСТРЕБЛЕНИЕ ТИРАНОВ

Отрывок из повести*

1

Росту его власти, славы соответствовал в моем воображении рост меры наказания, которую я желал бы к нему применить. Так, сначала я удовольствовался бы его поражением на выборах, охлаждением к нему толпы, затем мне уже нужно было его заключения в тюрьму, еще позже — изгнания на далекий плоский остров с единственной пальмой, подобной черной звезде сноски, вечно низводящей в ад одиночества, позора, бессилия; теперь наконец, только его смерть могла бы меня утолить.

Как статистики наглядно показывают его восхождение, изображая число его приверженцев в виде постепенно увеличивающейся фигурки, фигуры, фигурищи, моя ненависть к нему, так же как он скрестив руки, грозно раздувалась посреди поля моей души, покуда не заполнила ее почти всю, оставив мне лишь тонкий светящийся обод (напоминающий больше корону безумия, чем венчик мученичества); но я предвижу и полное свое затмение.

Первые его портреты, в газетах, в витринах лавок, на плакатах (тоже растущих в нашей богатой осадками, плачущей и кровоточащей стране), выходили на первых порах как бы расплывчатыми, — это было тогда, когда я еще сомневался в смертельном исходе моей ненависти: что-то еще человеческое, а именно возможность неудачи, срыва, болезни, мало ли чего, в то время слабо дрожало сквозь иные его снимки, в разнообразности неустоявшихся еще поз, в зыбкости глаз, еще не нашедших исторического выражения, но исподволь его облик уплотнился, его скулы и щеки на официальных фото-этюдах покрылись божественным лоском, оливковым маслом народной любви, лаком законченного произведения, — и уже нельзя было представить себе, что этот нос можно высморкать, что под эту губу можно залезть пальцем, чтобы выковырнуть застречку пищи из-за гнилого резца. За пробным разнообразием последовало канонизированное единство, утвердился, теперь знакомый всем, каменно-тусклый взгляд

* Полностью напечатано в сборнике «Весна в Фиальте». Нью-Йорк, 1956.

его неумных и незлых, но чем-то нестерпимо жутких глаз, прочная мясистость отяжелевшего подбородка, бронза маслаков, и уже ставшая для всех карикатуристов мира привычной чертой, почти машинально производящей фокус сходства, толстая морщина через весь лоб, — жировое отложение мысли, а не шрам мысли, конечно. Вынужден думать, что его натирали множеством патентованных бальзамов, иначе мне непонятна металлическая добротность лица, которое я когда-то знал болезненно-одутловатым, плохо выбритым, так что слышался шорох волоском о грязный крахмальный воротничек, когда он поворачивал голову. И очки, — куда делись очки, которые он носил юношей?

2

Я никогда не только не болел политикой, но едва ли когда-либо прочел хоть одну передовую статью, хоть один отчет партийного заседания. Социологические задачки никогда не занимали меня, и я до сих пор не могу вообразить себя участвующим в каком-нибудь заговоре или даже просто сидящим в накуренной комнате и обсуждающим с политически взволнованными, напряженно серьезными людьми, методы борьбы в свете последних событий. До блага человечества мне дела нет, и я не только не верю в правоту какого-либо большинства, но вообще склонен пересмотреть вопрос, должно ли стремиться к тому, чтобы решительно все были полусыты и полуграмотны. Я знаю кроме того, что моей родине, ныне им порабошенной, предстоит в дальнейшем множество других потрясений, независимых от каких-либо действий сегодняшнего правителя. И всё-таки убить его.

3

Когда боги, бывало, принимали образ людей и, в лиловатых одеждах, скромно и сильно ступая мускулистыми ногами в незапыленных еще плесницах, появлялись среди полевых работников или горных пастухов, их божественность нисколько не была этим умалена; напротив — в очаровании человечности, обвевающей их, было выразительнейшее обновление их неземной сущности. Но когда ограниченный, грубый, мало образованный человек, на первый взгляд третьеразрядный фанатик, а в действительности самодур, жестокий и мрачный пошляк с болезненным гонором — когда такой человек наряжается богом, то хочется перед богами извиниться. Напрасно меня бы стали уверять, что сам он вроде

как ни при чем, что его возвысило и теперь держит на железобетонном престоле неумолимое развитие темных, зоологических, зоорландских идей, которыми прельстилась моя родина. Идея подбирает только топорище, человек волен топор доделать — и применить.

Впрочем, повторяю: я плохо разбираюсь в том, что государству полезно, что вредно, и почему случается, что кровь с него сходит, как с гуся вода. Среди всех и всего меня занимает одна только личность. Это мой недуг, мое наваждение, и вместе с тем нечто как бы мне принадлежащее, мне одному отданное на суд. С ранних лет, а я уже не молод, зло в людях мне казалось особенно омерзительным, удушливо-невыносимым, требующим немедленного осмеяния и истребления, — между тем как добро в людях я едва замечал, настолько оно мне всегда представлялось состоянием нормальным, необходимым, чем-то данным и неотъемлемым, как, скажем, существование живого подразумевает способность дышать. С годами у меня развился тончайший нюх на дурное, но к добру я уже начал относиться несколько иначе, поняв, что обыкновенность его, обуславливавшая мое к нему невнимание, — обыкновенность такая необыкновенная, что вовсе не сказано, что найду его всегда под рукой, буде понадобится. Я прожил поэтому трудную, одинокую жизнь, в нужде, в мебелированных комнатах, — однако, всегда у меня было рассеянное ощущение, что дом мой за углом, ждет меня, и что я войду в него, как только разделаюсь с тысячей мнимых дел, заполнявших мою жизнь. Боже мой, как я ненавидел тупость, квадратность, как бывал я несправедлив к доброму человеку, в котором подметил что-нибудь смешное, вроде скарденности или почтения к богатым. И вот теперь передо мной не просто слабый раствор зла, какой можно добыть из каждого человека, а зло крепчайшей силы, без примеси, громадный сосуд, полный до горла и запечатанный.

4

Из дико цветущего моего государства он сделал обширный огород, в котором особой заботой окружены репа, капуста да свекла; посему все страсти страны свелись к страсти овощной, земляной, толстой. Огород в соседстве фабрики с непременным звуковым участием где-то маневрирующего паровоза, и над всем этим безнадежное белесое небо городских окраин — и всё, что сюда воображение машинально относит: забор, ржавая жестянка среди чертополоха, битое стекло, нечистоты, взрыв черного му-

шиного жужжания из-под ног... вот нынешний образ моей страны, — образ предельного уныния, но уныние у нас в почете, и однажды им брошенный (в свальную яму глупости) лозунг «половина нашей земли должна быть обработана, а другая заасфальтирована» повторяется дураками, как нечто, выражающее вершину человеческого счастья. Добро еще, если бы он нас питал той жалкой истиной, которую некогда вычитал у каких-то площадных софистов; он питает нас шелухой этой истины, и образ мышления, который требуется от нас, построен не просто на лжемудрости, а на обломках и обмолвках ее. Но для меня и не в этом суть, ибо разумеется, будь идея, у которой мы в рабстве, вдохновеннейшей, восхитительнейшей, освежительно мокрой и насквозь солнечной, рабство оставалось бы рабством, поскольку нам навязывали бы ее. Нет, главное то, что по мере роста его власти я стал замечать, что гражданские обязательства, наставления, стеснения, приказы и все другие виды давления, производимые на нас, становятся все более и более похожими на него самого, являя несомненное родство с определенными чертами его характера, с подробностями его прошлого, так что по ним, по этим наставлениям и приказам, можно было бы восстановить его личность, как спрута по щупальцам, ту личность его, которую я один из немногих хорошо знал. Другими словами, всё кругом принимало его облик, закон начинал до смешного смахивать на его походку и жесты; в зеленых появились в необыкновенном изобилии огурцы, которыми он так жадно кормился в юности; в школах введено преподавание цыганской борьбы, которой он в редкие минуты холодной резвости занимался на полу с моим братом двадцать пять лет тому назад; в газетных статьях и в книгах подобострастных беллетристов появилась та отрывистость речи, та мнимая лапидарность (бессмысленная по существу, ибо каждая короткая и будто бы чеканная фраза повторяет на разные лады один и тот же казенный трюизм или плоское от избитости общее место), та сила слов при слабости мысли и все те прочие ужимки стиля, которые ему свойственны. Я скоро почувствовал, что он, он, таким как я его помнил, проникает всюду, заражая собой образ мышления и быт каждого человека, так что его бездарность, его скука, его серые навыки становились самой жизнью моей страны. И наконец, закон, им поставленный, — неумолимая власть большинства, ежесекундные жертвы идолу большинства, — утратил всякий социологический смысл, ибо большинство это он...

1936 г.

В. В. Розанов

Д. ДАРСКИЙ

РОЗАНОВ — ЧЕЛОВЕК*

1.

Во многих отзывах и воспоминаниях людей, его близко знавших, повторяется одно общее, особенно яркое впечатление: поразящего контраста невзрачной, потертой, почти затасканной наружности и глубокого внутреннего света, говорящего о необычайной одухотворенности, о ненасытной работе ума, о вечно взволнованном и беспокойном сердце. Маленький и тщедушный, с жиденькой бороденкой и в поношенном пиджаке, с шаркающей походкой и будто все куда-то пробирающийся сторонкой, он казался какою-то обывательской мелюзгой, не то плюгавым писцом, не то захолустным мещанишкой. Но вдруг целые снопы брызнувших из глаз искр и лучей, на мгновение озарив его лицо, неотразимо внушали представление о человеке исключительных даров духа, о существе редкой породы, ошибкою судьбы заброшенном в нашу мутную среду. Он тихоня, он мухи не обидит, воды не замутит, подумает каждый при первом взгляде, и все будет казаться, что тут на ниточке у него висит пуговица, а там пристал кусочек сенца. Но он «смутьян»: вот он заговорил или вы открыли у него какую-нибудь страницу, и вдруг прорывается речь необузданная и взбудораженная, вся в трепетах наитий и восторженных вспышек, и вы услышите слова неустрашимого вдохновения и беспримерной дерзости правды, а не то просто беспутного озорства. Он одержим демоном открытий и в стремительной горячке внезапных догадок, которых бы он не сбросил в пропасть, для него нет авторитетов, которым бы он не перекусил горла. В царстве штампованной мысли, в бумажном мире минутных фельетонов, толстых журналов и еще более толстых умов, среди безродных литераторов и пустопорожних интеллигентов он едва ли не единственный обладал неподражательно-самобытным словом и был поистине властелином умственной независимости и безграничной внутренней свободы.

Яснее кого-либо другого сознавал в себе Розанов такое со-
вмещение противоположностей и убедительнее всех выразил эту

* Из неопубликованной книги написанной в начале 20-х годов. См. главу из этой же книги в **Вестнике РСХД** № 94.

прирожденную двойственность своей природы. Даже в самой манере и тоне его отзвонков о себе нам чувствуется страшная разобщенность двух половин его существа, — более того, их вневдрившаяся отчужденность друг от друга. Прислушайтесь к ним. С непринужденной легкостью и без какой-либо видимой задержки он заговаривает о вещах, которые даже заметить в себе было бы для каждого постыдно, с беззастенчивою откровенностью делает признания, которые никто не посмел бы произнести вслух. Так может говорить человек с глубоко безучастным на себя взглядом, для которого ничтожным пустяком представляется присутствие всем самолюбие, который чувствует себя в пустыне, которому все равно, слышит ли кто его и какое он вызывает о себе мнение, который способен перед лицом целого света беседовать наедине с собой. Бытовое Я, такое амбициозное и неприкосновенное у большинства, для него что-то до последней степени нестойкое и пустое, какая-то ветوشка, облекающая нечто неизмеримо важнейшее в нем. Дело в том, что Розанов был человек, в котором поселился Бог, — отсюда его скромность, вытекающая из совершенной потери своей личности. Это глубокое умаление своей личности, объясняет он в своей автобиографии, вытекало у него из тесноты отношения к Богу: уничтожения деланного в нем тоже не было, а просто он ничего не думал о себе, «сам» был просто неинтересная для себя вещь, как впрочем и весь мир, сравнительно с «родное», Бог, свой внутренний дом, свой угол («Утренники», стр. 78).

Но на взгляд холодного, а тем более враждебного читателя все эти «невозможные» и неприличные откровенности отдавали дурной эксцентричностью, афишированной арлекинадой, а по-русски сказать, — напускным юродством. В обществе благовоспитанных джентльменов человек свалился с луны и на потеху всем думает удивить, разыгрывая из себя шута...

«С выпученными глазами и облизывающийся — вот я. Некрасиво?»

Что делать.» («Опавшие листья. Короб второй и последний». Пгр. 1915, стр. 8).

Прелестная самореклама — сквозь зубы промолвит денди. И мы сразу же поймем, что Розанов это самая крайняя и неприемлимая противоположность дендизма, такого изысканного, взыскательного и высокомерного. Менее всего в нем было позы, даже превратившейся во вторую природу, никакой манерности, основанной на предвзятых законах условного эстетизма, но все

по правде и попросту, как у бесхитростного русачка, все как есть и как положено на душу, без прикрас и наружу, точно человек никогда не слышал, что принято и запрещено по хорошему тону, и появляется на людях в чем мать родила. Не денди, а замоскворецкий юродивый, который на посмешище мальчишек исповедуется в грехах, распевает на морозе псалмы, на ветер бросает свои провешания и вдруг в обличие подает грозному царю сырой кусок мяса. С внимательным любопытством продолжает созерцательно разглядывать самого себя, как будто сам изумляясь предстоящим зрелищем.

«Удивительно противна мне моя фамилия. Всегда с таким чужим чувством подписываю «В. Розанов» под статьями. Хоть бы «Руднев», «Бугаев», что-нибудь. Или обыкновенное русское «Иванов». Иду раз по улице. Поднял голову и прочитал: «Немецкая булочная Розанова». Ну так и есть: все булочники «Розановы» и, следовательно, все Розановы — булочники. Что таким дуракам (с такой глупой фамилией) и делать. Поэтому «Сочинения В. Розанова» меня не манят. Даже смешно. «Стихотворения В. Розанова» даже нельзя вообразить. Кто же будет «читать» такие стихи?»

— Ты что делаешь, Розанов?

— Я пишу стихи.

— Дурак. Ты бы лучше пек булки.

Совершенно естественно.

Такая неестественно отвратительная фамилия дана мне в дополнение к мизерабельному виду. Сколько я гимназистом простаивал (когда ученики разойдутся из гимназии) перед большим зеркалом в коридоре, и «сколько тайных слез украдкой» пролил. Лицо красное. Кожа какая то неприятная, лоснящаяся (не сухая). Волосы прямо огненного цвета (у гимназиста) и торчат кверху, но не благородным «ежом» (мужской характер), а какой-то поднимающейся волной, совсем нелепо и как я не видал ни у кого. Помадил я их, и все — не лежат. Потом домой приду, и гляжу зеркало (маленькое, ручное): «Ну кто такого противного полюбит». Просто ужас брал.

- Нет, это кончено. Женщина меня никогда не полюбит, никакая. Что же остается? Уходить в себя, жить собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущего.

Теперь же это мне даже нравится, и что «Розанов» так отвратительно; к дополнению: я с детства любил худую, заносенную, проношенную одежду. «Новенькая» меня всегда жала,

теснила, даже невыносима была. И, словом, как о вине: «чем старше, тем лучше» — так точно я думал о сапогах, шапках и о том, что «вместо сюртука». И теперь стало все это нравиться: — Да просто я не имею формы (*causa formalis* Аристотеля). Какой-то «комочек» или «мочалка». Но это от того, что я весь — дух и весь — субъект: субъективное действительно развито во мне бесконечно, как я не знаю ни у кого, не предполагал ни у кого. «И отлично»... Я «наименее рожденный человек», как бы «еще лежу (комком) в утробе матери» и «слушаю райские напевы» (вечно как бы слышу музыку — моя особенность). И «отлично! совсем отлично!» На кой чорт мне «интересная физиономия» или еще «новое платье», когда я **сам** (в себе, в «комке») бесконечно интересен, а по душе — бесконечно стар, опытен, точно мне 100 лет, и вместе юн, как совершенный ребенок... Хорошо! Совсем хорошо...» («Уединенное». Спб. 1912, стр. 53-57).

От внешнего Розанов переходит внутрь, но и тут трезвая отчетливость наблюдения не изменяет ему. Ни обольщения собою, ни самообмана по-прежнему нет, самопознание работает все так же неподкупно и честно.

Нечисть и мелкоту, и какой-то сумбур и непролазный дряг раскапывает аналитик внутри себя, унижительный для него самого, нестерпимый для постороннего вкуса. Не в намерениях и не в идеях, но как в человеке в нем «есть что-то нехорошее, какая-то нечистая примесь, что-то мутное в организации или в крови». («Уединенное». Спб. 1912, стр. 160). «Все его пороки мокрые. Огненного ни одного». («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 270). У него чесотка пороков, а не влечение к ним. «Это грязнотца, в которой копошится вошь». («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 321). И, наконец, еще один прославленный отрывок, в свое время обошедший все рецензии, как пример беспардонного цинизма. «Во мне ужасно есть много гниды, копошащейся около корней волос. Невидимое и отвратительное. Отчасти отсюда и глубина моя (вижу корни вещей, гуманен, не осуждаю, сострадателен). Но как тяжело таким жить. Т. е. что **такой**». («Опавшие листья» Спб. 1913, стр. 446).

Но ведь сознать недостатки значит уже наполовину исправить их — уже наготове в ответ морализующая сентенция: раз человек увидел свои пороки, — задача дальнейшего самовоспитания их искоренить. С величайшей беспечностью Розанов оставляет все как есть, ни малейшим усилием не утруждая себя что-

нибудь в себе изменить. Тут мы должны на время отвлечься и внимательно изучить то, что принято называть аморализмом Розанова.

Отношения Розанова к нравственности капризны и не всегда понятны. Попробуйте взять перед ним поучительный тон, начните усовещивать его и наставлять на праведный путь. Вы натолкнетесь в нем на что-нибудь дерзкое и вызывающее, что сразу же заставит вас с негодованием замолчать. «На мне и грязь хороша, потому что это я» — вот примерный отпор моралисту, если бы тот вздумал его пристыдить. («Опавшие листья», Спб. 1913, стр. 270). «Я «так расту», и если вам не нравится — то и не смотрите».

При подобной отповеди, всякая попытка «принципиально» поговорить, разумеется, прекратится в самом начале.

Розанову была ненавистна самая идея долга, каких-либо обязательных законов поведения, в особенности в их навязчивой и принудительной форме. В таких случаях вся его натура поднималась бунтом и он спешил оградить себя от гнета обезличивающей добродетели, от вторжения ходячей честности. Он беззаконник насквозь. Каких-либо общих императивов он для себя не признает, и вся жизнь его строилась по случайным, но горячим побуждениям и мотивам чувства, по аппетиту, по вкусу, по тому как «хочется» и как «нравится». Он даже не знает, через «ять» или «е» пишется нравственность. Идея «закона» как «долга» никогда даже на ум не приходила. Только читал в словарях на букву «Д». Но не знал что это и никогда не интересовался. «Понятие долга, выросшее на холодной почве Рима, абстракций его права и тоски его стоицизма, есть лишь сомнительная замена истинных чувств, которыми жива всякая жизнь. «Должное» указывается умом и выполняется, когда более не подсказывается сердцем, и жизнь уже не творится; не играет, но только поддерживается». («Литературные очерки». Сборник статей. Изд. 2-ое. Спб. 1902, стр. 84).

Таково наиболее обоснованное отрицание категорического императива.

«Долг выдумали жестокие люди, чтобы притеснять слабых. И только дурак ему повинуется». («Уединенное» Спб. 1912, стр. 184; срвн. 155). Вот афоризм, который был им принят к неизменному руководству.

«Я еще не такой подлец, чтобы думать о морали» — раздражается он пылкой тирадой в другой раз. «Миллион лет прошло, пока моя душа выпущена была погулять на белый свет; и вдруг

бы я ей сказал: ты, душенька, не забывайся и гуляй «по морали». Нет, я ей скажу: гуляй, душенька, гуляй, славенькая, гуляй, добренькая, гуляй как сама знаешь. А к вечеру пойдешь к Богу.

Ибо жизнь моя есть день мой — и он именно **мой день**, а не Сократа или Спинозы».

В последних словах находится объяснение Розановской вражды к общеобязательной нравственности. Пусть был Сократ светочем добра и Спиноза этическим гением, в этом же нет причины Розанову переделывать себя по высочайшему образцу, на подобие готового идеала искажать свое подлинное лицо. Более всего он хочет оставаться Розановым, пусть с недостатками, слабостями и всякою скверной, но не выделанным по ригористическим принципам, не пришибленным деспотической муштрой с чужого голоса заимствованных правил. Что хорошо в жизни? Естественность и непринужденность, правдивость перед собой и нестесненность свободного роста; хороша жизнь, какой она вышла из рук Творца и не искаленная бесплодными выдумками человека. Быть может, красива какая-нибудь токарная поделка, но неизмеримо прекраснее обточенного, но сухого обрубка живое дерево, как оно растет в родимой роще. Вопрос в том, хотим ли мы стать безжизненным совершенством или в грехах, ошибках и беззаконии сохранять своеобычность и неподдельность богатой природы, играть и пениться ключами живой воды...

«Нет хорошего лица, если в нем в то же время нет чего-то некрасивого». Таков удел земли в противоположность небесному — что «мы все с чем-то неприятны». Там — веснушка, там — прыщик, тут — подпухла сальная железка. Совершенство — в небесах и в мраморе. В небесах оно безукоризненно, потому-что **правдиво**, а в мраморе уже возбуждает сомнение и, мне по крайней мере, не нравится». («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 75).

«Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели» («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 192).

«Дело в том, что таланты наши как-то связаны с пороками, а добродетели — с бесцветностью. Вот из этой «заковыки» и вытаскивайся».

«В 99 из 100 случаев, «добродетель» есть просто: «я не хочу», «мне не хочется», «мне **мало хочется**»... «Добродетельная биография — или «эпохи добрых нравов» (в истории) есть просто личность довольно «безличная» и время довольно «безвремен-

ное». Всем «очень мало хотелось». Mercı. («Уединенное», Спб. 1912, стр. 115).

«Я не враждебен нравственности, а просто «не приходит на ум». Или отбывается, когда (под чьим-нибудь требованием) ставлю темою. «Правила поведения» не имеют химического сродства с моею душою, и тут ничего нельзя сделать. Далее, люди «с правилами поведения» всегда были мне противны: как деланные, как неживые, и в которых вообще нечего рассматривать. Он подал тебе шпаргалку, прочтя которую все о **нем** знаешь».

Кто-то из безукоризненно нравственных людей перестал бывать у Розанова за его «имморальность». Можно было бы позавидовать такому на-диво слаженному совершенству, однако Розанова трудно подавить превосходством, и, не смущаясь высокоавторитетным приговором, он прилагает свой нераскаянный ответ.

«Да не воображайте, что вы «нравственнее» меня. Вы и не нравственны и не безнравственны. Вы просто сделанные вещи. Магазин сделанных вещей. Вот я возьму палку и разобью эти вещи.»

«Нравственна или безнравственна фарфоровая чашка? Можно сказать, что она чиста, что хорошо расписана, «цветочки» и все. Но мне больше нравится «Шарик» в конуре. И как он ни грязен, в сору, — я однако пойду играть с ним. А с вами — ничего». («Опавшие листья» Спб. 1913, стр. 124).

Шарик милее человека с правилами, и точно таким же «Шариком», безискусственным и натуральным, Розанов хотел бы быть сам. Он бесконечно влюблен, более того, он как-то чудесно обворожен всем, что исходит из живой и непосредственной природы, и ему болезненно жаль выравнивать и подстригать естественные побеги и ростки, ему прямо страшно на что-либо насильственно посягать. Вот почему в нем нет никакого чувства преступности, как, например, у Достоевского, а разве только чувство бесконечной своей слабости. Но пусть даже мы признали над собой господство обязательных норм, это нисколько не приблизит нас к высшему идеалу. Как бы ни воспитывали мы себя, как бы ни ломали в угоду поклоняемого принципа, все-равно мы не в состоянии ничего в себе существенно изменить. Розанов не верит ни во что самопроизвольное и производное, сознательно насаждаемое и привитое, но только в самой природе коренящееся, первичное и врожденное. Человек неизменяем в своем субстанциональном ядре. Жизнь органична, и велико наше заблуж-

дение, когда мы усматриваем в ней нечто, поддающееся нашему воздействию и управлению. От судьбы не уйдешь. «Дурное в нас есть рок наш». («Уединенное» Спб. 1912, стр. 161). Каков в колыбельку, таков и в могилку. «Тут какие-то особые законы зачатия. Наследственность. Тут какой-то миг мысли, туман мысли или **безмыслия** у родителей, когда они зачинали меня: и в ребенке это стало непоправимо. **Неизбежное**». («Уединенное», Спб. 1912, стр. 163). «Наученья вообще невозможны. Возможны только факты, и слава Богу, если около них есть плач. Исправляются лишь крохи человечества, тысячная дробь его» («Литературные очерки». Сборник статей. Изд. 2-ое. Спб. 1902, стр. 268). И много подобных же афоризмов можно было бы набрать, в которых пассивность возводится к философскому оправданию, где бездеятельность приобретает вид азиатского фатализма.

И вот в самом себе, как нечто роковое и неисправимое, Розанов находит какие-то темные пятна. «Жизнь наша течет из корня нашего рождения. Этот «корень» был у меня крайне смутный, хаотический и воспламененный.» («Литературные изгнанники», т. 1, Спб. 1913, стр. 141). Его душа какая-то путаница, из которой он не может «вытащить ногу» («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 204). Он весь судорожный и жалкий, весь расстрепанный: «последняя туча разорванной бури»... (Пушкин). Вся жизнь его без разума и без закона («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 454). И как итог этим всем наблюдениям, одно общее заключение.

«Есть люди, которые рождаются «ладно» и которые рождаются «неладно». Я рожден «неладно», и от этого такая странная, колючая биография». («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 11).

Наличный факт установлен и признан неизменяемым. Вмешательство морального авторитета отвергнуто, усилия моральной воли считаются бесплодными, и человек предоставлен самому себе. Тогда все мгновенно преображается. В интонации, в желаниях, в порывах. Нет больше задиры и наглеца, и мы слышим иные слова, самобичующие и молитвенные; нет более примирения с неизбежным, и до нас доносится, как из тоскующей груди вырываются вздохи, сетования, мольбы.

Что такое Розанов? Это в высшей степени потревоженный дух. Это сумятица и буря, злость и нервы. Может быть, что-то замечательное, но не спокойное, не ясное, не гармоничное. («Уединенное», Спб. 1912, стр. 209). Нет гармонии души, нет вели-

чия. Нет благообразия, нет «наряда». («Опавшие листья», Спб. 1913, стр. 63). Взамен того в наличности все, что полагается в русском человеке; печаль и бесприютность, звенящие зовы, беспомощная мольба о чудесном, «Благомудрие» — вот идеал, к которому тянется эта запущенная, случайная, непокорная душа.

«Мой идеал — тихое, благородное, чистое. Как я далек от него». («Опавшие листья», Спб. 1913, стр. 246).

«Я так люблю покой... и закат вечера, и тихий вечерний звон». («Уединенное». Спб. 1912, стр. 171).

Только не делать усилия, не напрягаться и не добывать потом и страданиями то, что так манит издали, а вот проснуться бы однажды и увидеть чудо своего пресуществования. Прекрасный человек — это не труженик добра и не подвижник совершенствования, не какой-нибудь Сальери в морали, но гуляка праздный, Божий избранник, тот, в ком идеальное счастливой прихотью судьбы совпало с врожденным, кому совершенство досталось даром и который пленяет непринужденной грацией духа. «В нем есть что-то неуловимо-пластическое» — на языке Розанова это звучит высшей похвалой. Художественно-законченное и обаятельное — вот что особенно драгоценно в человеке. Розанова увлекает высокий стиль осуществимый во плоти, но стиль не вырабатывается волей, он неотъемлемо присущ характеру, он неподвластная нам благодать, Божий дар, который незнаемо за что влагается в человека. «Стиль есть то, куда поцеловал Бог вещь». («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 428). Если дано тебе от рождения такое достояние благодати, ты помазанник; если же родился неладно, то уже поздно поправлять себя, тебе суждено нести свою скверну как рок свой, тебе остается издали восхищаться прекрасным человеком, мечтать о несбыточном и плакать.

И Розанов умеет и восхищаться, и грезить наяву, и топить муку в незримых слезах: «Разве не в этом заключается мой восторг, что когда увидишь великолепного «нравственного» человека, которому тоже его «нравственность» не приходит на ум, а он таков «от Бога», от родителей и вечности, который не имеет двоящейся мысли, который никогда ни к кому не имел злой мысли, — то оставляешь художеста «изящные», из рук выпадает «критика чистого разума», и потихоньку отойдя в сторону, чтобы он не видел тебя, следишь и следишь за ним, как самым высшим, что вообще можно видеть на земле.

Прекрасный человек — и именно в смысле вот этом «добрый», «благодатный», — есть лучшее на земле. И поистине мир создан, чтобы увидеть его». («Опавшие листья», Спб. 1913, стр. 189).

Среди воспоминаний детских лет было одно, о котором Розанов рассказывает, точно признается наперснику страстным шепотом, в сумерках. То была — «голубая любовь». Она была сестра товарища и жила в богатом каменном доме. Когда он поднимался к этому дому, то еще издали слышалась музыка. Позднее узналось, что то были гаммы, но они казались волшебными. Ее же, в которую он был влюблен, он видел два раза. Один раз за чаем, когда она разговаривала с матерью по-французски, а другой раз в концерте, на подъезде. «Кроме бледного, худенького лица, необыкновенной изящной фигуры, чудного очертания ушей, прямого небольшого носика, такого деликатного, мое сердце «взяло» еще то, что она всегда имела голову несколько опущенную — что вместе с фигурой груди и спины образовало какую-то чарующую для меня линию. «Газель, пьющая воду»... Кажется, главное очарование заключалось в движениях, каких-то волшебнo-легких... И еще самое главное, окончательное, в душе.

Я представлял себе эту душу — и все движения ее подтверждали мою мысль — гордою. Не надменною: но она так была погружена в свою внутреннюю прелесть, что не замечала людей... Она только проходила мимо людей-вещей, брала из них нужное, но не имела с ними другой связи. Оставаясь одна, она садилась за музыку, должно быть»...

Но вот однажды ее брат, наивный глупенький мальчик, проворовался. А затем сам же передавал Розанову, как его сестра сказала матери: «Я все это отношу к тому, что Володя дружит с этим Розановым... Это товарищество на него дурно влияет. Володя не всегда был таким»...

«Я выслушал молча. ~~Но сам мне~~ хотелось тогда умереть. Да и не «тогда» только: мне все казалось, — вообще, всегда — что меня «раздавили на улице лошади». И вот она проезжает мимо. И увидев, что это я, она проговорила матери: «Бедный мальчик... Может быть он не был такой дурной, как казался. Верно ему было больно. Все-таки его жаль». («Уединенное», Спб. 1912, стр. 58). Такова поэзия и действительность. И из соединения низкой правды и возвышающей сказки, из смеси самоуничтожения, томления, лени и безупречного врожденного вкуса, Розанов создает высший признак, которым отличены люди, для него

наиболее привлекательные, признак национальный по преимуществу, — то исконное российское качество, которое имеет своих избранных одинаково во всех классах и которым наделены наши милейшие и непутевые любимцы, лирические во хмелю, празднo-любивые в минуты труда и ответственности, с такою теплотою воспетые и в прозе и в стихах. Это качество — вздох. Пусть мы дурны, пусть мы в вони, в грязи, в грехе, в страде. Но у нас есть вздох. А у тех, что тоже «выучены в университете» и «сочиняют книжки», которые так во всем чисты, бескорыстны, «платят долги вовремя и не должны в лавочке» — у них нет вздоха.

«И только: но — небеса разверзлись и разделилась земля, и на одном краю бездны — они, и на другом краю бездны — мы. Мы — святые. Они — ничто. Воры и святые. Блудники и святые, мошенники и святые. Они «совершенно корректные люди» и ничто.

Струве спит только с женою, а я — со всеми (положим): и между тем он даже не муж жены своей, и не мужчина даже, а — транспарант, например, «по которому хорошо писать», или гирия на весах, «по которой можно хорошо свесить». А я все-таки муж, и «при всех» — вернейший одной.

Он «никому не должен». Я только и думаю, чтобы «утянуть» (положим): и завтра-послезавтра я могу открыть всемирный банк с безукоризненными счетами.

Все это лежит во вздохе... В «дуновении», «душе». «Корректные люди» суть просто неодушевленные существа, — «линейка» и «транспарант», «редактор» и «контора»: и из этого не выверешь ни Царства Небесного, ни даже Всемирного Банка или сколько-нибудь сносного мужа.

Но в моем вздохе все лежит. «Вздох» богаче царства, богаче Ротшильда даже деньгами: из вздоха потекут золотые реки, и трон, и царство, и все.

Вздох — всемирная история, начало ее. А «корректный человек» и есть корректный человек, которым все кончится, и сам он есть уже смерть и Гроб. «Земля есть и в землю отыдеси»...

«Вздох» же — Вечная Жизнь. Неугасающая.

К «вздоху» Бог придет: но скажите, пожалуйста, неужели же Бог придет к корректному человеку?»

II.

Отрываясь от настоящего момента, автобиограф оглядывается на прошлое и вспоминает «свое измученное и опозоренное детство». Тьму и холод без единого луча, без единой радости и ласки видит он там.

Деревянный домик где-то в Костроме, триста рублей пенсии в год на всю семью, временами один печеный лук и хлеба на копейку, сор, ссоры, курево, квас и вечная опасность быть выселенным. Во всем доме никогда не было улыбки и весь он был темный и злой. Во всех хмурая нелюдимость, даже вражда к людям, ни одной сердечной заботы, никакого сознания о родственном долге или общей нужде. И все были несчастны, и все были в ссоре, и вечно хотелось на всех сердиться. Суровая, всегда раздраженная, всегда печальная, ужасно измученная и ужасно много работавшая мамаша, «из дворянского рода Шишкиных», которую детки сговаривались, «сидя на бревнах», куда-то упечь через полицию, а та, естественно, «бросила разговаривать с такими дураками».

Семинарист Воскресенский, народник, нигилист и базаровец, принимавший участие в доме на положении «как бы вотчима», всем противный и всеми ненавидимый, всех заставлявший работать и поровний за табак. Привязанность к нему матери «истерзанной вихрем замутненных чувств», привязанность старую, бессильную, несчастною любовью. Старший брат, уносивший последнее белье из комода, вероятно на «девочек», с которым не драться же, раз он всех сильнее. А для малыша каторжный труд на огороде без единого мягкого слова и улыбки, когда руки обрывались, колени подкашивались, а старших попросить нельзя, не то обидятся. Все «бродили», а не жили, проводили дни, ибо «жили» даже нельзя сказать. Все помыслы были устремлены на одно: как бы изловчиться, «как бы полегче». Только однажды мальчуган видел улыбку — на лице матери, в церкви, за службой, случайно обернувшись назад. Когда маленькая черненькая коровенка, похожая на мамашу, «и чуть ли тоже не из роду Шишкиных», перестала давать молоко и ~~ее~~ зарезали, наступила еще большая нищета и угрюмость.

Когда сестра, «прекрасная Верочка», умерла от чахотки, все окончательно заледенело, захолодело и замусорилось. Поселившийся было брат Коля уже через три дня уехал молча и не отвечал ни на какие письма, оценив взглядом, образованием и опытом взрослого человека, что тут все мертво, хотя шевелится и дышит,

и воскресить ничего уже нельзя. Как бы хорошо повеяла на их «не мирный дом» зажженная лампадка, но ее не было, потому что не было денег ни на масло, ни на самоё лампадку. И развалилось всё. В проклятиях. В отчаянии. «Я вышел из мерзости запустения — собирает Розанов свои воспоминания в общий итог — и так и надо определять меня: выходец из мерзости запустения».

III.

«До встречи с домом «бабушки (откуда взял вторую жену) я вообще не видел в жизни гармонии, благообразия, доброты. Мир был для меня не Космос (космос — украшаю), а Безобразие, и, в отчаянные минуты, просто Дыра. Мне совершенно было непонятно, зачем все живут и зачем я живу, что такое и зачем вообще жизнь? — такая проклятая, тупая и совершенно никому не нужная. Думать, думать и думать (философствовать, «О понимании») — этого всегда хотелось, это — «летало»: но что творится в области действия или вообще «жизни» — хаос, мучение и проклятие». («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 239).

Впечатление двойственности, которое мы получили от Розанова при первоначальном знакомстве, начинает приобретать вместе с этим признанием более прочное биографическое объяснение. Если вокруг было все жестоко, бездушно и безобразно, если к тому же и он сам был так некрасив и непривлекателен, то что же оставалось? Замкнуться в себе, не видеть и не замечать, питаться чудесными вымыслами. «Есть целый мир в душе твоей таинственно-волшебных дум...». Розанов это чужеродный гость, попавший не в свою среду — лебедь на суше, ночная птица при свете дня — и вся его жизнь была сплошным усилием найти свой родной мир. Извне — безволие, беспомощность, безучастность. А внутри — царственная сила неудержимой мечтательности. «Голова моя качается под облаками, но как слабы ноги» — восклицание, которое дает точную картину коренного противоречия природы. («Уединенное». Спб. 1912, стр. 239). В практической сфере он — «человек без роли», «самое симпатичное существование», ~~в~~ его мнению («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 507). Никакого интереса к реализации себя, отсутствие всякой внешней энергии и воли к бытию («Уединенное». Спб. 1912, стр. 224). Одно неискоренимое чувство бесконечной слабости, странная потеря воли над собою и над своими поступ-

ками, до неспособности выбрать деятельность или должность, до неумения просто «встать» или «сесть». «Я всегда шел «в отворенную дверь» и мне было все равно которая дверь отворилась». («Уединенное». Спб. 1912, стр. 190, 161). Около сорока лет он прожил случайно в каждый миг, это была сорокалетняя цепь «случайностей» и «непредвиденностей»: случайно женился, случайно влюблялся, случайно попал на историко-филологический факультет, случайно попал в консервативное течение в литературе, другие пришли и взяли в «Мир Искусства» и в «Новый Путь». Поразительная женственность натуры: ничего мужского, крепкого, никакой твердости, никакого «железа» в характере. «В вас мужского только... брюки» — говорила ему знакомая барышня («Уединенное». Спб. 1912, стр. 26). Его душа какая-то расплетающаяся нить. Вся разлезается и ничего ею укрепить нельзя («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 358). Обращенный наружу, он прекращает всякую жизнедеятельность и замирает в неподвижности. Неисправимый лежебока: никуда он не торопится и все ему «полежать бы». «Дремлющая у затонувшего бревна рыбка». О его «не хочется» разбивается всякий наскок. «Хочется» очень редко, «не хочется» — истинная страсть. От этого он так мало «замешан», «соучаствует» миру. Точно откатился куда-то в сторону и закатился в канавку. И из нее смотрит только с любопытством, но не «хочу». («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 234).

Но почти пропорционально отсутствию воли к жизни, вернее, к реализации себя в жизни, даже еще постоянное и настойчивее, в нем была развита упорная воля к мечте. Какое-то «таинственное внимание» со своими автономными, еще неизвестными законами владели им. Тут он не подвигался ни под каким воздействием и никогда. В этом смысле он был совершенно «не воспитывающийся человек, не поддающийся никакому культурному воздействию. По виду — «всесклоняемый»; в себе — абсолютно «несклоняем», «несогласуем». Какое-то наречие» («Уединенное». Спб. 1912, стр. 127).

Убеждение в несогласимой разобщенности двух сфер существования, несоответствии внутренней и внешней жизни было Розановской аксиомой. Годами опыта он уверился в ошибочности основной идеи сенсуализма *nihil est in intellectu nisi quod prius fuit in sensu*. Напротив, он был глубоко уверен в полном разрыве происходящего в *sensu* и в *intellectu*, в том, что хотя жизнь души и течение ощущений соприкасаются, совпадают и текут

параллельно, но только в некоторой части. В главнейшем же жизнь души имеет другое русло, совершенно самостоятельное, и даже совсем другой исток — от Бога и рождения.

Поглощенность воображением началась в нем с младенчества. Но то была не фантастика, а задумчивость. Такого задумчивого мальчика кажется никогда не было. С самого детства он взял привычку молчать и вечно думать. «Все молчу... и все слушаю... Я вечно думал, о чем — не знаю. Но мечты не были ни глупы, ни пусты. И все бывало во мне зреет, медленно и тихо». («Уединенное». Спб. 1912, стр. 229; «Летопись Дома Литераторов». 1922, № 8-9, стр. 5).

С прелестной изобразительностью вспоминает Розанов двойную жизнь своих юношеских лет. В известный час дня входил он в определенную комнату, садился на определенный стул, съедал две тарелки, жидкого и твердого, говорил куда-то в угол спасибо и возвращался в свою комнату. (В то время он жил уже не у себя в Костроме, а у старшего брата в Симбирске и Нижнем.) Тут обыкновенно спал, затем просыпался, приходил опять на тот же стул в той же комнате, выпивал два, а при смелости три стакана чаю, опять повторял в угол спасибо и, вернувшись к себе, зажигал лампу. Завтра — уроки, надо готовить уроки. Но припоминая пять учительских физиономий, вместе с тем припоминал, что один как будто что-то задал, но не прямо, а косвенно, второй велел что-то повторить, третий задает так много, что все равно не выучить, четвертый дурак и его все обманывают, пятый урок — физики и будут опыты. Тогда он вздыхал облегченно. О, это был радостный вздох, настоящий вздох бытия: значит все готово к завтраму! Тогда, с аккуратностью Акакия Акакиевича, человека законного и исполнительного, он захлопывал журнальчик, клал все пять книжек по всем пяти урокам на угол стола, чтобы завтра не искать, энергично повертывался к постели, брал катехизис или алгебру, засовывал между листов палец и опустив книгу к полу, как бы в истоме усталости или пламенного зубрения — все это на случай прихода в комнату брата — закрывал глаза... и моментально, бурно, фантастично — не то что уносился, а прямо как будто падал в мир грёз, не только не имевший ничего общего с Нижним Новгородом и гимназией, но и с Россией, Карамзиным и Соловьевым, ни с кем и ни с чем... «Так царства дивного всесильный властелин»... Сумел же Лермонтов выразить настроение... Так было до утра. Утром вставал — тихий, скромный, послушный — опять выпивал два стакана с молоком, брал приготовленные вчера пять книжек и шел в гимназию. Здесь

садился на парту и, сделав стеклянные глаза, смотрел ими на учителя, который в силу такой чарующей, гипнотической внимательности, объяснял не столько классу, сколько в особенности ему. Семь лет постоянного обмана сделали то, что он не только внимательно смотрел на учителя, но как-то, через известные темпы времени, поводил шеей, отчего голова кивала, но не торопливо, а именно как у вдумчивого ученика, глаза были чрезвычайно расширены, — ибо он был ужасно счастлив в душе, — словом, безукоризненно зарабатывал «пять» за внимание и прилежание. Конечно, он ничего не видел и не слышал. И там и здесь тоже было «Так царства дивного всеильный властелин»... Когда же вызывали, была мука и каинство. Так же пролетели и четыре года филологического факультета. Этим только, т. е. столькими годами мечты, воображения, соображений, гипотез, догадок, а главное — гнева, нежности, этой пустыни одиночества и свободы, какую он сумел отвоевать у действительности, мелкой, хрупкой, серой и грязной, — и объясняется то, что прямо после университета он сел за огромную книгу «О понимании», без подготовок, без справок, без литературы предмета и плыл в ней легко и счастливо, как Улисс с покрывалом Лаодикеи (кажется так)... Странная жизнь, странная судьба. («Мечты в щелку», «Весы» 1905 г. № 7). Но вот прошло несколько лет и Розанов снова в том же классе, но уже не на парте, а на кафедре в вицмундире. Теперь он такой же преподаватель, как и те, которые когда-то были так ненавистны. Но вслушайтесь в его слова, и перед вами снова встанет прежний вихрастый визионер, ныне задыхающийся в своем окаянном учительстве, в котором было все чуждо, несносно, отвратительно в высшей степени. «Форма — а я бесформен. Порядок и система, а я бессистемен и даже беспорядочен. Долг. А мне каждый долг казался в тайне души комичным и со всяким «долгом» мне, в тайне души, хотелось устроить «каверзу», «водевиль». В каждом часе, в каждом повороте — «учитель» отрицал **меня**, «я» отрицал **учителя**. Было взаимно — разрушение «должности» и «человека». Что-то адское. Я бы, кажется, схватил в охапку всех милых учеников и улетел с ними в эмпирии философии, сказок, вымыслов, приключений «по ночам и в лесах», — в чертовщину и ангельство, больше всего в фантазию: но 9 часов утра, «стою на молитве», «беру классный журнал», слушаю «реки, впадающие в Волгу», а потом... систему великих озер северной Америки и все (все!!) штаты с городами, Бостон, Техас, Соляное озеро, «множество свиней в Чикаго», «стальная промышленность в Шеффилде» (это, впрочем, в Ан-

глии), а потом лезут короли и папы, полководцы и мирные договоры, «на какой реке была битва, с какой горы посмотрел Иисус Навин», «какие слова сказал при египетских пирамидах Наполеон» и... в довершение всего — «к нам едет ревизор» или директор смотрит в дверь, так ли я «преподаю». Ну, что толковать — сумасшествие». («Литературные изгнанники». Т. I. Спб. 1913, стр. 145).

Годы проходили за годами, а он оставался все тем же. Все та же бесконечная грусть и нежность, все та же задумчивость и мечты в одиночку. «Папа, да о чем ты все думаешь? — знакомый вопрос и милый. — Я, милая, думаю о той сказке, которую рассказываю». («Природа и история». Сборник статей. Изд. 1-ое. Спб. 1900, III). «Я задыхаюсь в мысли — читаем мы в другом месте. И как мне приятно жить в таком задыхании. Вот отчего жизнь моя, сквозь тернии и слезы, есть все-таки наслаждение». («Уединенное». Спб. 1912, стр. 125). «Моя голова, собственно, «закружена», и у меня нет сил выйти из этой закруженности» («Уединенное». Спб. 1912, стр. 275). «Никогда ни в чем я не предполагал даже такую **массу внутреннего движения**, из какой, собственно, сплетены мои годы, часы и дни. Несусь, как ветер, не устаю, как ветер. Куда? Зачем? И, наконец: Что ты любишь? — Я люблю мои ночные грезы, прошепчу я встречному ветру». («Уединенное». Спб. 1912, стр. 182).

Вся сущность Розанова была в этом «чистейшем веянии», и не на земле, а над землею: «ветер Божий». («Литературные очерки». Сборник статей. Изд. 2-ое. Спб. 1902, стр. 171).

В конце концов, такая оторванность и самоуглубленность сделала его совсем почти нечувствительным к происходящему, каким-то «каменным», каким-то «уродом», который «туманными глазами смотрит на мир», смотрит и не видит, находится тут же и не воспринимает. Над его головой было произнесено благословение или проклятие, в силу которого центр тяжести реального для него переместился: мир воображения, вымыслов, отгадок и ни с чем ближайшим не связанных созерцаний приобретал твердость и устойчивость, а то, что признается за настоящую и прочную действительность, становилось призрачным, расплывалось в неощутимой дали: то, что **есть**, казалось невероятным, а то чего **нет**, казалось действительным. Отсюда свобода, мука и ненужность. («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 415). «Однажды гимназистом, — рассказывает Розанов, — я так лег на лавочку в городском саду и до того ввинтился в звезды, «все глубже и глубже», «дальше и дальше», что только отдаленно сознавая,

что «гимназист» и в «Нижнем» — стал себя спрашивать, трогая пуговицы мундира: Что же истина, то ли, что я гимназист и покупаю в соседней лавочке табак, или этой ужасной **невозможности**, гимназистов и т. п., табаку и прочее, **вовсе не существует**, а это есть наш сон заблудившегося человечества, а существуют... Что? **Миры**, колоссы, орбиты, вечности!! **Вечность** и **я** — несовместимы, но **Вечность** — я ее вижу, а **Я** — просто фантом». («Литературные изгнанники». Т. I. Спб. 1913, стр. 207).

То, что таким острым ощущением пронзило сознание мальчику, непрерывно и на всю жизнь установилось в душе Розанова. Как отшельник ушел он от наружного шума в затвор и так прожил в нем созерцателем, а не действителем, наблюдателем, а не участником. («Опавшие листья». Спб. 1913, стр. 12, 328).

А лучше сказать, он не затворник вовсе, а тот общеизвестный «национальный скиталец», который когда-то убегал то в заволжские скиты, то в донское понизовье, бродил за праведным житием или просто числился в нетях, а позднее, окончательно сменив физическую непоседливость на идейное бездомовье, всосался ядом умственного бродяжничества в мозг русского интеллигента, в обличьи которого и просуществовал без малого столет. Из всех героев Достоевского, Розанов особенно любил себя сравнивать с Шатовым и бесспорно был сам таким же умственным шатуном, странствующим энтузиастом, который искал свою веру по всякого рода умозрительным пустыням, под осенним мелким дождиком грезил о волшебных краях, «волнуясь и спеша» проповедовал спасение миру, отрекался и от себя, и от вчерашних истин, чтобы на завтра поклониться тому, что сжигал. Он вышел в жизнь с тошеньким «чемоданчиком», да и тот где-то на перепутьях «отрезали». Как пристала к самому Розанову эта фраза, сказанная им о Белинском. Снаружи была «Расея», заплеванная, залузганная, то воровская, то богомольная, долбеж ученичества, окаянство учительства, бюрократическая сушь Петербургских департаментов. А в то же время внутри — вечная игра. Огни. Блестки. Говоры. Шум народов. Шум бала. И как росинки, откуда-то падают слезы. Это душа плачет о себе. («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 428).

Возводя личную **особенность** в закон истории, Розанов строил свою собственную философию. Пусть он странный, никчемный, юродивый, — **но разве не «юродивые»**, т. е. уродливые, и еще с печатью какого-то космического неприличия, истинные «хромцы» духа, ведут по-настоящему человечество? Фантастика, туман во-

ображения, призраки воспаленного ума, но они могущественны, они вторгаются в историю, как ураган, они освобождают скрытую энергию в продолжение многих и многих веков. Разве не был вполне юродивым Лойола? Вообразить, начитавшись рыцарских романов, что он будет сражаться за даму, имени которой даже не знал; а получив рану в ногу и став негодным к военной службе, вообразить, что так как своей даме он не угодил, то он будет служить теперь с такой же верностью церкви. В тот самый момент, когда он повесил свой щит и латы в маленькой часовне Божьей Матери и молился Ей, разве не смешивал он Царицу Небесную с тою таинственной донной, которой первоначально служил. Какой туман и безбрежность воображения! Но разве не увлек этот туман циничную и развратную римскую церковь вослед этого странного паладина, менее рассудительного, чем герой Сервантеса. Или Жанна д'Арк. «Я слышала какие-то голоса: мне кажется, св. Екатерины, а может быть св. Елизаветы». И вот лавина закованных рыцарей обрушивается во главе с этой тронувшейся девушкой на врагов, и в самый острый момент Франция спасена. Или Руссо. К удивлению и негодованию салонов и философов, он тоже всю жизнь «пел» о чем-то, но прошло только несколько лет и босоногая армия бросилась распространять исповедание савойского викария по Европе. «Без Руссо не было бы революции» — формулировал Наполеон, а он умел формулировать. И так всюду в истории. Таинственное теистическое дуновение только у них одних и замечается, у этих хромцов, где-то и как-то поборовшихся с Богом.

«Ветхий деньми» туман, происхождения которого мы не знаем, он оседает, выходя из каких-то глубин, на человеке и — вчера растленный, завтра юродивый — сегодня, вот на этот краткий миг, он является в нимбе непонятого сияния, волнуя сердца и увлекая их на подвиг... Что-то манящее, зовущие голоса несутся через века и страны, и, оборачивая на все стороны голову, мы не понимаем откуда они несутся, но почему-то, бросая все дела, спешим их выполнить. «Я из тебя эту мистику-то выбью» — говорит Федор Павлович Карамазов «кликуше» — жене. Но это ошибка всех положительных умов, будто ее можно поковыбить. («Литературные очерки». Сборник статей. Изд. 2-ое. Спб. 1902, стр. 128-131). «Жизнь — раба мечты. В истории истинно реальны только мечты. Они живучи. Их ни кислотой, ни огнем не возьмешь. Они распространяются, плодятся, «овладевают воздухом», вползают из головы в голову. Перед этим цепким существованием, как рассыпчаты каменные стены, железные башни, хорошее во-

оружие. Против мечты нет ни щита, ни копья.» («Опавшие листья». Короб второй и последний. Пгр. 1915, стр. 318).

Так слоились и перемежались минуты самозабвения и счастья, когда Розанов чувствовал себя «вечным творцом», со всегдашним своим «некогда», «ну вас к черту» и «оставьте меня в покое», которое и есть единственное условие и необходимость, чтобы «ночной фиалке распуститься и заблагоухать». Но вслед за ними наступали часы покорности и торжества действительности, когда были уже не стеклянные и блаженные глаза, а глаза робкие, тихие и глубокие, в чем-то вечно извиняющиеся и за что-то просящие пощады, а вместе хитрые и готовые на злость, готовые на моментальное бешенство, если бы его не «простили» и не пропустили к той маленькой «щелочке», к которой он пробирался, извиняясь на все стороны. «Странно, сколько животных во мне жило. Шакал и тигр, а право же и благородная лань, не говоря уже о вымистой корове, входили в стихию моей души. Эта бездонность разумной и провидящей животности всегда была во мне и отталкивала от меня, и привязывала ко мне. Мне случалось бывать шакалом — о, ужасные, позорные минуты, не частые, но бывавшие — вот бегут люди, отворачиваются: глубокая скорбь проходит по душе, — и вдруг выходит лань, да такая точеная, с тонкими ногами, с богозданными рогами, ласкающаяся, кладущая людям на плечи морду с такою нежностью и лаской, как умеет только лань.»

В. РОЗАНОВ

НА ЧТЕНИИ г.г. БЕРДЯЕВА и ТЕРНАВЦЕВА

Религиозно-философское общество, покинувшее было прежнюю традицию, до некоторой степени возвращается к ней вновь. Прежняя традиция заключалась: 1) в обращении к духовенству, 2) рассмотрении церковных вопросов; новая — 1) в обращении к интеллигенции и 2) рассмотрении тем или так сказать туманов, пронсящих в интеллигентной душе. Всё это — говоря кратко и грубо: на самом деле и в одном и в другом отношении дело велось сложнее и тоньше. Не покидая нового пути, религиозно-философское общество предположило выделить из себя секцию, посвященную вопросам метафизики и мистики христианства, которая таким образом будет продолжать прежний путь. Пока дело еще не оформилось, секция находится в процессе образования, налаживания, но характерные темы этой секции уже заняли свое положение в собраниях общества. В предыдущем собрании был прочитан Н. А. Бердяевым доклад о пределах и ограниченности философии в области веры. Попутно реферируя замечательную книгу казанского профессора В. Несмелова «Наука о человеке», автор отверг значительность и важность метафизических концепций о христианстве, вроде учения о воплощении мирового Логоса в личности Иисуса Христа, и вообще отверг значительность и важность философии для веры. Уверование и знание, говорил он, противоположны: в знании человек остается связанным, принужденным, зависимым, — именно зависимым от опыта и наблюдения, от окружающей его действительности. Знание и философия суть абсолютно не творческие, не свободные области. В них человек есть раб вещей, его внутреннее «я» находится в оковах, наложенных мертвыми окружающими вещами. Вера же есть область свободы и творчества. Здесь ничего нет достоверного, и не может быть, и не должно быть: человек делает великий риск, принимая лик Иисуса Христа за Бога; риск этот имеет за собою только слепое и детское доверие, что решившись на него, человек приобретает такие сокровища душевные, такое богатство жизненное, каких не обещает и не может дать ему никакая философия и наука. Научно «доказанная религия», «научное основание религии», «рациональность веры» есть поэтому абсурды, употребительные на языке только человека, который не имеет самого понятия о существовании религии. Так

говорил бывший марксист и позитивист, обмолвившийся, что теперь всё «носящее п р и в к у с марксизма вызывает в нем органическое отвращение». В самом деле, не пора ли давно такие вещи, как марксизм и позитивизм, из эмпиреев философии свести в низший разряд просто в к у с о в ы х вещей: ведь у нас марксистами и позитивистами бывали чуть не безграмотные мальчики и девочки, и очевидно тут дело не в философии, а в том, что «пришлось по вкусу», или, точнее, «отвечает нашей потере вкуса ко всякой метафизике, мистике и религии». Не верующие мальчики суть верующие в неверие, и только 10 марта был прочитан другой доклад на тему этой же серии вопросов: «Империя и христианство» В. А. Тернавцевым. Доклад был и сам интересен, и вызвал интереснейшие прения. С искусством итальянского Мазарини, полуйтальянец (по матери), полурусский, В. А. Тернавцев стал разбивать то ходячее представление, что будто бы союз с империей повредил христианству, что церковь отдалась во враждебный плен, когда Константин Великий принял крещение. Именно римская-то империя и сообщила церкви территориальную и духовную «кафоличность», универсальность, всемирность. Из апостольских посланий и из Откровения Иоанна мы видим, что христианам первого времени даже на ум не приходило мысли о единой всемирной церкви, и этой мысли не было у самого ап. Павла, который писал свои послания отдельным христианским общинам, отдельным народам, без мысли о том, чтобы он мог обратиться к христианскому миру, к целому христианству, — к которому теперь привычно обращается каждый, привычно о нем думает всякий. «Были отдельные ягодки-виноградины, каждая со своим зернышком, со своей косточкой, — и в своей отдельной кожуре; были по городам общины христианского спасения — и только. Общения не было, единства не было. Империя, как бы раздвинув эти виноградники, произвела из сока всех их то вино универсального христианства, которое мы знаем с тех пор».

Это была главная тема, обширно и красиво обвита побочными мыслями: К. М. Агеев в прекрасной речи возразил докладчику, что он напрасно выдвигает универсальность как что-то ценное и важное в христианстве: христианство есть главным образом жизнь личной души, есть судьба и трагедия индивидуальной совести. Христианство всё индивидуально. Разве не Христос сказал с укором: «Что значит для человека приобрести весь мир и потерять душу»? Таким образом, дар империи, кафоличность, ~~она~~ ~~мар~~ ~~ав~~ ~~зв~~ ~~усмысленный~~. С. А. Аскольдов совершенно

вопреки общеизвестным фактам истории стал отвергать универсальность идеи и духа римской империи; если бы он занимался нумизматикой, он знал бы, что на императорских монетах, и не ранее, появились надписи: «Roma aeterna», «Providentia augusti», «Pax augusti» и т. п. Совершенно соответственно объяснениям В. А. Тернавцева. Тонкая, изящная, умная речь А. В. Карташова очаровывала, пока слушалась; и — немедленно забывалась. Я чистосердечно пишу, что был увлечен, слушая ее, и теперь ничего из нее не помню, не помню даже темы: зависит это от крайней неопределенности религиозной личности А. В. Карташева, одного из самых видных основателей общества и собраний. Всё у него идет не из натуры, не из души, а из начитанности, образования и тонкого ума, который может повернуть орудия образованности и так, и этак. И как именно он повернул их во время речи, да н н о й речи — вдруг забывается. Говорил немного Д. С. Мережковский; он был на границе воплей, — но остановился. Всем им отвечал во вторичной речи В. А. Тернавцев; говорит он несравненно лучше, чем пишет; вся его сила — в экспромте. То вставая, то опять садясь, почти непрерывно улыбаясь и блестя черными глазами, он говорил задушевым голосом и, может быть, с задушевым обманом о тех «испытаниях и потрясениях», какие пережил за 10 лет веры и неверия. «Провал! Всё провалилось», — восклицал он, должно быть о неверии или безгосударственности, «Господа, я сам испытал!» — и публика невольно встала ответно на столь личные признания несравненного брюнета. Речь его прерывалась и опять лилась, и возбудительную сторону ее составляла какая-то детскость вида и внешность этого на редкость умного и даровитого человека. Сухонький и маленький Мережковский около огромной маслянистой фигуры Тернавцева составлял такой контраст; и так как в Мережковском есть тоже много детского и наивного, то их обоих трудно удержаться, чтобы не сравнить с двойнями одной матери, положенными в разные люльки, — но один ребенок страдает коликами в животе и вечно кричит, а другого постоянно кормят кашей и он всегда улыбается. В Мазарини веры всё сладко, гладко, кругло, обещающе, — и даже сам Страшный Суд, который он любит вспоминать, есть какое-то счастливое обстоятельство в его биографическом благополучном шествии. В замечательно блестящем и интересном собрании обозначилась впервые та роковая и несчастная сторона участников, что в них слишком много ума и теоретического блеска и слишком мало натуры, из которой «прет», — натуры невольной и неодолимой для самого носителя

ее. Обозначилось что-то лукавое и деланное, обозначился такой «смертный грех» собраний, которому и предела не найдешь... От этого хотя собрания и носят дух патетический, но это так сказать островная патетичность, а не материковая патетичность. Всё это правдивая летопись собраний должна вписать в свои страницы, следуя заветам того персидского царя, который отправляемому на войну полководцу говорил: «победу описывай как победу, а поражение описывай как поражение».

«Новое Время»
четверг, 12/25 марта 1909 г.
№ 11853

В. В. РОЗАНОВ

НЕИЗДАННЫЕ СТРАНИЦЫ

«После Сахарны» (сентябрь 1913 г.)

О болящихся молится Церковь

Одна

И об умерших молится Церковь

Одна

Чего же тут спорить? Как можно.

(на паперти. Курю папироску).

17 сент. 1913 г.

17 сент. 1913 г.

Ставлю на «Канун» две свечки: «Надежде» и «Вере». Верочка умерла 45 лет назад (сестра), Надежда (мать) лет 40.

«Давно бы забыл». Церковь напомнила своим обычаем. Сыну и брату она напомнила, что он должен вспомнить, может вспомнить, проложила путь и создала форму для воспоминания.

Одна Церковь создала Вечную память.

Помня «святых своих», она этим самым проложила путь к «нашим» воспоминаниям о «покойниках». Это еще от Евангелия, от пирамид, которые тоже «Вечная память».

Как же спорить с Церковью, как ее порицать. Как смеют говорить о ней лютеране и Гарнак со своей «разумностью». Что такое «память о покойнике». Это и не разумно и не неразумно.

Это — хорошо.

Это — возвышенно, истинно, благородно.

Это — то, что называют святым.

Господи, ты не умертвил меня за 1000 других моих грехов. И не раздражаешь землю, хотя она вообще грешна.

Как же я перемещу хотя соломинку в делах Царства Твоего и Храма Твоего и жизни Твоей?

(за корректурой 2 короба «Опав. лист.»)

(Тане и себе).

О Васе

Но это он теперь глуп, когда учит в Тенишевском физику и химию. А в шесть лет мой Вася был замечательно умен.

«К ночи» я рассказал маме: она так была поражена. Теперь я думаю: «Все Розановы — особенные! Школа у них отняла всё».

28/VI 1915 г.

Есть история говорю, шумов, событий...

И есть история молчания,

— Того, о чем было промолчано.

И это-то главное.

А «то» — так себе.

После Сахарны.

— Какая проклятая капля, папа.

Не дает купаться.

И заботливо бежит сажень 20 на берег.

Поднимает белье и отирает нос.

Опять у ног моих.

И всё как следует. Присядет и делает попытку плавать.

И всё благополучно, пока закрыв ладонями лицо не окунает его в воду! Подняв из воды опять раздраженно.

— «опять капля проклятая»

И опять бежит на берег. И опять вытирает нос сорочкой.

И опять возле меня.

— Да я не понимаю, Верочка, что ты такое делаешь?

И зачем бежишь.

— Проклятая капля не дает купаться.

— Какая капля?

— На кончике носа. Всё стоит пока не вытру.

— Так ты и вытри здесь, а зачем же на берег бегать. Устанешь. Далеко (отмель моря, Тюрсев).

— Я и вытирала. Но опять, сейчас тут, пока не оботрешь рубашкой. Я понял. Лицо мокрое и со всего лица опять набегаёт капля на кончик носа, хотя на минуту была стерта. Но прибежав с берега, она немедленно окуналась в воду лицом — и образовалось *perpetuum mobile*. «Ты, Верочка, как увидишь каплю, опять то окунайся в воду, а на берег не сбегай. Устанешь».

— Ничего ты не знаешь, папа, какая это проклятая капля и как мешает, точно щекочет».

Афоризмы из Сахарны. 4 июня 1913 г.

Всё хорошо.

Оттого я так жизнерадостен,

Что много страдал.

Оттого я так люблю радости, что они были редки.

«Мимолетное» или «Уединенное». 26/XI 1914 г.

Вчера весь день провалялся + 39. Растирания и прочее. Помогло. Сегодня Таня подбежала к кровати, и обвивая руками шею, спрашивает:

— Ну как мой К у к л ю ч и к поживает?

Что за филология?

— Как Таня? Что такое?

— Куключик. Потому что вы с мамой к у к у л ё ч к и.

Самые маленькие наши деточки.

И самая м а л е н ь к а я, и всё трепешет.

Примечание

Этот отрывок был переписан и послан мне дочерью В. В. Розанова Татьяной Васильевной (1895-1975). Сахарна — бессарабское имение помещицы Апостолопуло, в котором Розановы жили летом 1913 г. Там Розанов написал очерк **Сахарна** (о евреях), который был сброшюрован, но в продажу не поступил и единственный экземпляр хранится в Госуд. литературном музее. В тексте упоминаются дети Розанова: Татьяна (см. выше), а также Вера (1897-1919) и Василий (1899-1918). В той же тетради переписанные Т. В. Розановой отрывки из **Мимолетного**, включенные в книгу: Василий Розанов. **Избранное** (ред. Е. Жиглевич), 1970 г. (но имеются разночтения).

Юрий Иваск

Искусство и жизнь

ИНТЕРВЬЮ С ХУДОЖНИКОМ В. Д. ЛИНИЦКИМ*

На прошедших в последнее время в Москве двух выставках так называемого нонконформистского искусства — в Доме Культуры ВДНХ (сентябрь 1975 года) и на выставке живописной секции Объединенного Комитета художников-графиков (февраль 1977 года) были показаны работы религиозного православного художника Виталия Линицкого: цикл «Апокалипсис» из 7 холстов и «Времена года» — 4 холста. Попытка серьезно работать с религиозной тематикой, истолковать средствами живописи, пожалуй, самую сложную книгу Нового Завета — Апокалипсис, — явление знаменательное и значительное, особенно в нашей стране и в наше время, тем более, что писались полотна без какой-либо надежды показать их когда-нибудь широкой публике.

Виталий Дмитриевич Линицкий родился в 1934 году в г. Су-мы в семье военнослужащего. По окончании школы поступил в Театрально-Художественное училище в Алма-Ате. В 1955 году поступил в московский государственный художественный институт имени Сурикова, который окончил в 1961 году по факультету книжной графики. Несколько лет работал на преподавательской работе в Калининском и Строгановском училище в Москве. С 1965 года работает в области рекламы. Еще в годы учебы стал заниматься творческой работой в живописи и графике. Начинать как иллюстратор произведений Достоевского (дипломная работа) «Братья Карамазовы», «Белые ночи», «Бедные люди», «Сон смешного человека». Иллюстрации нельзя назвать книжными, это станковые иллюстрации ~~не только~~ по размеру, но и по подходу. Репродукции с них публиковались в журнале «Советский Союз» в разделе, посвященном Достоевскому, «Детской Энциклопедии» и в издании «Ф. М. Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», М., изд. «Просвещение», 1972, стр. 354 (иллюстрация «Алеша и Илюша» опубликована по ошибке под чужим именем). Часть иллюстраций хранится в Литературном музее, в москов-

* Самиздатская рукопись, печатается без ведома автора.

ском и ленинградском мемориальных музеях-квартирах Достоевского. Как художник монастырского быта, Линицкий принимал участие в работе над фильмом «Братья Карамазовы». В 1969 году выставлялся на выставке графики в Лугано (Швейцария). Живописные работы находятся только в частных собраниях, и то не во многих. Религиозные картины государственные учреждения не приобретают по чисто идеологическим соображениям.

Ниже мы помещаем интервью с художником Виталием Линицким:

— Почему Вы работаете именно над религиозной живописью, мыслите себя как религиозный художник, что Вы вкладываете в это понятие?

— Поскольку я, как и все советские люди, воспитывался в атеистической школе, я ничего не знал о религии, не представлял даже, что что-то может существовать. К вере в Бога, к религиозным убеждениям пришел уже будучи взрослым человеком, в 24 года я принял крещение и стал послушником Троице-Сергиевой Лавры. В это время я учился на 5 курсе института. Послушание проходил в Троицком подворье в Переделкино. К религии привел меня Федор Михайлович Достоевский — благодаря изучению его работ я начал серьезно задумываться над тем, что существует Высшая Сила, Создатель мира, Спаситель мира. Внутренний переворот произошел быстро, в Лавру я приехал уже верующим человеком, но не был еще крещен. После крещения естественно, что вся моя жизнь, в том числе моя творческая жизнь, связана с Православием. Я думаю, что исповедовать одно, а делать что-то другое по меньшей мере странно. Поэтому в творчестве я стараюсь быть тем, кем должен быть христианин. Другое дело, что мои человеческие качества далеки, и, возможно, очень далеки от христианского идеала, но в творчестве я пытаюсь восполнить это, перебороть. Кроме того, мои духовники в монастыре отправили меня в мир как художника, считая, что тем я принесу больше пользы. В этом мое послушание.

Любое творчество, будь то живопись, словесность или музыка, часто отдаляет человека от Бога, и гордыня художника как творца становится опасной, может погубить его — человек начинает соперничать с Богом. Из учения Святых Отцов, из аскетики известно осторожное отношение к искусству как к явлению сложному, трудному и часто искусительному. Существуют три стадии молитвенного состояния, самая грубая и низшая из них — это состояние творческой природы, когда желаемое выдается за дей-

ствительное и творец начинает создавать свой собственный мир, жить только грезами, которые его захлестывают и отдаляют от Бога. Это действительно очень опасно — зная это, человек должен быть осторожным и по возможности быстрее выходить из этого плена. Никогда не следует то, что делает художник, ставить в абсолют, если же человеку дано какое-то видение, какая-то часть откровения, он должен по возможности проверять его и перепроверять как можно строже, хотя бы для того, чтобы не прельстить других. Потому что, прельстив других своим творчеством, не только сам погибнешь уже здесь, на земле, но и многих людей погубишь, людей, не ведающих, не знающих этого, верящих тебе. В этом опасность и сложность религиозной живописи. Кроме того, обязательно нужно быть церковным человеком, потому что только в Церкви можно освободиться от этих искусов и соблазнов. Если человек в центре своего творчества ставит Христа, и уповаает на Него, и просит Его, ждет, что не он сам, а Христос ему поможет, то Христос, если сочтет нужным, Сам направит творческую натуру по правильному пути. Если слушать себя — значит уже впасть в прелесть, а прелесть всегда погубительна и ни о каком «спасительном эгоцентризме» в творчестве речи быть не может. Человек ничего истинного от себя творить не может, если им не руководит Спаситель. Промежуточного положения нет — художника ведет или Господь, или Сатана. Многие, к сожалению, этого не знают или не хотят знать, но именно в этом сложность религиозной живописи, особенно в наше время. Идеальный путь для художника — приготовление и работа монаха-иконописца: пост, молитва, бдение, затвор.

— В чем Вы видите смысл работы с религиозной живописью, почему не икона, а живопись?

— О разнице между иконой и живописью очень хорошо говорил о. П. Флоренский: иконы пишут святые, художник-иконописец творит не от себя, он делает прообраз, укоренен в каноне. Религиозная живопись в какой-то мере не связана с каноном, именно с каноном иконописным, поэтому здесь художник имеет право пользоваться и чисто субъективным пониманием литературных источников; но, безусловно, он должен знать и понимать, что он делает. Естественно, он должен быть религиозным — без этого религиозной живописи и быть не может. Настоящих, серьезных иконописцев сейчас практически, может быть, даже в монастырях нет, современная серьезная иконописная школа у нас отсутствует в силу определенных причин, которые многим понятны.

Попытки поисков нового иконографического стиля, будем так это называть, невозможны хотя бы из практических соображений: у нас не строят новых храмов, иконы, написанные в соответствии с каноном, но с попыткой нового живописного решения, не могут даже сейчас находиться в наших храмах, так как, с одной стороны, к этому не подготовлены люди, а с другой стороны, они просто будут диссонировать с теперешней традиционно васнецовско-нестеровской живописью, которая тоже не имеет отношения к канонической иконе. Кроме того, практически никто систематически не занимается религиозно-символическим изучением русской иконографии. Живописец пишет не первообраз, он высказывает свои соображения, свое мнение — здесь, конечно, нужна не икона, а станковая живопись. Поэтому я и пошел по пути станковой живописи, хотя одновременно пытаюсь писать и иконы в новом направлении. Кроме того, религиозная живопись, особенно сейчас в нашей стране, должна нести характер информационный, информационный в положительном смысле слова, потому что люди не имеют возможности религиозного образования и развития, не имеют возможности много читать, многого знать, развиваться духовно.

— Существует ли, по Вашему мнению, современная религиозная живопись как течение в России?

— Сформировавшегося течения пока еще нет. Есть интерес к религиозной тематике, интерес очень положительный, интерес очень выжный и, казалось бы, странный. Несмотря на все гонения, на все запреты, на неблагодарность тематики с точки зрения материального положения художника, интерес огромный, и не только у зрителей, но именно у художников. Я могу назвать нескольких авторов, которых я считаю действительно серьезно идущими к этому очень трудному, но живоносному источнику, именно — к религиозной живописи. Это А. Харитонов; можно говорить о серьезном качественном скачке у Д. Плавинского — его «Крест» на последней выставке — очень серьезная заявка, хотелось бы, чтобы это было не эпизодом, интуитивным всплеском, чтобы он дальше развил тему Голгофы, тему Креста, которая совершенно неисчерпаема. Свообразно, с большими трудностями, иногда с издержками, идет к этой теме В. Калинин, его последняя работа «Лазарь» — очень спорная, но интересная. Судя по последним выставкам, еще несколько художников ищут в этом же направлении. Но наряду с очень положительным явлением существует и очень опасное явление чисто отрицательного

характера. Есть художники, которые под видом религиозной тематики занимаются вещами мне чуждыми: я говорю о работах О. Целкова. На очень шатких и сложных позициях стоит О. Кандауров, берущий религиозную тематику за основу в последних работах, особо странна, даже страшна его позиция, когда он в Богоявлении изображает копытца вместо стоп у Спасителя, а вместо голубя — нечто вроде латинского креста. Лжеинформация, обрушивающаяся на зрителя с работ некоторых художников — еще больший вред, чем просто обыкновенная антирелигиозная пропаганда. Многие художники этого, к сожалению, не понимают, а некоторые понимают и делают это сознательно, ибо считают, что они как художники (безусловно, с большой буквы) вольны делать все, что заблагорассудится. За это, разумеется, каждый понесет ответ. Именно за свое творчество, за совращение людей от истинного Христова пути.

— Ваши работы производят праздничное, светлое впечатление. Почему Вы не пишете разрушенных храмов, не пишете Церковь разрушенную, притесненную?

— Не совсем верно поставлен вопрос, ведь что такое Церковь и что такое храм? Храм — это земное архитектурное сооружение, Дом Божий. Не нужно путать его с Церковью Невестой Христовой, Церковь — это продолжение в истории воплощения Иисуса Христа, святыня Божия в людях. Несмотря на то, что Церковь у нас гонима, религия — враг номер один — Церковь Невеста Христова, как говорится в Апокалипсисе и в толкованиях к нему, во время империи Антихриста, цветет и благоухает, потому как это дело рук Божиих, а не дело рук человеческих. И если динамика зла нарастает — это не значит, что мир подернулся тьмой, а наоборот, где-то для людей воссиял свет. Именно это и страшно врагам Церкви, главному Ее врагу и искусителю — Сатане. Поэтому я специально не пишу разрушенных храмов и сломанных крестов — это скорее корреспондентские издержки, которые вполне правомочны. Задача религиозной живописи — созидание, а не разрушение. Для меня важнее Церковь цветущая, которая переживает все человеческое, Церковь Невеста Христова как вечный гимн Спасения.

— Расскажите, пожалуйста, о замысле цикла Ваших работ «Времена года».

— Идея написать серию картин под общим названием «Времена года» возникла у меня довольно давно. Аналогий подобного

рода циклов мы знаем очень много как в зарубежном, так и в русском искусстве. Как правило, времена года ассоциируются с различными аллегориями, типа жнеца, сеятеля, женских фигур. Первоначально я пошел по пути чистого язычества, изобразив аллегорические женские фигуры. Но довольно быстро отошел от такого решения — решил изобразить церковные православные и языческие праздники, календарно приходящиеся на данное время года. В основе цикла лежит годовой богослужебный круг, который начинается с 1-го сентября. Конечно, изобразить все праздники практически невозможно, да я и не считал это нужным. Я отобрал некоторые крупные праздники, даже не все двенадцатые. Граждане СССР с сарказмом относятся к советским «святцам»: день рыбака, день химика, день строителя... Все это порождение новой религии — атеизма. И вот среди раздоров, всеобщего одичания, среди безверия, растлившего Русь — опять праздники. Но какие и что это за праздники? — Как передать неверующему наше ощущение Церкви? Ведь верить в Бога — для многих вполне допустимо, но верить в Церковь — это нечто иное, это — начало сомнения, путаницы и темноты, и это очень не современно. Поэтому весь цикл объединен идеей Церковности, новой жизни в Духе.

Первый холст называется «Осень, или Бабье Лето». Бабье Лето, согласно языческим верованиям, — это прощание Матери Сырой Земли с богом Солнца Ярилой, это грусть при расставании, истома, Мать Сыра Земля надевает свой прощальный золотой наряд, но она не умирает, когда Ярила покидает Ее, а засыпает, зная, что весной вновь проснется обновленной. Отсюда вся картинная плоскость решена как тело Матери Сырой Земли, на котором все стоит (в левой части холста виден профиль ее лица). Основная идея этой работы — связь Матери Сырой Земли с Богородичными праздниками — говорит об изначальности Церкви, о Ее Софийности. «Если София есть Церковь Святых, — писал о. П. Флоренский, — то душа и совесть Церкви Святых — Матерь Божия — есть София по преимуществу. И она же есть — Истинная Церковь Божия, Истинное Тело Христово — Дева Благодатная, Облагодатствованная Духом Святым: из Нее ведь произошло Тело Христово... Она — Церковь».

Причем Софийность включает в себя не только изначальную связь Матери Божьей с Церковью, но и связь Ее с Матерью Сырой Землей. Об этом в начале нашего века писали Бердяев, Трубецкой, Флоренский, Булгаков, Аскольдов и другие. Кроме того, меня волновала проблема, поднятая славянофилами — связь древ-

неславянского язычества с Православием. Именно изучение славянофилов и натолкнуло меня на мысль о создании «Времен года».

Один из первых осенних праздников, который начинается после окончания летних полевых работ, после праздника последнего снопа — Успение Богородицы (изображен слева вверху). Сразу за ним — Рождество Богородицы (икона находится справа в окружении храмов). В центре — Вселенский праздник Крестовоздвижение. Под Крестом в окружении монахов изображена фигура Святейшего Патриарха Алексия. У меня многие спрашивали, почему я изобразил именно Патриарха-чиновника — дело в том, что это символ Патриаршества, ибо, если и изображать Патриарха как человека, я изобразил бы Святейшего Тихона, но тогда написание картины адресовал бы в 1917-18 годам, а писал я ее во время патриаршества Алексия, то есть в конце 60-х годов. Заканчивается холст фигурой Покрова (направо вверх от Крестовоздвижения), в календарном смысле Покров — это снег, а в духовном — Матерь Божья собирает всех верных под Свой омофор. Живописно картина решена в осеннем колорите, здесь как и в других холстах цикла, много горящих свечей, символизирующих молитвы.

Второй холст — «Зима». Система та же: языческие и православные праздники. Первый из них (чуть выше левого нижнего угла) — праздник преп. Серафима Саровского; над ним — икона «Знамение Богородицы», далее — Рождественская звезда, один луч падает на икону «Рождества Христова», стоящую перед Семисвечником (вверху в центре), другой — на Богоявление, Крещение Господне. В правом нижнем углу — фигура монахини с кутьей — Вселенская Родительская суббота перед началом Великого Поста. Из языческих праздников — Солнцеворот с изображением семи идолов (над Семисвечником), в левом нижнем углу — прибывший к нам в 18 веке при Петре I праздник Елки с ряжеными и колядами. Масленицу я не изобразил, поскольку это праздник чисто языческий, довольно скверный, со своими последствиями: обжорством, пьянством, развратом — Церковь всегда решительно выступала против этого праздника.

Следующий холст — «Весна Пасхальная». Здесь языческих праздников уже нет — с Рождеством Христовым язычество исчерпывает себя. Как я уже говорил, изображены не все праздники, в этом холсте дан уже конец Великого Поста — Страстная Седмица, которая начинается с Воскрешения Лазаря, Входа Господня в Иерусалим — Вербного Воскресенья (вербы в левом нижнем углу). Затем Страсти Господни — Распятие (слева под колоко-

лами), Снятие со Креста (справа под колоколами), и Погребение — Вынос Плащаницы (ниже, под Снятием со Креста). Далее — освящение куличей и Светлая Заутреня. В центре холста — красное яйцо, в нем лучеобразный крест и Спаситель, Распятый и Благословляющий нас. На колоколах написан пасхальный тропарь: «Христос воскрес из мертвых смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав».

Последний холст — «Лето Православное», в котором изображены основные летние праздники. Он делится на три части, имеет под тремя радугами как бы основной алтарь и два придела: слева — Крестовский придел с иконой «Обретения древ Честнаго и Животворящего Креста, с купельной чашей для Крещения, и справа — Преображенский придел с освященными плодами («Яблочный Спас»). Центральный алтарь открыт, здесь начало летних праздников: икона Георгия Победоносца (в центре), ниже — Святители, на земле Российской просиявшие, слева выше — Вознесение Господне, после Вознесения — икона «Отечество» (над Георгием) и «Сошествие Святого Духа» (правее). Часть праздников — на иконах среди фигур и на лампадах вверху. Заканчивается этот холст, как и весь цикл в целом, фигурой Христа, Который как Глава Церкви с сонмом праведников идет к нам с цветами и преподает нам Свое Благословение. Кресты и купола, начавшие расцветать еще в «Весне Пасхальной», полностью распускаются, Церковь цветет и радуется о Господе. Этот холст полностью спектральный. Вообще же спектральностью объединены все холсты цикла: спектр понимается как живописный символ благодати Святого Духа, поэтому он полностью дан в «Лете», самом бурном, самом праздничном холсте и лишь намечен в других: в «Осени» — спектральные ореолы на свечах первого плана, в «Зиме» — то же самое, и фигуры служащих, колокола, пасхальное яйцо — в «Весне».

С точки зрения природной весь цикл — это путь от увядания («Осень»), через стояние в оледенении, холоде и инее («Зима»), к распусканию в «Весне» и к буйному цветению в «Лете» во главе с Христом, Богом Живым, Приходящим к нам, Благословляющим нас, — вот, пожалуй, краткое содержание «Времен года».

— Расскажите, пожалуйста, о своей работе над Апокалипсисом.

— Над Апокалипсисом я работал уже в течение 10 лет, работаю и сейчас. По-видимому, это будет работа всей моей

жизни, боюсь, что никогда ее и не закончу — тема очень сложная, многоплановая, и, конечно, одному человеку поднять ее очень трудно и, наверно, невозможно.

В истории мирового искусства немного примеров, когда Апокалипсис делался полностью. Символика А. вошла в ткань церковной жизни, в богослужение и иконографию — почти каждый храм имеет изображение Страшного Суда, композиций «Церковь Невеста Христова» (особенно в ярославских храмах) и иконостас как прообраз Нового Иерусалима. Многие западные художники обращались к А. — это, прежде всего, Дюрер, из наших современников — Дали, сделавший для Ватикана книгу А. с полным текстом на звериных шкурах, с подъемным механизмом, переворачивающим страницы, с драгоценными камнями. В России особо известны икона А. из Успенского собора Московского Кремля, украшенная миниатюрами книга А. 17 века. Но, к сожалению, все это лобовые иллюстрации, написанные после прямого, внешнего прочтения текста. Такое прочтение кажется мне неправильным, поскольку А. — книга зашифрованная, написанная для единомышленников во враждебном окружении. Поэтому необходима расшифровка символического языка А., перевод его для современного понимания, то есть толкование. Мой цикл именно живописное толкование А. Насколько мне известно, в России впервые осуществлена работа в станковой живописи не по поводу А., а ~~по поводу~~ толкование его, приближающееся к православному пониманию ~~Апокалипсиса~~.

Прежде чем начать работу над живописным воплощением, пришлось изучить много литературных материалов, прежде всего, толкования к А. Читал по возможности все, что удавалось достать (с этим ~~были~~ большие трудности) из работ русских богословов, в том числе и зарубежных, изучал католические и протестантские (кстати, самые слабые) толковники. К сожалению, прочитал отнюдь не все, что хотелось бы, так как материалы поступают к нам очень скудно, очень ограниченно. Больше всего меня удовлетворяли и согревали, помогали и помогают сейчас православные толкования. Как я говорил, я пытался приблизить живописное толкование именно к Православию, поскольку являюсь православным человеком и мне это ближе и понятнее. Кроме того, ключ к А., правильное его понимание возможны, по-видимому, только в Православии. В основном я руководствовался толкованием Андрея Кесарийского — наиболее образным и изобразительным.

Сразу же передо мной стал вопрос: как и при помощи чего, какими живописными средствами можно изобразить мир Апока-

липсиса? После долгих поисков случайно, а, может, и не случайно, по предопределению, в одном из холстов появился спектр; изображения неземного, космического порядка подавались в спектральном ореоле, строились на разложении спектра, на переходах от фиолетового к фиолетовому. Так появилась «Спектральная серия» из 6 картин. Это послужило началом мировоззренческого подхода к спектру, так был найден формальный язык к А. В понимании спектра я опирался на святоотеческую литературу и традицию спектральных (двухцветных сине-красных) нимбов на византийских и древнерусских иконах. Спектр как разложенный белый свет есть символический синоним золота в иконе, это сияние вечности, Бог как Свет, живой нимб благодати. Седмичный ритм, пронизывающий жизнь Церкви (7 дней творения, 7 Даров Св. Духа, 7 Таинств, 7 нот в музыке, 7 цветов радуги...) — ритм спектра Земли. Цвет в картинах А. переходит в свет, символизирующий облагодатствованность, осиянность Светом Фаворским. В Апокалипсисе спектральность, радужность, ореольность идут от достоверности, радости и мира Духа Святого. В мировоззренческом понимании спектра — ключ к А.: это не калейдоскоп апокалиптических ужасов (которые там действительно есть), ужасы не должны захлестнуть самое главное — гимн радости, гимн Спасения. Апокалипсис — это мажор от первого видения Иоанна вплоть до последнего, самого главного — видения Нового Иерусалима, Скинии Бога с людьми. Наша временная жизнь на земле должна быть стяжанием жизни будущего века, Царства Небесного. Спасти, обрести радость навеки, обрести Свет истины, родиться в жизнь вечную — именно этот настрой, эту идею я пытался провести через все холсты цикла.

Начинается А. с видения Иоанна Богослова на острове Патмос «Семь светильников и Триипостатного Образа», о которых говорится в послании семи малоазийским Церквям: семь светильников — это семь искушений, от которых должна избавиться христианская Церковь. Для образа Спасителя я использовал изображение Туринской плащаницы.

Второй холст — «Престол». Вокруг Престола — 24 старца, ветхозаветные патриархи и новозаветные апостолы. Сам Престол располагается в треугольнике с вершиной вверх — «Бог есть Любовь», здесь Триипостатный образ грядет на крыльях Святого Духа и Книга Жизни, запечатанная семью печатями, семь светильников на спектральном кольце — Дары Св. Духа, полученные при крещении, и Четвероевангелие, изображенное в виде крестов («Поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще»), испол-

ненных очес, то есть внешнего и внутреннего евангельского зренья. Внизу — сонм ангелов, славящих Престол, над ним — золотая радуга-дуга, величие и радость Престола, в центре — Благословляющая Десница.

Книга Жизни, запечатанная семью печатями, раскрывается в третьем холсте «Раскрытие Книги Жизни». Наверху здесь тот же Престол, ниже все семь печатей. Согласно толкованию Андрея Кесарийского, апокалиптические всадники есть символы спасительного апостольского учения. Поэтому первые четыре печати не похожи на те фигуры всадников, к которым мы привыкли по гравюрам Дюрера. Благая Весть может только спасать, а не наказывать, эти печати направлены во спасение: в 1-ой — фигура апостола с книгой, во 2-ой — жертвенник и Голгофа, в 3-ей — Чаша, за ней Спаситель с мерой покаяния и искупления, и в 4-ой — Воскресение Христово. 5-ая печать — жертвенник под Престолом Божьим с душами праведников, убиенных за Слово Божие, получающих белые одежды и ждущих, когда дополнится число их братии. 6 печать, самая большая по числу насельников, — знаменует меченых от Господа, не принявших на чело и на руки свои печать Антихристову. Холст делится на две части: 6 и 7 печати имеют непосредственное отношение к земле, первые пять — к Престолу. Фон исполнен фигурами спасенных: «и сочтут их и паче песка умножатся», — говорит о них Тайнозритель.

7-ая печать с ангелами, приготовившимися трубить, еще не раскрыта — для нее отдельный холст «Снятие седьмой печати». На стопах Божиих семь ангелов с трубами, седьмой ангел вострубил. Внизу зверь, имеющий семь голов и десять рогов. Над стопами — символическое изображение Церкви Цветущей, Невесты Христовой: Престол и 12 куполов, означающих полную Апостольскую Церковь, в глубине — благословение Матери Божьей.

В следующем холсте «Князь земли, Князь тьмы, Сатана» изображена рентгенограмма черепа, пораженного раковыми опухолями и полипами, с символическими атрибутами сатанинского воинства. Князь тьмы знает, что он обречен, отсюда его ненависть, неумолимость и беспощадность к людям Божьим. Я изобразил его в наиболее общепонятном облике, поскольку, как известно, он может являться в самых неожиданных обличьях, даже в виде ангела света и распознать такие явления могут только праведники, подвижники.

«Армагеддон, или Битва Бога с Сатаной» — предпоследний холст. Самой битвы Тайнозритель не видел, он лишь слышал шум

как бы от множества вод, видел приуготовление Церкви Воинствующей к битве и собственно финал битвы — торжество Церкви. Окруженная на время тьмой, в центре холста — символически изображенная Церковь Воинствующая на крыльях Св. Духа. Внизу в горящем озере сгорает Антихрист, Сатана и Лжепророк и присные с ним, три грибовидные облака дыма — все, что осталось от них. Справа — ангел с ключом от бездны и цепью, которой был скован Сатана, слева — ангел, повелевающий исполнить уничтожение Сатаны, и внизу — приветствующие победу Церкви ангелы.

Заканчивается цикл картиной «Новый Иерусалим, или Скиния Бога с человеками». Здесь вечно цветущее Апостольское учение — Древо Жизни, Вечный Источник Жизни, река, истекающая от Престола, обретенная благодать Св. Духа, Благословение Отца и Сына и соединение всех со Христом в Новом Граде.

Сейчас, когда закончено 7 холстов, в результате сложных поисков, у меня возникла потребность дополнить цикл еще пятью холстами, нефигуративными, беспредметно-световыми. В Апокалипсисе неоднократно говорится о том, что Иоанн «бых в Дусе», имел благодать Духа Святого. Как это показать живописно? Весь А., как уже было сказано, сделан спектрально для того, чтобы показать необычность, самих видений, облагодатствованность Духом Святым. Мне показалось необходимым выразить это яснее и четче с помощью спектрально-световых полотен, которые будут чередоваться с фигуративными, предварят и заключат всю серию. Первый холст с полным плотным спектром будет вводить в А., символизировать озаренность Иоанна Св. Духом. Перед видением Престола говорится: «Вот взглянул я, и небо отверстое и в небе отверстом Престол» — естественно передать это «небо отверстое» в виде белого разрыва, вспышки внутри спектра. Таким образом, с увеличением белого поля в спектре и будут идти следующие холсты вплоть до почти полностью залитого белым светом последнего, двенадцатого после видения Нового Иерусалима.

Символика света разрабатывается и в одной из последних моих работ — «Чистая, или Иисусова молитва», где изображенные в нижней части картины схимники, кресты и цветы имеют земную форму спектра, а Христос в верхней части изображен через белый цвет, что символизирует Его иноприродность. Рама картины, с текстом Иисусовой молитвы на ней, сделана как схи́ма.

— Как Вы формулируете стиль живописи, в котором работаете?

— Религиозный символизм. Это, пожалуй, не стиль, это та обычная форма, в которой пишется религиозная живопись.

— Были ли Ваши работы оценены профессиональными богословами с точки зрения верности Преданию?

— Подавляющее большинство священнослужителей, видевших «Времена года», очень положительно встретили этот цикл. Толкования, положенные в основу «Апокалипсиса», в целом рассматриваются также положительно, и не только нашими богословами: бывшие у меня католики и протестанты отмечали близость работ к православному пониманию, чему я был, конечно, очень рад. С другой стороны, я вовсе не претендую на универсальность и совершенство — так понимать меня не надо. Единственно, что было мне по силам, я постарался выразить. Вообще же у нас практически нет специалистов по Апокалипсису, которые занимались бы не только изучением, но и систематизацией толкований и, возможно, новым его прочтением в будущем. К сожалению, это связано с общим положением Церкви в атеистическом государстве и не от нас зависит. Возможности широко показать свои работы для специалистов-богословов я еще не имею. Слава Богу, удалось показать их сравнительно широкому советскому зрителю, для которого вообще было неожиданным, что у нас что-то пишется и что-то делается в этой области. Этим, по-видимому, я выполняю послушание, данное мне моими наставниками в монастыре.

Москва, апрель 1977 года

Прим. Ред. Самиздатская рукопись, печатается без ведома автора.

Судьбы России

■ Истоки духовного возрождения

Никита СТРУВЕ

МАТЬ ЕВДОКИЯ

(23.XI.1895 — 24.VI.1977)

На 82 году жизни, после двухлетней мучительной болезни, скончалась игуменья Евдокия, основательница и настоятельница Покровской общины в Бюсси-ан-От.

По времени рождения мать Евдокия принадлежала к тому поколению, которому было суждено или погибнуть от сыпняка, испанки, в тюрьмах и лагерях, или остаться «незамеченным» на задворках внутренней или внешней эмиграции, или же стать свидетелем эпохи:

Меня, как реку,

Суровая эпоха повернула.

Мне подменили жизнь...

...Я не в свою, увы, могилу лягу.

Эти строчки Ахматовой мать Евдокия могла бы с полным правом применить и к себе, и, как великая поэтесса она «сделала,

пожалуй, всё, что можно» из того, что ей было дано Богом и судьбой.

Екатерина Courtin, отец — француз, скептик-вольтерьянец, мать — русская, из генеральской семьи Борисоглебских, росла в Ялте «у самого моря», в состоятельной семье, баловницей родителей, друзей, казалось бы, и судьбы. Домашнее обучение, няньки, мисс, поездки за границу, бонтонное воспитание, в котором религия занимала третьестепенное место: о ней вспоминали по большим праздникам, на Рождество и на Пасху.

Позднее поступление в гимназию, где произошла во многом решающая встреча с законоучителем, о. Сергием Шукиным: «Глядя на него, — любила она говорить, — мы понимаем, что христианство не мечта, а вполне реально осуществляется в жизни». Отец Сергей Шукин принадлежал не к чиновничьему духовенству, а к тем смиренным священникам сокровенного сердца, «теплым заступникам мира холодного». Но в нём было и большее, диапазон его пастырского влияния был на редкость широк. Он был другом Чехова, С. Булгакова, его высоко ценили А. Карташев и патриарх Тихон, и вместе с тем он был народным священником, близким к простому люду и обездоленным. Постоянное общение с умирающими от чахотки в Крыму не умалило его радости приятия жизни, и главной его болью и заботой было разобщение между Церковью и миром. В каком-то смысле про него можно сказать, что он был «движенцем» до возникновения Движения...

Вторая определяющая встреча уже по окончании гимназии в годы разрухи — с молодым историком Мещеряковым, дружившим с о. Сергием Булгаковым. В 1920 году состоялся их брак, а в 1922 году, по дороге в Москву, куда он ~~ехал~~ рукополагаться в священники, Мещеряков заболел сыпняком и умер. О последующих годах мать Евдокия рассказывала как о времени отчаяния, метаний и мучительных поисков.

Поездки по тогда уже закрывавшимся монастырям (мать Евдокия побывала и в Оптиной) закончились в Крыму. В Кизельташе небольшой женской обителью руководил отец Софроний, человек строгой и святой жизни, хорошо знакомый с вековой традицией умного делания. Раньше туда же поступила ее младшая и единственная сестра, ныне здравствующая мать Дорофея.* В этой общине в 1927 году, когда усиливались преследования и начиналась церковная смута, мать Евдокия приняла тайный по-

* Возглавляет старческий дом в Муазене.

стриг. Ей, как и всем монашествующим, предстоял путь исповедничества, если не мученичества. В 1932 году мать Евдокию арестовали, но тут помогло французское происхождение, вернее «законное» французское подданство, и вместо того, чтобы отправиться на восток, в ссылку или лагерь, всей семье разрешили выехать во Францию...

А во Франции церковная жизнь находилась в бурном расцвете. Порвав с Москвой, митрополит Евлогий нашел в церковном народе опору для своей разносторонней пастырской деятельности: множились приходы, возникали миссионерские движения, благословлялись самые смелые начинания. Богословское творчество, вдохновляемое о. Сергием Булгаковым, находилось на высшей точке развития. Мать Евдокия, знавшая о. Сергия еще по Крыму, естественно влилась в это течение: участвовала в Булгаковских семинарах, в экуменических встречах, преподавала английский язык в Богословском институте, пыталась вместе с матерью Марией Скобцовой создать монашескую общину. Однако темпераменты и устремления матери Марии и матери Евдокии были слишком различны. Мать Мария была целиком в социальной деятельности, в отдале себя ближнему, в несколько хаотическом бурлении и кипении. Мать Евдокия мечтала о молитвенной, духовной жизни, хотя и участвовала в этом своеобразном «хождении в мир»: одним из её послушаний или подвигов было выискивать по моргам тела одиноких эмигрантов, покончивших с собой или погибших в катастрофах и устраивать им христианское отпевание и погребение.

В 1938 году мать Евдокия вместе с сестрой и двумя другими новопостриженными монахинями, матерью Бландиной (Оболенской) и матерью Феодосией (Соломянской), отделились от «Православного дела» матери Марии и обосновались в 50 километрах от Парижа на небольшом участке с домом и курятниками. Жизнь была нищая, община маленькая и равноправная, но уже тогда мать Евдокия «естественно» ее возглавляла: природная величавость при полной простоте и неподдельной ласковости, твердый ум и волевой упор, большая светская и богословская культура (от английских романов и русской поэзии до Исаака Сириянина), абсолютная уравновешенность и гармонический склад личности выделяли её среди других и заставляли признавать её авторитет.

После войны подвернулась новая возможность найти подходящее помещение для монастыря: известный профессор права Борис Ельяшевич решил пожертвовать монахиням свой помещицкий «барский дом» в 150 километрах от Парижа, на краю

огромного леса От... В 1946 году туда переехали мать Евдокия, мать Бландина, мать Феодосия (все трое испытавшие глубокое влияние о. Сергия Булгакова и бережно хранящие его заветы) и присоединившаяся к ним офранцузенная гречанка, человек совершенно другого склада, простой народной веры... Это смешение интеллектуальных монахинь и простых, русских и не русских, выявило широту стремлений матери Евдокии, её глубокую церковность...

Сам переезд четырёх монахинь в пустой и необорудованный дом, без всяких средств, был актом веры... Не знаю, рассчитывала ли на что-нибудь мать Евдокия, вообще расчет не входил в ее отношение к жизни... Сокровенная её мечта состояла в том, чтобы положить основание женскому монашеству, одновременно традиционному и открытому к миру, в духе православной традиции, но приспособленному к сегодняшнему дню, без узости и фанатизма, и, главное, без филетизма, без национальных ограничений...

Постепенно община стала пополняться: в 1950 году к ней присоединилась мать Ия († 1977), человек большой судьбы, проживший до 1943 года в России, где она провела много лет в тюрьме и ссылке за отстаивание церкви; мать Сергия († 1972), истая монахиня Пюхтицкого монастыря, мать Иоанна Баржанская († 1977), достигшая в последние годы поразительного просветления и бесстрастия. Гречанку заменила англичанка, мать Мария, посвятившая себя вместе с матерью Евдокией переводу всех богослужебных книг на английский язык...** Были и более простые монахини, занимавшиеся коровами, курами и т. д. Одно время община достигла 14 человек.

С. И. Фудель, вспоминая о дореволюционных монастырях, с грустью отмечал, что они были глухи к миру, жили своей благополучной жизнью, не заботясь о нём: «Мир, писал он, был слишком оставлен».

Мне кажется, мать Евдокия чувствовала, что современное монашество не может пройти совершенно мимо мира, что оно не только должно быть открытым к современной культуре, но и как-то вобрать её в себя. Помню, как-то она мне сказала, что помимо традиционного правила ей очень много дает в подготов-

** Это, поистине, огромный труд. Издается он сначала типографией монастыря, а затем, после тщательной проверки, английским издательством Faber and Faber.

лении к причастию... чтение Чехова! У всякого другого такая фраза прозвучала бы дешёвкой или диссонансом, но у матери Евдокии, трезвой и собранной, совершенно не склонной ни к каким новшествам, еще менее чудачествам, это было выражением глубокой интуиции: не запирают монашество в раз и навсегда выработавшиеся в средневековые формы, сохранить постоянную связь с реальной жизнью.

Всегда ли удавалось матери Евдокии это нелегкое сочетание свободы и традиции, открытости к миру и верности молитвенному подвигу? Бывали моменты, когда казалось, ритуализм (верность не о. Сергию Булгакову, Алексею Мечеву, Сергию Шукину и другим духоносным священникам, а буквальное следование настольной книге «правил» о. С. Булгакова) снова брал верх или, наоборот, когда в стены монастыря допускалось слишком много мирского, светского... Но не нам судить. «Удача» как таковая, вообще не принадлежит этому миру: существенно устремление, усилие, открывание новых путей... Так или иначе Покровская община — единственный женский монастырь, созданный в эмиграции и существующий уже более сорока лет...

Мать Евдокия и мать Ия.

С грустью наблюдала мать Евдокия отсутствие смены. Ей так хотелось, чтобы община продолжала жить, хотелось передать тот опыт, который был дан ей Богом через превратности судьбы.

Последние годы она много болела, мало выходила из комнаты. Два года назад злополучный грипп окончательно подкосил её силы. И тем не менее, хотя годы и болезни не всегда позволяли узнать прежнюю мать Евдокию, такую жизнеутверждающую, деятельную и веселую, те, кто видел ее в первый раз, не могли не поразиться её качествам: твёрдости и ласковости, высокому

уму, соединению юмора и серьезности, какой-то природной мягкой властности, которые и позволили ей сплотить из очень разнообразных людей дружную общину.

В этом году, как бы исполняя её заветное мечтание, в общину прибыло четыре молодых послушницы «совокупльшеся от конец земли»: англичанка, американка, француженка, немка... залог будущего и знак времени. Православие может выжить на Западе только на межнациональной основе. Русское малится, исчезает, чтобы возросло и укрепилось православие местное, западное. На сподвижницах матери Евдокии (из четырех основательниц Бюсси в живых осталась только мать Феодосия) лежит трудный, но непреложный долг: не только сохранить общину, но и возгреть тот всеправославный дух, который вкладывала в неё мать Евдокия.

■ 1000 лет русской святости ■

ЖИТИЯ РУССКИХ СВЯТЫХ

от св. кн. Ольги до свят. Николая Японского
Составила и написала мать Таисия.

Ротаторное издание Покровской обители в Бюсси
503 стр. Цена 75 франков

Заказы направлять по адресу:

Les Editeurs Réunis,
11, rue de la Montagne S-te Geneviève, Paris V.

Игуменья ЕВДОКИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ О. СЕРГИИ ЩУКИНЕ (1873-1931)

Об о. Сергии Щукине я впервые узнала в 7-м классе гимназии, осенью, когда начались занятия: учителя, классные дамы и некоторые более давние ученицы были очень взволнованы — к нам возвращается и будет преподавать Закон Божий о. Сергий. Я ничего о нем не слышала, когда поступила в 6-й класс Ялтинской гимназии, у нас был хороший священник, с которым мы проходили историю церкви и который очень живописно рассказывал о мучениках.

Об о. Сергии я узнала только, что он был выслан из Ялты генералом Думбадзе за отслуженную по чьей-то просьбе панихиду о жертвах событий 9 января в Петербурге. Все в гимназии, независимо от своих убеждений, ждали его прихода с нетерпением — и вот он пришел: небольшого роста, худенький, скромный, очень русский, с маленькой светлой бородкой и двумя выющими локонами по сторонам лица. Глаза светлоголубые, ясные и необыкновенно ласковые.

С первого же урока мы поняли, что он, хотя задает уроки (это было сравнительное богословие), но спрашивает мало, скорее отвечает на вопросы. Класс у нас был очень способный, все много читали, спорили о социализме, о толстовстве, о христианстве, об эгоизме и альтруизме. Поддавало жару еще и то, что преподаватель истории Д. Азбукин (двоюродный брат отца Сергия Булгакова) учил нас не столько по учебникам (они оставались пособием для средних и плохих учениц), сколько по лекциям Ключевского, Платонова, Кареева, Петрова и т. д., то есть, обсуждал с нами вопросы философии истории. Сам он был человеком талантливым, но неверующим. Как все это соединить с христианством и православием? И вот тут о. Сергий Щукин оказался честным, умным и глубоким руководителем. Он все знал, все понимал, ничему не удивлялся и только в некоторых случаях отвечал просто: «Я этого не знаю» — и честность его убеждала нас сильнее натянутых объяснений.

Он был необыкновенно ласков к ученицам, не выучившим уроки: «Почему, девочка, вы не выучили, не больны ли были, не было ли неприятностей дома?» — расспрашивал сердечно, участливо, не допуская в нас злой воли или просто лени. И пото-

му на переменках за ним ходил всегда хвост учениц, его окружали, задавали вопросы. Постепенно мы стали ходить в его церковь, Аутскую Успенскую, ко всем доступным нам по времени службам. Он был там вторым священником. Его низенький, но довольно обширный домик находился в самом конце церковного участка, за садиком. Музыкального слуха у него не было, он не служил нараспев, а просто. Проповеди были короткие, проникнутые любовью и знанием жизни своих прихожан. Говорил на «о», как жители северных губерний (он происходил из семьи священника из г. Великого Устюга).

Летом 1913 года умерла от брюшного тифа его дочка Наташа, которая была моложе нас на 2-3 класса. Помню, как он стоял покорный, скорбный около ее гроба — отпевал другой священник. В о. Сергии чувствовалась бесконечная вера и покорность воле Божией.

В молодости так хочется найти идеал, и о. Сергей вызвал в нас формулу: «если он может быть таким, как мы его узнали — мы чутко и пристально следили за ним, — то значит, Евангелие осуществимо на земле».

В год, когда мы кончили курс, осенью началась война, потом революция — наша группа пошла разными путями, но и впоследствии объединяло всех воспоминание об о. Сергии.

Вся деятельность о. Сергия протекала в слободках, окружавших Ялту: Ливадийская, Аутская, Шеломэ — там жил простой люд, рабочие, бедные интеллигенты, часто больные туберкулезом. Туберкулез и смерть молодых больше всего ранили сердце о. Сергия. Его звали всюду. У него не хватало времени на личную жизнь, на свою семью. Была красивая жена, после смерти старшей дочери Наташи осталось еще двое маленьких детей, лет по 5-6, Алеша и Маша.

«Обожательниц» у о. Сергия не было никогда. У него было слишком много ума и безобидного юмора. Раз, когда я к нему зашла, он рассказал о беде соборного протоиерея, который не мог отвязаться от поклонницы, стоявшей каждый день часами против его балкона на дворе. Дом был высокий, на горе, и балкон в верхнем этаже. О. Сергей мне сказал: «Вот бедный батюшка, должен это терпеть, но тут есть и его вина: не надо принимать подарков, вышитых поясов и т. д.» В другой раз, уже после революции, он мне как-то сказал: «У нас в России нет антиклерикализма — наоборот, если священник сделает хоть малое усилие научить прихожан, отслужит даром требы, то люди сразу возне-

сут его до святости». Запомнилось и такое: «Я все удивляюсь, что находят иные батюшки время играть в карты, ходить друг другу в гости, когда мне вот и вздохнуть некогда», — это было сказано без осуждения, скорее с удивлением. Он вообще никогда никого не осуждал — слишком любил людей, но видел их недостатки, часто с большой жалостью. Был у него тонкий, мягкий юмор. Неожиданно я увидела новую для меня черту в характере о. Сергия. Зимой 1915-16 года мы оба преподавали на вечерних курсах для рабочих, устроенных одной богатой дамой, г-жей Дораган, в одной из слободок — Шеломэ, в конце длинной и пустынной Суворовской улицы в здании начальной Алексеевской школы. Изредка попутчиком моим был о. Сергей. Один раз, пока о. Сергей ждал своей очереди урока Закона Божьего, я кончала свой урок математики. Один из рабочих, молодой парень, заговорил со мной в очень развязном тоне. О. Сергей это услышал и так твердо и серьезно осадил рабочего, что он смешался и замолчал. Недаром говорят, что самое страшное — это справедливое негодование праведника. Я увидела, что в характере о. Сергия была не только мягкая ласковость, но и большая твердость и серьезность. Во время встреч по дороге в Шеломэ мне удавалось поговорить с о. Сергием, он рассказывал случаи из своей приходской работы.

Ходить к о. Сергию на дом я решалась очень редко, зная, как он занят. Налево от передней был его маленький скромный кабинет. Просидишь несколько минут и, несмотря на ласковую встречу, становится неловко оставаться долго, и все, казалось, важные дела куда-то испаряются. Выйдешь, и мир видится преобразившимся, радужным, люди на улицах словно несут на себе отблески того света, который успел согреть и освежить в маленьком кабинетике. К о. Сергию шли всякие люди: с большим горем и нуждой, люди, требовавшие поддержки и защиты. Уже при большевиках прибежал к нему и попросил спрятать его известный сионист д-р Пасманик. Он сам рассказал, что о. Сергей отвел его в свою спальню, очень маленькую комнату и стал молиться. В квартире о. Сергия шел обыск, но этой комнатки не заметили. Пасманик успел бежать за границу.

Его здравый смысл и ум привлекали всех. Когда начались выборы на Всероссийский Поместный Собор — от Таврической епархии было выбрано три члена: о. Сергей Булгаков, о. Сергей Щукин и присяжный поверенный Салов.

Его очень полюбил патриарх Тихон и впоследствии прислал ему митру. О. Сергей никогда ее не носил, так как был вторым

священником церкви, настоятель которой митры не имел, но, увы, митра послужила причиной ревности бедного настоятеля о. Николая и испортила его добрые отношения с о. Сергием. О. Сергей очень огорчился и сказал, что никогда этой митры не наденет.

Я мало знаю о прошлом о. Сергия, никогда не спрашивала, знаю только, что он родился в Великом Устюге, что (как он сам написал в своей книжке «Около церкви» изд. о-ва «Путь») пережил глубокий духовный кризис, кончил Петербургскую Духовную Академию и хотел ехать в Палестину, в Назаретскую семинарию преподавателем. Мечтал о писательстве и на этой почве познакомился с Чеховым. Чехов же и хлопотал перед архиепископом Таврическим об устройстве его в Ялте, так как уехать в Палестину ему не удалось из-за слабости легких. Он стал другом всей семьи Чеховых и оставался им до конца. Мария Павловна Чехова навещала о. Сергия до самого его отъезда из Ялты в 1926-м году. До революции посещали его все, кто интересовался духовными вопросами, — Кожевников (издатель книг философа Федорова), о. Сергей Булгаков, Вал. Ал. Тернавцев, писатели и множество людей, которым было интересно познакомиться и поговорить с о. Сергием. Особенно усилились посещения после революции, так как очень много культурных людей уезжало из России через Крым. Особенно дружна была семья о. Сергия с д-ром Кострицким, который вызван был к семье государя во время его заточения в Тобольске.

Не знаю, как отнесся о. Сергей к революции, думаю, что, как все, он страдал, видя начавшуюся разруху. Один раз я встретила его на улице, и мы пошли вместе посмотреть на один из бесчисленных в то время «мирных» и многословных митингов. «Мир без аннексий и контрибуций» и т. д. Постояли, послушали. О. Сергей заметил: «Все это добрые намерения, но на этом дело не остановится, придут другие люди, ожесточенные, и тогда один Господь знает, что будет».

9-го января 1918 года нашу Ялту обстреляли с моря большевики и взяли город. Я помню, как тогда чувствовала, что ничего не страшно, пока о. Сергей у себя в Аутской церкви — словно оттуда шла какая-то духовная защита. Начались реквизиции и грабежи, и так длилось до прихода немецких войск весной того же года, на Страстной седмице. За это время большевики утопили много офицеров, бросая их в воду в конце мола с привязанными к ногам камнями, но в городе хозяйничали не много, борьба шла в окрестностях, в горах. На Пасху их уже не было.

Крым был занят немцами, продержавшимися у нас до осени того же 18-го года.

С начала революции, но не помню когда именно, начали стихийно образовываться профессиональные союзы: музыкантов, врачей, преподавателей и разных ремесленников. В Ялте всегда, особенно после революции, было много интеллигенции — люди приезжали лечиться, жить в теплом климате. В зале мужской гимназии изредка собирались учителя, и, конечно, председателем единогласно был выбран о. Сергей. В этой роли он проявил всю свою мудрость, участливость, твердость и даже свой юмор. Всем почему-то очень хотелось высказаться — не всегда удачно, и вот когда кто-нибудь запутается в своей речи, о. Сергей вставал и говорил, очень ласково: «Мне кажется, что Вы хотели сказать то-то и то-то...» и в трех словах высказывал мысль оратора. Он, обрадованный, говорил «да-да» — и сразу все успокаивалось. Кажется, около 2-х месяцев о. Сергей пробыл в роли председателя, а затем на одном из собраний сказал: «Господа, простите меня, я больше не считаю удобным для вас оставаться председателем. Обстоятельства изменяются, вы поедете на более крупные съезды, и вам будет неловко иметь председателем священника.» Преподаватели, среди которых были и профессора с разными взглядами, иногда очень передовыми, старались его удержать. Но несмотря на общие протесты, о. Сергей остался тверд и отказался.

После (в Германии тогда произошла революция) явились снова большевики, продержались лето 19-го года и были отброшены Добровольческой армией. Зимой 19-го года мы, молодежь, с о. Сергием Щукиным, о. Сергием Булгаковым и графом Апраксиным устроили в мужской гимназии религиозно-философские собрания. Этому способствовало бегство с севера многих интересных людей. Были заседания на разные темы: профессор Цингер читал о проблемах физики, проф. Метальников о своих религиозных исканиях и процессе изучения живых тканей, о. Сергей Булгаков — «На пиру богов», Максимилиан Волошин — стихи о России, Валентин Ал. Тернавцев — об Апокалипсисе, зять Скрябина — Борис Шлецер прочел «Поэму последнего действия» Скрябина, много было и других докладов о религии, о поэзии.

1 ноября 1920 года после падения Перекопа большевики окончательно заняли весь Крым. С 7 декабря под руководством Бела Куна начались расстрелы «в порядке проведения «Красного террора». Официально известно, что в Ялте должно было быть

расстреляно 6000 человек. Эти расстрелы происходили за городом, в лесу, на даче присяжного поверенного Фролова-Багреева и закончились 25 марта 1921 года. После этого наступила передышка.

О. Сергей был неожиданно арестован весной 21-го года, не в общем порядке, а отдельно. Его отвели в так называемый «Общий отдел» — домик рядом с дачей д-ра Кострицкого. Волнение в Ялте поднялось чрезвычайное: все так называемые «тяжелые» союзы — грузчиков, дрогалей (возчиков), портовых рабочих, обитатели слободок с женами и матерями переоделись в чистые рубахи, чтобы, если нужно, умереть за о. Сергия. Религиозные общины татар, греков, караимов, евреев отправили депутатов в ЧК. И о. Сергия через два дня выпустили. Но, как всегда у большевиков, это был тактический шаг. Дня еще через два, ночью, его арестовали и увезли по шоссе к Севастополю. У чекистов работала кухаркой одна из ялтинских женщин. Она им сказала: «Не смейте вредить о. Сергию, он столько сделал народу и моей семье. Он святой человек». Может быть из-за этих волнений, его везли нарочно медленно: то лопались шины, то еще что-то случалось, но каждый раз, в Севастополе и Симферополе, он опаздывал к моменту групповых расстрелов и его переправляли дальше. В конце концов он оказался в Харькове. Там в это время шла ликвидация шаек, хозяйничавших на Украине во время гражданской войны. Расстреливали также и многих членов бывших коммунистических «троек», сделавших свое дело при Бела Куны, в большинстве своем морфинистов, кокаинистов, очевидно, не годившихся большевикам для дальнейшего употребления. По ночам тюрьма застывала в ужасе: шли отбирать людей на расстрелы. В этой обстановке, среди разбойников, в тесноте заключенные отводили о. Сергию уголок около окна для молитвы. Они ему на прощанье из мякиша хлеба сделали шахматные фигурки и доску из спичечной коробки. Отобрано это было у него при освобождении из тюрьмы в Москве, и о. Сергей страшно жалел об этом. В Харьковской тюрьме он заболел тифом и, думая, что он умер, его вместе с трупами повезли хоронить на кладбище. Но когда обнаружили, что он подает признаки жизни, его вернули обратно в камеру. Потом перевезли в Москву и только там, ровно через год после ареста, в 1922 г. выпустили с сильным нефритом. Его поместили в университетскую клинику к проф. Плетневу. Там я его и увидела. Он выздоравливал, но был очень слаб. Мы с ним ходили по коридору клиники, и он рассказал о

своих переживаниях, прибавив, что никогда он так хорошо не молился, как в тюрьме.

В это время — март, апрель, начало мая 1922 г. — я была в Москве и много разговаривала с о. Сергием. После его выздоровления от нефрита ему дали комнату в Марфо-Марьянской обители, построенной Великой княгиней Елизаветой Федоровной. Княгиня была уже убита в Алапаевске, клиника при ее монастыре перешла в руки государства как 2-я университетская клиника, но монастырь с настоятелем о. Митрофаном Серебрянским еще существовал. Там я и встречала Пасху с о. Сергием. Интересно то, что он рассказал мне о своем аресте. Надо иметь в виду, что о. Сергей — при всей его духовности, прозрачности и любвеобильности — не был ни визионером, ни мистиком в западном смысле этого слова. Он был трезв духом и церковен. Странный случай привел его к аресту, и дальнейшие переживания его были духовно-значительны. Начало этого дела я уже знала в Ялте до его ареста: к нему пришел один господин (мне кажется, если не ошибаюсь, по фамилии Дзюба), жена которого увлекалась спиритизмом. На одном из сеансов она сказала: «Если ты реально — дух, дай мне доказательство этого». Тут же она получила сильную пощечину, так что вся щека вспухла. Пойти в церковь, исповедаться и причаститься ее не пускала какая-то неодолимая сила, и муж пришел попросить совета у о. Сергия. О. Сергей сказал ему: «Приведите жену хотя бы насильно, я ее исповедую и причащу, а последствия я беру на себя.» Дама причастилась, а через несколько дней о. Сергей попал в ЧК. И все время пребывания в тюрьмах, весь год он чувствовал, словно им что-то владеет. Только в дни праздников, хотя календаря у него не было, ему становилось легче, а когда он освободился, он увидел темное облако, которое вышло из него.

Месяца через два, когда о. Сергей выздоровел и отдохнул в Марфо-Марьянской обители, его потянуло вернуться в Ялту к своей семье. Он говорил: «Я отдал всю жизнь своей приходской и общественной работе, теперь я буду свободнее, а у меня двое детей — должен заняться ими» — но поехать в Ялту весной 22-го года было еще почти невозможно, и он должен был пока найти работу в Москве. Раз как-то мы с ним зашли в одну окраинную московскую церковь, и он спросил там, не нужен ли им священник. Я ждала его на улице, он вышел и с юмором сказал: «Они не принимают иначе, как по выбору, а ведь на соборе я сам стоял за выборное начало, а оно вот как ко мне повернулось».

Вскоре после того я уехала к отцу в Могилевскую губернию, а о. Сергей вернулся-таки к своей семье в Ялту.

Встретила я его там уже в период НЭПа, когда все в России пришло в сравнительно нормальный порядок. Летом 1923 года Ялта была вся отремонтирована, следы голода исчезли, переменилась только состав населения — наверх выплыли *nouveaux riches*, образованные люди превратились в гувернанток, учителей. О. Сергей жил у себя, служил в Аутской церкви, помогал в хозяйстве своей семье: доил козу, рубил дрова. Однажды пришел в церковь с огромным синяком под глазом — во время дойки коза брыкнула. Ялту заливали толпы коммунистической молодежи, приезжавшие группами с севера: курносые, голубоглазые, белобрысые — совсем новый для нас тип. В церковь не ходили.

Тем временем я нашла маленький скиток в горах над Гурзуфом в 17 км от Ялты, во главе стоял старец Софроний. К монастырю я всегда стремилась, посетила многие из них на севере: Зосимову пустынь, Оптину, Киево-Печерскую лавру, маленькие монастыри вокруг Гомеля. И тут, найдя монастырь, я стала реже видеть о. Сергия. Один раз мне очень захотелось познакомиться его с о. Софронием, и мы вместе пошли в наш монастырек. По дороге о. Сергей говорил, что он совсем не знаком с монашеством, кроме Александро-Невской Лавры ни одного монастыря не видел — тем интереснее было познакомиться его с этой стороной духовной жизни. Ему очень понравился о. Софроний — но видеться им больше не пришлось — о. Сергия опять вызвали в ГПУ в Симферополь вместе с другими священниками Ялты. Он вернулся дня через два: «Такие стали вежливые, даже стул предложили». Но одновременно сказали ему, что никаких обвинений предъявить ему не могут, но просят уехать из Ялты: «Вы слишком популярны, выберите себе любой город.» О. Сергей, конечно, выбрал Москву и переехал туда, кажется, в 1925 году со своей семьей, получив приход в центре города на Арбате, в Спасо-Песковской церкви.

Новые прихожане его так же полюбили, как и мы в Ялте.

Увидела я о. Сергия в Москве только в конце 1931 г. — это оказался последний год его жизни. Прежде всего, конечно, я поехала в церковь Спаса на Песках. Родное лицо, родной голос. В церкви поговорили. Оказалось, что он, как все священники в то время, не имел права жить в городе, поэтому он поселился в Филях под Москвой. Я остановилась на противоположном конце Москвы и хлопотала о своем паспорте, бывала на службах в его церкви сколько могла, церковь была всегда полна народу,

но всегда можно было немного поговорить. Одна пожилая дама, жившая прежде в Ялте, г-жа Масловская, переехала в Москву и заботилась об о. Сергии. Когда она получила наследство в Польше, власти ее выпустили за границу, так как значительная доля наследства должна была быть отданной государству. Она никем и ничем не была связана и могла остаться за границей, но из-за о. Сергия она все-таки вернулась и привезла ему массу теплых вещей, белья и т. д. К ее великому огорчению, о. Сергей все это отдал своему сыну Алеше, большому и красивому юноше, своей дочери и другим людям. У него действительно никогда ничего не было, но всегда оставалась забота о ближних.

25 сентября были именины о. Сергия. После обедни и причастия он возвращался пешком к себе в Филях. В одном месте улица была перегорожена высокими железнодорожными рельсами, и когда о. Сергей их переступал, из гаража напротив выехал грузовик. О. Сергей попятился, оступился, упал затылком на эти рельсы и разбил голову. Через два дня он скончался в больнице, не приходя в сознание. Так окончилась его жизнь. Он лежал в гробу в Спасо-Песковской церкви 3 дня. В Москве еще было много открытых церквей: из каждой приходили священники со своим причтом, служили панихиду над его гробом.

Отпевать захотел митрополит Сергей — это было неприятно для большинства, но спорить не пришлось. Лицо о. Сергия было покрыто воздухом, я так его и не видела. Народу набралось огромное количество, так как в газеты догадались поместить маленькую заметку: Сергей Николаевич Щукин скончался такого-то числа (по новому стилю), отпевание в такой-то церкви. Арбат — улица широкая, был так запружен народом, что остановились трамваи — в это время вещь невиданная. Похоронили его на маленьком, теперь уже уничтоженном, Дорогомиловском кладбище и могилу обсадили молоденькими елочками.

После смерти о. Сергия я навестила его вдову — она мне показала много его ненапечатанных рукописей и рассказала, с каким нетерпением он меня ждал целый день, когда было назначено наше свидание. Мне как раз в этот день пришлось ездить по делам куда-то за город, ждать очереди, и, несмотря на все старания, я так и не могла придти к о. Сергию — как могла я знать, что это было бы последнее свидание? Как горько было потом вспоминать об этом — ему так хотелось узнать о Ялте и ее жителях, которых он любил и которым отдал почти всю свою жизнь.

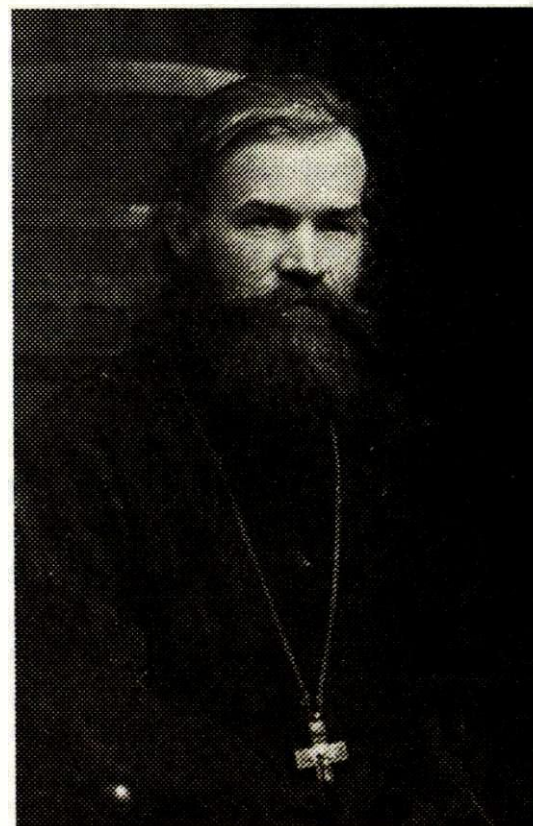
В 1927 году, когда нас всех поразило известие о согласии митрополита Сергия на компромисс с советской властью, нам очень важно было узнать мнение о. Сергия об этом. Я тогда была в Ялте. Мне передали, что на этот вопрос о. Сергий ответил так: «Если бы я был моложе, я, конечно, отказался бы от подчинения м-ту Сергию, но теперь, пройдя опыт жизни, я понимаю, что прежде всего надо сохранить единство церкви, не раскалывать ее.» Поэтому о. Сергий не примкнул ни к т. н. Иосифлянам, ни к другим группам. Но так же как почти все московское духовенство, принимал позицию митр. Сергия с болью душевной и неохотно.

Свящ. Сергей ЩУКИН

СОВРЕМЕННЫЕ ДУМЫ*

I.

Вопрос не в том — улучшать или не улучшать обряд, объяснять или не объяснять его значение, совершать ли богослужение «истово» или совершать его иначе. Все это вопросы нужные и обсуждать их необходимо; но это вопросы прошедшего и, может

Свящ. Сергей Щукин

быть, — кто знает — будущего времени. Главный же вопрос настоящего времени в том, что нельзя смотреть исключительно на обряд, когда мы говорим о церковных реформах; но, желая реформ, мы должны оторвать от обряда свой взгляд и смотреть на Того, Кто создал Церковь, и на того, ради кого она создана.

* Из книги «Около Церкви», Сборник статей. Издательство «Путь», 1913 г., 164 стр.

Многое, что говорят в похвалу обряда, может находить благодарный и сочувственный ответ в душах людей разных воззрений. Думается, что великое значение обряда в нашей жизни еще и теперь не оценено надлежащим, справедливым образом.

Обряд долгое время вел за представителей церкви почти все их дело и делал его хорошо. В то время как мы, не согретые огнем веры, малодушно или равнодушно молчали, обряд говорил за нас. Только всматриваясь в обряд, только вслушиваясь в то, во что в нем было можно вслушиваться, только вдумываясь в него, — часто лишь этим путем человек доходил до учения Христа и согревал им свою душу. Он любил обряд, ибо чувствовал за ним дух, создавший его и его оживляющий; подвижников чувствовал за ним, вдохновенных служителей Бога. Обряд был «святым местом», где человек достигает Бога, где Бог касается человека. И человек видел, что бьется и горит около обряда, внутри его любящее, правдивое сердце святых, что оживляет его высокая творческая мысль их, что в нем чувствуется воля, направленная к утверждению добра на земле. И видел он, что тут Бог отвечает на стремление, на призыв человека; отвечает на вздох молитвы, на глубокое чувство, прозвучавшее в церковной мелодии, на слова поэта, сказанные в церковной песне, на святые мечты, на образы художника, которые он запечатлел в иконе. Обряд учил миропониманию и учил нравственности; он проповедывал, обличал, утешал, смягчал озлобленных, укреплял смиренных.

Долгое время русский человек был неразделен душой со своими церквами. Крест, сиявший на церкви, был лучшей, наиболее высокой и чтимой его красотой. Был он, как свеча, зажженная под небом в честь идеального, к которому стремилась душа человека, в честь правды, которой на земле он видел так мало, в честь той жалости, той ласки жизни, в которой ему нередко отказывали здесь, но по которой тосковал, которую страстно искал он на небе. Весь он был обвеян поэзией небольших церквей своих, думал мыслями, которые шли отсюда, мечтал под напевы песен церковных; со Христом страдал он, волнуясь тихой, весенней печалью Страстной недели, и с Ним воскресал, радуясь светлому, ясному торжеству пасхальной ночи.

И очень многое из того, перед чем умиляется наша душа, о чем жалеет, тревожась, сердце, видя, как это уходит в область невозвратно минувшего, — тихое, кроткое, ласковое, наивное, доверчивое — многое из этого вышло от обряда церкви и уходит вместе с падением веры в него. Святая Русь, которая идет навстре-

чу Христу в картине Нестерова; Русь, о которой поэт писал, что ее исходил, благословляя, Сам Господь; та Русь, которая дала так много высоких по своей нравственной красоте людей, — она, несомненно, в значительной мере вышла из обряда церкви. И, конечно, есть глубокое недоразумение, какая-то большая ошибка жизни в том, что Толстой — как все мы читали — считает себя счастливым умереть с верой в эту святую Русь, не замечая, что никто другой не нанес ей столько сильных и разрушительных ударов, как он, жестоко нападавший на церковь и обряды ее.

Но чем больше мы признаем пользу и важность обряда, тем сильнее должны сказать, что необходимо оторвать от обряда пристально устремленный на него взгляд наш. Не обряд, но этот неотступный, этот упорный, неотрывающийся взгляд на него приносит нам зло. Мы повернулись к обряду всем лицом, на него только смотрим и оставляем в тени площадь гораздо большего объема, более важного значения, чем обряд.

Сила обряда имеет свои границы; он дал, сколько мог, и даст еще много, но он не может дать сверх сил своих. Идя старым путем, упорно продолжая надеяться на обряд, мы обессилим его: в нем перестанут видеть то хорошее, чего не видеть нельзя; доведем до того, как уже и довели, что обряд будет ненавистен для многих.

И жалея, оберегая его, мы должны сказать: не убивайте обряда усиленной охраной, чрезмерной о нем заботой, не налагайте на него бремена, понести которых он не в силах.

Душа народа встревожена глубоко и сильно. Волна новых мыслей нахлынула разом ошеломляющим потоком. Она сломила многие души, придавила других, но и затронула глубоко, и приподняла, и вдохновила очень многих. Она прошла, стала как будто спокойнее. Но люди не перестали жить.

Теперь, в это сравнительно глухое время, мысль народа осмысливает то новое, что вошло в его душу; все перерабатывает, ко всему приглядывается, все наблюдает, многое сравнивает. Идет упорная, сильная работа.

~~Смотрите на это~~ обилие в последнее время диких, ужасающих по своей жестокости преступлений среди народа. Как пузыри над глубоким омутом, они показывают, что тяжело и трудно что-то бродит на дне.

Оторвавшиеся от единственно знакомой им почвы церковно-обрядовой морали, люди вышли на старую, давно, казалось, пройденную, давно забытую дорожку зверей.

Но другие, лучшие, отведя от обряда свои взоры, начинают упорно вглядываться в то, чем обряд жив.

И прежде человек покидал иногда родную, с детства знакомую церковь и шел отыскать и поклониться иному храму, тоже православному, тому же Христу посвященному, но где человек, не обряд, стоит непосредственно перед Богом; где праведник, восприняв обряд, поднимается над ним, и его подвиги, страдания, вера, доходящая до чуда, говорят с очевидностью всем, что жив Бог и жива человеческая душа и только ими живится мертвый обряд.

Теперь же больше, чем тогда, человек ищет взглянуть прямо в очи Бога, ощутить Его душой, почувствовать, как родную себе, хотя и бесконечно высокую личность.

И на нас смотрит человек вопрошающими глазами; хочет верить нам, еще ждет, нет ли у нас мысли ясной, которая осветила бы затянувшееся туманом небо жизни людей; не у нас ли сострадающее лицо Бога, могущего вывести к счастью и радости; не у нас ли правда, которой бы можно поверить, не боясь, что она предаст и обманет.

Но находят часто только обряд. И утомление ложится на лицо человека; чаяние овладевает многими; презрение и злоба складываются в душах иных. И уже поворачиваются многие из усердно чтивших святых наши и уходят от нас, гневные, грозящие мстить за прежнюю веру свою.

II.

Лицо мира не все обращено к человеку. Хотя за человека была проклята земля (Быт. III, 17), но раньше человека началось бытие ее, и она жила до человека, осуществляя особую, неведомую человеку, творческую, Божию мысль. И о соотворенном мире Бог сказал, что он хорош, и о твари, его населившей, что она хороша, — сказал тогда, когда не существовал человек. Очевидно, мир несет в себе мысль, которую человек не может взять всецело в себя, особые стороны бытия, которые не он поведет с собою к Богу.

Но в том, что в мире обращено к человеку, и в том, что он видит в себе самом, главное, как кажется, есть жизнь и смерть. Жизнь видится как добро и счастье, смерть — как зло и несчастье.

Может быть, низшая природа не знает смерти, как ясного страдания. Мало сознания, мало и боли. И где здесь рождение, где смерть?

Но и тут человеку как будто видится различие между тем, что есть жизнь и радость, и между тем, что есть смерть и страдание. «Только что по проталинкам весенним показались ранние цветочки... вылетает первая пчелка. Полетела по ранним цветочкам о красной весне разведать: скоро ли луга зазеленеют, распустятся клейкие листочки, зацветет черемуха душиста?» Вот эта новая весенняя жизнь, клейкие листочки, рост трав, краски и благоухание цветов, колыханье зеленеющих деревьев, — это всегда и всеми признается инстинктивно как жизнь, как радость бытия.

Для мира живых тварей смерть уже страшна, как тяжелое страдание, как уничтожение один раз в известном пункте времени и пространства собранного бытия, никогда уже не повторимого больше. Для человека смерть нестерпима: она страшит полным уничтожением самого важного, самого центрального в нем.

Жизнь есть то, что имеет право жить, что, видимо, благословляется и воспринимается Богом. Жизнь есть должное, смерть — не нужное.

В мире человеческом жизнь есть, прежде всего, размножение, как и в мире тварей, низших человека, но уже воспринятое человеческим разумом, человеческим сердцем, окруженное искусством, поэзией; это ласка, жалость к другому, забота о нем, помощь ему; это мысль человека, идущая к истине, его алкание правды, порыв к вечному, неуклонное движение вперед, — это лицо человека, обращенное к Богу. Жизни противоположны смерть и все, что ее окружает: разложение, уничтожение, болезнь, себялюбие, вражда, жестокость.

Жизнью глядит природа в лицо человеку с тем, чтобы он взял ее, смертью, чтобы отверг ее; жизнью и радостью глядит человек в лицо Бога, чтобы Бог воспринял их, смертью и злом, чтобы помог их уничтожить.

Смотрите, как человеку все понятно в жизни и как ему непонятна смерть; как понятна и естественна радость и счастье, как неестественны болезнь, горе, страдание. Они чувствуются, как несправедливое, ненужное, злое дело, всегда случайное, легко, казалось бы, устранимое.

Жизнью, размышлением, счастьем, красками, цветами — мир говорит человеку: возьми меня. И человеку понятно: это радость

бытия, молитва Кому-то. Он чувствует, что это может взять, что это Божье, безгрешное, угодное Богу.

И небо неисчислимыми очами глядит и говорит ему: здесь совершается великая тайна. Человек не знает, в чем она; к кому-то другому она обращена больше, чем к нему; но в том, что в небе обращено к нему, он чувствует, что это есть тайна жизни, иной и большей, чем его собственная; с чем-то неведомым и великим, но живым, она связывает и роднит его.

Но вот мир смотрит на него страданиями тварей своих, их болезнями, враждой, озлоблением, смертью, и человеку это непонятно, это скорбно. Он чувствует инстинктивно: это не надо, это не настоящее, злое, это не от Бога. И уже страданиями и горем жизнь не говорит: возьми меня, но: помоги мне, избавь меня от них. И тогда человек не видит в ней святого, доброго, благословенного Богом; напротив, чувствует другое: печаль природы, какое-то мучение ее, просьбу о помощи. Она нема, но как ощутительна. Кто не видал печали в глазах животных, которых убивают, изнуряют тяжелым, непосильным трудом? Они, как больные дети, просят о помощи скорбно, тяжело, горестно, не зная о своих страданиях: откуда, зачем они? Человек признает это мучение тварей, чувствует в нем свою вину; как-то смутно общит его со своими страданиями, со страданиями и неустройством всего мира. «Вся тварь (с нами) совоздыхает, ~~и~~ соболезует даже до ныне (Рим. VIII, 22)». И хотя он может потом притупить остроту своего сострадающего тварям, взволнованного чувства, забыться, затянуть боль сердца пластырем какого-нибудь софизма, наконец, может стать к горю жизни их жестоким и равнодушным, но ему всегда трудно признать, что это хорошее, что это Божье дело.

И сам человек ~~смотрит~~ ~~в~~ ~~лицо~~ ~~Бога~~ ~~своей~~ ~~жизнью~~ ~~и~~ ~~тем~~, что в ней есть доброго, и говорит: помоги мне удержать это при мне, помоги сохранить, ~~и~~ ~~знаю~~, ~~что~~ ~~в~~ ~~этом~~ ~~мое~~ ~~спасение~~. И смотрит грехом своим, злом, смертью ~~и~~ умоляет; от этого ~~избавь~~ меня, Боже мой! Эта просьба человека не как просьба природы низшей и тварей ее; она не нема, но слышна всем, ибо говорится громко и ясно; сознательна, но столь же, как та, постоянна. Это молитва всех религий — молитва о добре, о счастье, о жизни.

Кажется, что и Господь своей жизнью и своей смертью оправдал это сознание людей о торжестве жизни и добра с одной стороны, смерти и зла — с другой.

III.

Впрочем, в настоящее время настойчиво утверждают другое. Говорят именно, что Господь и Сам любил и людей научил любить не радость и жизнь, но страдания и смерть; что, по крайней мере, земную смерть он считал благом, а земную жизнь — злом.

Откуда идут эти мысли?

После падения человека что-то неладное вошло в мир. Добро и зло сплелись друг с другом, стали друг другу близки; зло окружило радость, красоту, рождение, и добро обнимает горе, страдание, смерть.

Добро вошло в смерть, и в рождение и в жизнь вошло зло. И когда говорим о жизни и смерти, когда размышляем об отношении к ним Господа, мы должны от смерти отделить то, что есть в ней доброго, и от жизни, что есть злого в ней.

Добро вошло в нашу смерть. Люди нередко берут страдания и смерть добровольно: одни, чтобы себя избавить от невыносимой тяготы жизни, другие — в надежде дать через них радость и жизнь своим ближним. Тогда смерть окрашивается красивыми, влекущими, как бы радостными цветами. Но злой сущности смерти они никогда не изменяют. Улыбка, которой мученик улыбался среди тяжелых страданий, есть улыбка не боли. Тут зло физического страдания притуплено высоким подъемом восторженного духа, — и разве это значит, что страдания, что боль их, есть добро и радость?

И о рождении, о деторождении, как скажем: оно есть только добро, или: оно есть только зло?

«В болезни будешь рождать детей (Быт. 1,16)» — это есть наказание Божие, этого не должно быть при нерасстроенном, божественном порядке мира. Страдания женщин при рождении детей, частые смерти их при этом — молодых, здоровых и счастливых, — какое это большое зло, тяжелое для сердца, непонятное мысли. И похоть, о которой св. писание говорит, как о начале греховном, в ней, несомненно, есть нечто греховное. Есть в деторождении святое и чистое, но есть и греховное. Часто мало заметное, иногда оно переходит в явно греховное, в грубо чувственное; в действия, мысли и чувства, в которых добро, радость и жизнь оскорбляются злом, страданием и смертью. Наша литература последнего времени, отличающаяся известным особым характером, отстаивает ~~свое~~ господство горя над радостью. Любовь Санина есть ~~человеческая~~ словеческая, а злая, паучья любовь, восстание смерти на радость жизни, на чистоту ~~ее~~ ~~на~~ ~~жизнь~~.

Все это следует иметь в виду и тогда, когда говорим об отношении к жизни и смерти нашего Спасителя. Мы веруем, что смерть Господа принесла миру великое благо, но для Него была ли она добром? Мы вспоминаем: Христос есть победитель смерти. Победитель? Следовательно, смерть есть то, с чем надо бороться, с чем боролся и Господь. Страдал ли Христос при смерти, от смерти? Страдал: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня» (Лук. XXII, 42).

Оплакиваем ли Его смерть, как несчастье, как горе, как зло? Оплакиваем. Содрогнулась от ужаса природа, когда Он умирал: «ужасеся земля, и солнце Спасе скрыся, Тебе невечернему Свету Христе, зашедшу во гробе плотски». И рыдая, горько плакала Мать Его: «Увы мне, Свете мира! Увы мне, Свете мой!.. О, Божий Слове! О радости моя! како претерплю тридневное Твое погребение? О горы и холми, и человеков множества, восплачитесь, и вся рыдайте со Мною, Бога вашего Материю» (из службы в Великую субботу). Рыдает Мать, и вместе с Нею, сострадав Ему и Ей, плачем мы.

Негодуем ли мы на тех, кто предал Его на смерть? Негодуем. Иуда — предатель, им гнушаемся. И сам он признал: «согрешил я, предав кровь невинную» (Матф. XXVII, 4). Умывшего руки Пилата презираем. Многим другим прощаем, но лишь за слово Самого пострадавшего: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лук. XXIII, 34).

Но если предстоявшая Христу чаша была добром, то как Он мог молить Отца избавить Его от нее? И если смерть Его была добром, то почему негодуем, зачем оплакиваем, отчего печалимся?

Нет, Христова смерть была делом великого добра, великой жалости к людям, ко всему миру, но страдания смерти были страданием, злом и для Него; и мучительное чувство ухода души «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил» (Мр. XV, 34) от тела, мучительное для всех, было мучительно и для Него. Это слова не радости от страдания, но мучения от него; слова, признающие страдания и смерть горем, несчастьем, областью, где Бог покидает. Это **не от Бога**.

«Отче! в руки Твои предаю дух Мой!» (Лук. XXIII, 46) Вот слова, обращенные к Богу от того в Нем, что не хотело подчиниться смерти, воспринять смерть. То, что в этой смерти шло от Него, это было добро; то, что в ней шло от людей, от дьявола, это было зло. От него шло желание добра людям, жела-

ние избавить их от смерти, Его хотение, Его воля дать миру жизнь и радость. От людей же греха и от дьявола шло желание убить добро и учителя добра, причинить Ему страдание, дать миру смерть и страдание. «Иисуса Назаряя... Сего вы убили, но Бог воскресил Его» (Деян. II, 22—24).

Он воспринял смерть, чтобы через нее дать жизнь. «Смертию смерть поправ»... то есть добровольностью смерти, «подвигом смертным», пройдя «путь смертный», Он дал миру жизнь. Как смерть, которая есть немощь, страдание, уничтожение, как она может дать жизнь? Правда, постоянное зерно дает новую жизнь не раньше, как начнет умирать. «Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (I Коринф. XV, 36). Но новую жизнь зерну дает не то в нем, что уничтожается, что уничтожено, а то живое в нем, что осталось живым и в гниении. И это живое, восприняв в себя, что можно из окружающей среды, дает росток, родит новую жизнь. «Когда ты сеешь, то сеешь... голое зерно, какое случится... но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело» (I Кор. XV, 37, 38).

Так, не смерть, как таковая, дала миру жизнь, но Сам Христос, но то, что и в смерти Его было живым и бессмертным: Его дух, не отделившийся от Духа Божия и в смерти. Его сердце, не переставшее любить мир и в страдании, Его воля, которая шла неуклонно исполнить Божию волю о спасении мира и человека. Это вечное в Нем, взяв смерть, отвергло ее для Себя, для людей и для мира.

Его смерть спасительна, потому что Он захотел спасти человека; Его страдания есть добро, потому что это страдания не отчаяния, но мужества, страдания и смерть, в которых не прекращалась, не умирала воля к жизни. «Его истощение было снисхождением Его милосердия, а не недостатком могущества» (слова св. Льва, папы римского).

Он взял смерть, как «оброк» греха, как то, что надо уничтожить; принял смерть, как болезнь, как страдание. Но взял их, не делая и на минуту началом Своей жизни. Господь нигде и никогда не воспринял смерть, как начало, как принцип Своей жизни, Своего дела. Как принцип, Он всегда ее отвергал, отвращаясь от нее. Потому Он и остался чист от греха и зла.

Это так и восприняли христиане от Господа. Прекрасны печаль и страдания великих умов и сердец великих аскетов, плач их о грехах, но только как великая тоска по добру, по радости, как великое стремление овладеть радостью. «Воскреснут мертвии, возстанут иже во гробех, и возвеселится иже на земли» (из канона

св. великомученика Феодора) — вот вера, одушевляющая и христианских мучеников. И белые ризы, которые мы одеваем при погребении, это не радость о смерти, но вызов ей, напоминание о победе над ней.

Принцип бытия для Господа всегда был жизнь и радость, принцип добра.

Относительно рождения следует рассуждать, как о смерти. Господь воспринял деторождение одобрением того, что в нем есть хорошего. Он с сочувствием говорит о радости родившей матери: «женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир» (Иоан. XVI, 21).

Указав на этот пример, Господь утешает затем учеников, выразительно утверждая, что печали не должно быть, а должна быть радость: «так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (стр. 22).

IV.

Кажется потому, что не разделяют в смерти Господа Его служения жизни от самой смерти, — именно поэтому некоторые думают, будто Господь считал жизнь злом, а смерть добром.

Господь ушел из мира, и человек спешил пойти за Ним, торопливо отбывая земную жизнь, как неизбежную, но тоскливую и докучную повинность, забывая, что Господь взял смерть, как средство, чтобы спасти жизнь.

Жизнь земли манила человека, ~~настойчиво~~ ^{настойчиво} удерживала его при себе. Земные привязанности успокаивали его больное сердце; искусство, поэзия, наука давали минуты ~~чистой~~ и высшей радости; земная любовь сообщала смелость и ~~силу~~ ^{силу} душе, влекла к себе почти неодолимо. Но человек неотступно смотрел на Распятие и отодвигал то, что ему мешало видеть смерть и небо; отодвигал, как зло, все, что было вокруг, отрывал от него сердце, иногда причиняя себе «кровоточащие» раны; сурово, даже жестоко, устранял людей, мешавших ~~ему идти~~ ^{ему идти} по избранной им дороге. Стало казаться, ~~что земная печаль~~ ^{что земная печаль} законна, что ~~лишь~~ ^{лишь} страдание есть добро. И человек понес к смерти все: молитвы, надежды, дела; здесь нашел ~~чуть не весь~~ ^{чуть не весь} смысл своей веры.

И радость, здоровье, жизнь земли мало-помалу остались вне круга, который мог видеть глаз, упорно устремленный на смерть.

И они стали отходить в сторону не только с тем, что было в них зло, но и с тем, что было в них добро — оскорбленные и униженные.

Они отходили от религиозной души, как нечто враждебное и неприемлемое ею. Самые мудрые, самые сильные, самые твердые бежали от жизни. Казалось, жизнью могут пользоваться только недостаточно умные — так думали мудрые; только неверующие — так думали верующие; только грешные и развратные — так думали добродетельные.

Около же смерти все ожило, все заговорило, все закипело. Мысль о ней напитали всем, что было у человека лучшего; все побросали в этот огонь, который зажегся около смерти. И он стал громадным пламенем, и его яркие языки окрасили зловещим светом всю жизнь, все ближние и дальние углы ее.

Литература, искусство, наука, чувство дружбы, родства, вся жизнь земли стала цениться лишь постольку, поскольку служила смерти; тем же, где они звали к радости о жизни, о земле, о человеке, — они отрицались или допускались, но лишь как неизбежное зло. Пришли мысли, что Господь и мир, Им созданный, не могут жить вместе: надо было или урезать земную жизнь, лишив ее тепла, солнца и радости, или, оставив их, сузить дело Господа до проповеди только труждающимся и обремененным. И когда думали, что жизнь земли должна быть религиозна, то многие представляли ее как монастырь, и людей — как бесплотных и безкровных существ; полагали, что тогда должны погаснуть ее разнообразие и роскошь, замолкнуть на ней звуки, кроме колокольного звона, исчезнуть запахи, кроме запаха ладана, что завянут цветы, кроме тех, которыми украшают могилы; литература будет сплошь аскетической, музыка только церковной.

Впрочем, все это достаточно разъяснялось в последнее время с разных сторон. Только не было указано, что, отвергнув мир земли и то, что он дает человеку, многие из людей церкви обесценили и самого человека, не одно лишь тело его, но и душу.

Человек живет в этом мире; он связан с ним тончайшими нитями, связан столь крепко и многообразно, что нет возможности указать, где в нем кончается «этот мир» и где начинается то, ~~что~~ ^{что} должно быть воспринято небом.

Найдя, что земное в человеке враждебно небу, но не в состоянии отделить его от небесного в нем, мы признали, наконец, что враждебен Богу, малочеловечен ~~для Него и весь человек~~.

Смотрите, как мы, верующие во Христа, признающие жизнь лишь в этой вере, вне же ее смерть, — как мы равнодушны, как безжалостны к людям, уходящим от нашей веры и церкви.

Вот уходит от нашей церкви, полагаем, что и от Христа, почти вся наша так называемая интеллигенция. И когда видим это, мы говорим: это ничего; интеллигенция наша давно нерусская и неправославная; она давно отделилась от народа. И помнится, один епископ, уже умерший, хороший и почтенный человек, запретил духовенству своей епархии употреблять в официальных бумагах самое слово интеллигенция. Человек должен иметь Бога в разуме, разъяснял он, интеллигенция же означает людей, которые разум ставят выше Бога.

Запрещая употреблять слова, от фактов мы отворачиваемся, говоря самонадеянно: пусть уходит интеллигенция, у нас останется народ. Может быть, это будет даже лучше для церкви: когда поле очищено от сорных трав, тогда буйно поднимаются и полновесными выходят полезные злаки.

Но сотнями и тысячами стал уходить от церкви и веры народ. Тогда говорим: это уходят рабочие, фабричные, это оторвавшийся от земли, испорченный класс. И когда уходят крестьяне, то говорим: это уходят худшие «крамольные» элементы. И когда уходят везде и всюду, уходят легко и свободно, часто без душевной борьбы, без тоски, без ужаса, — тогда говорим: это уходят люди, которые имеют злую волю. «Теперь люди отворачиваются от церкви потому, что они стали злы и бесчестны... Теперь люди, как книжники и фарисеи, противятся Спасителю, противятся церкви потому, что в них развились злые чувства» — так сравнительно недавно говорил на торжественном собрании один из видных епископов наших.

Но куда уходят и что, уходя, покидают?

Уходя из церкви и от Христа, мы верим — они уходят из того пространства, которое освещено Божией мыслью; делаются чуждыми благодатной силе, которая ведет смутные толпы людей чрез необозримые поля веков к еще неясному, но великому свету, которая зверей хочет сделать людьми, ангелами, подобными Богу. Они живут, не поддерживаемые волей молитвы подвижников, разобщаются от крови мучеников, от крови, пролитой Христом.

Какою скорбью должно бы сжаться сердце верующих во Христа, когда их взоры видят целые толпы людей, уходящих от церкви; какую скорбью и ужасом должно бы сжаться особенно сердце тех, кто преимущественно перед всеми взяли на себя хра-

нить эту кровь, молитвы, дар чудес, это море святого и возвышенного, которое дать оказались способными лучшие из людей.

Но у нас нет скорби о человеке; мы не ужасаемся уходом людей; не обвиняем в нем себя.

Человек не нужен для веры в смерть; он слишком связан с землей и унижил себя этою связью, чтобы ему можно было пойти на небо; он любит свою и чужую жизнь, ум свой, данный Богом, свободу его, красоту и радость земли — и как он может все это взять с собою в этом движении к небу?

Уходит от церкви, умирает для нее человек, тогда начинает жить закон.

Мы обесценили человека, зато чрезвычайно повысили цену обряда, закона, наконец — отвлеченной истины. «Быть может, — говорилось в той же речи, — православию суждено в будущем подвергнуться преследованию и православным остаться в малом числе, но и это еще не поражение, не смерть, — лишь бы самое православие наше оставалось чистым и неповрежденным».

Так, забыв о том, что Господь Своим воскресением сказал: человек должен жить, — забыв об этом, мы утверждаем: это не поражение, не смерть для православия, если человек уходит и умирает.

Не смерть — может быть, но почему не поражение?

Не смерть — да, но поражение несомненно.

Не охранить, но «исполнить» закон было Христовым делом; не пронести только неповрежденной истину православия чрез смену веков и народов, есть дело церкви, но научить людей осуществлять ее в жизни.

Но обряд и закон удобнее, чем человек. Они бесстрастны и безжизненны; живя на земле, они не увлекаются земным, не сплетаются своими корнями с корнями земли.

И вы безжалостно можете отсекал тогда всё земное: искусство, науку, радость, самого человека. Закон не понесет от этого ущерба, небо не пострадает. Закон будет лишь чище и выше, и еще легче ему будет идти в чистое, далекое небо.

Тогда нет нужды жалеть человека, уходящего от церкви, тогда незачем считать себя ответственным за этот уход; тогда можно веровать в Бога и искренно считать себя христианином, не исполняя учения Господа.

И мы преклонились пред обрядом и законом; около них движется наша мысль, идет борьба. Мы чутки к обидам, которые им наносятся. К обидам же, наносимым человеку, слепы и глухи;

боимся посмотреть ему прямо в лицо, не можем выдержать взгляда его страданий, нищеты, смятения, неудач, гибели, как и его жестокости, злобы, его тупой нетерпимости.

Так легко, оказывается, спрятаться за обряд, за закон, а самому уйти в сторону и сказать: вот закон, к нему обращайтесь, его слушайте. Так легко навстречу мятущейся и кричащей от боли душе человека, живой и подвижной, выдвинуть стену закона, камень обряда, холод и высоту отвлеченной истины, и отойти, и даже не смотреть, как будет биться душа о холодные, твердые камни.

Иногда она покоряется их безжизненной, но крепкой, неколеблющейся силе, иногда разбивается о них; но чаще уходит от них в далекую, чуждую сторону, как осенью, от холодных ветров и дождей, запоздавшая птица улетает в далекие, чужие, но теплые страны.

Часто и многие уходят, но нам какое дело? Камень остался на своем месте. И хотя около него делается пусто, но он цел, и мы попрежнему твердо стоим около него и не спускаем с него глаз. А где люди? Где Бог? Где плоды вочеловечения Бога, Его смерти, Его воскресения?

Ибо если умирает, малоценным делается человек, до удивления от нас, как бы лишним делается, как бы умирает и Бог. Он пришел для человека. Если же человека нет, то для чего Бог? Для чего вочеловечение? Чтобы не погибла отвлеченная истина, для сего Богу не надо было делаться Человеком. Она не погибла бы, если бы и не было вочеловечения; но погиб человек без него.

И оно было, чтобы человек не погиб.

Сделав ненужным человека, мы потеряли и Бога; стали разрывать завязанную Господом связь между землею и небом.

Бог вновь ушел на небо, в недоступные для нас высоты.

Это не значит, что мы нечто новое, высокое, величавающее Его, поняли в Нем; напротив, мы утратили из знания о Нем то живое, что делало понятным и самоочевидным Его бытие, что, как жизнь, было воспринято в Нем лучшими христианами.

Бог стал далеким и отвлеченным. И в этом отвлеченном знании уже не находилось содержания столь действенного, чтобы оно само оправдывало жизнь, счастье и радость, чтобы перед ним смерть и болезнь снимали скрывающие их злую сущность покровы. Две тысячи лет устроили люди на земле Божие царство, а теперь ищут Того, в Чье имя работали.

V.

Но не от мысли, что человек должен умереть, а от мысли, что он должен жить, надо идти в наших мечтах, в делах наших, и в вопросе церковных реформ. Человек должен жить сначала здесь — на земле, потом на небе; жить телом и духом. Тут тайны и недомолвки, но все же видится, что и мир, низший человека, и тело человека будут восприняты Богом в какой-то глубочайшей жизненной основе своей.

Везде есть жизнь и везде есть смерть, и надо помогать жизни и надо бороться со смертью.

И низшая природа от Бога и тело человека от Бога, и, значит, в них есть добро, то, что нужно, что должно жить; чего обойти нельзя, устранение чего ведет к злу и смерти.

Но жизнь в природе низшей, в ее тварях, в теле человека мало опознает себя; жизнь в духе человека сознательна и отличает зло и смерть, страдает от них и ведет с ними борьбу. И потому дух должен руководить телом, не отрицая и не подавляя его, но указывая ему, где путь к жизни и где путь к смерти. И так во всем: в рождении, в смерти, в жизни, в искусстве, в науке.

Господь не ушел от природы мира низшего в пустыню, не закрыл на нее глаз, не закрыл слуха своего для звуков, которыми полна ее жизнь. Он брал в себя мысль, которую давало озеро родной Ему Галилеи в спокойные и бурные времена свои; не бесследно коснулся души его вид поля с лилиями, на нем расцветшими; и радость восхода солнечного, и печаль заката, и тишина ночи в Гефсиманском саду налагали на Его душу глубокую молитвенную думу.

И если искусство, если поэзия в значительной мере есть, как говорят, отражение мира природы в душе человека, то как и почему бы Он, не отклонивший от нее ни очей ни слуха, почему бы Он отрицал искусство? И если наука есть стремление человека взять небольшим умом своим великую мысль мира, то Он, осветивший мир делом, Он мог отрицать науку?

Но Господь не был ни поэт ни ученый и не вступал в брак: он пришел в мир, как Человек, для важной, великой работы духа. За жизнь духа боролся Господь. Но свет истины и добра, который явился, как результат Его борьбы, он может осветить и укрепить жизнь тела лучше и больше, чем что другое.

Раньше того, как делают поэтом или художником, раньше того, как вступают в брак, — раньше этого и во время этого каждый должен быть человеком. Прежде человек, потом худож-

ник. И стать истинным человеком есть не меньшее доказательство родства с землей, чем быть поэтом, живописцем, ваятелем. Почему быть поэтом значит признавать землю и ее красоту, а быть человеком, который научил людей доброй жизни на земле, — почему это значит отрицать землю и ее красоту? Почему вступить в брак и родить детей значит любить землю и признавать ее радость, а будучи мудрым и сильным духом — облегчить для рожденных и уже пришедших в мир тяжесть жизни, — почему это значит ненавидеть землю и отвергать ее радость?

Быть человеком не значит непременно воспринять в себя всю гамму человеческих переживаний. Люди бесконечно различны, и если исключить грех, все же бывает, что та высота, до которой доходит один, для других представляет ступени уже пройденные и оставшиеся далеко внизу. Рождение необходимо людям, оно благословляется Богом; но отсюда не следует, что оно необходимо для каждого человека.

Жизнь духа погибнет без жизни тела; но еще больше без жизни духа тело подчинится злу, будет служить смерти. Люди хвалят благочестивую Анфусу, которая родила сына, ставшего потом Златоустом. И разве это ее грех перед Богом, что она родила сына таких дарований? Но еще больше хвалят люди, что она сумела воспитать ребенка, посвятив исключительно ему свою **молодую, цветущую жизнь.**

И еще больше инстинктивно и сознательно почитают люди самого Иоанна, никого не родившего по телу, но научившего многих учению Христа.

Что же, разве то, что молодая мать, отказавшись от второго замужества, воспитала эту благородную, чистую душу, разве то, что сам Иоанн служил в своей жизни добру — разве это было их грехом против земли и ее радости, против счастья, против жизни?

Нет, люди славят и родившую и рожденного. И это уважение к родившей не противно Богу, и это почтение к рожденному не оскорбляет мира земли.

Не отрицал Господь человеческой жизни, ни семьи, ни искусства, ни науки. Он лишь мало о них говорил, так как говорил о том, что находится в основе всего: о человеке. Господь прожил на земле целую человеческую жизнь, уча людей, как им жить на земле, служа добру и жизни, не поработавшаяся страданиями и злом, не служа смерти.

Он воспринял человека и человеческое в круг своих мыслей, дум, переживаний.

Все люди любимы Богом, не одни аскеты; вся жизнь принята в движении к небу, не одни молитвы. Не за молитвы были благословлены Господом дети; не ради их молитвенных воздыханий. Он обнял их, но потому, что жили они — невинные и чистые, еще нося в себе неделимыми добро, радость и жизнь, как нераздельны они были согласно Божией мысли в первые дни творения.

Но если Господь принял человечество в единение со своим подлинным, духовнейшим Божеством, если Он воскрес с человечеством и с ним ушел на небо, то как можем мы считать низким для своей духовной природы единение с земным; как можем считать невозможным повести с собою земное в своем движении к Богу. Господь взял с Собою человеческое, отринув лишь злое в нем; дух человека должен взять с собою телесное и земное, откинув лишь греховное и косное в нем.

Благословляю хлеб, лежащий на престоле алтаря церковного, и говорю: «Сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа твоего»; и думаю: это хлеб воспринимается Богом, как тело Богочеловека, — обычный, земной хлеб, на деревенском поле выросший, рукою крестьянина посеянный, молитвой священника благословленный, и думаю, как земля и ее мир не враждебны, а родственны Богу, создавшему их.

И когда вижу, что церковь взяла наше плотское размножение, взяла его из глубин мира физического и, окружив теплом человеческой, сознательной, духовной любви, донесла это дело до тех высот, где начинается непосредственное касание человека Богу, приняла его в число таинств, сравнила его с крещением и причащением, — я думаю: ужели правы, кто говорит, будто Господь или церковь против брака и деторождения?

И поэзия, искусство, — если они служат добру, радости, жизни, — почему они не могут в высших проявлениях своих коснуться Бога и получить от Него в помощь благодатные силы? Если Бог дает помощь при вступлении нового человека в жизнь (как в крещении), при его стремлении, понявши, где правда жизни, стать на путь добра (как в исповеди), то почему Он не даст ее поэту, которого душа горит огнем сказать людям ту новую правду о мире, или о человеке, или о Боге, для которой они слепы, но он видит ее, дрожа от восхищения в уединении своем?

Умер человек. Мы полагаем его тело в церкви, перед ним зажигаем светильники, покрываем его священными покровами. И священник «воздаст ему честь каждением и поклонением».

Это церковь указывает чрез священника всем: веруй, оно не умрет, оно восстанет. Смерть не будет победительницей, она

будет унижена. «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим» (из пасхальной полунощницы). Церковь дает эту мысль мне и всем, великую мысль и говорит: не забывайте этого, работайте в эту сторону. Многое тут неясно, но истинный свет в этой стороне, без этого нельзя жить. Без воскресения нет разума ни в жизни природы, ни в жизни тела человека, ни в жизни духа его.

И священник воздаст телу усопшего честь и думает: надо, чтобы люди поняли, что в самой смерти мы «смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало» (из пасхальной утрени).

VI.

Человек должен жить.

При этой мысли умаляется обряд, закон, отвлеченная истина. Ибо не их Бог сотворил, чтобы им жить вечно. Даже сказанный непосредственно из Божиих уст, даже переданный чрез великого пророка закон оказался недостаточен, чтобы спасти человека. Оказался нужным подвиг Бога и человека, чтобы закон ожил. Подвиги Господа и Его учеников дали ему краски, вдохнули душу, сообщили действенность.

И навстречу человеку Господь стену закона не выдвигал, не обвинял людей высокомерно. Это не Его мысль: люди злы, но, слава Богу, закон цел. Его мысль такова: люди злы и несчастливы, поэтому умру за них, чтобы они стали добры и счастливы. И не бесстрастный закон, не холодный и мертвый обряд придет и предстанет пред Богом на страшном суде Его, но живой человек; и не закон, но человек будет судим.

Человек грешен? Значит, он должен стать святым. Он «зол и бесчестен»? Значит, должен стать добрым и честным. Для этого пришел Господь; это есть цель, к которой должна стремиться основанная Господом церковь. Он пришел для больных, чтобы сделать их здоровыми; для рабов, чтобы они стали свободны. Но он пришел и для здоровых и для свободных, чтобы сказать им: нельзя быть здоровыми и свободными, когда кругом нищие и рабы. Освободите тех, подымите этих, и тогда пойдете дальше все здоровые, все свободные, все радостные.

Мы должны смотреть в живое и одушевленное лицо Воскресшего Бога и в лицо человека, который создан воспринять данную воскресением жизнь. И светом правды, которую почувствует при этом сердце, ~~мы~~ осветить жизнь нашего народа; ибо ему прежде всего ~~принадлежит~~ служить православная церковь.

Мы видим народное невежество, бесправие, нищету. Слышим, как говорят: загноился народ от пьянства. Знаем, что десятки и сотни тысяч людей заражены дурными, разлагающими тело болезнями, от которых молча страдают и умирают, никем не предостереженные, не видящие, чем помочь себе.

Видим и слышим все. Но равнодушны мы и холодны к обидам народным. Не только впереди тех, кто борется, негодуя, с народным горем, но и рядом с ними, около них, наши голоса мало слышны, и не видно дел наших. Кто, какой церковный собор или съезд взял, как свои, эти тяжелые обиды?

И как ничтожны оправдания: мы ведем людей на небо и не обязаны заниматься делами земли. Но от нищеты, от пьянства и дурных болезней не могут родиться чистые и светлые мысли, святые и смелые души со стремлением к небу, могущие вести за собою других. Даже те, кто научил пренебрегать земным, не от нищеты и болезней взяли свой свободный и сильный дух; но в пустынях они тратили от того богатства здоровья и силы, которые веками копили их предки, не уходившие от мира земли.

Впрочем, мы ясно видим в последнее время, какая озлобленность и жестокость душ вырастает на почве оскудения народа.

Именно от этих источников питаюсь, давно невиданная река крови, уже несколько лет, широко и бурно несет по нашей земле мутные волны свои.

Мы должны бы громче всех закричать о нищем и больном теле народа и о душе его, столь озлобленной и печальной; ибо делом любви христианской называется забота о жизненном горе народа. И много и сильно мы могли бы помочь людям в их горе, — около каждого храма создать крепкую и сильную защиту веры, правды и дела любви.

Но мы не сделали этого. Нам вверено было Божие слово, и мы сохранили его, но мало ему научили людей.

Все сохранили мы.

Сохранили слова о Христовой любви; повторяем их каждую церковную службу, говорим о ней в пространных проповедях, **воспеваем** звучными хорами.

Но не действительны святые слова в наших устах, они не зажигают сердец Господней любовью.

И веру сохранили «чистой и неповрежденной»; но слабей ее сделали, ибо — видим — к чуждым богам уходят люди от веры ~~нашей~~. И церковную власть донесли с собою, но мало властны, не сильны, не подчиняют себе ее веления.

Не действительны наши слова о любви, ибо за ними не стоит богатая подвигом жизнь. Не возвышается до чудесной, перерождающей силы вера. Слабеют приказания Церкви: тут часто стала слышна осторожная речь боязливых людей и скрип консисторских перьев, когда была необходима стойкая борьба с сильной неправдой земли.

Все мы сохранили, но малому научили людей; все имеем, но немного воплотили в свою и чужую жизнь.

На молитвенном собрании штундистов, — куда я как-то случайно зашел, — среди других сидят две девушки, которых еще недавно я знал православными. Мне известна их история. Они приехали из деревни, служили в большом доме, где отдавалось много квартир. Их была целая колония — молодые, веселые хохлушки. Днем они бегали, носили обеды, ставили самовары; вечером долго хохотали, о чем-то шептались внизу, пока часов в двенадцать не затихало все. И так всякий день. О чем они думали, какие у них были «духовные потребности» — кто этим интересовался? Я — священник — что знал относительно их?

Молились ли они Богу? Наверно, молились; то есть усталые и полусонные говорили, зевая и крестясь, две-три малопонятные фразы. В чем была их связь с церковью? В великом посту они говели; стояли в церкви целой толпой, ожидая исповеди, сказали священнику грехи, на другой день одели новые платья и причастились.

Шло время. С одной из девушек случилось несчастье: она родила ребенка. Ее били, прогнали из дома. К счастью, парень не бросил ее; они пришли ко мне, и я повенчал их. Затем такое же несчастье случилось и с другой. И она была брошена тем, кто ее соблазнил. И уже в горе она не пришла к священнику; не потому не пришла, чтобы священник был злобен или груб, а потому, что было неприятно, было бы странно пойти к священнику не относительно венчанья или похорон, а пойти с горем, с несчастьем, с бедой. Я потерял ее после этого из вида. И только когда она и ее подруга перешли в штундизм, услышал конец ее дела: штундисты направили на истинный путь ее соблазнителя и поженили их.

И вот, я смотрю на этих девушек и на других штундистов, которые, наверно, еще все были недавно православными, слушаю, о чем они говорят, что поют, и думаю: у них еще мысли наши, еще чувства наши, еще слова наши. У нас, не в другом месте, они высмотрели что-то и взяли себе, и это взятое у нас питает

и греет их, делает их счастливыми, в силах сделать их из блудников целомудренными, из пьяных трезвыми. А взяли они немного и несильное из богатства нашего. Их песни не талантливы, напевы унылы, их мысли не обширны. У нас же в руках вечное и большое, скованное мировыми страданиями, спаянное мировой мыслью, рассчитанное на века, принятое народами. И так легко бы от этого вечного и всеобъемлющего уделить им то немногое, что их удовлетворяет. Но мы ничего не дали им от богатства нашего, и они ушли от нас.

Понять бы нам, что мысль о «бесчестности» уходящих от Церкви вынесена от уединения — верим — высокой и чистой, но отрешенной от мира, монашеской жизни; увидеть бы, что горе народа есть обида Христу и вере нашей, и свою вину в этом горе признать; пойти бы к церковным реформам не от узкого ручья интересов своего сословия, но от широкого моря народных нужд, от безбрежного океана той любви и жизни, к которым Господь зовет человека.

Только тогда станет явно для всех, что тоскою о Христовом идеале, что живою тревогою о Нем загорелись души представителей Церкви.

БОРЬБА ЗА ЦЕРКОВЬ

СВОБОДА СОВЕСТИ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АТЕИЗМ?

Издательству «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

Уважаемые! Я с большим интересом и вниманием прочел книгу А. Н. Алексеева «Атеистическое воспитание учащихся при изучении истории СССР в средней школе» (главным образом, первые шесть глав). Изд. 1976 г. Разрешите поделиться своими мыслями, вызванными чтением этой книги. Для всякого писателя-антирелигиозника является, кажется, бесспорным то, что атеизм есть научное мировоззрение. В этом авторы настолько уверены, что не находят нужным обосновывать это и, произнося слово атеизм, всегда сопровождают его эпитетом «научный».

Научный атеизм (стр. 8). Но существует ли в действительности научный атеизм? Когда я произношу слова «научный атеизм», я должен предполагать, что учение о материи, ее вечности, бесконечности, объективности, о ее непрерывном движении во времени и пространстве также научно убедительно, как, например, геометрическая теорема, исторический факт, подтвержденный документом, как закон природы, проверенный экспериментом. В Большой Советской Энциклопедии мы читаем: Одной из отличительных особенностей науки является **строгая доказательность** ее положений и выводов. Никакая наука не **мыслима** без доказательств, ни одно положение не может приниматься на веру. Когда мы с таким требованием обратимся к положениям атеизма, то окажемся в затруднении. Как доказать вечность материи? Какой опыт проник в беспредельное и безначальное? Чей глаз или чей математический расчет мог доказать это? Вечность материи — понятие иррациональное, непостижимое и недоказуемое, оно не может иметь хождения и играть роль в научном мышлении, где все должно быть рационально. Как доказать самовозникновение жизни, сознания, разума из мертвой материи? По этим вопросам существуют гипотезы, но нет единомыслия между учеными. Поэтому атеизм нужно бы назвать сочетанием научных гипотез-предложений с **верою** в материю. Да, — с верою в материю. В самом деле, как иначе назвать такие положения атеизма, которые мы читаем в «Настольной книге атеиста» (Изд. 2-е, 1971 г.).

«Материя — это та основа, которая в своем развитии порождает создание и предопределяет его развитие» (стр. 413), «источником закономерности в природе является сама материя, которая находится в вечном движении, развитии» (стр. 424). Можно ли понять, что бессознательная неразумная материя еще до появления человека могла мыслить? Ведь несомненно прежде, чем создавать, нужно мыслить. Итак, научного атеизма нет, есть только вера в материю, подкрепляемая гипотезами. Особенностью научного знания является то, что оно принудительно для человеческого ума. С научным положением мы не можем не соглашаться. Не эту ли особенность атеизма — его недоказуемость — объясняется «живучесть» религиозных верований. Если бы существовал научный атеизм, тогда давно бы умерла религия, особенно в нашей стране, где в течение нескольких десятилетий ведется активная борьба с религией.

На стр. 104 мы читаем такие слова: «Уроки истории должны быть насыщены яркими убедительными фактами. Только при этих условиях они будут воспитывать у детей ненависть и презрение к церкви, религии и ко всем тем, кто использует их в порабощении народных масс». Итак, задача преподавания истории в школе заключается в воспитании в детях чувств **ненависти и презрения** к религии. Поэтому, в поле внимания учителя истории должны превалировать те исторические факты и периоды, на которых можно показать, что «церковь постоянно выступала на стороне угнетателей», «нечестно эксплуатировала крестьян» (стр. 106), «всегда играла реакционную роль» (стр. 112), «религиозная мораль лжива и лицемерна» (стр. 119).

На протяжении тысячелетнего существования христианской церкви в нашей стране таких фактов можно набрать множество, но как историку быть с теми фактами, которые имели место в истории церкви, но на которых нельзя воспитывать ненависть и презрение? Очевидно, такие факты нужно опустить или исказить. Такое впечатление мы выносим из книги. Примеры: на стр. 100-101 автор касается исторического факта введения христианства на Руси в 988 г. и рекомендует при прохождении этой темы подчеркивать «заинтересованность феодальной верхушки в христианстве как средстве закабаления трудящихся» (101). Автор ничего не пишет, нужно ли в этой теме упоминать о всех культурных последствиях этого события. А ведь эти последствия были значительны. Вот что об этом мы читаем: «Крещение на Руси явилось прогрессивным фактом, оно сопровождалось про-

никновением на Русь образованности, книг, рукописей, причем помимо церковных, русское общество узнало некоторые произведения художественной литературы, литературные сборники, сочинения на исторические темы, что способствовало расширению кругозора русских людей и развитию древне-русской литературы. Богатые монастыри обеспечили некоторой части монашества возможность для занятий литературной работой, что имело немаловажное значение в истории культуры. Церковь вела борьбу с пережитками родового строя (Б.С.Э., том 46, стр. 361). Еще пример. Услужливая история преподносит учителю факты, на которых он с успехом может развернуть работу по воспитанию в детях ненависти и презрения. На 102 стр. книги читаем: «при изучении курса истории СССР в VII классе учитель имеет возможность показать еще одну сторону религии и ее служителей: она всегда становилась на сторону угнетателей народа, изменяла ему... православное духовенство приспосабливалось к захватчикам». Но в действительности ведь было и другое, о чём нельзя умалчивать. «Крупный церковный и общественный деятель Сергей Радонежский являлся сторонником усиления великокняжеской власти и активной борьбы с монголо-татарским игмом. Содействовал объединению русских князей перед Куликовской битвой (Б.С.Э., т. 38, стр. 500).

А вот еще пример того, как автор советует в интересах воспитания ненависти и презрения к духовенству исказить исторические факты. На стр. 107 мы читаем: «При раскрытии вопроса «народное ополчение под предводительством Минина и Пожарского» необходимо акцентировать внимание на неприглядной роли церкви и духовенства в этот тяжелый для русского народа период... создаваемые ими ополчения вливались люди разных сословий: дворяне, купцы, ремесленники, крестьяне, не было в ополчении только священников и монахов». «Гермоген (1530-1612) патриарх Московский и всея Руси, один из образованнейших людей своего времени, выступил против польско-литовской интервенции, вероломно захватившей столицу Руси — Москву в сентябре 1610 г., и призывал в своих грамотах встать против захватчиков «всей землей». (Гермоген — инициатор создания народного ополчения). Интервенты захватили Гермогена и убили его голодом». (Б.С.Э., т. 11, стр. 139). «Самому большому и богатому в то время монастырю, Троицко-Сергиевской Лавре, принадлежала значительная роль в обороне страны от иноземных захватчиков. Монастырь принимал активное участие в подго-

товке Куликовской битвы... В 1608-10 гг. во время польской интервенции, Троице-Сергиевский монастырь, охранявший коммуникации Москвы со средним Поволжьем и Поморьем, был осажден польским войском под командованием Салега и Лисовского. Защитники монастыря-крепости (около 2500) героически выдержали 16-ти месячную осаду, закончившуюся поражением польского войска. В обороне крепости принимали участие около 2,5 тысяч воинов, монахов и крестьян. В Лавре укрывалось также много женщин и детей из окресных посадов и сел.» (Б.С.Э., т. 3, стр. 272).

Рекомендации Алексеева о том, что не нужно стесняться искажением фактов для достижения большего эффекта в антирелигиозном воспитании, могут поставить учителя в затруднительное положение. На стр. 121 автор пишет: «Так же кратко учитель останавливается на творчестве и атеистических взглядах М. Ю. Лермонтова». Следуя совету Алексеева, учитель и начнет говорить о Лермонтове как атеисте. А ребяташки ему возразят и скажут, а зачем же Лермонтов, если он атеист, писал такие стихотворения: «Молитва», «Пророк», «Ветка Палестины», «Когда волнуется желтеющая нива». На стр. 124 автор сетует на школьный учебник и сетует, что ни в одном параграфе этой темы (Культура России в 60-90 г.г. 19 ст.) в учебнике не указывается «на антирелигиозную направленность литературы». Автор исправляет упущение учебника и на 125 стр. перечисляет великих русских писателей, произведения которых, якобы проникнуты антирелигиозными мотивами. В список таких писателей попадает и Чехов. Представим себе, что учитель, поверивший Алексееву и сам только поверхностно знакомый с Чеховым, на уроке «выпадет» такую фразу: «И Чехов был антирелигиозный писатель.» А среди учеников такого учителя ведь может быть развитой начитанный юноша, он не постесняется спросить: «Как же Вы называете Чехова антирелигиозным писателем, когда у него такие произведения — «Святою ночью», «Студент», «Архиерей», «Степь» — в которых отчетливо проступают религиозные мотивы. Учитель, поверивший Алексееву, будет сконфужен. Метод искажения применяется автором на всем протяжении текста этой книги, несколько варьируя темы. Автор пишет о «реакционном характере религиозной морали. живности религиозно-нравственных поучений» (стр. 114), но не считает себя обязанным процитировать какой-либо текст из религиозных документов (например, Евангелия). Он ссылается на поступки людей и по их поступкам судит

о религиозной морали. Это подобно тому, как если бы мы по игре плохих музыкантов судили о качестве музыкального произведения. Увлечшись антирелигиозной пропагандой, Алексеев иногда утрачивает чувство меры и не соблюдает осторожности. На стр. 115 он пишет: «Православное духовенство погрязло в лицемерии, тупости, пьянстве, обжорстве и разврате. Оно пало нравственно». Я боюсь, как бы наши знаменитые покойники Добролюбов и Чернышевский не выступили с протестом против таких категорических утверждений. Ведь их отцы были священниками, и это умные образованные порядочные люди: в их семьях дети получили задатки той высокой нравственности, носителями которой они оставались всю жизнь. Известная Вера Фигнер в своих воспоминаниях пишет, что идея самоотверженного служения народу у нее, как и у других молодых людей, будущих народников, сложилась под влиянием знакомства с Евангелием.

На стр. 106 автор напоминает основное требование методики преподавания истории в школе: в первую очередь, изучающие историю должны знать факты, чтобы не было верхоглядства, «никакие положения и рассуждения не будут убедительными, если они не опираются на конкретные факты». Это на стр. 106, а на стр. 121 он же пишет: «Как известно при изучении курса истории СССР дается много терминов и понятий, связанных с историей религии, церкви и атеизма. Все они должны быть осознанно усвоены учащимися». При этом автор перечисляет 25 терминов, которые должны быть **о с о з н а н н о** усвоены. Термины различны по своей усвояемости. Для усвоения одних не требуется много времени, например, проповедь, проповедник. Для других требуется знание целых отделов всеобщей истории. Для усвоения понятия «христианство» нужно знать историю Римской Империи и основные документы Христианской религии (Евангелие и Послания Апостола Павла). Для усвоения понятий Папская область, Каносса, Ислам и т. п. требуется хорошее знание истории Средних веков. Без хорошего знания истории ~~эти~~ понятия могут быть только **поверхностно усвоены, а верхоглядство неизбежно.**

Подведем итоги и спросим, какой образовательный и воспитательный эффект получает школа от работы преподавателей истории? Ограничение познавательного исторического материала **рамками** отделов и фактов, которые пригодны только для антирелигиозного воспитания, суживает историческое образование. **Обилие** исторического материала при недостатке времени

ведет с неизбежностью к отвлеченности и верхоглядству. Что касается воспитательного эффекта от преподавания истории, то он значительно выше образовательного. Учителям истории удается привить детям ненависть и презрение к религии и церкви. Приводим несколько фактов, о которых мы слышали от знакомых или свидетелями которых мы были сами. В Страстной Четверг после службы 12 Евангелий старушки выходят из храма по обычаю с зажженными свечами, которые они держат в руках или несут в фонариках. Старушек на церковной паперти ждут девочки-пионерки. Лишь только старушки появились, девочки набрасываются на них, вырывают из рук свечи и фонарики и бросают. Вот мальчики начальной школы после занятий идут домой — их путь мимо храма, им не терпится, когда они идут мимо церкви, они берут камни, метят в церковные окна и пробивают и наружную и внутреннюю рамы. Мальчики из детского сада вдруг увидели мимо проходящего 80-летнего священнослужителя. Один из мальчиков подбирает камень и метит в удаляющегося. Старик оборачивается — значит, я попал — и с криком и смехом торжествует успех. Видимо, воспитать в детях ненависть и презрение гораздо легче, чем привить им богатые и точные знания.

16 сентября 1976 года.

М. Лебедев

**

Дорогой А. В.!

Получил Ваше краткое письмо на двух очень ценных для меня открытках и с цитатой из Достоевского, полной глубокого смысла. Большое спасибо. Жизнь преподносит нам неожиданные сюрпризы. Мне хочется поделиться с Вами таким фактом. С одной стороны, меня смущает то обстоятельство, что предлагаемый мною Вашему вниманию факт так далек от сферы Вашей жизни, а с другой стороны, этот факт из близкой вашему вниманию области краеведения, понимаемой в широком смысле этого слова.

Итак, два пожилых супруга, имеющие двух детей, уже достаточно пожившие в супружестве (ему 53, ей 45) вздумали повенчаться в церкви. Я удовлетворил их просьбу и совершил полагающийся обряд 2 мая 1976 г. Когда при проверке документов обнаружилось, что 53-летний гражданин Х — беспартийный, советский служащий, венчался в церкви, соответствующие органы решили его репрессировать и вынесли решение о его немедленном увольнении с работы. Естественно, человек расстроился, стал

отрицать этот факт, — началось «следствие». И вот меня, как «свидетеля обвинения» вызывают на «допрос». Дальше я Вам процитирую переписку.

«Михаил Анатольевич!

Прошу Вас придти в Райисполком в 2 часа дня. С Вами хочет встретиться секретарь РК КПСС Демченко Таисия Васильевна по вопросу венчания в церкви Сметаниных. Обряд «венчания» был 2 мая 1976 г. Сметанин сам отрицает этот факт. 16/ХІІ-76. Секретарь райисполкома З. Мордвинцева».

Мой ответ:

«Уважаемая Таисия Васильевна! К сожалению, я не считаю возможным вести беседу о том, кто венчался в церкви. Венчание — не уголовное преступление, а обряд, гарантированный 124 статьей Конституции СССР о свободе совести и свободе совершения религиозных обрядов. С приветом М. Лебедев. 16/ХІІ-76 г.».

Вот краеведческий документ о состоянии культурной жизни в районном центре в начале последней четверти культурного 20-го века.

С дружеским приветом

М. Лебедев

ОБРАЩЕНИЕ

К ПРЕДСТОЯТЕЛЯМ И ЕПИСКОПАМ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ

Чрезвычайные события побуждают нас обратиться к Вашей святыне. В октябре текущего года в нашей стране будет принята новая конституция — основной закон государства. Опубликованный для всестороннего обсуждения проект её декларирует принципиально новое понимание природы и назначения государства: «Советское государство — государство нового типа, основное орудие... строительства... коммунизма», «Высшая цель советского государства — построение... коммунистического общества.» Среди главных задач государства в частности указывается «воспитание человека коммунистического общества».

«Коммунизм сразу же начинается с атеизма» — К. Маркс (Цит. по сборнику «О религии и церкви». Москва, 1977 г., стр. 7). «Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов 18 века или материализм Фейербаха. Это несомненно... Мы должны бороться с религией. Это азбука всего материализма и, следовательно, марксизма». В. И. Ленин. (стр. 23). «Всякий божеденька есть труположество... всякая религиозная идея, всякая идея о всяком божеденьке, всякое кокетничество с божеденькой есть невыразимейшая мерзость..., самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и заразы физических... гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея божеденьки.» В. И. Ленин. (Стр. 31).

Таково отношение к религии так называемого «научного коммунизма».

В соответствии с этими теоретическими установками все шестьдесят лет своего пребывания у власти КПСС ведёт разностороннюю борьбу с религией в аспектах правовом, административном и пропагандном. КПСС, как она сама утверждает, — партия «нового типа». Не ограничиваясь задачами политическими и социально-экономическими, КПСС берёт на себя миссию провозвестницы абсолютной истины, роль духовного руководителя человечества, обещает построение полного благоденствия, в котором каждая личность будет соответствовать коммунистическому идеалу человека. Необходимым признаком человека коммунистического общества является непримиримое безбожие. Борясь с религией и церковью, вторгаясь в духовную жизнь людей, КПСС

принимает подобие безбожной церкви со своим «священным писанием», догматикой и каноникой, иерархией и инквизицией, со своим культом живых и мёртвых канонизованных «святых», а также культом своей собственной непогрешимости. Партия, как и Церковь, стремится быть «всенаполняющей полнотой».

Так как партия пытается заменить собой Церковь Божию, то естественно, как с точки зрения христианства, так и с позиции Устава КПСС, членство в партии с пребыванием в Церкви несовместимо.

Хотя КПСС, с приходом к власти в России, установила «симфонию» между собой и государством, в этой «симфонии» всё же сохранялись юридические видимые границы между партией и государством. Так было и в ленинских конституциях 1918 и 1934 г.г., так было и в сталинской 1936 г.

Теперь же провозглашая основной целью государства — строительство коммунизма и воспитание человека коммунистического общества, новая конституция законодательно превращает государство в орудие достижения партийных целей, заданных атеистической марксистско-ленинской идеологией, и неприемлемых для религиозной совести верующих граждан.

Таким образом каждый верующий в нашей стране, в силу своего гражданства, в законодательном порядке обязывается участвовать в деятельности, противоречащей его религиозной совести.

В связи с этим возникает мучительный вопрос: как должно поступать христианину в этой новой исторической ситуации?

Сознавая сложность положения официальных руководителей христианских церквей в СССР и испытывая глубокую потребность услышать соборный голос Церкви, мы призываем Вас высказать своё авторитетное суждение.

Мы призываем также всех, кому дороги судьбы христианства в нашей стране, выступить в поддержку своих собратьев в Советском Союзе.

3 июля 1977 г.
г. Москва.

Члены Христианского Комитета
защиты прав верующих в СССР
священник Глеб Якунин
иеродиакон Варсонофий Хайбулин
Виктор Капитанчук

ОБРАЩЕНИЕ

Членов Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР

Председателю
Конституционной комиссии
Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ

Уважаемый Председатель Конституционной комиссии!

Проект новой Конституции СССР провозглашает: «возникла новая историческая общность людей — советский народ. Это общество высокой организованности, идейности и сознательности трудящихся — патриотов и интернационалистов».

Тем не менее это общество включает в себя людей весьма различных взглядов, убеждений и верований. Значительную часть его составляют верующие различных религий, которые хотят быть и являются лояльными гражданами советского государства, хотя их мировоззрение принципиально расходится с марксизмом-ленинизмом.

Марксистско-ленинская теория положена в основу идеологии КПСС, правящей в СССР партии, членство в которой обусловлено принципом **добровольности**. Построение коммунизма — основная и конечная цель компартии и ее единомышленников. Коммунизм изображается марксистско-ленинской теорией как общество всеобщего благоденствия, в котором будут осуществлены все лучшие стремления человечества, за исключением религиозных идеалов, идеалов духовного и нравственного единения людей с Богом и друг с другом в Боге. Програмные документы КПСС не оставляют никакого сомнения в том, что коммунизм и религия несовместимы, что по мере приближения к коммунизму с религией должно быть покончено. Устав КПСС вменяет в обязанность каждому члену партии «вести решительную борьбу с религиозными пережитками». Неотъемлемой частью теории и практики КПСС была и остается антирелигиозная политика, выражающаяся **не только в атеистической пропаганде**, проводимой партийными и государственными органами на государственные, т. е. общенародные средства. Одним из воплощений антирелигиозного курса КПСС является **правовая дискриминация религиозных объединений**: строгий контроль государственных органов над их жизнью, лишение их права юридического лица, права обладания материальным имуществом, запрещение их благотворительной деятельности, запрет

религиозной проповеди и общественных богослужений вне молитвенных зданий, запрет преподавания религии (за исключением обучения родителями своих детей и преподавания в специальных духовных учебных заведениях), а также дискриминационная практика отказа верующим в их ходатайствах о регистрации новой общины, об открытии нового храма. Необходимые элементы религиозной жизни либо чрезвычайно ограничены, либо просто запрещены под угрозой уголовного преступления. Таким образом, стратегия и тактика руководимого КПСС коммунистического строительства предполагает разносторонние формы борьбы с религией в аспектах правовом, административном, пропагандном. КПСС утверждает в теории и осуществляет на практике принцип несовместимости коммунизма и религии.

Проект новой Конституции по существу ничего не меняет в правовом положении религии в СССР. Статья 52 Проекта, декларирующая свободу совести, по-прежнему, как и ст. 124 ныне действующей Конституции, не предоставляет верующим свободу религиозной проповеди (которая гарантировалась первой конституцией РСФСР). Статья 25 узаконивает **«единую систему образования, которая служит коммунистическому воспитанию»**. Это значит, что учебные программы на всех уровнях образования от начальной до высшей школы будут и впредь наполнены антирелигиозным содержанием. И учащиеся, независимо от их личного отношения к религии, будут обязаны усваивать этот материал. Это, по-видимому, означает также, что преподавание религии, будет по-прежнему запрещено (за исключением обучения родителями своих детей, а также преподавания в специальных духовных учебных заведениях).

Но всё перечисленное отступает на задний план перед провозглашаемыми Проектом исторически беспрецедентными нормами государственного бытия. Впервые в истории человечества и впервые в Советской истории законодательство закрепляет в качестве высшей цели государства — построение «идеального общества»: **«Советское государство — государство нового типа, основное орудие... строительства... коммунизма»**. **«Высшая цель советского государства — построение бесклассового коммунистического общества»**. Среди главных задач государства в частности указывается: **«совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, воспитание человека коммунистического общества»**.

Конституция — основной закон государства, имеющий обязательную силу для всех его граждан. С принятием предложенного

Проекта все советские граждане, в том числе и миллионы верующих, в законодательном порядке будут обязаны участвовать в построении коммунистического общества — общества тотального безбожия, что совершенно неприемлемо для религиозной совести. Для религиозного сознания неприемлема статья 6 Проекта, в которой в частности говорится: «Вооруженная марксистско-ленинским учением коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно-обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма». Верующий гражданин не может согласиться с конституционным узакониванием перспектив общественного развития, указываемых ошибочным, с точки зрения религии, мировоззрением. Фактически преамбула и ст. 6 Проекта представляют собою программные тезисы партии, которые в предлагаемом Проекте возводятся на пьедестал общего государственного закона. Тем самым границы между партией и государством окончательно стираются и паспорт гражданина СССР становится партийным билетом коммуниста. Проект новой Конституции превращает советское государство в правовом отношении в **идеократически-тоталитарное**.

Если этот Проект будет принят, то пред верующими гражданами со всею серьезностью встанет мучительный вопрос: могут ли они без ущерба для их религиозной совести оставаться гражданами советского государства?

«Кесарю — кесарево, Божие — Богу», — таков непреложный, Богом данный принцип отношения христиан к государству. Этот принцип предостерегает христиан от обеих крайностей: и от анархического неприятия государственной власти, и от уступок государству в случае непомерных его притязаний. Христианство относилось лояльно к государству и его законам при всех существовавших доселе социально-экономических системах: рабочей, феодальной, капиталистической и социалистической. Но в случае, когда государственные законы посягали на религиозную совесть христиан, христиане были вынуждены их преступать пред угрозой тяжких мучений и смерти.

Мы ожидаем, что Конституционная Комиссия отнесется с пониманием к проблемам, возникшим пред религиозной совестью верующих граждан нашей страны.

Мы надеемся, что при составлении окончательного текста Конституции наше обращение будет должным образом учтено.

Из возникшего правового кризиса возможен и следующий выход:

1. Правящая партия исключает из своего Устава положение, обязывающее каждого ее члена «вести решительную борьбу с религиозными пережитками».

2. Она официально признает принципиальную несовместимость коммунизма и религии.

3. Тезис о принципиальной возможности религии при коммунизме вводится в текст новой Конституции СССР.

Члены Христианского Комитета защиты прав верующих в СССР:

священник Глеб Якунин
иеродиакон Варсонофий Хайбулин
Виктор Капитанчук

8 июня 1977 г. Москва.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ 27.IV.77 г. ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

13 и 20 апреля с.г.

СЛОВО СВЯЩЕННИКА ГЛЕБА ЯКУНИНА

13 и 20 апреля в «Литературной газете» опубликована статья Б. Рощина «Свобода религии и клеветники».

Мы, участники общественного христианского движения в защиту религии в нашей стране, придаем большое значение опубликованию этой статьи.

Мы, христиане, не удивлены попыткой ошельмовать нас в нравственном, моральном плане — это один из аспектов статьи. В нашей стране этот метод применяется антирелигиозной пропагандой для борьбы с религией постоянно — вот уже 60 лет. А своими историческими корнями этот метод клеветы и лжи восходит к первым векам существования христианства, когда еще в Римской империи таким способом пытались настроить против христиан языческую толпу.

Статья имеет целью оттолкнуть от тех, о ком в ней пишется, таких людей, которые некритично воспринимают то, что печатается в советской прессе, верят, что официальное заявление не может быть ложью. Далее, статья имеет целью изолировать от церковных диссидентов тех верующих, которые, хотя и понимают, что напечатанное — ложь, все же могут испугаться, что общением с нами навлекут на себя неприятности. Но главная цель этой статьи, по нашему мнению, — это разведка боем, выражаясь языком войны! То, что нас не арестовали сразу после публикации этой статьи, отнюдь не означает, что нас вообще не арестуют в ближайшее время. Публикацией этой статьи власти хотят проверить, какую реакцию у общественности Запада, у мирового христианства могут вызвать репрессии против христиан России, против участников правозащитного религиозного движения.

Казалось бы, к чему такая осторожность. Не проще ли было бы сразу же произвести аресты, как это сделали с Гинзбургом, Орловым, Щаранским. Такое промедление вызвано специфическим отношением власти к церковным диссидентам. Это особое отношение именно к религиозным диссидентам объясняется следующим: верующих труднее запугать, сломать, т. к. искренне верующий человек считает честью пострадать за церковное дело,

за своего ближнего. За время существования советской власти стало ясно, что религия — это единственная сила, которую уничтожить нельзя, этого сделать не удалось даже Сталину.

Если репрессии против движения за права человека, за гуманистические ценности вызывают протест во всем мире, то репрессии против христиан, тем более отстаивающих интересы Церкви, вызывают более сильную реакцию у братьев по вере, единоверцев, у всех христиан. Такие преследования только способствуют религиозному подъему, что приводит лишь к обратному для гонителей результату.

Христианство имеет мощную социальную базу как в нашей стране, так и за рубежом — у нас верующих десятки миллионов. Власти, естественно, боятся вовлечения широких слоев верующих в движение протеста против религиозных притеснений.

Сейчас начинают приходить к вере многие из тех, кто раньше к Церкви относился плохо. Это молодежь: интеллигенция, рабочие, т. е. люди из тех социальных слоев, которые были наиболее оторваны от религии. Естественно, что всякое преследование за убеждения, а в данном случае за веру, привлечет к религии еще больше людей.

Сама статья является лишь одним из проявлений общего наступления на инакомыслящих:

1) недавно арестованы два новых члена украинской хельсинской группы;

2) был проведен обыск у Т. С. Ходорович. На днях она была вызвана на допрос в прокуратуру;

3) идет давление — в данном случае через милицию — на членов рабочей группы по наблюдению за выполнением хельсинского соглашения по культуре. Преследуют сына художника Рабина, преследуют художника Иосифа Киблицкого, казалось бы, по мелким формальным поводам. Киблицкий живет в Москве, а прописан в подмосковном г. Подольске. Милиция требует, чтоб он выехал по месту прописки. Обычно это не требуется, в данном случае это делается под давлением органов КГБ.

4) преследуют Льва Регельсона, как туineaдца. Сейчас он вынужден скрываться, жить вне дома, т. к. как только он появляется дома, сейчас же приходят дружинники, милиция, какие-то люди в штатском, терзают его жену.

Также и пресса угрожающе действует.

Месяц назад Белый ТАСС заявил о том, что психическое состояние генерала Григоренко ухудшилось, якобы резко обострилась болезнь.

Рабочего Феликса Сереброва, члена группы по наблюдению за использованием психиатрии в качестве политических репрессий, пытаются привлечь к уголовной ответственности за якобы фальшивую запись в трудовой книжке, сделанную тридцать лет назад.

Все эти наступления идут как вширь, так и вглубь. Ожесточаются обвинения против хельсинской группы.

Недавно Белый ТАСС обвинил Щаранского в шпионаже, в собирании шпионских сведений по заданию Лернера. Было сказано, что вся хельсинская группа занимается шпионажем, передавая сведения через иностранных корреспондентов.

Особой разнузданностью отличается статья в газете «Неделя» против В. Буковского. Основная мысль статьи: Буковский, ведущий диссидент-террорист, он якобы мечтал завладеть атомной бомбой. А подтекстом проводится мысль — они все такие, все инакомыслящие — идеологические диверсанты. И из идеологических диверсантов превращаются в диверсантов реальных, из потенциальных шпионов становятся реальными шпионами.

Против лидера грузинских диссидентов Гамсахурдия выдвигаются абсурдные обвинения. Его отец Константин Гамсахурдия, академик, национальная гордость Грузии, имел коллекцию старинного оружия. Сейчас документы на эту коллекцию выкрадены, ищутся пули к этому оружию, даже по чужим домам. Органы власти хотят представить дело так, что сам Звиад Гамсахурдия собирал это оружие для проведения террористических актов. Сейчас в Грузии прошла волна терроризма против власти, носящего явно политический характер. Проводят их группы, не относящиеся к диссидентам. Грузинские интеллигенты осуждают эти акты. Тем не менее, власти пытаются связать одного из лидеров инакомыслящих с этими актами для того, чтобы на предстоящем суде вынести ему максимально жестокий приговор.

Мне хочется обратить внимание на то, что статья в Литгазете подтверждает эскалацию лжи и клеветы в советской прессе, направленных против инакомыслящих. Уровень лжи и клеветы достиг уровня тридцатых годов. Общая атмосфера начинает угрожающе напоминать эти страшные годы.

Главные «герои» этой статьи: Лев Регельсон и Александр Огородников — православные христиане, и два православных священника — Димитрий Дудко и Глеб Якунин.

То, что в статье идет речь о Регельсоне и Якунине — не удивляет. Мы давно занимаемся диссидентской деятельностью, и то, что о нас в прессе пишут ругательно, вписывается в общее русло гонения на инакомыслящих.

То, что обрушились на известного православного пастыря и проповедника отца Димитрия Дудко и на организатора молодежных религиозных семинаров Огородникова, — явление с первого взгляда непонятное.

Отец Димитрий занимается исключительно религиозной деятельностью, окормляет множество своих духовных чад. Вся его деятельность происходит на виду у множества верующего народа, проповеди его известны во всем мире, и все могут увидеть, что его проповеди не несут антисоветского содержания. Темы занятий семинаров Огородникова также были религиозно-богословского содержания.

Чем же прогневали о. Димитрий и Огородников властей?

Ключом понимания этого может служить положение православной Церкви в нашей стране.

Согласно Сов. Конституции и Законодательству о религии от 1929 г. власти признают религию в нашей стране лишь как отправление религиозного культа.

Иностранцам непонятно это слово «отправление», тонкость его звучания. Само слово у русских людей ассоциируется чаще всего с сочетанием «отправление естественных надобностей», т. е. если человеку нужно сходить помочиться, то официально ему можно сказать «иди отправь свои естественные надобности». Формулировка это Ленинская. Ленин был фанатичным атеистом, в декрете о религии его рукой вписаны эти слова. Но подобное словосочетание встречалось еще у Маркса. В «Критике Готской программы» Маркс пишет: «Каждый должен иметь возможность отправлять свои религиозные, так же как и телесные нужды без того, чтоб полиция совала в это дело свой нос». Всякая же религиозная жизнь, выходящая за рамки отправления религиозного культа, преследуется государством.

О. Димитрий Дудко, как истинный пастырь, привлекает много молодежи, обращает к Богу, приводит в Церковь неверующих. Слово его вышло за рамки здания храма и звучит повсюду. Это возрождает религию в народе. Это и пугает власть.

Если у баптистов, у пятидесятников, адвентистов такая деятельность, выходящая за рамки отправления культов, — явление

обычное, то для теперешней православной Церкви деятельность о. Димитрия — явление исключительное.

В связи с общим кризисом официальной советской идеологии в последнее время возрос интерес к религии. То злобное чувство к Церкви, которое наблюдалось в двадцатые годы в народе, сейчас исчезло. Свидетельствовать об этом может и то количество народа, которое в этом году пришло в церкви на Пасху.

В этом году в магазинах была резко уменьшена продажа пасхальных куличей, что не помешало народу придти для освящения их в церкви в гораздо большем количестве, чем в предыдущие годы. По моим приблизительным подсчетам, которые я мог произвести, в этом году на Пасху и на Радоницу — день поминовения усопших — в церквах было на 25% народа больше, чем в предыдущие годы.

Власти с большим вниманием следят за статистическими данными из церковной жизни — за количеством поданных просфор, проданных свечей. Все эти данные сообщаются в местные органы власти. И вот этот рост статистических данных вызывает усиление антирелигиозной пропаганды и антицерковной деятельности.

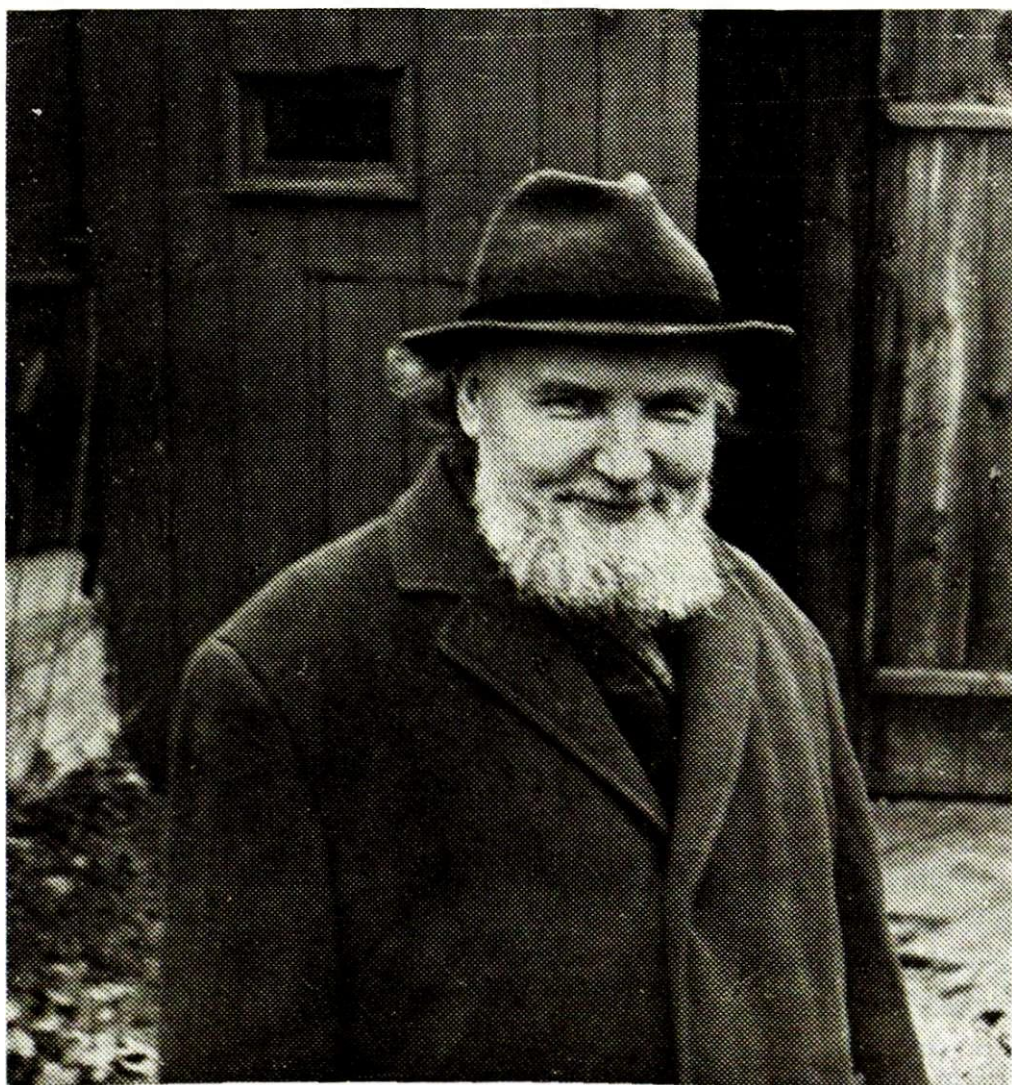
Так вот, вся деятельность о. Димитрия и богословские семинары Огородникова самым эффективным образом способствуют росту христиан в православной Церкви.

Если у баптистов, адвентистов, пятидесятников идет приток в сотнях и тысячах людей, то приток в православную Церковь может измеряться сотнями тысяч, т. е. процесс может быть массовым. И власти боятся этого.

Поэтому так болезненно они относятся и к исканиям молодежи, в данном случае это олицетворяют семинары Огородникова, и к пастырской деятельности о. Димитрия. Этим и объясняется такая неадекватная реакция на их в общем-то законную деятельность, — для властей они — символ растущей и возрождающейся русской православной Церкви в нашей стране.

Я хочу обратить внимание на одно обвинение в адрес отца Димитрия. В газете сказано, будто он совершает у себя на дому крещение. Для человека, живущего на Западе, опасность такого обвинения непонятна. Но согласно советскому законодательству отправление религиозного культа не разрешено без строгого контроля со стороны органов власти. Лишь для умирающих и тяжело больных можно совершать церковные обряды на дому, с предварительной регистрацией их в церкви.

В отношении же крещения положение в церквях вообще очень тяжелое. Казалось бы, зачем вообще креститься на дому — приходи в церковь сам, если ты взрослый, или принеси младенцев. Но согласно положению, крещение производится только по предъявлению документов крещаемых, а затем крещаемые взрослые или крестящие детей родители подвергаются преследованию по месту работы и учебы, особенно комсомольцы, члены партии, педагоги. Поэтому люди стараются обойтись без регистрации крещения. Обвинение же отца Дмитрия в совершении крещений на дому может повести за собой обвинение в нарушении советского закона, лишение регистрации, и даже привлечение его к суду по ст. 142 УК РСФСР.

Свящ. Дмитрий Дудко

СЛОВО О. ДИМИТРИЯ ДУДКО

В «Литературной газете» от 20 апреля 1977 года был напечатан материал, порочащий меня. Еще раньше — в книге Шилкина и Белова «Диверсия без динамита», а до этого — в «Известиях», кажется, январь 1976 года.

Что я могу сказать по поводу всей этой клеветы?

Стоит спорить и опровергать то, что можно доказывать, а главное, с теми, кому можно что-либо доказать. Здесь же ни спорить, ни доказывать нельзя, наоборот, ваш спор и доказательства вызовут новую клевету. Так, в книге «Диверсия без динамита» было сказано, что я активно сотрудничал в фашистской газете. Когда же авторам указано было, что при этом меня после изгнания немцев обвинили бы в сотрудничестве, «Литературная газета» заявила прямо: так его и обвинили именно в этом, он и сам признал себя виновным. Меж тем, как ни там, ни здесь нет нисколько правды. Осужден я был Особым Совещанием за стихи религиозного содержания, — их выкрал у меня студент Семинарии Василий Петровых, с которым я учился. Напечатаны они нигде не были, хранились в рукописи. Суд Особое Совещание признан теперь незаконным, однако клеветники не только хотят реабилитировать этот суд, но и доказать, что я был освобожден по амнистии, мол, меня помиловали. Освобожден же я был по решению комиссии Президиума Верховного Совета СССР, которая специально выезжала в лагеря по пересмотру дел, освобожден со снятием судимости и поражения в правах. (Подтверждающие документы у меня имеются). Также клеветники говорят, что я сын кулака, меж тем, как даже по тем незаконным временам я считался сыном бедного крестьянина.

Для чего это делается? Думаю, цель одна: опорочить меня, подорвать доверие ко мне молодежи, а может быть и еще что-то худшее...

Я хотел промолчать, помня новозаветную заповедь: блаженны вы, когда вас будут гнать и всячески неправедно злословить, но мои духовные дети сказали: ради нас ты должен высказаться. И вот, исполняя просьбу своих духовных детей и мне сочувствующих, я и делаю это.

За основу я беру материал «Литературной газеты», правда, здесь меня не обвиняют в сионизме, что делали в книге «Диверсия без динамита», но в основном обвинения одни и те же.

Итак, начинаю по порядку.

«...основное бремя «воспитания молодежи» взял на себя Дмитрий Дудко. Еще его зовут «отцом Дмитрием».

«Воспитание молодежи» и «отец Дмитрий» взято в кавычки. Видимо, авторы считают, что молодежь воспитывать может только атеизм, мне же в этом праве отказывают, тем более, что я еще и говорю, что они могут только развращать молодежь. Не называя меня отцом Дмитрием, как принято это в православной церкви, они этим самым, видимо, хотят указать на то, что от них зависит, кому быть отцом-воспитателем. Не выдают ли они здесь свою тайну — кому быть священником в православной церкви — это, мол, тоже зависит от них? А я выпал из их ведения, поэтому я и не отец, и не священник?

«Действительно, Дудко лет двадцать тому назад был рукоположен в священники, стал проповедовать в церквях Москвы. И вскоре его имя замелькало в передачах «Радио Свобода» и других радиостанциях...»

Здесь всё неточно и всё неверно. Не 20 лет, а 17-й год. Не в церквях, а в одной маленькой церкви, которая православным даже не полностью принадлежала. Не вскоре после рукоположения, а после того, как меня прогнали из Преображенского храма, на 14-м году рукоположения.

Это кажется мелочи, но мелочники, «крохоборы», как говорят заключенные, на мелочах-то всё и строят. По-крупному они уже клеветать не в состоянии.

«Нетрудно сообразить: раз имя этого священника так часто произносится на Западе, значит он «жертва гонений». Гонимый со стороны «безбожной власти». Правда, положение восхваляющих «приверженность отца Дмитрия христианству» (приверженность — взята в кавычки. Выходит, и степень приверженности христианству могут определять только безбожники?!) осложняется, как видно, тем, что он «притесняется» и самой православной церковью. ...Церковные инстанции не раз указывали, что он занимается, помимо отправления служб и непотребными, не приличествующими священнику делами».

Да, нетрудно сообразить, что еще задолго до «произнесения моего имени на Западе» меня уже гнали... Гонят с первого дня моего сознательного отношения к христианству. Я отсидел восемь с половиной лет за мои религиозные убеждения. После освобождения моего из заключения, когда снова стал учиться в Духовной Академии, меня вызывали на допрос (хотя в качестве свидетеля), грозили посадить. Когда я стал священником, у меня не раз производили незаконный обыск, вызывали в Прокуратуру и грозили

— лишить регистрации, посадить. К сожалению, за последнее время кое-кто из священнослужителей помогает им в этом... Но чтоб мне указывали на непотребные и не приличествующие священнику дела, — я этого не знаю. У меня нет ни канонических, ни дисциплинарных нарушений, у меня нет и личных конфликтов с духовным руководством, хотя они и инспирируются безбожниками. Меня запретил в служении митрополит Серафим за «нарушение церковной дисциплины». Запретил еще тогда, когда я у него ни одного дня не служил (возможно ли так?), он и сам, разводя руками, сознался в этом — не имею права... Запрещено было служить до того момента, когда я принесу покаяние... «Нарушение церковной дисциплины», — думал я. Хоть и не нарушал, но раскаюсь, — если глубже разобратся, то кто из нас достоин служить у престола Божия?» — Искренне раскаялся. Казалось бы, все исчерпано, но не тут-то было, на следующий день смущенный, перепуганный митрополит мне говорит: вы должны раскаяться в том, что клеветали на Церковь и Государство.

— Владыко, — говорю, — так будет до бесконечности: вы будете запрещать, а я должен каяться. Ведь вы запретили в нарушении церковной дисциплины, я принес покаяние — этого достаточно. Вы знаете, что раскаяться в клевете на Церковь и Государство означает, что меня нужно судить по церковным и гражданским законам, а это не соответствует истине. Бедный, больной старик смотрел не понимая и недоумевая, наконец у него вырвалось: не знаю, что с вами делать, и наконец что-то от стона: на покой пора, а как с таким грузом?..

На нашу иерархию чекисты-безбожники вешают груз своих преступных дел. И то, в чем им тогда не удалось меня обвинить через иерархию, в том они сейчас обвиняют через газету: «Отец Дмитрий не столько проповедует десять заповедей, сколько преступает их, а заодно и законы своей страны». О как им хочется обвинить меня в клевете на Церковь и Государство, с этой целью они меня и стравливают с властью. Ни в одном месте я не говорил, что нужно бороться с властью, наоборот всюду подчеркиваю — всякая власть от Бога, как написано в Евангелии.

«Дудко ~~никогда~~ привычку крестить людей у себя на дому, не считая, видимо, храм достаточно подходящим местом для этого».

Не поэтому крестил на дому, а потому что вы в церкви ввели незаконную регистрацию крестин, а потом, узнав по этой регистрации о крестившихся, выгоняете их из институтов, с работы.

«Кому шли доходы — знает лишь сей слуга Божий».

Безбожники, материалисты всё низводят до меркантильного интереса. Крестишь — значит доходы, работаешь с молодежью — значит «нажива». В бескорыстие они поверить не могут, как не верят атеисты и в искренность чувств, и в самоотверженность.

О стихах, которые они процитировали в газете, не стоило бы говорить, если б, как мне подсказал один человек, здесь не скрывалась «тонкость» клеветы. Они привели мои нигде не напечатанные стихи более чем 35-ти летней давности, не указав времени их написания. Стихи эти — первый мой лепет о любви. Приведением стихов они, видимо, хотели сказать «смотрите, мол, старик, а пописывает любовные стишки».

Стихи пишу я, чтоб отвести душу, основное мое дело — священство, как священник я на всё и смотрю. Безбожники обвиняют меня в фашизме, монархизме, в сионизме — я не принадлежу ни к каким политическим партиям, но людей, которые принадлежат к политическим партиям я должен понять, как образ и подобие Божие, потому что я — священник. Оттого-то я и преклоняюсь перед мучениями Русского Царя (расстреляли вместе с детьми и прислужгой — неслыханная жестокость!), оттого я не могу забыть мук русских крестьян, к которым и сам принадлежу, оттого не могу без содрогания слышать о безжалостном истреблении русского дворянства, оттого я отзываюсь на муки людей всякого звания и национальности, не потому ли меня и обвиняют фашизме, монархизме, сионизме?..

Безбожники довели народ до нравственного оупения, вырвав у него святыню. От этого-то «воспитания» сейчас пьянство, разврат и прочие пороки приняли у нас катастрофические размеры. И потому не могу я молчать, но как христианин и как священник обязан внести свою, хотя маленькую, лепту в сокровищницу спасения человеческого, с этой лептой я и явлюсь к Богу: вот, Господи, всё, что я мог. А они пусть снова сажают, пусть подстраивают катастрофы, пусть расстреливают — буду знать, за что страдать. Помоги, Господи!

ОТКЛИКИ НА СТАТЬЮ В ЛИТГАЗЕТЕ

Статья в «Литературной газете» является, конечно, удивительным образцом клеветы, который вряд ли когда-либо удастся превзойти. Но человеку, не привычному к особенностям нашей жизни, вероятно, трудно понять, почему ей придают такое значение. Дело, однако, в том, что ее нельзя рассматривать лишь как произведение искусства клеветы, каким бы шедевром в этом жанре она ни являлась. Скорее ее можно сравнить с анонимным письмом, содержащим угрозу убийства. Я приведу один пример.

В XIX и начале XX в. в России расцвела блестящая школа религиозной философии. Но к началу 30-х г.г. только один из ее главных представителей сохранился в стране — о. П. Флоренский. Это был универсальный гений, которому принадлежат совершенно новые идеи не только в богословии и философии, но и в теории искусства и в технике (как теперь бы сказали, в кибернетике). В 1933 г. в одном из советских журналов появилась статья «Против новейших откровений буржуазного мракобесия». Автором ее был Эрнст Кольман — тогда весьма влиятельная фигура (недавно на короткое время он снова стал известен в связи с тем, что эмигрировал, возвратил свой партийный билет и заявил, что идеалы социализма, за которые он боролся, оказались в нашей стране извращенными). Но тогда он не находил противоречия между своими идеалами и делами. В статье он напоминал «анализ т. Сталина», «согласно которому классовая борьба разгорается». О. Флоренского он называет «дипломированным лакеем поповщины» и «нарядившимся в ученую тогу классовым врагом», призывает к усилению революционной бдительности. Вскоре о. Флоренский был арестован. Он погиб в лагерях около 10 лет спустя — даже точная дата его смерти неизвестна. Это был конец русской школы религиозной философии — по крайней мере, до сих пор она не возродилась.

Но произошло другое, гораздо более чудесное явление — возрождение религиозной жизни в нашей стране. И против этого течения и направлена в первую очередь статья «Рощина», — как статья Кольмана была направлена против течения русской религиозной мысли. Конечно, статья «Рощина» — прямая и неприкрытая угроза по адресу о. Дудко и о. Г. Якунина, — пример о. Флоренского показывает, что может означать такая статья. Но она адресована и к тысячам православных священников, большинство из которых не рискует открыто проявить свои чувства, чтобы не

лишиться возможности делать то дело, к которому они призваны. Главная же ее цель — остановить процесс духовного возрождения России. Цель явно не достижимая, ибо если даже Сталин не смог уничтожить Церковь, то тем более это не под силу «Рощину» — какой бы человек или какая бы организация под этим псевдонимом ни скрывалась.

И. Р. Шафаревич.

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

В связи с появлением в «Литературной газете» статьи Бориса Рощина «Свобода религии и клеветники» (13 и 20 апреля с. г.), Христианский Комитет защиты прав верующих в СССР считает необходимым заявить следующее:

1. Несмотря на заголовок, в статье не затронуты по существу вопросы, касающиеся положения религии в СССР, содержания выступлений в защиту религии и попыток реализации декларированной в Хельсинки свободы религии.

2. Все содержание статьи направлено на нравственную дискредитацию лиц, реально осуществляющих право «исповедовать религию.., действуя согласно велению собственной совести», и лиц, содействующих осуществлению этого права.

3. В целях нравственной дискредитации автор статьи широко использует клеветнические измышления, порочащие лиц, о которых идет речь в статье. Такого рода действия являются уголовно наказуемым преступлением, согласно действующему законодательству.

Статья является очередной ступенью эскалации лжи и клеветы в адрес «инакомыслящих», допускаемой в официальной прессе.

4. В заключении статьи содержится попытка исказить смысл Хельсинских соглашений о свободе «исповедывать религию.., действуя согласно велению собственной совести». Советское законодательство исповедание религии понимает лишь как «отправление культа». То же понимание автор статьи пытается навязать и при толковании международных соглашений. Между тем очевидно, что и религиозная проповедь, которой посвящает себя о. Димитрий Дудко, и участие в богословских диспутах, органи-

зованных А. Огородниковым, — все это является неотъемлемой частью жизненного исповедания религии, «согласно велению собственной совести». Деятельность в защиту свободы религии, прав верующих, хотя и не является собственно исповеданием религии, но направлена в защиту свободы религиозной жизни, содействует реальному выполнению Хельсинских соглашений, находится в духе этих соглашений. Поэтому сознательно искажают букву и дух Хельсинских соглашений не те, кто утверждает, что деятельность, подобная деятельности о. Димитрия Дудко, А. Огородникова, участников правозащитного движения находится под охраной Хельсинской Декларации, а организаторы статьи «Свобода религии и клеветники».

5. Нетрудно видеть, что появление статьи «Свобода религии и клеветники» является этапом подготовки советской стороны к Белградскому совещанию в аспекте подведения итогов выполнения Хельсинских соглашений в области свободы религиозной жизни.

21 апреля 1977 г.

г. Москва

Члены Христианского Комитета
защиты прав верующих в СССР
священник Глеб Якунин
иеродиакон Варсонофий Хайбулин
Виктор Капитанчук.

ОТВЕТ КЛЕВЕТНИКУ

Борис Рощин!

Не знаю, существуете ли Вы или, скорее, являетесь коллективным псевдонимом влиятельной группы (как можно судить по Вашим предыдущим выступлениям в «Литературной газете»). В любом случае я отвечаю Вам отнюдь не ради защиты своего доброго имени — потому что злобная хула, исходящая от Вас, — это лучшая рекомендация в глазах всех честных и порядочных людей.

Но Вы оклеветали не меня, а читателей вашей газеты — ибо Вы в своей писанине апеллируете к низменным чувствам и к примитивному сознанию.

Вы и подобные Вам растлители (профессиональные) душ за 60 лет немало потрудились, чтобы именно эти качества развить в советском человеке, которого Вы пытаетесь лишить нравственных основ существования и всякого доступа к правдивому слову.

Вы хотите внушать своим читателям свои собственные аксиомы безнравственности. Главная из них: человек, по-вашему, не может в своих поступках руководствоваться идейными или духовными мотивами; корысть, похоть и тщеславие — только это Вы считаете реальными движущими силами души.

Ради них — Ваших читателей, лишенных подлинной информации, я считаю необходимым внести некоторые «уточнения» в сообщаемые Вами сведения об мне и моей деятельности.

Например, Вы забыли упомянуть, что «неопытная девушка Лида К. — персонаж, сочиненный 11 лет назад небезызвестным борзописцем А. Беловым (специальность — антирелигиозная и антицерковная пропаганда) — это моя жена Людмила Регельсон, та самая, о которой упоминается ниже в Вашей статье (имеет пятерых детей и не «хочет работать»).

Вы забыли сообщить, что ее «трагедия» состояла лишь в том, что ее незаконно выжили с физического факультета пединститута (в который я, действительно, помог ей поступить) — за чтение Евангелия и ношение крестика — и тот же А. Белов, в роли корреспондента «Учительской газеты», принял свою долю участия в этом изгнании из института.

Вы не сочли нужным пояснить, что я называю себя «физиком», потому что я действительно имею диплом физика и, как многие физики, работая в должности инженера — сначала принимал участие в разработках источников энергии для космических систем, а затем — в создании аппарата «искусственное сердце».

Вы лжете, утверждая, что я «кричал» о том, что преследуют «меня лично». Я протестовал против изгнания Солженицына, против незаконного приговора парапсихологу Наумову, против убийства Константина Богатырева, против травли Огородникова и его друзей, против психиатрического преследования Петра Старчика — но я никогда не писал и не заявлял никаких жалоб или протестов по поводу самого себя.

Вы лжете, утверждая, что Огородников в отделении милиции «выронил на пол» мое письмо к американскому инженеру изобретателю Дейкину. В действительности Огородникову был устроен незаконный — без прокурорской санкции — личный обыск (такие обыски, а также избиения — повседневная практика в наших

отделениях милиции: вам, как и всем советским гражданам, это прекрасно известно).

Вы сознательно исказили факт отправки в 1975 г. в соавторстве с о. Глебом Якуниным Обращения к христианам Португалии, назвав его... телеграммой (боясь, что читатели, узнав о его существовании, захотят его прочесть).

Вы намеренно исказили текст моего письма к Дейкину, в котором речь идет о том факте, что служащие советского банка утерjali или присвоили денежный перевод, присланный мне Дейкиным после публикации им нескольких моих статей по теоретической физике. Вы цитируете: «надеюсь, мы сможем выиграть это дело, воспользовавшись небрежностью советских финансовых органов». Между тем, в моем письме отчетливо напечатано: «дело, вызванное злоупотреблением или небрежностью советских финансовых органов». Дейкин получил одну из копий этого письма (отпечатанного на машинке в нескольких экземплярах) и при необходимости может предъявить его суду. Я не подаю на вас в суд за клевету лишь потому, что слишком хорошо знаю, что такое советский суд, и, вопреки вашему утверждению, совсем не имею лишнего свободного времени для подобных безнадежных предприятий.

Цитируя мою просьбу к Дейкину содействовать изданию публицистического сборника моих с Глебом Якуниным работ, Вы умолчали о том, что в отнятых у Огородникова письмах содержится также разъяснение: цель издания — ознакомление общественности Запада с ущемлением прав человека и свободы религии в СССР, и поэтому нас интересует лишь быстрота и тираж издания, тогда как вопрос о гонораре не должен приниматься во внимание. Копия этого разъяснения также имеется у Дейкина: мне слишком хорошо известны обычаи советской почты, чтобы ограничиться посылкой одного экземпляра.

В нашем уголовном кодексе, к сожалению, нет статьи, преследующей за порочащие и оскорбительные намеки, но Вы, безусловно, совершаете преступление против нравственного кодекса порядочного человека, сообщая, что я «получил около 1000 рублей в валюте», о чем я «как-то сказал» (в беседе с подполковником КГБ А. Шилкиным). Вы, как всякий советский гражданин, знаете, что «получение валюты» карается тяжким уголовным наказанием (именно в связи с этим была, например, подброшена пачка валюты при обыске у члена Хельсинской группы А. Гинзбурга). Мне вы пока «подбрасываете» только намек — может быть подготавливаете читателей к чему-то более серьезному?

Разъясняю для неосведомленных читателей: при денежных переводах из-за границы валюту забирает себе советский банк, адресат же получает особые карточки или купоны, называемые «сертификатами», реальная стоимость которых, по подсчетам экономистов, около 30% высланной суммы. Впрочем, с 1977 года введена новая система, по которой адресат получает вместо валюты обычные советские рубли — реально около 10% высланной суммы.

Так что сказочный герой, умеющий выжимать воду из камня — это вовсе не диссиденты, получающие переводы из-за рубежа, а советские финансовые органы, делающие аморальный «бизнес» на частных денежных переводах.

Что касается вещевых посылок, то я, действительно получил их шесть или семь за три года — почти все с детскими вещами. Но Вам лучше знать: может их действительно было, как Вы пишете, «множество» — да советская таможня их не пропустила или присвоила, «пропали» же неведомо куда несколько сотен (возможно и тысяч), как нам стало известно, писем и открыток, посланных Глебу Якунину и мне после нашего обращения к Христианской ассамблее в Найроби.

Наконец, главное: злобно пороча моих друзей и меня, Вы ни слова не говорите о содержании нашей деятельности, наших аргументированных обвинений в адрес советских органов и советского законодательства.

Как же Вы панически боитесь донести до Ваших читателей хотя бы намек на правду!

Борис Рошин!

У меня нет терпения и желания продолжать расшифровывать Ваши клеветнические ребусы. Вы не зря получаете свои оклады и гонорары: видно, как много Вы потрудились, чтобы насытить ядовитыми намеками каждую фразу вашего злополучного опуса. Чего стоит хотя бы мимоходом брошенное слово: «Четырехкомнатная квартира»! А то, что площадь этой квартиры 44 кв. метра (на семерых человек), что платить за нее, эту квартиру низшей категории, приходится 40% инженерной зарплаты (попробуй, выдержи 10 лет очереди за пресловутой «государственной квартирой») — об этом читатель пусть догадывается сам. Советский-то читатель — если умный — еще, пожалуй, сообразит, но западному такие «сказки» даже и не снились. На зарплату инжене-

ра семью у нас прокормить нельзя, и наши читатели хорошо знают, как много таких полунищих инженеров, совсем не обязательно диссидентов, вынуждено после работы заниматься уроками, переводами, расчисткой снега и т. п. Что же касается инакомыслящих — то вы нас сначала изгоняете с официальной работы, а потом нас же травите за это!

Рошин и К°!

Арсенал ваших приемов хорошо известен.

Клеветайте, арестовывайте, убивайте из-за угла (как Богатырева), устраивайте автомобильные катастрофы (как отцу Димитрию Дудко).

Вы ничего не добьетесь.

Жить согнувшись — уже невозможно.

Как бы вы не давили на ваших читателей — выпрямятся когда-нибудь и они!

20 апреля 1977 г.

Лев РЕГЕЛЬСОН

ПИСЬМО Н. ЧАКОВСКОМУ

Я, Хованский Николай Семенович, рабочий Витебского УПП ВОС, православный христианин, прихожанин Витебской Церкви, познакомился с возмутительной статьей, опубликованной в вашей газете от 13 апреля «Свобода религии и клеветники». Нахожу, что все напечатанное в ней гнусная ложь и клевета, имеющая целью опорочить не только отдельных представителей христианского возрождения, но и все движение в целом, представив его как «горстку отщепенцев», вовлеченных в какую-то непристойную деятельность «неким» Александром Огородниковым.

Я считаю, что отвращение от официального безбожия и поиск новых светлых идеалов, стремление жить духовной жизнью — качество изначально присущее человеку. Трудно человеку, с детства воспитанному в духе атеизма, принять веру в Бога, но только она дает истинное успокоение, духовную радость и смысл жизни. Последнее десятилетие усиливается интерес народа и, что радостно, молодежи к религии. Храмы не способны вместить всех желающих, особенно в праздники. В статье утверждается, что у нас отсутствует дискриминация верующих, но

достаточно беглого взгляда, чтобы убедиться в противоположном. Церкви закрываются, и нигде не слышно, чтобы открывались новые. Библию, Евангелие нигде невозможно достать, не говоря уже об апологетической литературе. Разве это равноправие верующих с неверующими, когда все магазины завалены атеистической литературой, верующие же не могут ответить потоку зачастую вздорных обвинений в свой адрес. У нас по официальным данным 40 миллионов верующих, но почему же эти граждане СССР, пользующиеся по Конституции равными правами, объективно не имеют прав на средства массовой информации и не имеют своих программ по радио и телевидению. Единственный церковный журнал ЖМП, издающийся очень малым тиражом, практически недоступен большинству верующих. Запрещена не только открытая проповедь Евангелия, но и связь его с современностью. Крещение регистрируется и сообщается на предприятие для мер общественного воздействия. В подавляющем большинстве храмов запрещен издревле присущий православному благочестию колокольный звон. Священники, монашествующий чин подвергаются в прессе и в кинематографе злому осмеянию. Образ пьяного попа-проходимца не сходит с экрана.

Мы, христиане, не являемся озлобленными противниками существующего порядка, как часто нас представляют. Несмотря ни на что, во все времена и во всех социальных системах люди находили путь к Богу.

Судьба свела меня с Александром Огородниковым, когда я уже имел сформировавшееся православное мировоззрение. Мой друг и брат во Христе представлен в статье «бессовестным шуллером», «человеком двойной морали», вовлекающим «простачков в свою непристойную деятельность».

Сейчас вы обрушили свой излюбленный метод клеветнического осмеяния против Александра. Но любому верующему, даже незнакомому с Александром, понятна ваша ложь, потому что нельзя вовлечь и, тем более, удержать человека в вере обманом, если он не обрел веру в сердце, не дошел до нее своим жизненным опытом.

Христианские семинары были для меня попыткой самоосознания в мире, помогли выработать более серьезную православную позицию. Они всегда были радостны и желанны, ибо несли дух братского общения и свободного христианского диалога. В них не было ничего противозаконного.

Можно было бы оставить эту статью без внимания, если бы

не угрожающий ее тон. Это меня очень тревожит. Я крайне обеспокоен за судьбу моего постоянно гонимого брата.

Своим письмом к вам я выражаю протест против того потока лжи, который вы обрушили, чтобы опорочить честное имя Александра.

И если для вас не стали чужды понятия человечности и чести, то подумайте о той позорной роли, которую играет ваша газета в процессе удушения свободомыслия в нашей стране.

17 апреля 1977 г.

Николай Хованский

г. Витебск,

Комсомольская, д. 7, кв.31.

ПОЛОЖЕНИЕ РЕЛИГИИ В РЕСПУБЛИКАХ СССР

В ГРУЗИИ

Министерство высшего и среднего
специального образования Груз. ССР

13/IX-76. № 96-05-231/3

СЕКРЕТНО

Ректорам высших, директорам средних специальных учебных заведений Грузинской ССР.

Постановление ЦК КП Грузии от 24 ноября 1975 года «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и «обычаями» стало важным документом по улучшению работы для преодоления влияния религии и церкви на молодёжь. Проводимая работа местными Советами, комсомольскими и профсоюзными организациями, идеологическими коллективами, комиссиями гор(рай)исполкомов содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах пока всё ещё является недостаточной.

В некоторых городах и районах республики отдельные служители культа, а также фанатично настроенные верующие, сектанты всячески стремятся вовлечь молодёжь и подростков в религию. Молодое поколение, попавшее под влияние религии всё ещё не всегда находится под чутким и внимательным контролем учебных заведений, где они учатся. В связи с этим антирелигиозная работа воспитательная требует осторожной, продуманной разъяснительной пропаганды среди учащейся молодёжи.

Участие молодёжи в религиозных обрядах особенно заметно растёт во время религиозных праздников и в период приёмных экзаменов в учебные заведения республики.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что ректорам, директорам, секретарям партийных организаций, председателям профкомов, секретарям комитета комсомола высшего и среднего специального образования необходимо усилить антирелигиозную пропаганду.

С каждым молодым человеком, попавшим под влияние религии, надо вести целеустремлённую, систематическую, индивидуальную работу по разъяснению современного научного мировоззрения, несовместимого с религиозными убеждениями.

Это тем более необходимо, т. к. в республике действуют 15 различных религий, церквей и сект. За последние годы идет сильный рост рядов баптистов, в особенности в г. Тбилиси, где их число превысило 1500 человек, а в республике более 2100 человек.

Анализ показывает, что уже сейчас каждый 2-3-й баптист является грузином. Только в Тбилисском обществе грузинская группа баптистов насчитывает 874 человека. Это в два раза больше, чем в русской, армянской и осетинской группах.

Необходимы решительные меры по борьбе с религиозным влиянием среди молодёжи всех идеологических работников высших и средних специальных учебных заведений.

Член Коллегии, начальник управления
по идейно-политическому воспитанию
молодёжи.

Асатиани В. Р.

В ЛИТВЕ

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ
О ПОЛОЖЕНИИ ДВУХ ЛИТОВСКИХ
КАТОЛИЧЕСКИХ ЕПИСКОПОВ

Два католических епископа в Литве — Юлионас Степонавичюс и Винцентас Сладкевичюс в течение длительного времени отстранены от выполнения пастырских обязанностей и находятся в ссылке.

Оба они были рукоположены в епископы в полном соответствии с каноническим правом, на что было получено согласие Ватикана.

Назначение Ю. Степонавичюса было одобрено Советом по делам религий при Совете Министров СССР, и он в течение шести лет выполнял свои пастырские обязанности во вверенной ему Вильнюсской архиепархии, как ее администратор. В 1961 г. уполномоченный по делам религий при Совете Министров Литовской ССР Ругенис заявил (устно) епископу Степонавичюсу, что светские власти не желают больше видеть его на месте епископа и ему предписано выехать из Вильнюса в Кагаре — маленький поселок в другой епархии. Епископ Степонавичюс отказался выполнить это незаконное распоряжение, но его принудили переехать в Кагаре, отобрав у него паспорт и лишив вильнюсской прописки. С тех пор прошло пятнадцать лет, но епископ Степонавичюс по-прежнему живет в Кагаре на положении алтариста (пенсионер, помогающий местному настоятелю и не получающий пенсии). Вильнюсской архиепархией как временно исполняющий обязанности управляет назначенный светскими властями священник Чесловас Кривайтис, не имеющий епископского сана. После того, как епископ Степонавичюс в 1972 году обратился к светским властям, указав на незаконность и полную безосновательность содержания его в ссылке, он был вызван уполномоченным по делам религий при Совете Министров Литовской ССР Туменасом, который заявил ему, что в его положении ничто не изменится, так как он «не исправился». В 1975 г. 65 священников архиепархии (из 100) подписали коллективное письмо светским властям, обращая их внимание на нетерпимое положение епископа Степонавичюса, находящееся в резком противоречии с духом и

буквой соглашения в Хельсинки, и прося вернуть его к исполнению его обязанностей. Ответа они не получили, и епископ Степонавичюс по-прежнему находится в Кагаре.

Епископ В. Сладкевичюс, посвященный в епископский сан лично архиепископом Теофилисом Матуленисом в 1958 г., практически не смог приступить к выполнению пастырских обязанностей во вверенной ему Ватиканом Кайшядерской епархии, поскольку в 1959 г. он был тем же способом, что и епископ Степонавичюс, выслан в местечко Немунелио Радвилишкис, находящееся в другой епархии. С тех пор в его положении изменилось только место ссылки — сейчас он живет в местечке Пабирже, где тоже находится на положении алтариста. Его обращение к светским властям также осталось без ответа, поскольку на неоднократные предложения «искреннего сотрудничества» с органами КГБ он отвечал отказом. Кайшядерской епархией, как и Вильнюсской архиепархией, в течение семнадцати лет временно управляют назначенные светскими властями священники, не имеющие епископского сана. Уполномоченный по делам религий при Совете Министров Литовской ССР Туменас объяснил епископу Сладкевичюсу, что его положение измениться не может, поскольку он не находит общего языка со светскими властями, а судить его не за что.

Принудительное удержание епископов Степонавичюса и Сладкевичюса на положении ссыльных без какого бы то ни было законного основания и длительное отстранение их от выполнения их пастырских обязанностей противоречит пунктам 1, 3 и 8 Декларации, принципами которой должны руководствоваться государства-участники Совещания в Хельсинки.

Вильнюс — Москва

25 ноября 1976 г.

Литовская и Московская группы содействия выполнению
Хельсинских соглашений

Людмила Алексеева
Томас Венцлова
о. Каралис Гаруцкас
Юрий Орлов
Виктерас Пяткус
Эйтан Финкельштейн
Она Лукаускайте-Пешкене

Евгений ВАГИН

ИНТЕРВЬЮ «ВЕСТНИКУ РСХД»

— *Расскажите, что побудило Вас, молодого тогда филолога, вступить в начале 60-х годов в организацию, которая носила явно оппозиционный к режиму характер, в годы, когда слово «диссидент» ещё не было в употреблении?*

— Моё политическое образование (как и многих людей моего поколения, т. е. 1937-38 г.г. рождения) началось в 1956 году. Я был тогда студентом 2 курса филологического факультета Университета в Питере.

Уже переезд из старинного Пскова, где я закончил школу-десятилетку, в город Пушкина, Достоевского и Блока был для меня огромным событием. С детства любя русскую литературу, я хотел отдать все силы и всё время её изучению. В Университете, казалось, сохранились ещё старые академические традиции — в курсах В. М. Жирмунского, Б. В. Томашевского, Б. М. Эйхенбаума, читавших нам лекции. Но с самого начала на нас обрушилась лавина лекций, семинаров, обязательных занятий по диамату, истмату, марксистской политэкономии и т. п. Это не имело никакого отношения к будущей моей профессии, совершенно меня не интересовало, но нас заставляли терять драгоценное время, конспектируя выбранные места из «классиков марксизма-ленинизма», изучая очередную официальную интерпретацию «закономерностей перехода к социализму». В естественном отталкивании от этой бездушной схоластики рождался интерес к политическим проблемам (хотя я знаю многих, кто приобрёл прочный иммунитет ко всякой «политике» в результате такой интенсивной обработки на студенческой скамье; повидимому, есть личности с врождённым «общественным темпераментом»).

1956 год встряхнул и разбудил на время всех. После оглашения секретного доклада Хрущева на XX съезде изменилась атмосфера даже на семинарах по марксистской «философии»: «провокационные» вопросы невинно и недоумённо ставились самыми лояльными и благополучными зубрилами, приводя в отчаяние идеологических наших надзирателей с философским советским образованием. Выставка Пикассо в Эрмитаже, бурное обсуждение романа Дудинцева «Не хлебом единым», попытка органи-

зации на факультете дискуссионного клуба — всё это уводило от марксизма. О венгерской антикоммунистической революции первые достоверные сведения мы получили от студентов-венгров, учившихся с нами. Активную деятельность развернули в университетских коридорах студенты-поляки: все бросились изучать польский язык, чтобы читать варшавские и краковские газеты. Казалось, наступает новая эпоха. Семена были брошены, всходы появились позже.

Должен заметить, что политическое моё мировоззрение в первые студенческие годы складывалось всё же скорее где-то в подсознании и на поверхность не выходило. Или — почти не выходило. На 3 курсе мы с друзьями задумали издавать машинописный журнал, которому дали вызывающее название «Deus ex machina». Видимо, его можно отнести к первым ласточкам Самиздата. Журнал был исключительно литературный и литературно-критический (стихи, проза, статьи); отпечатанный в трёх или четырёх экземплярах, он успешно «ходил» по факультету. Но существование его было недолгим: один экземпляр был кем-то услужливо отнесён в деканат, и немедленно были приняты меры (тем более, что никто из нас не скрывал своего авторства и участия). Нас троих вызвали на беседу — со столпами кафедры советской литературы, которые прежде всего стали грубо высмеивать наши литературные опыты. Один из них, ныне известный советский писатель, под конец миролюбиво посоветовал моему другу-античнику: «Занимались бы Вы лучше изучением Петрарки и других древнегреческих поэтов.» Но придаться было не к чему, как студенты мы были на хорошем счету, и дело замяли.

Большое значение для многих наших студентов имел так называемый Блоковский семинар, возобновивший свою работу после нескольких лет вынужденного перерыва. Мы изучали не только творчество А. Блока, но и всю литературу начала XX века. Здесь я впервые познакомился с работами Н. Бердяева, С. Булгакова, М. Меньшикова и других блестящих мыслителей серебряного века русской культуры. Во многом благодаря им постигал я истинный смысл великой русской литературы прошлого века, с их помощью освобождался от схем и упрощений, навязывавшихся нам университетскими лекторами. Работа в семинаре давала право, между прочим, и на знакомство со «спецхрановской» литературой. В маленькой комнатке за железной дверью на последнем этаже Публичной библиотеки я жадно штудировал комплект «Современных Записок», знакомство с которым стало как бы моим вторым университетом. Впервые здесь увидел я и «Вестник РСХД».

Через литературу пришёл я к религии, литература же толкнула меня решительнее и в политику: знакомство с запрещёнными авторами и книгами не могло пройти бесследно. Но решающую роль всё же, как это всегда бывает, сыграли не книги, а встреча с живым человеком. Это был Игорь Вячеславович Огурцов, тогда студент восточного факультета, человек ясных и твёрдых убеждений и большой силы воли.

Идея организации созрела в очень тесном круге лиц, группировавшихся вокруг И. В. Огурцова, который был и оставался всё время естественным центром, умом и сердцем начинавшегося движения.

Я говорю о **социал-христианстве**, которое мыслилось с самого начала как широкое движение, сочетающее в своей деятельности легальные и нелегальные методы. Ещё до того, как окончательно выкристаллизовалась идея организации (она мыслилась в качестве подпольного руководящего центра всего движения), И. Огурцовым были составлены и оглашены так называемые «10 тезисов социал-христианства». Они стали впоследствии основой положительной части Программы ВСХСОН.

Уже первые участники движения были убеждёнными антикоммунистами, что я считаю совершенно естественным для всей честной и мыслящей молодёжи в Советском Союзе после 1956 года. Наш антикоммунизм был прямым следствием складывавшихся религиозных воззрений. Хотя эти религиозные взгляды в тот период были ещё далеки от истинного, церковного православия, мы осознавали себя христианами и усиленно работали над углублением своего христианского мировоззрения. Коммунизм мы считали мировым злом и борьбу с ним рассматривали как дело христианской совести.

Я слишком тесно был связан с самими истоками социал-христианского движения, и когда созрел вопрос об **организации**, я не раздумывал, должен ли я в неё «вступать» — это было чем-то само собой разумеющимся. Единственно хочу ещё раз подчеркнуть, какое огромное значение для всех нас имела личность И. В. Огурцова — прирождённого лидера, несомненного обладателя «харизмы власти».

Правда, позже бывали случаи, когда выбранные нами «кандидаты», с которыми проводилась подготовительная работа, отказывались вступать в организацию, хотя и разделяли всецело идеи и принципы движения. Двое, которых знал я лично, были христианами церковными и считали для себя неприемлемым положение Программы ВСХСОН о допустимости вооружённой борьбы с «пе-

редовыми отрядами олигархии». (Считаю необходимым пояснить, что это положение, принятое после всестороннего обсуждения, было вызвано условиями начавшейся в стране ре-сталинизации; мы знали о событиях в Новочеркасске 31 мая — 2 июня 1962 г. и считали реальным повторение такой ситуации в масштабе всей страны). Один из этих двух молодых людей стал потом священником... Я всегда считал подобные случаи не потерей, а приобретением для социал-христианского движения в широком смысле.

Действительно, когда закладывались основы нашего движения и создавалась Программа ВСХСОН (1960-1964 г.г.), слова «диссидент» не было ещё и в помине.* Но в период существования нашей организации мы никогда не отделяли себя искусственно от других направлений оппозиции; напротив, мы искали контакты и связи со всеми противниками режима и марксистской идеологии. Об этом ясно говорится в нашей Программе. И поэтому, мне кажется, она до сих пор сохраняет всё своё значение и актуальность.

— *ВСХСОН носил одновременно и ярко выраженный христианский характер. Считали ли Вы себя уже тогда христианином?*

— Как я уже говорил, мне представляется, что ВСХСОН, в том виде, как он просуществовал три года, явился началом социал-христианского движения. Я убеждён, что подобному движению в нашей стране принадлежит большое будущее — ведь и Ваш журнал движет умы в том же направлении. В 1955 году один из патриархов русской эмиграции Ф. А. Степун писал («Вестник РСХД», № 37): «Разрушенная революционным орден безбожников Россия может быть спасена не 20 политическими партиями будущего Учредительного Собрания, а неким хри-

* В связи с этим я хочу привести мнение американского исследователя Джона Дэнлопа, высказанное им в обширной монографии, целиком посвящённой Социал-Христианскому Союзу: «Despite certain self-evident flaws; the VSKhSON program compares favorably with other programmatic texts of dissenters which emerged in Soviet Russia in 1960s and 1970s, e.g. Academician Sakharov's 1968 «Memorandum», the 1969 program of the «Demokrats of Russia, the Ukraine and Baltic» or Solzhenitsyn's «Letter to the Soviet Leaders». It succeeds in avoiding the principal error of Sakharov and the «Democrats» — a generally indiscriminating application of Western liberal solutions to indigenously Russian problems. And it is far more detailed and specific in both its negative critique and positive proposals than is Solzhenitsyn's «Letter». John B. Dunlop. *The New Russian Revolutionaries*. Nordland Publishing Co. Belmont, Mass., 1976, p. 166.

стианским рыцарством или, говоря скромней, трудовой православной интеллигенцией, которая, будучи рассеянной по разным общественным классам и по разным партиям, была бы всё же связана между собой некоей общей всем духовностью.» Хотя этот призыв был обращён преимущественно к русской зарубежной молодёжи, он исключительно актуален для всех русских. Замечательное совпадение: самиздатский автор в России, вряд ли знакомый с цитированной мыслью Ф. Степуна, усмотрел в ВСХСОН «план создания воинствующего религиозного ордена, способного не только возглавить антикоммунистическое движение в России, но и предложить ей иной образ бытия». («ВСХСОН. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях.» Париж, Имка-Пресс, 1975, стр. 99).

Считал ли я себя уже тогда христианином? Безусловно, да. Я вырос в атеистической семье советских интеллигентов, но с раннего детства постоянно со мной была глубоко верующая бабушка, ныне покойная. Крестили меня по её настоянию во время войны, в одном из открытых при немецкой оккупации православных храмов (св. Варлаамия Хутынского) в Пскове. Крестивший меня священник, о. Константин Шаховской, после окончания войны был осуждён как «коллаборант» на 10 лет сталинских лагерей и умер в Сибири, в ссылке. **Об этом я узнал много позже.**

Только на студенческой скамье **во мне** пробудился живой религиозный интерес, главным образом, благодаря чтению романов Достоевского. Для формирования моего мировоззрения важное значение имел Вл. Соловьёв, я пережил очень сильное увлечение Бердяевым, что сейчас склонен рассматривать как «бердяевский соблазн». Схематически я так изобразил бы мою духовную эволюцию: от Достоевского через Вл. Соловьёва — к Бердяеву; **затем** возвращение к Соловьёву, как учителю Бердяева, **разочарование** в них обоих и новый приход к Достоевскому (не только романисту, но и автору «Дневника Писателя»). Важнейшими для себя русскими православными мыслителями я считаю Н. Данилевского, **К. Леонтьева и особенно Н. Фёдорова.**

Сейчас я вижу, насколько «головными», интеллектуальными были мои представления о христианстве и православии в студенческие годы. Но подобный путь проделывают многие...

Дальше мне труднее говорить только о себе. Обобщая несколько опыт моих друзей и единомышленников по ВСХСОН, я могу утверждать, что способствовало нашему приходу к истинному православию именно участие в организации. Мы не представляем себе христианство без социального служения (отсюда

наш интерес к социальным энцикликам папы римского Иоанна XXIII); в частности, я написал тогда специальную работу «Религия и социальный вопрос». Практически наша работа сводилась к размножению и переводам литературы религиозно-философского характера (книги и статьи русских мыслителей начала века, а также Ж. Маритэна, Эм. Мунье, Г. Марсея, с которым у меня была небольшая переписка и от которого я получил две его книги). Конечно, приобщение к подобной литературе увеличивало сумму наших знаний о христианской религии. Я уже не говорю о том, что некоторые члены ВСХСОН были специалистами по истории отдельных религий (И. Огурцов, семитолог по образованию — прекрасный знаток Ветхого Завета, много занимался восточными культурами, йогой; М. Садо профессионально изучал несторианство; эфиопист В. Платонов в своей диссертации касался раннего христианства; Н. Иванов писал диссертацию о церковной архитектуре и вёл в Университете курс по истории русской Церкви).

Но, повторяю, главным, с моей точки зрения, было не книжное знание о христианстве. Сознание добровольно взятого на себя **креста** делало нас христианами гораздо в большей степени, чем десятки и сотни прочитанных книг о религии. И когда на какое-то время крест этот оказался слишком тяжёлым для многих из нас, и мы уже почти падали, к нам пришла благодатная помощь свыше. Это было уже в лагере.

— *Расскажите о Вашей духовной эволюции в лагере, где и когда Вы стали христианином?*

— В лагере я окончательно, глубинно пришёл к вере — стал православным христианином. Только в лагере я по-настоящему научился молиться, узнал и почувствовал на себе силу молитвы. Нигде так хорошо не молится, как в тюрьме и лагере. Казалось бы, и вне церкви — а как будто в храме. Да необходимость Церкви в неволе только и осознаётся — так же, как лишение свободы заставляет остро переживать всю её бесконечную ценность...

Даже к святоотеческой литературе по-настоящему я приобщился, усвоил её дух здесь же, за колючей проволокой: кто-то из прежде сидевших священников оставил обширные выписки из «Добротолубия», **которые** потом неоднократно переписывались. В лагере существует **специфический «религиозный самиздат».** Официально строго запрещено иметь Священное Писание и религиоз-

ную литературу (многие пытались писать во все инстанции с просьбами, требованиями, ссылками на советскую конституцию — разрешить пользоваться официальными церковными изданиями Московской Патриархии; Загорск на такие петиции вообще не отвечал, а Москва, как обычно, лаконичным «не положено»). И всё же у каждого верующего есть при себе самодельная записная книжка, величиной с ладонь, а то и несколько — с переписанными от руки целыми Евангелиями, Посланиями Апостольскими, книгами Ветхого Завета (особенно часто — Пророков Даниила и Исайи). Я знал одного ревностного православного из молодых, который проделал колоссальную, «оригеновскую» работу — составил себе полный свод книг Ветхого и Нового Заветов, переписав их в толстые тетради из таких вот «карманных изданий». Кажется, на последнем этапе переписки (а, может быть, на этапе в другую зону, когда шмонают особенно сильно) у него эти тетради отобрали...

Сам я ухитрился составить своеобразный православный катехизис, и вот каким образом. В зоне была «Критика догматического богословия» Л. Н. Толстого. Текст самого Толстого читать совершенно невозможно, но в книге, если помните, приводятся большие цитаты, иногда целые страницы из «Догматического богословия» Макария. Я попытался реконструировать текст, выписав их все в отдельную тетрадь и систематизировав. Получилось очень даже неплохо для наших условий. Тетрадка эта оказалась полезной не для меня одного.

Но самым сильным моим переживанием, оказавшим решающее влияние в религиозном плане, были встречи с живыми страдальцами за веру Христову. Прежде всего, с «истинно-православными» христианами — «тихоновцами», представителями «катакомбной Церкви», как её называют на Западе. Знаю, что многие сомневаются в её существовании — и свидетельствую, что она есть, и бесчисленный сонм её мучеников убедительно это подтверждает. Поражает их бесстрашное исповедание веры, часто ценой жизни. Ведь им говорят: «Откажитесь, признайте Московскую Патриархию — выпустим сразу» — но стоят твёрдо, до смерти. Умер в лагере Михаил Васильевич Ершов, разбитый параличом после того, как ему насильно состригли бороду; «оставил своё сорокадвухлетнее страдальческое ристалище неложное великомученическое», как сказал о нём его сподвижник. В этом году (недавно мне сообщили) в лагере же скончался Андрей Савельевич Дубина — в возрасте 84 лет, так и не дождавшись конца своего 25-летнего срока. И сейчас ещё несёт крест свой страдальческий Васи-

лий Васильевич Калинин, окончивший **первый** свой 25-летний срок и отбывающий второй такой же; постоянно подвергают его унижениям и издевательствам. Это он сказал мне: «В наши дни надобно проповедовать юродством» — так и живёт, вызывая невероятное озлобление надзирателей и всех «начальников»...

Сколько их... Ведь и назвать нельзя даже всех тех, кого знал лично. Освободившись (если доживут до освобождения), они снова уходят в «религиозное подполье» (на языке советских юридических справочников) — как было с моими знакомыми «истинно-православными христианами-странниками». Существуют до сих пор небольшие подпольные монастыри, рассказывали мне и о них... Есть и «тайные» тихоновцы, пришедшие к вере в лагере. Практически все православные в лагерях — тихоновской ориентации.

В лагере у меня появились друзья — литовские католики, и общение с ними дало мне очень много для понимания духа католицизма. Не возникал и вопрос о прозелитизме: мы уважали друг друга, и учились уважать чужие убеждения, пусть и неприемлемые для нас. Но мне кажется, что долгие наши разговоры на религиозные темы были полезны обоюдно. Как знать, не рождается ли подлинное христианское единство в таких вот условиях, перед лицом общей угрозы...

— *Вас упрекают с разных сторон в антисемитизме. Верно ли это?*

— Мне давно говорили, но я не верил, пока не убедился сам, что на Западе самый лёгкий и удобный способ скомпрометировать, опорочить человека — это наклеить на него ярлык антисемитизма. Причём обвинение это такого рода, что в доказательствах оно не нуждается: кто-то говорил, где-то слышали.

Обвиняли в антисемитизме весь ВСХСОН, огулом. Теперь, наконец, опубликована Программа, материалы следствия и суда — где вы найдёте хотя бы строчку, подтверждающую это провокационное обвинение? Да, мы были и остаёмся русскими патриотами, но причём здесь антисемитизм?

— *Какие Ваши впечатления от Запада? Вы живёте в стране, наиболее заражённой марксизмом. Как Вы на это смотрите?*

— Мы с семьёй год прожили в Италии, и я имел счастливую возможность объездить практически всю страну. Не в качестве туриста, а с докладами о положении религии и национально-рели-

гиозном возрождении в советской России. Аудитория пёстрая и многообразная, нередко бывают коммунисты. Вопросов задаётся множество, и в них характерно отражается современная итальянская жизнь с её тревогами и заботами. Приходилось много разговаривать и в обстановке совсем не официальной, с людьми самыми разными. Действительно, марксизм сумел отравить духовную атмосферу этой замечательной, сказочно-прекрасной страны.

Но мне кажется, **почвы** он всё же не имеет, как не имеет вообще национальных корней эта принципиально антинациональная и антикультурная идеология. Да, стены вечного Рима изгажены коммунистическими лозунгами, и даже на дверях гробницы Данте (когда я был в Равенне) чья-то кощунственная рука намазала красной краской омерзительный символ серпа и молота. Левые молодчики с комсомольским задором бросают бомбы, убивают полицейских и получают за это такие приговоры, которые будто приглашают их к продолжению кровавых безобразий. Недоумение и сожаление вызывает официальная политика Ватикана, гордящегося своим близоруким псевдо-«реализмом»... И всё же в Италии есть здоровые силы. Воплощение их я, прежде всего, вижу в христианской, католической молодёжи. При правильном руководстве, при координации усилий христиан свободного мира марксистское идеологическое наступление может быть остановлено. Противостоять этой сатанократической доктрине можно только объединением всех христианских сил.

Я уже побывал в разных странах Европы (Скандинавия, Германия, Бельгия, Франция) и везде проще всего находил контакт человеческий и живое понимание в аудитории христианской — православной, католической, протестантской. В июле этого года в Страсбурге был проведён семинар по правам человека, организованный Европейским союзом молодых демо-христиан, на который пригласили и меня. Моё сообщение о процессе ВСХСОН — о вопиющих фактах нарушения законности при фабрикации органами КГБ этого дела «о заговоре с целью захвата власти» слушали с большим вниманием. Участников семинара — будущих ведущих деятелей христианско-демократических партий европейских стран — особенно заинтересовала Программа ВСХСОН и перспективы социально-христианского движения в Советском Союзе. Была принята общая резолюция — обращение к советскому правительству с требованием об освобождении жестоко и несправедливо осуждённого И. Огурцова. Этот недавний пример наглядно показал мне ценность и перспективность христиан-

ской солидарности в деле защиты прав человека. Я попрежнему верю в то, что мы когда-то записали в Программе ВСХСОН: «Завтрашний мир будет основан на христианских идеалах».

О моих впечатлениях о Западе. Версиров в «Подростке» говорит, что эмигрировав из России, он продолжал ей служить, «но лишь расширив идею». Герой Достоевского утверждает, что только он один, с его **русской тоской**, был в Европе свободен по настоящему... Вот нечто похожее чувствую и я всё это время.

— *Каковы Ваши впечатления об эмиграции?*

— До моего отъезда русская эмиграция воспринималась мною (да, пожалуй, и всей молодой интеллигенцией в Советском Союзе) преимущественно в аспекте культурном; составить верное представление о других сторонах жизни русского Зарубежья (церковной и политической) практически было невозможно. Но всем нам было ясно, что насильственно прерванная у себя на родине, духовная традиция русского народа не только сохранялась, но и развивалась в изгнании его выдающимися представителями: Бунинным, Рахманиновым, Шаляпиным... Долгие годы она оставалась живым оазисом и очагом надежды для всех, кто не имел возможности говорить, а порой и думать свободно и самостоятельно. Для всех очевидна выдающаяся роль, какую играют сейчас культурные достижения русской эмиграции в начавшемся на родине национально-религиозном возрождении.

Здесь, на Западе, для меня лично, особенный смысл имели встречи с некоторыми замечательными людьми из первой эмиграции. Очень уже немолодые, они сохранили в удивительной чистоте (в прямом и переносном смысле) не только русский язык, но и свою «русскость», неотделимую от православия.

Самым необходимым сейчас, по-моему, было бы объединение всех здоровых сил русской эмиграции — на **христианской** основе, что мне представляется одним из первых условий. Все, кому дороги интересы России, не могут быть религиозно индифферентны. Я убеждён, что только церковность спасла наших «предшественников» в **русском** Зарубежье от ассимиляции, растворения в западной стихии.

— *Каким Вы видите будущее России? Ближайшее, более далёкое?*

— Трудно отвечать на такие вопросы. Легче сказать, каким **хотелось бы видеть будущее**...

У А. В. Карташева есть книга с прекрасным названием — «Воссоздание Св. Руси» (знаменательно, что вышла она в Париже в 1956 г.). Мне кажется, уже в этом названии высказано самое главное, что должно было бы сплотить нас всех воедино, заставило работать вместе. Речь идёт сейчас не о реставрации самодержавной монархии в её прежнем виде — это невозможно (хотя реальные политики должны считаться с монархическими настроениями в стране). Воскрешение самого духа св. Руси, которая больше, чем просто Россия — задача первостепенная.

С тем, что коммунистической диктатуре в СССР придёт конец, согласны все, расхождения только в сроках. Нужно думать о том, что мы хотим видеть после освобождения нашей родины от тоталитарного гипноза, к чему должно сознательно стремиться. Безусловно желательна христианизация всех форм общественной и социальной жизни. Карташев говорит о возможном синтезе правового свободного государства с христианской идеологией. Это и предлагает Программа ВСХСОН.

август 1977

В ИЗМЕНЕ НЕ ПОВИНЕН

(Слово в защиту Игоря Огурцова)

15 февраля 1977 года исполняется 10 лет со дня ареста ленинградского ученого, востоковеда Игоря Вячеславовича ОГУРЦОВА.

10 лет заключения в советских тюрьмах и лагерях — это ведь не просто «лишение свободы», как пишут, умягчая и обманывая, в наших приговорах. Это 10 лет голода, холода, утонченных издевательств, медленного убийства духа и плоти. 10 лет камня, наручников, пыточных карцеров, отупляющего принудительного труда.

Кажется, только теперь мир начал это понимать.

Первые 7 лет, почти 1/3 своего астрономического срока, Огурцов провел в одной из самых зловещих темниц сегодняшней планеты — Владимирской тюрьме. Только в сентябре 1974 года, спустя семь с половиной лет заточения, Огурцову было разрешено личное свидание — возможность ощутить на губах материнский поцелуй. Он пришел на это свидание измученным, глубоко больным человеком.

Судьба Игоря Огурцова по своей необычности и трагизму не может оставить равнодушным. Он был одним из первых в том долгом свитке политических репрессий, что развернут в стране за последнее десятилетие, и как все первые — получил высшей мерой за свое выступление против режима. Процесс Огурцова был проведен в годы, когда в стране еще не было сегодняшней огласки и только-только начавшая выходить «Хроника текущих событий» располагала слишком короткими сведениями об этом процессе.

По высшей справедливости, Игорь Огурцов и его единомышленники не могут быть причислены к тем, кого мы называем сегодня узниками совести, т. е. людям, стоявшим на позиции исключительно нравственного отрицания и репрессированным властями за легальную гражданскую деятельность, за защиту растоптанных человеческих судеб, а чаще всего за попытку реализации собственных простейших прав: права на Слово, неподцензурную мысль и обмен информацией.

И. Огурцов и другие члены созданной им группы ВСХСОН (Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа) могут быть названы политическими заключенными в полном

смысле этого понятия, потому что в намечаемой деятельности они стояли на позициях политической борьбы, имея целью изменение государственного и общественного строя в СССР.

Группа ВСХСОН, созданная в Ленинграде в 1964-65 г.г., была по сути организацией политической (она имела программу, тактические разработки, устав), хотя отправная позиция группы, а также ее программные положения по будущему устройству страны представляли настроения глубоко идеалистические.

ВСХСОН ставил своей задачей борьбу за установление в стране так называемого социал-христианского строя, т. е. общества, построенного на этических принципах христианства. «Общество, хранящее в чистоте веру в христианские заповеди, защищено от нравственного вырождения, упадка сил, социального и военного самоубийства», писали члены Союза Освобождения в своей программе.

Они мечтали о создании в запущенной, уставшей от безнравственной и бездуховной жизни стране теократического, построенного на моральной основе, высокосправедливого государства, в котором были бы невозможны как расслабляющая политическая борьба соперничающих партий, так и деспотическая диктатура одной партии, подобная той, что установлена в СССР в настоящее время. Предполагалось, что это будет персоналистское государство, в котором высшим мерилom во всех сферах жизни станет отдельная, свободная и независимая личность; в обществе на деле — не на словах — будут существовать свобода труда, предпринимательства, личной инициативы. Разумеется, это государство будет глубоко демократическим и обеспечит все демократические свободы.

Важное место в общественной жизни нового государства должно быть отведено Церкви как свободной общине верующих, воодушевленных высшими нравственными идеалами.

Мы — не политики.

И потому не считаем себя вправе давать и не даем оценки предполагаемому ВСХСОН'овцами государству.

Мы лишь с сожалением констатируем:

Путь к возмечтанному Граду группа ВСХСОН искала в сферах иных...

Исходя из представлений об СССР как о системе крайнего государственного тоталитаризма, воплощающей интересы могущественного «нового класса» — партийной, государственной и административно-хозяйственной бюрократии, — ВСХСОН пришел

к выводу о невозможности эволюции сегодняшнего строя к персоналистическому государству мирным путем.

Так вошла в программу ошибочная и пагубная мысль о насильственном свержении существующего строя.

«Природа этой системы такова, — отмечалось в программе ВСХСОН, — что она не может улучшиться, не подрывая основ. Всякое улучшение ее означало бы лишение господствующего класса его преимуществ, его права, незаконно присвоенного, монополю владычествовать в экономике, политике или идеологии. Любая из этих отдельных свобод неизбежно вела бы к свободе полной, к ликвидации тоталитарной системы. Поэтому добровольно, без борьбы этот класс не уступит ничего. Освобождение народа от коммунистического ига может быть достигнуто вооруженной борьбой.»

Нам, людям, категорически отвергающим насилие, в том числе, как средство изменения общественных отношений и государственного переустройства, трудно читать эти строки любви и отчаяния. Но, отвергая, мы не можем не прикоснуться сердцем к тому безнадежному состоянию, в котором христиане были вынуждены прийти к столь поспешному и трагическому, абсолютно не христианскому выводу о том, что «царствие берется силой».

И мы думаем:

Как же должен быть нестерпим политический и духовный гнет в стране, если ее интеллигенты, гуманитарии, ее востоковеды в очках (на 21 человека, осужденных по двум процессам ВСХСОН, 18 имеют высшее образование, в том числе пятеро — окончивших востоковедческий факультет) и, самое страшное, ее христиане, могли — во имя любви к несчастной Родине своей — схватиться за мысль о государственном перевороте?

Совсем как те, декабрьские юноши 150 лет назад.

Но то был кесарь.

Ныне же нашей страной правит уже не кесарь. Не злой и жестокий кесарь. О, нет. Мы находимся под властью антихристианской идеологии, идеологии антихриста.

Мы живем в обществе, исковерканном насилием и ложью, где уничтожено всякое проявление, даже подпочва духовности. В этом обществе, где искажены понятия и знаки, а оболочки слов отслоены от их сути, где уже и не кесарь — сам князь тьмы на троне, — так легко человеку, даже христианину, впасть в его коварный плен.

Наш народ бьется в дьявольских сетях зла в обличии добра!

Обращение к оружию, насилию, кровь — пусть даже в мыслях — это победа идеологии антихриста над христианской душой.

Именно это и случилось с И. Огурцовым и его единомышленниками, которые искренне веря, что служат Христу, освятив насилие, оказали фактически услугу антихристу...

Нет, мы не можем, **не имеем права** оправдать их решения. Но точно так же — не можем, **не имеем права** — его не понять.

И разве для красной фразы в одном из замечательных документов человеческой истории — американской Декларации независимости, 200-летие которой торжественно отмечено миром несколько месяцев тому назад, написаны гордые слова: «Но когда длинный ряд злоупотреблений и насилий, неизменно преследующих одну и ту же цель, обнаруживает стремление подчинить народ **абсолютному деспотизму**, то право и долг народа — свергнуть такое правительство».

А сейчас, после выхода в свет гневной книги, «Книги судей» — «Архипелага ГУЛаг» А. Солженицына, мы как никогда понимаем, что никакие законы разума не в силах остановить поработанных перед их последним правом — выстраданным правом **на Кенгир**.*

Но ведь не было так. **Не было даже** попыток реализации этого права, лишь слово о нем. Несмотря на категоричность программы, на устрашительный тезис о «вооруженном свержении коммунистической тирании», Ленинградский ВСХСОН с первого до последнего дня своего существования был лишь кружком молодых мечтателей, тех горячеловых подвижников освободительной идеи, которых так щедро плодила русская земля (и русская деспотия) во все времена.

Огурцов и его единомышленники практически так и не двинулись дальше изучения и **распространения** трудов Н. И. Бердяева и другой не марксистской литературы; с этим грузом «антисоветских преступлений» и **пошли ленинградские востоковеды** своим арестантским путем.

Расправа была жестокой.

Еще бы: едва ли не впервые за несколько десятилетий «охоты **за ведьмами**» власти заполучили желанное — подлинную организацию, дерзнувшую заявить о намерении свергнуть полувекую деспотию!

* Концентрационный лагерь в Казахстане, в котором находился А. Солженицын и где в начале 50-х годов произошло крупное восстание.

Надо полагать, ни один демократический суд не принял бы всерьез этой «антиправительственной организации»; впрочем, ни в одной демократической стране такая организация и не могла бы возникнуть.

Четверо руководителей Союза — И. Огурцов, М. Садо, Е. Вагин и Б. Аверичкин — были обвинены в тягчайшем преступлении советского кодекса — в измене Родине (ст. 64 УК РСФСР). Воспользовавшись тем, что формально «заговор с целью захвата власти» образует состав преступления по ст. 64, судебные органы прибегли к грубой и злонамеренной натяжке: в деятельности группы не было ничего, что могло быть истолковано как факт измены, т. е. наносило бы ущерб внешней безопасности СССР в пользу какой-либо враждебной державы.

Члены ВСХСОН были мыслителями и патриотами, но не фанатиками — заговорщиками, не рвущимися к власти честолюбцами. Какое уж тут властолюбие, какой практический «заговор с целью захвата власти», если ВСХСОН планировал осуществление своих идей (христианизацию общества и создание персоналистического государства) через 15-20 лет! Может ли измена Родине быть растянута на столь долгий срок? Да и спустя 15-20 лет, ведь не резня планировалась, не гражданская война — все «насилие» должно было вылиться в арест главных членов правительства и роспуск коммунистической партии, как «потерявшей всякое моральное право на существование».

Обвинение в измене не согласуется даже с собственной «буквой закона», т. к. заговор с целью захвата власти предполагает обязательное наличие у заговорщиков (см. Комментарий к ст. 64 УК РСФСР, п. 8) «карьеристских или авантюристических соображений», чего, конечно, не было ни у кого из подсудимых.

Обвинение в «измене Родине» людей, больше всего на свете пекущихся именно о благополучии и процветании своей Родины, представляется жесточайшей нелепостью. Недаром Игорь Огурцов гневно заявил на суде что подобное обвинение считает для себя оскорбительным.

Можно допустить, что Огурцов и другие руководители Союза Освобождения были действительно повинны в создании антиправительственной политической группировки (бездеятельной, ограничивающейся экстремистскими декларациями), но применение к ним статьи об измене было, вне всякого сомнения, сделано с единственной целью — расправиться с организацией всей силой государственной мощи, раздавить всего лишь росток мысли

о переустройстве государства «высшей нравственностью социализма» — уничтожением.

Все четверо получили жестокие сроки лишения свободы. При этом И. В. Огурцов был приговорен к 7 годам тюрьмы, 8 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки, т. е. в общей сложности к двадцати годам! Учитывая, что даже отбыв этот срок, Огурцов по советским тайным инструкциям не сможет вернуться в родной Ленинград, приговор означает пожизненную репрессию.

17 рядовых членов ВСХСОН'а были осуждены по ст. 70 и 72 УК РСФСР и приговорены к различным срокам лишения свободы, от 1 года до 7 лет.

Сейчас все репрессированные члены Союза Освобождения, кроме И. Огурцова и М. Садо, находятся на свободе. Через 3 года, 15 февраля 1980 года, должен получить свободу М. Садо.

И. Огурцову предстоит томиться в неволе еще 10 лет, половину своего чудовищного срока. Он — холост, и вряд ли теперь когда-нибудь заведет семью. Состояние его здоровья таково, что дает основание серьезно беспокоиться за жизнь 39-летнего узника. Вконец измученные родители на склоне лет жизни теряют надежду дождаться единственного сына. Мать — пианистка, — с тоской вспоминает, как играла с сыном в четыре руки, теперь не в силах подойти к закрытому инструменту... Отец — инженер кораблестроитель (майор в отставке), участник отечественной войны, нуждается в сыновней заботе.

Игорь Вячеславович Огурцов — высоко одаренная личность. С детских лет он обнаружил недюжинный ум, разносторонние способности и исключительную силу воли. В годы обучения в Университете (факультет востоковедения ЛГУ) Огурцов в порядке самообразования изучал философию, психологию, историю, экономику, живопись, архитектуру. Он хорошо знал, любил и сам сочинял музыку, одно время серьезно думал о карьере музыканта, обладал писательским даром.

Уже находясь в тюрьме, в дополнение к освоенным в университете арабскому и древнееврейскому, изучил английский, итальянский и испанский языки.

Короче, — гибнет в тюрьме разносторонний ученый, гуманитарий, полиглот.

По рассказам близко знавших его людей (здесь нет разных мнений) Игорь Огурцов — человек нравственных принципов и высокой духовности. Это глубоко верующий человек, христианин, с детства живший по христианским заповедям, никогда не пивший вина, не куривший, не употреблявший в пищу мяса.

Как говорил о нем один из участников группы ВСХСОН: «Об И. Огурцове мне писать труднее всего, может быть потому, что я не заметил ни в его характере, ни в его поступках отрицательных черт. Вкратце его можно было охарактеризовать как исключительно выдающуюся и одаренную личность. Бывают такие люди — целеустремленные, необычайно умные и вносящие своей жизнью и своими идеями новые веяния, освежающие строй и жизнь общества. Мне всегда казалось, что этот человек умеет черпать силы из неизвестных истоков жизни...»

Читая эти чистые строки, еще более думать и сожалеть, что прекрасный этот портрет оказался вписан в столь трагическую безальтернативность судьбы.

Какую жесточайшую внутреннюю трагедию должен переживать сейчас этот удивительный человек, верующий христианин! Горя желанием помочь своим духовно опустошенным, приученным лгать, озлобленным соотечественникам,

сам возжелал зла!

Во имя добра — зла!

Для спасения — насилие!

Для «не убий» — вооруженную борьбу!

Но ведь все это уже было. И не спасло. И не могло спасти: кровь порождает кровь! Трагедия Игоря Огурцова, попавшего в дьявольские сети зла в обличии добра, усугубляется отсутствием в тюрьме библии, церкви, священника, исповеди, креста. Все — запрещено. Неведомо какими законами и инструкциями — строжайше запрещено!

В настоящее время И. Огурцов находится в 35 лагпункте Пермских лагерей (Пермская область, Чусовской район, ст. Всевятская, учреждение ВС-389/35). Вместе с другими узниками он борется с тюремщиками за статус политзаключенного и за свое человеческое достоинство, держит голодовки протеста, томится по карцерам.

В 1974 году была попытка подвергнуть Огурцова психиатрической экспертизе, дабы обречь его на бессрочное заточение в психиатрический застенок, два месяца он носил полосатую куртку безумца. Только энергичный протест, привлечший внимание мировой общественности, остановил готовящуюся психиатрическую расправу.

Десятилетним заключением здоровье И. Огурцова сильно подорвано. Он страдает хроническим авитаминозом, воспалением среднего уха, малокровием, тяжелой формой гипертонической бо-

лезни, по которой уже в тюрьме получил инвалидность II группы. Есть основание предполагать, что И. Огурцов беспрельдно измучен и нравственным страданием, осознав до конца всю порочность своей попытки совместить христианскую мораль с методами политического экстремизма.

Два обращения ленинградских юристов с просьбой снять с Огурцова обвинение в измене Родине и облегчить его участь — не дали результатов.

10 декабря 1975 года, отчаявшись в борьбе против антихриста, И. В. Огурцов подал заявление о выходе из гражданства СССР. Одновременно он направил письмо королю Бельгии с просьбой предоставить ему бельгийское гражданство.

В последнее время, видимо в связи с этими актами, с целью склонить Огурцова к «покаянию» (нет, не евангельскому, к покаянию-предательству) к нему применяют психологические пытки, недостойный шантаж. Летом 1976 года его возили в Пермь в тюрьму) на встречу с М. Садо; предлагали внеочередное свидание с бабушкой, которую он очень любит; устроили прогулку по Перми, кажущейся снаружи нарядной, сытой и счастливой («вот вам, без всякого персонализма»)...

Видимо, за какую-то уступку?

За осуждение прошлой деятельности?

За раскаяние? За предательство друзей своих?

За готовность стать на колени? На колени перед государством, перед кесарем-антихристом?

Так антихрист пытается создать себе слуг. Сначала заставляет, пусть мысленно, прийти к выводу о безысходности существования и неизбежности насилия. Потом наказывает якобы за эти мысли. Затем, добиваясь лицемерного раскаяния, прощает — и приобретает себе слугу, способного на любое предательство и насилие.

С Огурцовым — не вышло: С Огурцовым — осечка.

Игорь Огурцов отказался. «Я не хочу никаких поблажек... Только то, что дается остальным...»

Впереди у него 10 лет заключения, которое он может и не вынести, хоть и устоит духовно.

Мы говорим: довольно!

Мы взываем к милосердию.

Мы заявляем: хватит с одного человека. Даже, если он угрожал государству. Даже, если он создал антиправительственную организацию.

Мы утверждаем, что Игорь Огурцов — не изменник Родины! Свободу Игорю Огурцову!

Мы обращаемся с просьбой поддержать наш призыв и выступить в защиту Игоря Огурцова!

— К международной организации «Эмнисти интернэйшнл»;

— К зарубежным юристам — к каждому, кто взял на себя труд попытаться доказать непричастность И. В. Огурцова к государственной измене;

— К коллегам И. Огурцова, ученым-востоковедам;

— К правительству Королевства Бельгии и лично к Королю Бельгии, Его высочеству Бодуэну I, главе демократического государства, о чьем гражданстве просит советский узник И. Огурцов.

— К руководителям христианских (социально-христианских, христианско-демократических и др.) партий мира, чьи программы, как и программы И. Огурцова, предусматривают христианизацию общественной жизни и государственного управления;

— К свободной общине верующих — Церкви;

— К Его Преосвященству Папе Римскому Павлу VI;

Милосердие и свободу ИГОРЮ ОГУРЦОВУ!

Да простит и поможет ему Бог!

24/1 — 1977 г.

Татьяна Ходорович

Виктор Некипелов

P.S.

Мы просим редакцию журналов «Континент» и «Вестник Русского Христианского Движения», а также газету «Русская мысль» опубликовать наше «Слово в защиту И. Огурцова» на русском языке.

Мы просим редакции радиостанций «Голос Америки», «Би-би-си», «Свобода» передать наше «Слово» по-русски.

Мы просим также, если это представится возможным, перевести наше «Слово» на иностранные языки и опубликовать его в иностранной прессе.

Мы просим всех, к кому обращено наше «Слово», услышать его.

февраль 1977 г.

Татьяна Ходорович

Виктор Некипелов

ЗАЯВЛЕНИЕ ИГОРЯ ОГУРЦОВА НАЧАЛЬНИКУ ЛАГЕРЯ 35

Заявляю решительный протест в связи с непрекращающейся практикой ложных рапортов о всякого рода «нарушениях». Составление и подача фальшивых донесений в ВС 389/35 уже в течение нескольких лет носит систематический массовый характер.

Несмотря на то, что при выяснении обстоятельств и составитель и администрация оказываются не в состоянии подтвердить справедливость и законность подобных донесений, эти фальшивые бумажки тщательно сохраняются, бережно накапливаются и через некоторое время в нужный момент всплывают уже как бесспорное основание репрессивных мер. Этот способ используется, главным образом, для перевода людей на тюремный режим. При этом лицемерно заявляется, что все меры воздействия уже исчерпаны и кроме тюрьмы не остается ничего другого для «злостных неисправимых нарушителей».

Такой спектакль ставился госбезопасностью здесь уже не один раз.

Чтобы не быть голословным, приведу 2 конкретных примера, относящихся лично ко мне.

В марте было подано два рапорта. Содержание первого: днем лежал в постели. Начальнику отряда и прапорщику, подписавшему рапорт, было известно, что в это время я находился на десятидневном освобождении от работы из-за производственной травмы, и мне был предписан постельный режим. Тем не менее, на меня было наложено взыскание, а рапорт кроме всего увеличил тот пакет рапортов, который дает возможность госбезопасности в любой момент оформить меня в тюрьму.

Содержание второго: не явился на вечернюю проверку. В течение трех последних лет кочегары, идущие в третью смену, после ужина ложились спать, чтобы иметь возможность нормально работать ночью. Однако в марте капитаном Поляковым был составлен новый распорядок дня, по которому в первые сутки для третьей смены сон вообще не предусмотрен (как и обед во вторые и третьи сутки). Все попытки выяснить у администрации, не является ли подобный, с позволения сказать, «распорядок»

дня просто недоразумением, остались безрезультатными, более того, ст. лейтенант Николаев счел его вполне нормальным. Сон и еда были отменены, а работа — нет.

Характерна одна бросающаяся в глаза деталь. Все фальшивые рапорты пишут из года в год одни и те же лица. Не все соглашаются, видимо, заниматься этим гнусным делом. Самыми активными в этом соревновании являются лейтенант Чайка, прапорщики Абрамков и Атаев. В связи с вышеизложенным требую аннулировать фальшивые рапорты и отменить наложенные взыскания.

И. Огурцов

[май-июнь 1976]

ПИСЬМО ИЗ КОНЦЛАГЕРЯ

В начале 1977 года в преддверии Белградского совещания представителей стран-участниц Заключительного совещания по миру и безопасности в Европе передовой отряд войск МВД, то бишь администрация лагерей и тюрем, в частности, администрация нашей политзоны для особо опасных государственных преступников, как бы в пику мировому общественному мнению, начала новый этап беспрецедентного террора и грубейших провокаций, словно бы поставив себе целью за наименьший срок перебрать весь арсенал физического и психологического давления на политзаключенных. Трудно понять деяния администрации, если не связывать их с неким общим течением внутренней политики Советского Союза. Последние аресты членов комитета по правам человека в Москве, террор в политических лагерях, ясно показывают, что правительство Советского Союза намерено так или иначе расправиться с инакомыслящими в своей стране и сделать это перед Белградским совещанием, и лишний раз доказать этим, что не позволит никакому общественному мнению или международной организации или кому бы то ни было вмешиваться в свои внутренние дела, какими бы они ни были. Выиграв, по сути, Заключительный акт в Хельсинках, Советский Союз стремится свести встречу в Белграде вничью. Советские газеты радостно смакуют каждый ничтожный случай нарушения прав человека на Западе, одновременно давая понять, что неплохо бы было вообще отставить при встрече в Белграде взаимные обвинения, чего-то там конструктивно решать. Обычный демагогический прием, рассчитанный на неподготовленную аудиторию.

Администрация лагеря ИТК-1, угрожая мне физической расправой, вынуждает меня обратиться с нижеследующим заявлением во все правительственные органы Советского Союза, а также в ООН — комитет по правам человека, в Комитет по наблюдению за исполнением «3-й корзины» Хельсинкского соглашения, к мировой общественности, к центральным комитетам компартий западных стран: Англии, Франции, Италии, США, Китая, к Всемирному совету церквей, ко всем гражданам православного вероисповедания — моим братьям по вере.

В лагерях и тюрьмах Советского Союза начинаются сталинские времена. Только что выпущенный Исправительно-трудовой

кодекс полностью потерял свое значение как закон, а действительную силу приобрели многочисленные инструкции и приказы по Министерству внутренних дел СССР, явно противоречащие даже тому несовершенному исправительно-трудовому закону, который был вымучен из недр советской юстиции и опубликован в 1969 году. Администрация утверждает, что все, что не оговаривает ИТК — запрещено или оставлено на решение местной власти, а все права з/к, что ИТК оговаривает, — перечеркнуты инструкциями и приказами по МВД СССР.

В предисловии к комментариям Основ исправительно-трудового законодательства говорится: «...Таким образом, уже в 20-30-ых годах деятельность органов советского государства, исполнявших уголовное наказание, имела законодательную основу. После этого, однако, исправительно-трудовые кодексы союзных республик постепенно утрачивали свое значение, и к началу 50-х годов фактически не применялись. Вместо кодексов деятельность учреждений, исполнявших наказание, стала регулироваться ведомственными нормативными актами-инструкциями, издававшимися в рамках НКВД-МВД СССР». Далее в предисловии красноречиво говорится о последующем укреплении социалистической законности. Теперь я покажу постатейно, какие статьи НПС — касающиеся вообще прав з/к — перечеркнуты соответствующими приказами по МВД СССР или абсолютно не выполняются. Номера приказов и инструкций я чаще всего не знаю, но знаю их примерное содержание, ибо администрация в необходимых случаях на них ссылается.

Ст. 1. Задачи советского исправительно-трудового законодательства. ...Исполнение наказания не имеет целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства.

Достаточно сказать, что такие обязанности з/к, как: ношение нагрудных собачьих табличек, обязанность вставать при появлении администрации, снимать шапку, унижающие многообразные каждодневные личные обыски, карцерные режимы, пониженная норма питания и общее голодное питание, безрезультатность любых жалоб на администрацию — полностью опровергает содержание этой статьи, не говоря уже о ежедневном, длящемся годами нарушении администрацией любых законов и даже приказов.

Ст. 7. Основные средства исправления и перевоспитания осужденного, «...причиняя осужденному неудобства, лишения и даже СТРАДАНИЯ, ~~предназначенных~~ осужденных, заставляют за-

думаться над своим поведением в будущем». Комментарии излишни.

Ст. 8. Правовое положение лиц, отбывающих наказание. «...Осужденные к лишению свободы не пользуются правами и не несут обязанности только тогда, когда это прямо запрещено». Администрация же прямо, четко и ясно утверждает, что все неоговоренное законом запрещено.

Ст. 10. Прокурорский надзор. (Как правило, осуществляется лицами, ранее работавшими в администрации лагеря).

Ст. 13. Раздельное содержание осужденных. Три категории осужденных, подлежащих раздельному содержанию, у нас содержатся совместно: уголовники, из которых вербуются убийцы и провокаторы, лица, которым смертная казнь заменена 15 годами лишения свободы и полит. заключенные.

Ст. 19. Основные требования режима. «Предъявление к осужденным требований выполнения обязанностей, не основанных на законодательстве, является нарушением законности». Такие нарушения администрация допускает постоянно.

Например: в комментариях сказано: «Нельзя считать обязанностью осужденных активное участие в проводимых администрацией политико-массовых мероприятий, посещение политзанятий». Долгое время администрация буквально терроризировала з/к, принуждая посещать политзанятия. Еще записано: «В порядке дисциплинарного взыскания з/к из помещений камерного типа могут быть переведены в одиночные камеры, где также устанавливается режим, предусмотренный для содержания осужденных в тюрьмах на строгом режиме». У нас режим в одиночках во много раз жестче, чем на строгом режиме в тюрьме.

Ст. 21. Особенности режима в тюрьмах. Закон допускает в необходимых случаях возможность содержания отдельных осужденных не в общих камерах, а в одиночных камерах. Эти случаи в законе не указываются, поэтому заранее определить их невозможно». Я лично только и знаю случаи, когда з/к шли на преступления, на страдания, чтобы только уйти из камеры, куда их намеренно бросала администрация с целью провоцирования, избивания и угродных ей з/к или даже возможного убийства.

Ст. 22. Изменение условий содержания лиц осужденных... «во время отбывания наказания...» Эта статья нас касается больше в смысле ухудшения нашего положения.

Ст. 23. Приобретение осужденным продуктов питания и предметов первой необходимости. Сумма 4 рубля в месяц, продукты — как правило, те, которые невозможно употреблять в пищу. Администрация весьма активно к тому же пользуется лишением этого права, а иногда и вовсе просто так без всякой достаточной причины не разрешает з/к закупать продукты по несколько месяцев.

«...Осужденные не лишены возможности расходовать деньги на приобретение товаров через магазины «Посылторга» ...разрешается приобретать без ограничений литературу через книготорговую сеть». Здесь администрация поступает тоньше — высланные однажды книжные бандероли и посылки возвращаются обратно и, естественно, магазин более по этому адресу и фамилии никаких книг не высылает. Из других источников книги получать запрещено. В библиотеке книг нет. Не считать же литературой антирелигиозную пропаганду.

Ст. 24. Свидание осужденного к лишению свободы с родственниками и иными лицами. Одна из самых позорных статей ИТК. Нам положено одно длительное и одно краткое свидание в год, которых по обыкновению администрация может лишить и лишает, и это при наших обычных сроках 10-15 лет. Например: я за семь лет второго срока всего пять раз видел свою жену и мать. Что бы сказал на это г-н Луис Корвалан, если бы к нему применили советский ИТК, не говоря уж об обычной практике лишений всего положенного за любой, чаще мнимый, проступок.

Ст. 25. Получение осужденными посылок и передач. Статья вступает в действие лишь по отбытии осужденным половины срока. Для меня она вступает в действие с декабря 1977 года. До этого времени ни посылки, ни передачи мне не положены. Вряд ли я буду их получать и после того, так как лишить з/к посылки легче легкого. Вообще — смешная статья. Например: г-н Луис Корвалан жаловался, что в застенках фашистской хунты тюремщики срывали этикетки с советских товаров, которые он и его товарищи постоянно получали из Советского Союза. Я бы отдал своим тюремщикам даже и упаковку со всех посылок, но увы, никаких посылок у меня нет, не поступают они.

Ст. 26. Переписка лиц, осужденных к лишению свободы.

Любое письмо заключенного, а также к нему может быть безоговорочно конфисковано без объяснения причины конфискации. Письмо может просто не дойти до адресата. Жалобы и заявления,

при всей их безрезультатности, почти никогда не отправляются в гарантированный срок. Некоторые жалобы и заявления просто не отправляются. Например, у меня во время обыска нашли черновик отнюдь не спрятанной жалобы, адресованной в ЦК КПСС. В моей жалобе не содержалось ни оскорбительных выражений, ни сквернословия. Это была жалоба на действия администрации. Жалоба была у меня изъята, а за попытку написать ее я был посажен на 2 месяца в одиночку. После одиночной камеры я сразу попал в больницу. Вес мой был при этом 55 кг при росте 185 см. Голодные шрамы у меня еще остались. После этого практически ни на какие мои жалобы и заявления я не получаю ни малейшего отклика.

Ст. 27. Труд лиц, лишенных свободы. Нам, полит. з/к, на участке предоставляется работа с вредными условиями труда, но никаких льгот, положенных нам по закону — нет. «...Степень и характер психофизической способности осужденных к труду определяются медицинскими комиссиями, которые при решении данного вопроса принимают во внимание состояние здоровья и возраст осужденных и т. п.» В политзоне № 19 привлекают к принудительному труду теперь и инвалидов II-й группы. Если человек спорит по этому поводу с администрацией, то инвалидность ему медкомиссия снимает. Как было, например, с житовцем Симу-тисом Людок.

Ст. 28. Условия труда лиц, лишенных свободы. Данная статья по отношению к нам нарушается полностью. По этому поводу я и остальные з/к неоднократно писали жалобы и заявления, голодали, но ничего не добились.

Ст. 29. Оплата труда лиц, лишенных свободы. 50 % из заработанного з/к идет на содержание администрации ИТК, а также всей системы МВД. Более унижительной для человеческого достоинства практики выдумать невозможно.

Ст. 36. Материально-бытовое обеспечение лиц, лишенных свободы. Ничто, входящее в содержание данной статьи, не соблюдается. Нормы питания весьма относительны. Продукты, используемые для приготовления пищи, чаще всего те, что есть на спецбазах лагерей, а не то, что нам положены, и совершенно некачественны. Способ приготовления их еще хуже, часто одни продукты заменяются другими. Как правило, более калорийные — менее калорийными (приказ № 115: маргарин заменяет сливочное масло грамм на грамм).

Ст. 37. Медицинское обслуживание лиц, лишенных свободы. Исходя из моего собственного опыта, я заявляю, что медицинское обслуживание в системе лагерей отсутствует. Я заболел здесь следующими болезнями: хроническим конъюнктивитом, хроническим бронхитом, хроническим холециститом, гастритом, артритом правого коленного сустава, хроническим левосторонним очаговым нефритом. Никакого лечения я не имел. Самое большее — мне ставили диагноз. Медицинское обслуживание полностью в руках администрации, которая может по своему усмотрению разрешать врачам оказывать медицинскую помощь или нет. Пример: будучи в одиночной камере, я заболел. Врачи требовали отправить меня в больницу для обследования, но администрация задерживала меня до тех пор, пока я не отбыл полностью одиночного заключения.

Ст. 39. Меры безопасности и основания применения оружия. Цитата: «К лицам, лишенным свободы, если они оказывают физическое сопротивление работникам исправительно-трудовых учреждений, проявляют буйство или совершают другие насильственные действия, допускаются в целях предотвращения причинения ими вреда окружающим или самим себе, применение наручников либо смирительной рубашки». Далее комментатор говорит: «...закон разрешает применение мер безопасности к осужденным, действия которых грозят причинением вреда исправительно-трудовому учреждению, жизни и здоровью представителей администрации и самих осужденных... Наручники одевают на запястья рук... Меры безопасности применяются при строго определенных обстоятельствах, указанных в законе...» На самом деле меры безопасности, в частности, наручники по установившейся практике применяют весьма произвольно и чаще всего в виде наказания. Например, человек стучит в дверь, вызывая кого-нибудь из администрации, — наручники. Мне наручники надевали при насильственном кормлении во время голодовки, хотя надевать их никакой нужды не было. Наручники мне, как правило, замыкали не на запястье, на что они рассчитаны, а где-то возле локтя, а потом длительное время искали ключ, чтобы их разомкнуть, а затем столько же времени замыкали. Когда я заметил дежурному офицеру, что наручники по закону надеваются на запястья, он мне издевательски ответил, что «у нас запястья до самого плеча». Насколько я знаю случаи применения наручников, их всегда надевают на 20-25 см выше запястья. З/к теряют сознание от адской боли. У меня лично руки не работали трое суток.

Далее: «Применение оружия. Закон запрещает применение оружия при побеге женщин и несовершеннолетних». Зачем тогда, спрашивается, политзаключенные женщины охраняются солдатами с автоматами Калашникова и этапируют политзаключенных женщин, как и нас — мужчин, вооруженный до зубов конвой, да еще с собаками. За убийство солдатом з/к ему дается отпуск и другие поощрения.

Есть инструкция, запрещающая литературу старых изданий, запрещающая получать каким угодно законным способом литературу иностранных издательств, иметь и получать религиозную литературу.

Вообще, по любому поводу, стоит нам, з/к, только сослаться на закон — сразу же администрация ссылается на приказ или инструкцию, закон уничтожающую, а то и просто самым наглым образом игнорирует любые законы.

Ту малейшую часть правды, которую я изложил, я понял и перетащил сам на себе за весь свой общий десятилетний стаж в этих проклятых местах. В мой первый срок я сидел и в ШИЗО, и 6 месяцев на камерном режиме, и был переведен в закрытую тюрьму г. Владимира. Также ~~и в этот срок я~~ испытал на себе всю гамму издевательств и наказаний, призванных сломить человека духовно и убить физически. Но я пока жив ~~и не сломлен~~ и теперь уже в который раз КГБ и администрация используют все, на что они способны, чтобы достичь своей цели: забить меня, заморить голодом, разлучить меня с моей семьей, унижить меня. В последние месяцы я был лишен права приобретения продуктов питания, лишен очередного свидания. ~~Последние три месяца~~ (январь, февраль, март) мне вообще без всякого объявленного взыскания, по причине, меня не касающейся и специально администрацией подстроенной, не дают закупить в тюремном магазине не только продукты, но и предметы первой необходимости — мыло, зубной порошок, махорку. Меня постоянно терроризируют применением физического насилия — наручников, хотя я отнюдь не буйствую, не угрожаю жизни ~~и здоровью~~ окружающих. Меня оскорбляют. Администрация создала группу уголовников, ~~которые~~ неоднократно грозили политзаключенным убийством, оскорбляли и которых администрация, взяв под свою защиту, время от времени насылает на нас, устраивая «случайные» встречи для провоцирования драк и убийств. О каких правах человека и уважении достоинства человека может идти речь?

Прочитую советскую прессу.

Из заявления Компартии Чили: «...Жизнь Луиса Корвалана находилась в опасности. ...Хунта хотела сгноить его в тюрьме». Посмотрим, что же это за тюрьма, в которой так долго (сколько месяцев?) гноили Л. Корвалана.

Цитирую Л. Корвалана: «Спасибо за солидарность. Большую часть времени, которое мне довелось провести в концлагерях, я имел счастливую возможность слушать московское радио... В мире после варварских злодеяний гитлеровских орд не было таких чудовищных преступлений, какие совершаются ныне на чилийской земле... С того самого момента, когда я был сослан на остров Досон, я получал посылки... Их получали и другие политзаключенные. Мы знали, что они приходят из Советского Союза, хотя тюремщики по приказанию своего начальства передавали советские товары и, в частности, сигареты без упаковки.

Отношение к инакомыслящим и, в частности, к политзаключенным, является ярким доказательством справедливости всякого общественного устройства. Мне трудно представить такую тюрьму, где не морят голодом, не терроризируют, не оскорбляют, не провоцируют з/к на каждом шагу, дают возможность видеться с родными и близкими, слушать какое бы там ни было радио. Не московское, разумеется. Мне трудно представить такую тюрьму, ибо я в таких не был.

Далее из советских газет: «В Москве 10 декабря состоялось собрание общественности столицы, посвященное Дню прав человека. Вступительным словом его открыл председатель ВЦСПС А. И. Шибяев. Доклад сделал министр юстиции СССР В. И. Теребилов. «Советский Союз строго выполняет все, что провозглашено во Всеобщей Декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 года Генеральной Ассамблеей ООН. Однако во многих капиталистических странах, — продолжал Теребилов, — попираются права человека, осуществляются репрессии против демократического, антивоенного движения, расправы над прогрессивными деятелями».

Правительство Советского Союза, вопреки нормам международного права и несмотря на признание судом политической подоплеку наших деяний, не признает нас политзаключенными. Последствия этого таковы: бесчеловечный и унижающий человеческое достоинство режим содержания — я писал это в заявлении на голодовку в годовщину Дня советского политзаключенного 30 октября. Теперь я иногда думаю, что может оно и хорошо, что не признает: с чего это я взял, что если советское правитель-

ство признает нас политзаключенными, режим будет более гуманным. Никаких оснований для подобных мыслей нет. Может быть, нас, политзаключенных, сразу же расстреляют после признания или иначе замучают. Мне вот, недавно старший оперуполномоченный ИТК-1 говорил, что, мол, конечно, это его частное мнение, но он бы нас всех расстрелял. «Подумаешь, каких-то там двадцать человек». Он-то сказал, другие молчат, но думают так же. Вот наша администрация.

Я прошу всех заинтересованных лиц, компетентные международные организации обсудить вопрос о создании комиссии по расследованию положения в лагерях и тюрьмах Советского Союза. Создать Международный трибунал и судить заочно всех виновных в издевательствах над заключенными, нравственном и физическом терроре, провокациях и убийствах политзаключенных.

На всякий случай, я прошу всех, кто знает меня и сочувствует моей судьбе, позаботиться о моей семье, если я погибну. Прошу всех христиан в мире помолиться о спасении моей души.

Юрий Федоров

Мордовия

Учр. и/я ЖХ 385/1-6

(Особый режим)

Всероссийская Мемуарная Библиотека

Наш век отмечен для России сплошным планомерным уничтожением свидетельств и живых свидетелей. Но и он же отличается от предыдущих сплошной грамотностью. Оттого люди многопережившие и в пожилые годы с досугом имеют возможность изложить на бумаге многое из своих воспоминаний, особенно то, что представляет общественный интерес или познавательный смысл для потомков. Самые «простые» жизни в наше бурное время прикоснулись к чему-то неповторимому, несут в себе важный осколок истории, иногда только этот один человек; но не записав пережитого, не сообщив одноземцам — унесут в беспмятность. Однако большая часть таких воспоминаний обычно не пишется — из неверия в свои силы, из неясности цели. Большая часть уже написанных не принимается в печать по своему обилию и потому что не достигает литературного уровня.

Русский Общественный Фонд, основанный мною три года назад, одной из целей своих ставит собирание всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) — надёжного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время — перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Библиотеку, сгусток народной памяти и опыта.

Эта Библиотека уже создаётся и принимает в себя присылаемые материалы — короткие (2-3 страницы) или пространные (до 1000 и больше страниц), любым образом написанные, также и не на русском языке, при любом уровне грамотности — но содержащие материал из жизни нашего народа в XX веке. Воспоминания могут быть отрывочны; могут включать, и это ценно, собственные взгляды, выводы, объяснения авторов, а также (с

пояснениями) фотографии упоминаемых лиц, мест и самого автора, в описываемое время или ныне. Среди принимаемых материалов: — и письма частных лиц предреволюционного и послереволюционного времени.

Все принятые рукописи Библиотека ставит на учёт, аннотирует, составляет к ним указатели по описываемым годам, географическим местам, событиям, лицам — историческим и рядовым, сферам и направлениям жизни. Затем все эти указания размещаются по соответствующим каталогам, и таким образом каждая рукопись оставляет след в разных каталогах, а будущий исследователь новейшей русской истории сможет двигаться систематически по избранной области, как бы выслушивая авторов, уже и умерших, открывая нелживую историю в этих неоценимых свидетельствах.

Все воспоминания о революциях и гражданской войне, присланные мне эмигрантами старшего поколения, я, после благодарного ознакомления, передал на хранение в Мемуарную Библиотеку. Но за пределами нашей родины ещё многочисленнее живёт эмиграция Вторая, с огромным опытом жизни в первое советское 25-летие (тёмные для истории 20-е и 30-е годы, коллективизация, преследования всех видов), с опытом советско-германской войны, так называемого «народного ополчения» (почти нигде не отражённая жестокая эпопея!), жизни на территории, занятой немцами, в ост'овских лагерях, в армейских частях, с горьким опытом беженства и послевоенного неустройства в западных зонах при угрозе выдачи НКВД. Весь этот опыт почти неизвестен остальному населению нашей страны и будет представлять величайший интерес — чем позже, тем больше.

Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать такие воспоминания и присылать их — чтобы горе наше не ушло вместе с ними бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее.

По желанию авторов их истинные имена могут быть вовсе не названы (и сам автор может прислать рукопись под псевдони-

мом, лишь указав, что имя — не подлинное), либо сохранены в тайне до указанного ими срока.

Мемуары с наибольшей плотностью материала и самого общего интереса будут Всероссийской Мемуарной Библиотекой со временем публиковаться (разумеется, только с согласия автора).

Все рукописи приглашаю посылать по адресу:

Alexander Solzhenitsyn

В. М. Б.

Post Office Box 1446

Boston, Mass. 02101

USA

Независимо от Библиотеки, но по этому же адресу (вместо В.М.Б. указать: «Русское Хранение»), — Русский Общественный Фонд принимает в долгосрочное хранение любые материалы и архивы, относящиеся к русской истории XX века. При том же благоприятном времени, когда у нас на родине не будет более преследоваться память о нашей истории, — всё «Русское Хранение» будет передано в хранилища на территории нашей страны, соответственно теме каждого материала.

Александр Солженицын

Сентябрь 1977

Уважаемый Редактор и Редакционная Коллегия!

Ваш журнал не раз давал место полемическому материалу, но никогда на его страницах не появлялось ничего подобного статье некоего «И. А.» — «Богословие или Опасное Суесловие» (Вестник № 121).

Прежде всего, удивляет безосновательная критика этим г-ном Вашего журнала, тем не менее, не помешавшая его статье появиться в печати.

Он осуждает Вас за «земную линию» в освещении церковных и духовных «предметов» и находит необходимым для «Вестника» перейти на освещение их с «небесных позиций». А, между тем, сам он не стесняется в выражении своих мыслей опускаться почти до самой преисподней...

Во-вторых, приходится удивляться желчному языку критики этого г-на, скрывшегося за инициалами, против лица, названного полным именем, хотя и мало известного за рубежом. Как это объяснить?

Я знаком с некоторыми из статей проф. Н. А. Заболотского и не нахожу в них «пафоса псевдоучености». Что же касается «нестандартного построения фраз», то о каком стандарте «И. А.» говорит? Проф. Заболотский волен писать своим собственным стилем, и этого права от него никто не может отнять.

Диссертация проф. Заболотского на соискание степени магистра богословия, защищенная им 17 сентября 1919 г., отличается весьма солидной научной разработкой темы: «Кафоличность — проблема экуменизма» (более 500 страниц печати) и заслуживает большого внимания. Для этой диссертации проф. Заболотский использовал материалы на разных языках, причем некоторые книги им переведены были целиком.

Проф. Заболотский несомненно выдвигается на одно из передовых мест среди современных русских православных богословов. Никакой опасности нет в способности проф. Заболотского «артистически», т. е. художественно, высказывать свои мысли. Но сказать, что у него «фраза, как правило, мутная, скользкая, неопределенная, часто многомысленная, а потому бессмысленная», значит просто и без всякого повода бросить комок грязи в его лицо. Это совсем недостойно человека, требующего «освещать предметы с небесной высоты...»

Утверждение проф. Заболотского о том, что христиане призваны быть «сорботниками Богу» во всех перечисленных критиком аспектах, не расходится с учением Церкви, провозглашенным еще св. ап. Павлом (1 Кор. 3:9). Применять такие недостойные выражения, как «профессор заврался...» или «проф. З. имеет ум лукавый и совесть прокаженную...» и, наконец, обвинить его в «предательстве Церкви» и считать статьи его «лживым, еретическим, предательским материалом» — уж слишком нагло и бездоказательно.

Но более всего огорчает то, что такой солидный и, казалось бы, беспартийный журнал, как «Вестник», позволил всему этому мусору появиться в печати.

А для самого критика получается по пословице: «Камень, брошенный в стоящего высоко, упадет на голову того, кто его бросил».

Др. Григорий И. Ясиницкий
Сан Франциско, Калифорния

1 сентября 1977 г.

Пишу Вам по причине упрека, который направлен мне разными читателями «Вестника». «Вестник» упрекают в том, что он не возразил хотя бы маленькой заметкой против клеветы на старую Россию. Ссылаются при этом на стр. 183 в 119 номере журнала. В этом номере помещено продолжение «Краткого трактата по советологии» А. Безансона. Автор трактата упрекает Российскую империю в том, что она была непревзойденным мастером в искусстве лгать.

«Вестник» распространяется в России, где подлинной истории не знают и где могут понять, что и «Вестник» разделяет мнение Безансона о том, что действительно существовала «традиционная русская ложь».

Я ничего не могу возразить против анализа, данного Безансоном советской действительности. Но, что касается прошлого России, Безансон находится под влиянием Кюстина, Мишле и прочих «клеветников России», против которых выступали наши поэты XIX в. И потому мне тоже кажется, что со стороны редакции «Вестника» по этому вопросу очень желательна оговорка.

Протопр. А. Князев

Париж

Комментарий Редакции

Отсутствие оговорки при напечатании трактата А. Безансона Редакция признает своей оплошностью. Перенимать поспешные суждения Мишле, навязанные польскими эмигрантами, и строить на них параллель между царской Россией и теперешним строем — неосновательно.

V общий съезд Р.С.Х.Д. в Клермоне*

В Клермоне от 12 до 18 сентября состоялся пятый годичный съезд Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом.

Каждый такой съезд является не только этапом в жизни Движения, но и смотром сил, определением задач, подлежащих разрешению, показателем роста и значимости Движения.

И в этом общее впечатление от съезда может быть очень правильно охарактеризовано словами В. В. Зеньковского: «Движение гораздо сложнее тех слов, которые мы говорим. Не понимая себя до конца, мы знаем только, что Движение является драгоценнейшим фактом нашей жизни и не оно принадлежит нам, а мы ему принадлежим...»

Что это значит?

Это значит, что — часто помимо сознания отдельных людей — исторические события, протекающие перед нашими глазами, привели всех, кто чувствует себя в Церкви, к ответственному положению на арене мировой истории.

Кризис дореволюционной культуры, великие гонения на Православие, отделение Церкви от государства, то, что именуется концом Константиновского периода, — все это властно выдвигает перед церковным народом вопрос об его ответственности за судьбу Православия, за судьбу оцерковления, — христианизации, — культуры.

И как бы Движение ни чувствовало себя слабым и неподготовленным, на его плечи падает великая задача принять участие в этой христианизации культуры, великая ответственность в свободном выборе путей и методов работы.

Такое сознание первоначально может внушить страх и чрезмерное утверждение своей беспомощности и слабости. В самом

* В 1927 г. Русское Студенческое Христианское Движение имело 600 членов, из которых половина числилась студентами. Кружки Движения действовали почти во всех европейских странах.

деле, кто мы? Небольшая группа эмигрантской молодежи, лишенная родных корней, лишенная возможности применять свои силы во внешнем мире. Ничто в пределе человеческих возможностей не способствует утверждению нашей уверенности.

Вселенские задачи стоят сейчас перед Православием. Об этом свидетельствуют ответственные встречи с представителями иных христианских исповеданий: Лозанская конференция, конференция англо-русская и намеченная для будущего года русско-австрийская, перспективы, которые открываются в Америке, обязательства перед Балканскими народами.

Поистине, жизнь подкидывает Движению, как одной из ячек русского церковного народа, непосильные задачи.

И надо отметить какое-то спокойное смирение, какую-то вдумчивую суровость, с которыми съезд выслушал доклады о путях, стоящих перед Движением. Очень много трезвости и деловитости.

Помимо идеологических вопросов, волновавших съезд, были два вопроса, вызвавшие очень бурные прения. Это вопрос о Белградском братстве и запрос представителя загребского кружка. Большинство речей, произнесенных по этому поводу, было проникнуто любовью и стремлением понять чужую точку зрения и терпеливо разъяснить ошибки и недоразумения, возникшие в Сербии в отношении Движения.

Кроме того, в чисто организационном отношении съезд проделал большую работу. Он принял устав, по-новому оформляющий деятельность Движения.

Дух единства, господствовавший на Съезде, созидался, главным образом, общим участием в ежедневных богослужениях и завершался общим причастием в последний день Съезда.

Но думается, что на путях христианизации жизни никто ни в какую, даже самую благоприятную эпоху не мог бы надеяться на свои человеческие силы, потому что эта задача всегда непосильна одним человеческим стараниям.

В конце концов от нас требуется нечто, что человеческим силам доступно: это предельная воля к христианскому деланию, предельная отдача своих слабых сил ему и ничем не смущаемая вера, что Христос посреди двух или трех собравшихся во имя Его. Для такой веры не может быть препятствий. Она даст нужный энтузиазм, она просветит наши трудные будни и поддержит сомневающихся в себе и слабых.

Идеологическая часть работы съезда нашла выражение в докладах: о. С. Булгакова — Рост церковного самосознания — А. В. Карташева — Грядущая Россия, И. А. Лаговского — Россия сегодняшнего дня, о. Л. Липеровского — об Америке, А. И. Никитина — Балканский вопрос. Несмотря на различие тем, затронутых в них, было нечто общее, чем они все объединялись. Они были объединены тою странною радостью предчувствий, о которой говорил И. Лаговский. Начиная свой доклад, о. Сергей сказал, что ему хочется повторить текст пророка Исаии: «Утешайте, утешайте народ мой».

Но эта «странная радость предчувствий», эта возможность утешать, — сочеталась с великим ощущением ответственности за наш завтрашний день, которой также проникнуты все доклады. А. В. Карташев говорил о том, что на нас «надвигается апостольская ответственность за судьбы Христианства», о. С. Булгаков характеризовал наше время как время выхода из исторической детской, время, когда нам надлежит поднять на себя сладостное бремя свободы и ответственности — этот величайший дар Божественной любви человеку.

РЕЧЬ В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО

Перед каждым из нас стоит вопрос о трудности общецерковного положения. Эта сложность делает каждый наш шаг ответственным и определяет известную вдумчивую осторожность при принятии каких-либо решений. Главное, что должно быть несомненным для Движения, — это правильность его пути к Церкви вместе со всем церковным народом, вместе с возвращающейся к Церкви русской интеллигенцией.

Наряду со сложностью общецерковного положения перед нами встает и другая трудность — трудность участвовать в обще-русском процессе, трудность даже просто правильно учитывать его.

А вместе с тем, нам ясно, что наши задачи не исчерпываются только обслуживанием религиозных нужд Движения, — перед нами стоят более широкие задачи, соответствующие нашему религиозному воодушевлению.

Что же касается наших отношений к Церкви, нам надо твердо усвоить, что мы должны быть всегда на страже церковных нужд, но никогда не можем быть судьями в церковных вопросах.

Годичные съезды, ставя перед нами новые вопросы, всегда дают ощущение быстроты темпа жизни. И это ощущение подчеркивает необходимость заново осознать себя единством.

Мы все чувствуем, как в недрах нашей психологии создается новый русский человек. Мы все учитываем разнообразные влияния, которые воспринимаются нами от столкновения с различными типами западной культуры. И усваивая духовное влияние других стран, мы также сознаем и ответственность за наше влияние на их духовную жизнь. В этом отношении англо-русская конференция и встреча Движения с представителями католической австрийской молодежи были для нас не только поучительны, но и в высшей степени ответственны.

Кроме того, жизнь заставила нас вести педагогическую работу среди русских детей и юношества и как бы возложила на нас ответственность за сохранение среди молодого поколения заветов Православия. Эта работа началась уже в истекшем году, видимо, очень разовьется в будущее время и уже получила некоторое оформление в работе Религиозно-Педагогического Совещания, только что закончившегося в Париже.

Наконец, перед нами стоит подготовка к работе в необъятной России. И в этом отношении перед нами лежит широкая дорога. Надо только понять, что все испытания и трудности, лежащие на этой дороге, требуют от нас в первую очередь самого большого напряжения личной духовной жизни. Тут — на этом трудном пути — возможны различные соблазны и срывы. Тут возможны различные болезненные проявления. Но надо думать, что все они будут болезнями роста.

Нам надо принять разнообразие религиозных типов, проявляющихся в русском народе. Нам надо усилить зрение любви, потому что истинный ключ к России, — это зрение любви. Мы не имеем права выдумывать несуществующую страну, некую волшебную Инонию, но мы должны быть внимательны и любовны к реальной России. Само собой разумеется, что эта внимательность и любовь не уничтожает у нас обязанности иметь свою точку зрения на все происходящее в России и желать осуществления в ней нашего православного идеала. Мы должны подходить к России под углом идеи Святой Руси. И мы должны помнить, что нам предстоит послужить религиозному ее обновлению.

*
**

РЕЧЬ о. С. БУЛГАКОВА

Рост Церковного сознания

Несмотря на многообразные трудности, стоящие сейчас перед церковным народом, общие мысли о положении вещей в отношении церковного сознания должны быть утешительными. И хочется повторить слова пророка Исаии: «Утешайте, утешайте народ мой». Это не значит, конечно, что можно устранить испытания Иова, вставшие на нашем пути, или рассеять испуганность, которая овладела многими. Но нам надо понять смысл испытаний и найти возможность служить этому смыслу. Если же мы будем стремиться понять сокровенный смысл всего происходящего, то утешительность его станет для нас несомненной. Пусть многое мы переживаем с болью, — всегда болит дерево жизни, и особенно во время критических моментов своего роста.

Духовное существо наше многообразно и многопокровно. Каждый из нас чувствует эти покровы, — национальную стихию, государственную, культурно-историческую. И вот ныне эти покровы надорваны. Мы переживаем трудный кризис, а может быть, обретение нового исторического пути. И наше естественное человеческое сознание страшится этого кризиса, страшится ответственности. Нельзя определять этот страх лишь как стремление огородиться от трудных вопросов жизни и добиться некоторого духовного комфорта. Скорее в нем сказывается естественное влечение к детству, которое дорого для всех нас. Оно дано нам Богом — святое детство. Только в нем есть непосредственная обращенность к Богу. И поэтому сказано: «Если не сделаетесь как дети, не войдете в Царство Небесное». Но очень часто эта непосредственная детскость подменяется привязанностью к детскому возрасту. Привлекает его безответственность и беззаботность. И стремясь, не в меру своего возраста, остаться в этом состоянии, человек впадает в то, что психологами называется инфантилизм. От этого состояния предостерегает нас апостол Павел, говоря: «Не будьте дети умом, — на злое будьте младенцы».

При выходе из детского возраста человеку надо подъять на себя сладостное иго свободы и ответственности — величайший дар Бога творению. Дар свободного выбора между добром и злом был дан Богом и ангелам и человеку. На основе свободы было совершено Адамом первое грехопадение. Свобода — один из краеугольных камней отношения нашего к Богу.

И ныне наши исторические судьбы ищут своего определения через наш дар свободы. В этом общий и благой смысл всего процесса.

Великое Российское Государство в союзе с Церковью было нашей исторической детской. С этим мы срослись, и все это рухнуло в одну ночь и продолжает разрушаться повторными ударами.

Прервалась целая историческая эпоха. Константиновская эпоха Православной Церкви. Нарастают новые отношения между Церковью и государством. Ранее союз Церкви с государством давал Церкви в руки государственный меч. Ныне мы должны по-прежнему хотеть, чтобы государство христианизировалось. И утверждение аполитизма Церкви не есть отказ ее от влияния на дела государства, а только отказ от прежних методов влияния.

Утверждая, что Константиновская эпоха окончилась, мы не станем ее осуждать. Надо глубоко чтить ее, как законную, хотя и временную: она окончилась, а Церковь будет жить и после, и будет влиять и освящать, но иными методами.

И недаром Церковь именует Константина равноапостольным Царем. Заслуга его заключалась в том, что он принес и положил государство у ног Церкви. Это было тогда для Церкви единственно спасительным.

Может быть, Россия еще увидит частичное восстановление старых форм, но вопрос в том, надо ли нам как церковным людям стремиться к восстановлению этих форм или же нам надлежит идти путем духовной борьбы с неприемлемыми для нас началами Государства-зверя.

Задача христианского государства решительно стоит перед нами. На Московском соборе в отделе о взаимоотношении Церкви и Государства было признано, что Церковь призвана влиять на жизнь государства. Таким образом, постепенно проникаясь духом Церкви, государство становится Церковью. Эмпирически эта задача, конечно, невыполнима, потому что в истории мы всегда наблюдаем борьбу Христа и антихриста. Но для нас неизбежны внутренние усилия к осуществлению такой задачи.

На наших глазах одновременно с катастрофой русской государственности произошла и катастрофа России. Идеалы русского народа помутнели. Допустим, что это только временная болезнь. Но результатом ее является потрясение и в нашем чувстве святой Руси.

Православие зовет нас к созиданию св. Руси, хотя и ни в коем случае не утверждает ее как догмат.

Раньше Москва и Россия казались нам средоточием и вершиной христианской жизни. Потом, когда разразилась катастрофа, Святая Русь перестала для нас быть неким сладостным фактом, как например, Сергиевская Лавра или Оптина Пустынь, а чем-то нереальным, потонувшим градом Китежом.

Но мы знаем, что любовь дает ясновидение и волю. Мы переходим от видимых фактов и данностей к творящей и движущей их силе.

Святая Русь не вне нас, но мы сами — святая Русь, поскольку мы ее в себе утверждаем. Это утверждение не должно казаться горделивым. Оно подобно тому, как мы себя утверждаем пребывающими в Церкви и самою Церковью. Энтузиазм о святой Руси есть святой святых нашего национального самосознания. Это не энтузиазм натурального патриотизма, а конкретная связь с душой Русского народа. Такой мы ее знаем и такой мы ее утверждаем более решительно, чем когда-либо, вопреки внешней катастрофе.

Но нас постигает и катастрофа церковно-иерархическая. В предшествующий период в церковном сознании царь был, в известном смысле, каноническим главой Церкви. Это было не злоупотреблением, а одной из особенностей Константиновского периода. Царь стоял во главе административного строя Церкви, был ее «внешний епископ» — особый священный сан. Несмотря на длительность Константиновского периода необходимо признать, что этот царский сан не был неустранимым из Церкви, быв лишь историческим средством. Теперь Церковь лишилась опоры царской руки и государственного меча, и в ней стало явно то, что не имеет природы вечного. Обнаружилось это теперь, а существовало уже давно. Давно родилось живоцерковство: Духовная школа давала не только Филаретов, но и Чернышевских. И не то беда, что многие, кончавшие семинарии, уходили от Церкви, а беда, что многие, склонные уйти, — оставались. Это вышло в разрушительных настроениях части клира, сначала низшего, а затем и высшего с 1917 года. Это же привело и к живой церкви. И церковный раскол был бы еще жестче и трагичнее, если бы ~~он~~ не была явлена величайшая милость Божия, — если бы у нас не было собора, избравшего Патриарха. Ведь даже при этом условии церковная жизнь протекает трудно.

Самый тяжелый крест русских иерархов, теперь есть нравственная попытка ответственности, — как надо поступить во благо

Церкви. Можно спорить о том, как действует митрополит Сергей, но трудно сомневаться, что он страдает от бремени ответственности больше, чем соловецкие узники. Известно, что и священномученик митрополит Вениамин сначала проявлял колебания и сомневался относительно направления своего церковного пути: стремиться ли ему возможно оградить церковный народ от гонений или пойти этим гонениям навстречу.

Каков смысл переживаемой церковной катастрофы?

В церковную распрю втянуты все. Повиновение церковной власти стало вопросом совести каждого. На наших плечах лежит самая большая тяжесть, испытание христианской свободы — высшего дара Божественной любви.

Человеку свойственно стремиться освободить себя от ответственности. В этом заключается психологический корень папизма. Но и наше стремление к внешнему авторитету делает из нас часто папистов без папы. Хотя и в папизме остается свобода изначального решения в самом моменте приятия папы. Надо остерегаться этого своеобразного внутреннего папизма в Православии.

Многое в судьбе Православия определяется тем, что оно не имеет внешнего авторитета, в отношении к которому возможно прямое подчинение или восстание. Этим объясняется, что у нас не могло быть реформации. Еретический аризм не может быть в Православии так разрушителен, как в Католичестве.

Средневековый папизм заслонил путь к небу, и протестантизм искал помимо папы личной встречи с Христом.

В Православии личная непосредственная обращенность каждого члена Церкви ко Христу не встречает препятствия внешнего авторитета.

Наше время характеризуется наличием еретических, догматических искушений и соблазнов. Однако в наличии догматического брожения современности есть утешение потому, что «подобает ересям быть, да явятся искуснейшие». Сокровища истинной веры не подушка для нашего ленивого разума, их надо усвоить, приобретать и через наш личный опыт. Вера во Христа не математическая аксиома, а жизненно искомая действительность. И догматы — не мертвый капитал, а непрестанно раскрывающаяся вечная духовная сила, которая приближается к нашему сознанию то той, то иной стороной. История догматов, — не церковное благополучие и порядок, а наличие многих ересей и догматических столкновений и более всего это приходится сказать об эпохе Вселенских Соборов. В борениях испытывается вера.

Начало новейшего периода догматического брожения можно приурочить к 911-912 годам, т. е. ко времени, когда на Афоне началась борьба за учение об имени Божиим. Это брожение не представляет из себя ничего опасного — оно не выходит за пределы христианской догматики. Главное же условие, избавляющее от легкого соблазна, — это незлобие и мир в сердце.

Теперь мы брошены в мир инославия и духовно срослись с нашими инославными друзьями. Несомненно, что наша встреча с англиканством и со всеми инославными исповеданиями на Лозаннской конференции ставит перед нами задачи не только апологетического характера. Создается новое, как бы прицерковное с ним общение.

Как примирить его с тем, что церковные каноны не разрешают нам молитвенного и личного общения с инославными?

Думается, что наше отношение к инославным должно определиться в зависимости от их активности в отношении к Церкви. Если по существу они стремятся к единству во Христе, то в таком случае запрещение канонов к ним не относится. Опыт встречи с инославными дает подлинное ощущение единения во Христе и веяния Духа Святого. Из этого не следует, конечно, что мы должны быть интерконфессиональны. Но широта любви, заключенная в Православии, дает место совместной любви ко Христу и с инославными.

Итак, можно сказать, что и наше трудное время заключает в себе много утешительного. Утешение его в том, что все происходящее имеет благодатный смысл и таит в себе новые творческие задачи. Каждая трудность всегда содержит в себе свою особую задачу, которую нам ставит Бог. Надо ориентироваться с присутствием духа и с рассудительностью. Надо отдавать себе ясный отчет в том, что мы вступаем в новую полосу церковно-исторического сознания, и во многом приходится иначе ориентироваться, чем десять лет тому назад, и только так мы можем найти себя. Надо понять, что все разнообразные исторические события, все же только оболочка, душа — а не дух. И все происходящее происходит с нами, а не в нас. То, что с нами, — меняется, что в нас — неизменно. Православие являет всегда различные облики святости. И Иоанн Златоуст, и Исаак Сирин, и Тихон Задонский, и Алексей-Митрополит являются светильниками той же Православной Церкви. И если мы поймем, что различные духовные облики равнозаконны в Православии, то в этом сознании найдем исход из расплывления и индивидуализма, потому что при

всем разнообразию духовных путей, все они не выходят из общего русла Православия, все остаются в пределах Церкви.

И учитывая то, что наша эпоха стоит под знаком особенной личной ответственности и свободы, мы должны сознавать, что эта свобода опирается на соборность, на единение в любви и смирении. Смирение всегда есть несокрушимая скала. Оно дает нам видеть себя в своем грехе и в немощи.

И все происходящее, давая нам сознание необходимости свободы и ответственности, рождает также необходимость соборной любви. Даже в нашем малом собрании есть это ощущение соборности. Оно скрепляется молитвой. Так же соборной любовью строится Церковь. Так должна строиться Россия. Должно быть сознание, что для этого строения Христос нас собирает, Он ведет нас к святой Руси.

Соборность не есть конституционная форма жизни Церкви. Она — постоянно осуществляемая сила подвига и любви во Христе. И, таким образом, всякое соборование является победой над нелюбовью.

БЕЛГРАДСКИЙ ВОПРОС

В. В. Зеньковский доводит до сведения съезда всю историю выхода группы членов Белградского Братства имени св. Серафима из Движения. Он утверждает, что в этом деле несомненно были ошибки с обеих сторон. Все последние годы у Белградцев было настроенное отношение к Движению из-за отсутствия в его названии слова «православное» и из-за связи с инославными организациями. Они всегда настаивали на оформлении нашей связи с иерархами. Но в этом отношении надо отметить, что церковные события последнего времени подтвердили правильность позиции Движения как чисто мирянской организации.

Нам ясно, что церковная смута не должна распространяться на Движение. Движение в целом не может иметь суждения по этому вопросу, а отдельные кружки обладают полной свободой выбора своих духовных руководителей.

Между тем январский акт Церковного Собора имел для белградцев решающее значение для создания трещины между нами. Особенно возмутила белградцев статья Н. А. Бердяева о церковной смуте, и они ультимативно потребовали от нас удаления его из Движения. Между тем, в Биервиле Бердяев был выбран

только в совещательный орган Движения, он не вождь его, и Движение не ответственно за его личные выступления. Кроме того, ни секретариат, ни бюро не могли иметь суждения по этому вопросу, так как Бердяев был выбран Съездом.

Уже при поездке И. А. Лаговского в Белград, братство заявило ему о выходе из состава Движения. Тем не менее секретариат пригласил братство на съезд.

Тогда белградцы запросили Синод, возможно ли им молитвенное общение с нами, и получили указание, что такое общение невозможно.

Конечно, мы должны были бы после этого все же спросить их, считают ли они возможным молиться с нами. Но сам факт запроса закрыл возможность духовного общения с нами. И мы им написали письмо, отклоняющее их участие в работах съезда, потому что для нас в съездах молитва имеет центральное значение, и невозможность совместной молитвы уничтожает возможность совместной работы. Неприглашение на общий съезд отнюдь не означало «исключения» белградской группы из состава Движения. Печально отметить, что со стороны белградцев обнаружилось стремление на съезд только для того, чтобы подорвать его работу и внести смуту в наше Движение.

В последующих прениях говорилось, что Движение несет ответственность любви за белградцев, и что наш долг больше за них молиться.

Вопрос о статье Н. А. Бердяева также подвергся всестороннему обсуждению съезда. Некоторые члены съезда предлагали вынести неодобрение способу полемики в статье, причем сделать это в общем виде, не указывая лиц. Говорилось, что резкость статьи Бердяева отличает ее от всего, что исходит от митрополии владыки Евлогия. Отмечалась разница духовных типов поколений: в то время, как младшее поколение полно благоговения к иерархам, старшее страдает известным критицизмом. С другой стороны, старшее поколение гораздо ревнивее к истине и не страдает известной теплотой и половинчатостью младшего поколения. Отмечалось, что как бы ни была резка статья Бердяева, она не грешит ложью и клеветой.

Переходя к вопросу о том, выносить ли Съезду какую-либо резолюцию о статье Бердяева, многие указывали, что всякое суждение о съезде таит в себе опасность установления какой-то новой цензуры и ограничения свободы религиозно-философского творчества. Протестовать против статьи могут отдельные лица, с ней не согласные, но не Съезд в целом.

Закончился Съезд торжественной Литургией в воскресенье 18-го сентября, заключительное собрание, радостное и бодрое, выявило то духовное единение и желание служения общему делу, которое выковалось за эти дни молитвы и трудов.

Вечером того же дня все делегаты покинули Клермон, ставший теперь таким родным членам Р. С. Х. Движения.

Е. Скобцова

(в будущем мать Мария)

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ SOMMAIRE

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
От редакции: К 60-летию русской революции — Н. Струве	3
От читателей: Письмо читателя — А. Солженицын	6
БОГОСЛОВИЕ	
Мысли о духовной жизни — свящ. А. Ильин	10
По поводу созыва “Великого Собора Православной Церкви” — Арх. Иустин	16
Таинство единства — прот. А. Шмеман	29
Русский епископат и церковная реформа (1905 г.) — И. Мейендорф	45
Вступление в Церковь — прот. Н. Афанасьев	59
■ В мире книг	
О книге А. Краснова-Левитина “Лихие годы” — еп. Александр (Се- менов Тяг Шанский)	79
■ Христианство и иудаизм	
Два завета — Зинаида Гиппиус	82
По поводу отклика на интервью (ответ И. Шафаревичу) — прот. А. Мень	89
ФИЛОСОФИЯ	
Величие Маркса — Морис Клавель	92
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Новый Жюль Верн (поэма) — Иосиф Бродский	97
Из записок Зыбина — Юрий Домбровский	104
Памяти В. Набокова — Зинаида Шаховская	126
Истребление тиранов — В. Набоков	134
Розанов человек — Д. Дарский	139
На чтении г.г. Бердяева и Тернавцева — В. Розанов	159
Неизданные страницы — В. Розанов	163

	стр.
ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ	
Интервью с художником В. Д. Линицким	166
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Истоки духовного возрождения	
Мать Евдокия (некролог) — Н. Струве	179
Воспоминания об о. Сергии Щукине — Игуменья Евдокия	185
Современные думы — свящ. Сергей Щукин	195
■ 60 лет сопротивления насилию	
Борьба за Церковь	
Свобода совести или государственный атеизм? — свящ. М. Лебедев	216
Обращение к предстоятелям и епископам христианских церквей	223
Обращение членов Комитета защиты прав верующих в СССР	225
Пресс-конференция по поводу статей в “Литературной газете”	229
Отклики на статью в “Литературной газете”	239
Положение религии в республиках СССР	248
Борьба за права и достоинство человека	
Интервью “Вестнику РХД” — Е. Вагин	252
В измене не повинен (Слово в защиту Игоря Огурцова)	263
Заявление начальнику лагеря 35 — И. Огурцов	272
Письмо из концлагеря — Юрий Федоров	274
Всероссийская мемуарная библиотека — А. Солженицын	283
Письма читателей	286
■ Р.С.Х.Д. 50 лет назад	
V общий съезд Р.С.Х.Д. в Клермоне	289

SOMMAIRE

	Pages
A nos lecteurs : Pour le 60e anniversaire de la Révolution (N. Struve)	3
De nos lecteurs : Lettre d'A. Soljénitsyne	6
 THEOLOGIE	
De la vie spirituelle — P. A. Iljine (URSS)	10
Vers un Concile Panorthodoxe — Archim. Justin (Yougoslavie)	16
Le sacrement de l'Unité — P. A. Schmemman (USA)	29
L'épiscopat russe et la réforme de l'Eglise (1905) — P. Jean Meyendorff (USA)	45
L'entrée dans l'Eglise — P. N. Afanassiev	59
■ Le monde des livres	
A. Krasnov-Lévitine : Années d'épreuve — Mgr Alexandre (Semenoff)	79
■ Christianisme et judaïsme	
Les deux testaments — Zénaïde Guippius	82
Réponse à I. Chafarévitch — Rév. A. Men (URSS)	89
 PHILOSOPHIE	
Marx est grand — Maurice Clavel	92
 LITTERATURE ET VIE	
Un nouveau Jules Verne (poème) — Joseph Brodski (USA)	97
Les carnets de Zybine — Iou. Dombrovski (URSS)	104
In memoriam V. Nabokov — Zénaïde Schakhovskoï (Paris)	126
Anéantissement des tyrans —	134
Rozanov : l'homme — D. Darsky	139
A propos des conférences de Berdiaev et de Ternavtsev — V. Rozanov	159
Pages inédites — V. Rozanov	163

	Pages
 L'ART ET LA VIE	
Interview du peintre V. Linitsky	166
 LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
■ Aux sources de la renaissance religieuse	
In memoriam Mère Eudoxie — N. Struve	179
Souvenirs sur le P. Serge Stchoukine — Mère Eudoxie	185
Pensées contemporaines — P. Serge Stchoukine	195
■ 60 ans de résistance à la violence	
La lutte pour l'Eglise	
Témoignage du P. M. Lebedev (URSS)	216
Appels du Comité pour la défense des droits des croyants	223
Conférence de presse à propos des articles de la « Gazette litté- raire »	229
La situation religieuse en Géorgie et en Lithuanie	248
La lutte pour les droits et la dignité de l'homme	
Interview d'E. Vaguine	252
Non coupable de trahison (pour la défense d'I. Ogourtsov)	263
Lettre au commandant du camp 35 — I. Ogourtsov	272
Lettre du camp — Iou. Fédorov	274
Archives d'histoire de la Russie contemporaine — A. Soljénitsyne	283
Lettres des lecteurs	286
L'A.C.E.R. il y a 50 ans	289

Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 033 74 46 et 033 43 81

БОГОСЛОВИЕ

	ф. фр.
Библия (учебное изд. с паралл. местами, толкователем, Симфонией, библиографией и картами), изд. "Жизнь с Богом" 1973, средний формат	140,—
еп. ВЕНИАМИН (Милов) — Литургическое богословие (чтения), стр. 344, 1977	53,—
Дмитрий ДУДКО — Воскресные собеседования (Поучения на воскресные дни), 112 стр. 1977	28,—
Книга правил святых Апостолов, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отцов (в 2-х томах), 1974	55,—
МАКАРИЙ митрополит Московский и Коломенский — История Русской Церкви (в 12-ти томах), с изд. СПб 1883, 1969	1850,—
Слова преподобного Симеона Нового Богослова (в переводе еп. Феофана), с изд. М-ва 1890-92 (в 2-х томах)	470,—
Слово жизни — Сборник богослужебных песнопений и чтений для мирян, с изд. 1929, 166 стр. 1977	15,—
Жития Русских Святых — 1000 лет русской святости (сост. монахиня Таисия, Покровская обитель, Bussy-en-Othe 519 стр.	75,—
Христос — жизнь наша — Книга для чтения в семье и школе (сост. Е. Н. Сумароков), переиздание, 104 стр.	40,—

ПЛАСТИНКИ

	ф. фр.
Хор Сергиевского Подворья при Богословском Институте в Париже под управлением М. Осоргина — Монастырское песнопение	40,—
Хор П. Спасского — Рождественские песнопения и Коляды ..	35,—
Финское православное церковное песнопение — Хор под управл. архиеп. Павла, пение на церк.-слав. и на финском языках	35,—
Великопостные песнопения — Служба Погребения, Великий Пяток: Хор православного собора в Лондоне, под управлением о. Михаила Фортунатто	35,—

НОВИНКИ ЗАРУБЕЖНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

	ф. фр.
АХМАТОВА А. — Стихи, переписка, воспоминания, иконография (сост. Э. Проффер), 50 фотографий и интервью с В. Горенко на англ. языке. 136 стр. 1977	21,—
БРОДСКИЙ И. — Конец прекрасной эпохи (стихи 1964-1971), 114 стр.	21,—
БРОДСКИЙ И. — Часть речи (стихи 1972-1976), 113 стр.	21,—
Неизданный Булгаков — Тексты и материалы (Документы, Отрывки из воспоминаний, Булгаков и МХАТ, Пьеса "Багум"), ред. Э. Проффер, 213 стр.	27,—
БУЛГАКОВ М. — Ранняя неизданная проза (сост. Ф. Левин), 215 стр.	55,—
"Устами Буниных" — Дневники И. А. и В. Н. Буниных (и др. архивные материалы под ред. М. Грин): Т. I — До перелома и Одесса, 366 стр.	84,—
Владимирская тюрьма — Сборник статей и документов (сост. В. Буковский), 105 стр.	25,—
ГИЛЯРОВ-ПЛАТОНОВ Н. Из пережитого (автобиографические воспоминания), с изд. М-ва 1886, 347 стр.	168,—
КОПЕЛЕВ ЛЕВ — Вера в слово (Выступления и письма 1962-1976), 80 стр.	17,—
ЛУНИН М. — Сочинения и письма декабриста М. Лунина 175 стр.	
Международное слушание Сахарова в Копенгагене (выступления 24-х свидетелей о преследовании инакомыслящих в СССР), портреты, биографии, иллюстрации, 436 стр.	55,—
МИНСКИЙ Н. — Стихотворения (с изд. СПб 1887), 246 стр. ...	23,—
Письма А. Ремизова и В. Брюсова к О. Манделунгу (сост. П. Альберг-Енсен и П. Меллер), 80 стр.	50,—
РОЗАНОВ В. — Люди лунного света (Метафизика христианства), с изд. СПб 1911, 199 стр.	115,—
Русская эмиграция в Европе — Сводный каталог периодических изданий: Т. 1 — 1855-1940 (сост. Т. Осоргина), 340 стр. Т. 2 — 1940-1970 (сост. А. М. Волкова) 139 стр.	180,— 40,—
Сборник документов ответственной группы содействия выполнению Хельсинских соглашений — выпуск 1-ый, 89 стр. выпуск 2-ой, 137 стр.	28,— 28,—
Скорбь земли родной — Сборник статей 1919 г. (Л. Андреев, Е. Чириков, А. Куприн, И. Бунин, А. Н. Толстой, А. Яблоновский), с изд. Нью-Йорк 1920, 62 стр.	22,—
ТУРЧИН В. — Инерция страха, 296 стр.	55,—
ШРАГИН Б. — Противостояние духа, 317 стр.	59,—
ЭТКИНД Е. — Записки незаговорщика, 486 стр.	65,—

ДЕНЬГИ ПРОСИМ ПОСЫЛАТЬ ТОЛЬКО ПО ПОЛУЧЕНИИ НАШЕЙ ФАНТУРЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ"

Проза, поэзия, публицистика, литературная критика, философия.
Проблемы России, эмиграции, Израиля.
Выходит с января 1976 года в Тель-Авиве.
Главный редактор — Виктор ПЕРЕЛЬМАН

ЧИТАЙТЕ:

- Артур КЕСТЛЕР "Тьма в полдень", № 1, 2 — впервые на русском языке.
- Виктор НЕКРАСОВ "Персональное дело коммуниста Юфы", № 5 повесть.
- Борис ХАЗАНОВ "Час короля", № 6; "Глухой, неведомой тайгой", № 5; "Страх", "Частная и общественная жизнь начальника станции", № 9; "Новая Россия", № 8.
- Зиновий ЗИНИК "Извещение".
- Авраам ИОШУА "В начале лета — 1970", № 10; "Затяжной хамсин, жена и дочь", № 16 (перевод с иврита).
- Борис ВАХТИН "Ванька-Каин", № 14 — проза ленинградского писателя (Самиздат).
- Марке ХЛАСКО "Обращенный в Яффо", № 11, 12 — повесть (перевод с польского).
- Владимир МАРАМЗИН "Человек, который верил в свое особое назначение", № 15.
- Патер ЭЛИАС "Сущность еврейства", № 5.
- Борис ОРЛОВ "Миф о Фани Каплан", № 2, 3.
- Юрий МАРГОЛИН "Путешествие в страну Зека", № 8; "Сентябрь, 1939", № 13-15 — неопубликованные главы.
- Статьи Андрея СИНЯВСКОГО, Натальи РУБИНШТЕЙН, Майи КАГАНСКОЙ, Ильи РУБИНА, публикации Мартина БУБЕРА, Аркадия БЕЛИНКОВА.
- Стихи Анри ВОЛОХОНСКОГО, Алексея ХВОСТЕНКО, Наума КОРЖАВИНА, Бориса КАМЯНОВА, Лии ВЛАДИМИРОВОЙ и многое другое.
- Журнал продается в Париже: «Les Éditeurs Réunis»
11, rue de la Montagne Ste-Geneviève. 75005 Paris
Цена одного номера 20 фр.
Подписка принимается по адресу редакции:
«Time and We» Nahmani str. 62/9, Tel-Aviv, Israël
Цена годовой подписки 184 фр.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ" - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 12-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ :

« La Pensée Russe », 217, rue du Fg Saint-Honoré, 75008 Paris
Tél. : 824-96-47 ; 766-21-83 ; 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	35	64	116
ЗАГРАНИЦА	39	70	130

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 Paris

Цена отдельного номера 3 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

66-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:
один год — 40 амер. долларов
6 месяцев — 22 амер. долларов
Воскресное издание только:
один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты, с уплатой во франках:
Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

ПОДПИСКА на 1978 г. (4 номера)

- 1** Если в Вашей стране есть представитель ВЕСТНИКА (см. адреса на обложке журнала), то всю переписку и платежи следует направлять в его адрес.
- 2** Если же в Вашей стране нет представителя Вестника, или же Вы желаете получать журнал воздушной почтой, то Вам следует обращаться прямо в контору Вестника, по адресу : « LE MESSENGER »
91, rue Olivier de Serres, 75015 Paris (France)

ЦЕНЫ на 4 номера 1978 года

	Франция и Европа	Другие страны
Подписка с пересылкой обыкновенной почтой.....	100.— Ф. фр.	US \$ 25.—
Подписка с пересылкой воздушной почтой	150.— Ф. фр.	US \$ 35.—
С целью поддержки ...	200.— Ф. фр.	US \$ 50.—

На обороте бланк для ПОДПИСКИ 1978

